КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ИЮЛЬ-АВГУСТЪ

1897 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою Кіевъ, 21 августа 1897 года.

ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ[1].

(1862 годъ).

III. Арендари и плантаторы.

Якъ жиды-рандàри
Вси шляхи козацьки зарандовалы:
Що на одній мыли
Да по тры шинки становылы...
(Изъ народной думы).

Въ городахъ и мѣстечкахъ евреи дѣйствуютъ скопомъ: они сильны тамъ единодушіемъ, солидарностію интересовъ, духомъ корпораціи. Попадись имъ крестьянинъ—они затормошатъ его, затуркаютъ, обдурятъ. Тутъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго. Но какимъ образомъ на селѣ одинъ жидъ-шинкарь ворочаетъ иногда цѣлою громадой—вотъ чему нельзя не удивляться.

На основаніи новыхъ постановленій о продажѣ питей, въ нѣкоторыхъ волостяхъ мировые посредники и священники старались убѣдить народъ завести свои шинки, такъ какъ это дѣло, во первыхъ, весьма прибыльное, а во вторыхъ, меньше будетъ пьянства и разоренія, если не станетъ на селѣ искусителя. Нашлись охотники, выгнали жида-шинкаря и сами открыли продажу питей. И что же? Бочку горилки роспили, а другой купить не на что: ни денегъ, ни водки! И порѣшили крестьяне, что только жиды и могутъ заниматься этимъ грѣшнымъ дѣломъ—имъ, значитъ, и книги въ руки. Но чтобы извлечь хоть

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1897 г., № 6.

какую нибудь выгоду отъ продажи вина, волости уступаютъ свое право открывать шинки за условленную сумму (иногда 200—300 руб.) въ пользу церкви или въ пользу школы. При всемъ томъ евреи не остаются въ убыткѣ. Нѣкоторые оборотливые жидки заводятъ при шинкахъ цѣлыя лавки, съ самыми необходимыми для крестьянъ товарами: солью, рыбой, табакомъ, дегтемъ, колесами и т. п. Торговля идетъ большею частію мѣновая: еврей получаетъ за все хлѣбомъ и дѣлаетъ, разумѣется, отличный оборотъ. Другіе, принаравливаясь къ новому положенію крестьянъ собственниковъ, завели по селамъ настоящіе трактиры. Кромѣ прихожей, гдѣ обыкновенно стоитъ боченокъ съ водкою и съ мѣднымъ краномъ, а на полкѣ разной величины жестяныя кружки,—у иного шинкаря есть особенная комната, съ диваномъ и стульями, есть „печене и варене“—булки, пироги, коржи съ макомъ и неизбѣжная „марината“, т. е. фаршированная *фишъ*, до нельзя пропитанная перцемъ. Такія увеселительныя заведенія съ разными „ласощами“ не въ примѣръ опаснѣе для крестьянъ, чѣмъ простые кабаки, посѣщаемые исключительно отпѣтыми пьяницами, которые мало по малу перетаскиваютъ жиду всю свою худобу. Въ шинокъ же, устроенный на новый манеръ, не побрезгаетъ зайти и порядочный хозяинъ, котораго услужливый шинкарь съумѣетъ принять и угостить на славу.

Недаромъ народная фантазія олицетворяетъ въ образѣ еврея демона-искусителя, который для того, чтобы соблазнить христіанскую душу, принимаетъ человѣческій видъ. Въ одной украинской пѣснѣ говорится, что дидько Мальхемусъ пріѣхалъ въ жидовскую школу и взялъ съ собой Мошку.

А Мальхемусъ приблыжився — хапъ Мошка за пейсы! Этотъ-то самый дидько, вѣроятно, въ селеніи Б. принялъ образъ шинкаря Берка, предъ искушеніями котораго не устоитъ ни одинъ, даже самый воздержный крестьянинъ.

Заведеніе Берка стоитъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ. Вонъ сидитъ онъ на присьбѣ и перекидывается привѣтливыми словами съ идущими и ѣдущими крестьянами. Всѣхъ онъ знаетъ по имени, до каждаго у него есть дѣло; все ему нужно знать: и

куда кто ѣдетъ и откуда и зачѣмъ, и что везетъ, и не думаетъ ли онъ чего продать или купить? Несловоохотливые наши крестьяне обыкновенно отвѣчаютъ ему отрывисто, какъ бы не хотя, а иной, проѣзжая мимо шинка, старается и не смотрѣть въ ту сторону, гдѣ онъ стоитъ, сплюнетъ и поспѣшно поворотитъ цабе—въ переулокъ. Но Берко нисколько не обижается такою невѣжливостію и продолжаетъ подъѣзжать съ своими докучливыми разспросами. Вотъ онъ подстерегъ наконецъ самаго зажиточнаго хозяина и разсыпался передъ нимъ мелкимъ бѣсомъ съ любезностями.

— Здоровы булы, пане Степане! Чомъ вы до мене николы не зайдете? Зайдить бо ну, до моей хаты, я до васъ пильный интѣресъ маю.

Послѣ долгихъ отговорокъ, выражаемыхъ обыкновенно нарочито грубою рѣчью, суровый панъ Степанъ, переступилъ роковой порогъ Беркова жилища.

Вошедши въ шинокъ, онъ остался въ первой *общей* комнатѣ и сѣлъ на лавкѣ, приготовившись слушать, что станетъ говорить Берко. Но шинкарь, сгибаясь подобострастно передъ паномъ Степаномъ, проситъ его въ другую комнату, усаживаетъ на диванъ, ставитъ на столъ графинъ съ настойкой, жаренную рыбу, огурцы и принимаетъ его за рѣдкаго и дорогого гостя. Наливаетъ одну рюмку, наливаетъ и другую—гость пьетъ и закусываетъ, а Берко не перестаетъ увиваться.

— На що мени ти паны? теперъ вы у мене панъ: вамъ ще лучше видъ панивъ, вы нияκого биса не боитесь, вы теперъ сами соби паны!

Слушаетъ панъ Степанъ такія льстивыя рѣчи, да и уши развѣсилъ. Между тѣмъ водка, заправленная какими-то одуряющими кореньями, начинаетъ брать свое:

— Та що мени паны? кричитъ съ азартомъ Степанъ: я самъ соби панъ! Я... я... матери ихъ чортъ! Я и станового не боюсь!

— А такъ, такъ! поддакиваетъ Берко; правду вы кажете, пане Степане, послухайте ну, що я вамъ скажу: на що вы носыте оцю погану свытку? Вамъ тепереньки треба сыній жупанъ

носыть, а не свытку. Ось у мене есть гарный жупанець въ застави, ще зовсимъ новый и зеленый поясъ до його. Помиряйте-ну его—нехай я побачу, якъ винъ до васъ прыстане.

И наряжаетъ Берко глупаго Степана въ жупанъ и ведетъ его къ зеркалу. Смотритъ одураченный гость, „узявшись у боки", на свою фигуру и глазамъ не вѣритъ: панъ на всю губу, тай годи!..

И подружился съ этого дня нашъ честный Степанъ съ нечистою силой и сталъ онъ учащать къ Берку да водить съ собой пріятелей, сперва только по большимъ праздникамъ, потомъ и по воскреснымъ днямъ, а тамъ уже и въ будни не выпросишь его изъ шинку.

Разлакомился Степанъ жидивскими пундыками и не хочетъ ѣсть дома своего простого крестьянскаго обѣда и гримае на жинку, що вона не вмие ничого зробыть по-людьски:

— Отъ якъ у Берка—то й рыба жарена и до хрину и коржи зъ медомъ.

Проходитъ годъ, проходитъ другой. Берко пересталъ уже величать Степана паномъ, пересталъ давать въ долгъ горилку и началъ отзываться о немъ съ презрѣніемъ:

— Ледащо! воно все пропыло!

Послѣ освобожденія крестьянъ, а особенно послѣ неудавшагося мятежа 1863 года, польскіе помѣщики, не привыкшіе хозяйничать при свободномъ трудѣ, погрязши по уши въ долгахъ, не имѣя оборотнаго капитала, а отчасти желая отомстить своимъ прежнимъ хлопамъ за неудачу повстанья и за встрѣченное съ ихъ стороны противодѣйствіе, передали за весьма небольшими исключеніями, свои имѣнія на болѣе или менѣе продолжительные сроки [1]) въ арендное владѣніе евреямъ, однимъ прямо, другимъ подъ чужими именами. Неотдавшіе же имѣній въ

---

[1]) Одинъ изъ промотавшихся помѣщиковъ таращанскаго уѣзда отдалъ свое имѣніе въ аренду еврею на 90 лѣтъ.

аренду предоставили евреямъ всѣ оброчныя статьи и всѣ денежныя дѣла по экономіямъ, касающіяся разсчета съ крестьянами, не желая имѣть съ ними никакого столкновенія. Даже нѣкоторые русскіе землевладѣльцы послѣдовали примѣру поляковъ. Сердце обливается кровію, при взглядѣ на имѣнія, содержимыя евреями въ арендномъ владѣніи! Это образецъ нищеты и крайняго разоренія.

По ученію цадиковъ, каждый благочестивый хассидъ долженъ тщательно избѣгать тяжелыхъ работъ, какими нѣкогда фараоны обременяли народъ божій въ Египтѣ, а какъ воздѣлываніе земли больше всего напоминаетъ о египетскомъ рабствѣ, то всѣ евреи, даже самые бѣдные, предпочитаютъ земледѣлію самую мелкую промышленность, особенно торговую. Евреи, получившіе участки отъ правительства, сами ихъ никогда не обрабатываютъ, предоставляя этотъ египетскій трудъ крестьянамъ.

Всѣ арендаторы-евреи хозяйничаютъ посредствомъ вольнонаемныхъ рабочихъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Не только въ арендуемыхъ имѣніяхъ, но и во всѣхъ другихъ, поставка рабочихъ на заводы сахарные, винокуренные, пивоваренные, кирпичные, лѣсную выдѣлку и проч. всегда находится въ рукахъ евреевъ. Сюда же между прочимъ слѣдуетъ отнести и поставку рабочихъ на Кіево-балтскую желѣзную дорогу: одинъ еврей, не трогаясь съ мѣста, заработалъ въ годъ болѣе тысячи рублей, получивъ съ каждаго рабочаго по 4 рубля въ мѣсяцъ чистаго барыша.

При разсчетѣ съ рабочими—тотъ же пріемъ. И нѣтъ въ свѣтѣ такого обмана, подлога, изворота, къ какому бы не прибѣгали евреи при расплатѣ съ крестьянами. Жалобамъ на обиды и угнетенія іудеевъ нѣсть числа. Иной бѣдняга проработаетъ недѣлю, а мѣсяцъ ходитъ за полученіемъ платы. И гдѣ ему искать защиты, когда зачастую свое же начальство, за одно съ евреями? Въ волость хоть и не ходи: еврей побывалъ тамъ уже давно: и волостного старшину задобрилъ подарками, и старосту угостилъ. Кланяется, кланяется имъ крестьянинъ, а они начнутъ убѣждать его получить отъ еврея половину принадлежности, и за то еще слава Богу! А то

бываетъ и такъ, что ходитъ, ходитъ по начальству, да и махнетъ на все рукой: нехай его дила судять! И пойдетъ скрѣпя сердце, къ другому такому же жиду, который также его обманетъ, какъ и первый.

А безъ евреевъ нѣтъ никакой возможности обойтись нашему бѣдному крестьянину. Что жъ ему дѣлать, когда вездѣ, куда ни сунется, торчитъ еврей?.. Работаетъ ли онъ на заводѣ, на плантаціи, въ лѣсу — къ разсчету является еврей. Выѣдетъ ли на базаръ, повезетъ ли хлѣбъ на мельницу, однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ только коснется дѣло до денегъ, неизбѣжный еврей тутъ, какъ тутъ. Фабрики и капиталы, земля, вода и лѣсъ—все въ рукахъ евреевъ. Ихъ сила, ихъ и право.

Представимъ себѣ хоть такую лигу, какая съ давнихъ поръ существуетъ въ одномъ изъ приднѣпровскихъ уѣздовъ кіевской губерніи. Въ мѣстечкѣ П. живетъ старый іудей Д., у котораго 160 душъ семейства, т. е. сыновей, дочерей, затьевъ, внуковъ и правнуковъ. Нѣкоторые изъ членовъ этой фамиліи ворочаютъ десятками тысячъ и пользуются большимъ почетомъ у сильныхъ міра сего. Главная ихъ сила—деньги. Передъ этимъ идоломъ все преклоняется.

Заводы, мельницы, шинки, поля и лѣса—все находится во владѣніи этой шайки эксплоататоровъ, все всосалъ въ себя этотъ стоглавый полипъ Д—сь. Еврейскій способъ дѣйствій извѣстенъ. Пользуясь неограниченнымъ кредитомъ, глава этого почтеннаго семейства самъ лично не можетъ быть уличенъ ни въ какомъ безчестномъ поступкѣ, но зато, пользуясь его вліяніемъ и могуществомъ, мошенничаютъ его безчисленные кліенты. То одного, то другого выдвинетъ онъ впередъ, возвыситъ ему кредитъ, разширитъ кругъ его дѣятельности, а потомъ смотришь-какой нибудь ничтожный Мошко уже взялъ въ аренду сахарный заводъ. Дѣла его идутъ отлично. Потомъ, прибравши въ руки порядочную сумму денегъ, нашъ арендаторъ начинаетъ, по формальнымъ записямъ, передавать тѣмъ же членамъ многочисленнаго семейства, только другихъ фамилій, запасы сахару, да сверхъ того имъ же надаетъ векселей на значительную сумму и въ концѣ

концовъ торжественно объявляетъ себя несостоятельнымъ. Предъявляются векселя ко взысканію; приступаютъ къ ликвидаціи его имущества, и по справкамъ оказывается, что оно принадлежитъ не ему, а его родственникамъ, которымъ кромѣ того еще слѣдуетъ уплатить по векселямъ, наравнѣ съ другими кредиторами, такъ что отъ продажи имущества, по рѣшенію суда, и они получаютъ копѣйку за рубль и кричатъ громче всѣхъ, что они разорены въ конецъ; на самомъ же дѣлѣ это обманъ. И выходитъ, что одни христіане остаются въ убыткѣ.

За Мошкой на арену выступаетъ другой мошенникъ Сруль. Съ помощію своего благодѣтеля онъ тоже дѣлается арендаторомъ и поступаетъ точно такъ же, какъ и первый. За Срулемъ слѣдуетъ Нухимъ или Хаимъ и т. д. А тамъ смотришь и Мошко уже зашевелился; онъ начинаетъ дѣйствовать сперва тихонько: занимаетъ деньги по довѣренности отца, дѣда, тестя, а тамъ и на собственное имя.

Надобно замѣтить, что у евреевъ никогда не бываетъ торговли вмѣстѣ. Каждый, женившись, отдѣляется отъ отца и братьевъ и ведетъ свои дѣла особнякомъ для того, что если которому изъ нихъ заблагоразсудится обанкротиться, то онъ предварительно передаетъ все свое имущество родственникамъ и затѣмъ уже объявляетъ себя несостоятельнымъ, какъ сдѣлалъ это Мошко.

Господство и преобладаніе евреевъ чувствуютъ не одни крестьяне. Вы переправляетесь, напр., черезъ паромъ. По таксѣ, прибитой тутъ же на столбѣ, съ васъ слѣдуетъ за четверку лошадей 8 коп., а съ васъ требуютъ рубль. Да развѣ можно, спроситъ читатель, среди бѣла дня допустить такой грабежъ? Извольте жаловаться. Отъ парома до квартиры становаго 30 верстъ. Поѣхавъ къ нему съ жалобою, вы издержите не одинъ рубль на дорогу, потеряете время, а успѣхъ отъ вашей поѣздки больше чѣмъ сомнителенъ. По справкамъ непремѣнно окажется, что ваша претензія не основательна, да и свидѣтелей не было, которые бы подъ присягой показали, что съ васъ дѣй-

ствительно взяли рубль. Вы указываете на паромщика-крестьянина, но онъ за чарку горилки покажетъ все, что прикажетъ ему хозяинъ.

Важнѣйшую отрасль сельскаго хозяйства въ нашемъ юго-западномъ краѣ составляютъ свекловичныя плантаціи, а такъ какъ сѣяніе свекловицы даетъ хорошій барышъ, то всѣ почти плантаціи захватили въ свои руки евреи.

У порядочныхъ хозяевъ подъ свекловицу обыкновенно пашутъ лѣтомъ, осенью перепахиваютъ, а весной, опять вспахавши, сѣютъ. У евреевъ же плантаторовъ не такъ: у нихъ рѣдко бываетъ вспахана земля не только лѣтомъ, но даже и осенью, они пашутъ одинъ разъ весной и тутъ же сѣютъ.

Такая работа требуетъ больше рабочаго скота, чѣмъ рабочихъ рукъ; а потому евреи обращаются больше къ мѣстнымъ крестьянамъ. Уговорятся, повидимому, на выгодныхъ условіяхъ для обѣихъ сторонъ; но какъ только дѣло дойдетъ до разсчета, еврейская эксплоатація чужого труда выступитъ наружу во всей своей силѣ. Сторговались по 5 рубл. за десятину, а еврей даетъ только 4 или 3 р. 50 коп. Пойдутъ безконечные споры: крестьянинъ ссылается на условіе, а еврей объясняется, что договорились пахать на пять вершковъ глубины, а пахано на четыре и на три вершка. Крестьяне обращаются въ волостное управленіе, прося защиты, но тамъ уже всѣ задобрены. Ходятъ, ходятъ, да и бросятъ, выругавши на прощанье жида, который не обратитъ на то ни малѣйшаго вниманія.

За посѣвомъ настаетъ пора полотья. Для этого дѣла годятся рабочіе всякаго возраста и пола, начиная съ 11 и 12 лѣтъ. По деревнямъ и селамъ появляются предлинныя повозки, въ родѣ нѣмецкихъ фургоновъ, запряженныя каждая въ четыре лошади. Во главѣ поѣзда еврей и при немъ музыканты съ бубнами скрипками и свистками. Проѣхали по всѣмъ улицамъ села, и поднявши на ноги все населеніе, еврей останавливается передъ корчмою. Народъ сбѣгается со всѣхъ концовъ Начинается вербунка.

Еврей, стоя на фургонѣ, выкрикиваетъ цѣну за рабочій день, обыкновенно вдвое выше существующей въ той мѣстности. Его спрашиваютъ, далеко ли плантація, и узнаютъ, что за 30—40 верстъ отъ села. Многіе не соглашаются. Еврей начинаетъ ихъ уговаривать, что они не пойдутъ пѣшкомъ, а поѣдутъ, что и назадъ ихъ привезутъ.

— А якажъ буде харчъ? спрашиваютъ нѣкоторые. Еврей, разумѣется, пообѣщаетъ имъ и печенаго и варенаго, съ прибавкой доброй порціи водки. Начинаютъ крестьяне между собой совѣтоваться; снова обращаются къ еврею съ разными вопросами, а тотъ имъ все росписываетъ, какъ на ладони, разомъ разрѣшая всѣ ихъ недоумѣнія. При этомъ онъ постоянно ссылается на свидѣтельство возницъ и музыкантовъ, которымъ заранѣе посулилъ за лжесвидѣтельство по три копѣйки съ души. И чего только не наговоритъ довѣрчивымъ крестьянамъ этотъ еврей: и какъ онъ хорошо будетъ кормить людей, и какая отличная у него отпускается порція—„самый шпиртъ!“

Рабѣжались по домамъ дивчата и парни, собрались наскоро въ дорогу, принесли свою одежину и сапы, а музыканты продолжаютъ „наризывать“, молодежь передъ корчмой отплясывать трепака. А наниматель все выкрикиваетъ цѣну заработочей платы, да потчиваетъ водкой стариковъ и старухъ, чтобы ихъ задобрить; а тѣ, соблазнившись хорошей платой, отпускаютъ дѣтей на заработки, а молодежи только того и нужно: тамъ на плантаціи—своя воля, раздолье, тамъ и 12-ти лѣтнія дѣти пьютъ свою порцію, наравнѣ со взрослыми, тамъ заводятся шашни, и гибнетъ безповоротно добрая слава дивчатъ... Все это старики знаютъ, и все таки, скрѣпя сердце, отпускаютъ дѣтей на заработки, потому что работы по близости нѣтъ, а деньги нужны, да и какъ еще нужны!

Фургоны наполнились. Тронулись въ путь. Пѣсни, реготъ, жарты, не устаютъ во все продолженіе пути—развеселая, подумаешь, жизнь—умирать не надо!

Вербовщикъ-еврей, привезши рабочихъ на плантацію, сдаетъ ихъ по счету другому еврею, а самъ исчезаетъ съ глазъ пріѣхавшихъ съ нимъ крестьянъ. Договоръ же съ рабочими, нигдѣ не записанный, никѣмъ не засвидѣтельствованный, съ перваго же

дня поступленія на работу, теряетъ свою силу. Рабочіе, конечно, не знаютъ, что они уже проданы другому іудею, который въ свое время отречется отъ цѣны, объявленной первымъ, и назначитъ имъ такую плату, какую самъ знаетъ.

Начались работы при палящемъ полуденномъ солнцѣ. Еврей кормитъ сначала сносно, потомъ день отъ дня все хуже и хуже, наконецъ невыносимо скверно. Обѣщалъ давать два часа отдыху, а даетъ полтора, потомъ часъ, а тамъ уже стоитъ надъ душой и понукаетъ поскорѣй ѣсть да приниматься за работу. Водку съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разбавляетъ водой и доводитъ ее напослѣдокъ до отвратительнаго полугара.

Такъ проходитъ нѣсколько недѣль. Плантаторъ уже успѣлъ поставить рабочихъ въ безвыходное положеніе: каждому изъ нихъ уже слѣдовало по нѣскольку рублей; тогда онъ начинаетъ кормить протухлымъ хлѣбомъ, кашей пополамъ съ куколемъ и другими ссорными сѣменами. Его ругаютъ, онъ отругивается, а работа между тѣмъ подвигается впередъ, а съ нею растетъ и заработная плата. По воскресеньямъ рабочіе требуютъ денегъ, еврей обѣщаетъ поѣхать въ городъ размѣнять кредитки на мелочь, а возвратится въ понедѣльникъ, когда уже началась работа, и на вопросъ: привезъ ли деньги? отвѣчаетъ—привезъ; но чтобы не тратить рабочаго дня на расплату, совѣтуетъ проработать до слѣдующаго воскресенія, а дождавшись слѣдующаго воскресенья, уѣдетъ еще въ субботу вечеромъ послѣ шабаша и возвратится опять въ понедѣльникъ. Рабочіе окружаютъ его со всѣхъ сторонъ и ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ, а онъ слушаетъ и молчитъ, или представляетъ имъ свои жидовскіе резоны: говоритъ, что ему разсчитать людей все равно, хоть зáразъ, но для нихъ же невыгодно—они потеряютъ рабочій день, а ужъ лучше въ праздникъ. Если же замѣтитъ, что никакіе резоны не дѣйствуютъ и рабочіе готовы дойти до отчаянной выходки, то даетъ имъ по рублю на душу впредь до разсчета, да на томъ и покончитъ. Вымороченныя такимъ образомъ деньги тутъ же и издерживаются рабочими на улучшеніе пищи.

Но по прошествіи мѣсяца, плантаторъ перестаетъ церемониться съ рабочими и открыто объявляетъ всенародно, что

онъ рѣшительно не дастъ ни копѣйки до совершеннаго окончанія полки и прорывки. Рабочіе вопятъ, что имъ нужно домой, бѣлье по крайней мѣрѣ перемѣнить. Еврей даетъ имъ лошадей, развезетъ по домамъ въ праздничный день и опять привезетъ. Рабочіе уже и сами спѣшатъ вернуться во-время, чтобы не пропалъ заработокъ.

Но вотъ окончилась египетская работа полотья. Начинается расплата. Рабочіе считаютъ, что имъ, согласно условію, слѣдуетъ по 40 коп. за каждый день, а еврей говоритъ, „что такой цѣны нигдѣ не даютъ, что онъ съ ними не договаривался, и предлагаетъ по 20 коп. а много по 25, да вдобавокъ къ тому каждый рабочій не досчитывается кто двухъ дней, кто трехъ и болѣе. Жидъ толкуетъ по своему: одному скажетъ, что поздно сталъ на работу, другому, что рано ушелъ съ работы, третьему, что лѣниво работалъ, четвертому еще что нибудь. Его ругаютъ, онъ отругивается, зная напередъ, что бить его не посмѣютъ, подъ опасеніемъ лишиться всего заработка. Если же, къ великому несчастью рабочихъ, гдѣ нибудь и случится грѣхъ, что который нибудь изъ нихъ, выведенный изъ терпѣнія явною неправдою, толкнетъ плантатора, жидъ тотчасъ разсыплетъ два-три рубля мѣди на землю, прикинется убитымъ, и когда рабочіе со страху разбѣгутся, подаетъ жалобу, что его убили и ограбили, что его едва возвратили къ жизни; порветъ на себѣ одежу, поцарапаетъ лицо и размажетъ кровь. Привезутъ доктора, составятъ при понятыхъ медицинское свидѣтельство о побояхъ, угрожавшихъ опасностію жизни, нарядятъ слѣдствіе, предстануть свидѣтели, которые подъ присягою (трефною) покажутъ, что все заявленное побитымъ справедливо. Тогда разбѣжавшіеся рабочіе отцураются и отъ своихъ денегъ, не сознаются даже, что они у этого жида работали. Подобныя исторіи такъ всегда кончаются; это хорошо извѣстно каждому крестьянину, и потому они терпятъ до-нельзя и избѣгаютъ рукопашной расправы, помня свою мудрую пословицу: не зачипай жида, не каляй выда! Хоть рѣдко, а все таки бываютъ такіе случаи, потому что еврей иногда умышленно доведетъ крестьянина до крайняго предѣла раздраженія, и онъ или плюнетъ ему въ очи, или

поколотитъ, а еврею того только и нужно: тогда барышъ для него несомнѣнный. Но предположимъ, что обсчитанные крестьяне, наученные опытомъ, не доведутъ себя до такой крайности, и переговоры окончатся безъ всякаго скандала. Вотъ они начинаютъ искать на немъ удовлетворенія своихъ претензій формальнымъ порядкомъ; заносятъ прежде всего свою жалобу въ волостное управленіе той волости, гдѣ они работали; а еврей подсмѣивается надъ ихъ простотою: онъ уже успѣлъ побывать тамъ прежде ихъ и поговорить съ старшиной, да и добросовѣстныхъ попотчивалъ, а тѣ за кварту горилки готовы осудить родного брата, не только людей чужой волости—съ ними они и разговаривать не станутъ. Не добившись никакого рѣшенія у этихъ судей, крестьяне отправляются въ свое родное село просить защиты у своего начальства. Являются въ волостное управленіе, униженно кланяются своимъ властямъ, но старшина, не давъ имъ выговорить ни одного слова, осыпаетъ крупною бранью и ругательствами, присовокупивши въ заключеніе: такъ вамъ и треба сякіе-такіе!

Дѣло въ томъ, что этотъ самый старшина также насѣялъ бураковъ, частью на вакантныхъ крестьянскихъ поляхъ, частью на помѣщичьей землѣ, предложенной ему даромъ, за особенныя услуги, клонящіяся, конечно, не къ выгодѣ крестьянъ. Съ приближеніемъ поры полотья „старшина объявлялъ крестьянамъ своей волости, чтобы они не отлучались изъ села на заработки „бо й дома буде робота!“. Потомъ, когда на село пріѣхалъ вербовщикъ, онъ опять повторялъ свое приказаніе „не квапыться дуже на жидивськи гроши“. Но увлекшись соблазнительными посулами жида-искусителя, они пошли противъ воли начальства, вслѣдствіе чего, за недостаткомъ лишнихъ рабочихъ рукъ, старшина долженъ былъ заплатить за работу на своихъ плантаціяхъ дороже обыкновеннаго. Теперь, тѣ же самые ослушники пришли къ тому же старшинѣ съ жалобой на еврейскій учотъ. Ясное дѣло, что старшина, пылая гнѣвомъ на своихъ подчиненныхъ, доведшихъ его своевольнымъ поступкомъ до убытка, не могъ отнестись сочувственно къ ихъ тяжкой обидѣ. Куда жъ идти? Помимо волостного управленія крестьяне рѣдко обраща-

ётся съ просьбами къ мировымъ посредникамъ, и почти никогда въ полицію.

Если же случится, что волостной самъ не сѣялъ свекловицы, то былъ прошенъ помѣщикомъ или арендаторомъ его волости не отпускать крестьянъ въ дальнія мѣста; во всякомъ случаѣ онъ недоволенъ крестьянами.

Но пусть интересы волостныхъ властей ни прямо, ни косвенно не пострадали отъ ухода крестьянъ на заработки, пусть старшина приметъ горячо къ сердцу обиду своихъ односельцевъ и начнетъ дѣйствовать въ ихъ пользу,—то все таки съ евреями ничего не подѣлаешь.

Въ одно прекрасное утро, какъ бы совершенно случайно, въ волостное управленіе заходитъ мѣстный шинкарь, предувѣдомленный о дѣлѣ плантаторомъ; заводитъ съ писаремъ посторонній разговоръ, попроситъ между прочимъ его къ себѣ въ гости, узнаетъ отъ него какъ будто бы въ первый разъ о дѣлѣ, отнесется къ нему съ участіемъ, начнетъ нещадно бранить жида-плантатора и проч. Если въ волостномъ управленіи на тотъ разъ случится старшина или староста, и если они, не повѣривъ его искренности, скажутъ ему прямо, что всѣ жиды мошенники, онъ, ослабляясь, начнетъ доказывать, что не всѣ жиды одинаковы, что есть между ними и честные жидки, что по одному мошеннику нельзя судить всѣхъ обо евреяхъ, что этого негодяя слѣдуетъ проучить хорошенько. Слово за слово да и вытянетъ все, что ему нужно. Ему даже прочтутъ прошеніе, приготовленное для отсылки къ мировому, котораго шинкарь знаетъ отлично хорошо, а еще лучше его фактора. Если только онъ замѣтилъ, что плантатору угрожаетъ серьезная опасность, тогда, остановивши подачу прошенія, предложитъ крестьянамъ свое посредничество—покончить дѣло миромъ, и если крестьяне, во избѣжаніе дальнѣйшихъ хлопотъ, довѣрятъ ему переговорить съ плантаторомъ, то онъ съѣздитъ къ нему, выговоритъ себѣ за труды еще нѣсколько процентовъ изъ неполной суммы денегъ, слѣдующихъ крестьянамъ за работу, и, привезши наконецъ деньги, прежде всего удержитъ изъ нихъ всѣ крестьянскіе долги,

числящіеся за ними съ незапамятныхъ временъ, а на остальныя выдастъ водки и еще прослыветъ за то великимъ благодѣтелемъ.

Бываетъ и такъ, что плантаторъ-еврей, не видя никакой возможности выиграть дѣло, т. е. не заплатить денегъ, переуступаетъ свою плантацію другому еврею, а самъ переходитъ въ другое имѣніе, верстъ за 50 и болѣе, въ другой уѣздъ или даже въ другую губернію или просто отправляется по билету въ разныя мѣста россійской имперіи по торговымъ дѣламъ. Ищи его гдѣ хочешь! И пойдетъ безконечная переписка между полиціями разныхъ городовъ; тѣмъ временемъ крестьяне займутся полевыми работами, хлопотать за нихъ некому, а между тѣмъ евреи зорко слѣдятъ за ходомъ переписки, которая большею частію кончается тѣмъ, что дѣло застрянетъ гдѣ нибудь на вѣки вѣчные.

Здѣсь мы пока остановимся. Цѣль настоящаго нашего очерка главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы разоблаченіемъ нѣкоторыхъ фактовъ подтвердить высказанную уже не разъ мысль, что пріобрѣтеніе отъ поляковъ имѣній русскими людьми не достигнетъ желаемыхъ результатовъ, если вновь пріобрѣтенныя имѣнія будутъ отдаваемы въ арендное владѣніе евреямъ.

Въ утѣшеніе свое нерѣдко слышишь слова надежды на лучшее будущее: пусть-де крестьяне наши окрѣпнутъ въ своемъ новомъ положеніи—они сами займутся торговлей, промыслами и проч. Но это пока—pium desiderium нашего края. А пока солнце взойдетъ—роса очи выѣстъ.

IV. Открытіе сельскихъ школъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и судьба Шкаровской школы.

Въ 1861 году сельское духовенство кіевской губерніи показало въ своихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ въ годовыхъ отчетахъ 1029 школъ и въ нихъ учащихся дѣтей 16190 мужескаго и 3355 женскаго пола, а всего 19545.

Какого рода были эти училища и до какой степени были они полезны,—достаточно выяснилось впослѣдствіи, при осмотрѣ школъ инспекторами народныхъ училищъ.

Въ 1862 году, генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ, признавая въ нѣкоторой степени полезность церковно-приходскихъ школъ, въ представленіи своемъ Министру, указывалъ на необходимость открыть въ Ю.-З. краѣ другія, болѣе правильныя училища. Министерство Народнаго Просвѣщенія, по ограниченности своихъ средствъ, на открытіе сельскихъ школъ первоначально ассигновало всего 10 тыс. рублей. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года, инспекторъ казенныхъ училищъ М. А. Туловъ, вмѣстѣ съ чиновникомъ особыхъ порученій генералъ-губернатора Чечуринымъ, началъ свои разъѣзды по кіевской губерніи, и тогда же нѣкоторыми крестьянскими обществами были составлены приговоры на устойство народныхъ училищъ съ пособіемъ отъ казны.

Для приготовленія учителей въ Кіевѣ быстро сформировалась временная педагогическая школа и открыла свои занятія.

Первыя дѣйствія Тулова увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Повидимому, онъ встрѣтилъ общее сочувствіе. Духовенство, разсчитывая на вспомоществованіе отъ Министерства своимъ школамъ, усердно стало помогать Тулову. Самъ митрополитъ благословилъ его начинанія и далъ предписаніе наблюдателямъ церковно-приходскихъ школъ содѣйствовать открытію министерскихъ училищъ.

Прежде всего М. А. Туловъ отправился въ радомысльскій уѣздъ, какъ наиболѣе окатоличенный польскою пропагандой и по совѣщаніи съ священникомъ Гороновскимъ, открылъ три школы: въ Массинѣ, Скуратахъ и Хабномъ. Въ іюлѣ послѣдовало открытіе школъ въ васильковскомъ, таращанскомъ и уманскомъ уѣздахъ. Вездѣ открыватели встрѣчали сочувствіе крестьянъ и помѣщиковъ. Въ васильковскомъ уѣздѣ были открыты училища въ м. Василевѣ, Рокитной, Телешовкѣ и Ромашкахъ; затѣмъ въ Шкаровкѣ и Саливонкахъ; въ каневскомъ уѣздѣ въ с. Потокѣ, Стеблевѣ и въ м. Богуславѣ и Исайкахъ; всего же открыто въ 1862 г. 20 училищъ.

Тотчасъ послѣ открытія первыхъ трехъ школъ М. А. счелъ нужнымъ принять мѣры къ предотвращенію столкновеній, могущихъ возникнуть вслѣдствіе совмѣстнаго существованія двухъ родовъ училищъ. Въ частномъ разговорѣ съ митрополитомъ Арсеніемъ онъ выразилъ мысль о необходимости соединить церковно-приходскія школы съ народными. Владыка одобрилъ эту мысль. На основаніи этой бесѣды, попечитель округа сдѣлалъ формальное предложеніе о сліяніи училищъ, при чемъ законоучителю обѣщано было 50 руб. жалованья. Но отвѣтъ на это „предложеніе", полученный отъ митрополита, уничтожилъ всякую надежду на такое „сліяніе".

Прежде всего Владыка требовалъ, чтобы школы, по сліяніи, назывались церковно-приходскими, якобы „для поддержанія въ народѣ добраго расположенія къ религіозно-нравственному образованію, возбужденнаго духовенствомъ; чтобы учителя этихъ школъ были назначаемы и контролируемы Министерствомъ Народн. Просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ стояли въ непосредственной зависимости отъ епархіальнаго начальства, давая наблюдателямъ (благочиннымъ) повременные отчеты въ направленіи и ходѣ обученія, для донесенія Св. Синоду, а законоучители сравнены были бы въ жалованьи, дабы Законъ Божій, самою степенью вознагражденія трудовъ законоучителя, не былъ въ глазахъ народа униженъ предъ прочими предметами обученія".

Получивъ отъ попечителя уклончивый отвѣтъ на свое „предложеніе", митрополитъ Арсеній предпринялъ путешествіе по епархіи, чтобы самолично внушить сельскому духовенству всѣми мѣрами противиться заведенію министерскихъ школъ. Здѣсь я позволю себѣ небольшое отступленіе отъ начатаго мною очерка открытія школъ и разскажу о пріѣздѣ Владыки въ м. Бѣлую Церковь.

31 іюля 1862 года продолжительный звонъ колоколовъ возвѣстилъ жителямъ о прибытіи Его В—ва въ наше мѣстечко. На сей разъ Владыка почему то не благоволилъ остановиться въ графскомъ палацѣ, а избралъ скромное жилище о. благочиннаго Ромаскевича. На другой день 1 августа было назначено торжественное богослуженіе въ главной церкви, съ во

досвятіемъ на р. Роси. Послѣ обѣдни была произнесена тенденціозная рѣчь, направленная главнымъ образомъ противъ театральности католическихъ обрядовъ. За шумомъ и гамомъ многочисленной толпы народа, содержаніе проповѣди слышали весьма немногіе: митрополитъ говорилъ посреди церкви въ то время, когда выносили хоругви и образа для предстоявшей процессіи и когда народъ устремился къ выходу. Но самый главный слушатель гр. Браницкій, для котораго и предназначено было обличительное слово владыки, стоялъ у самаго аналоя, такъ что онъ могъ не только слушать, но и читать слышанное по лежавшей на аналоѣ тетрадкѣ.

Окончивъ свой богословскій памфлетъ, Владыка произвелъ тутъ же, въ церкви экзаменъ ученикамъ и ученицамъ церковно-приходскихъ школъ. Экзаменъ состоялъ въ чтеніи псалтыря и часловца. Передъ экзаменаторомъ стоялъ благочинный и держалъ книгу, дѣлая свои объясненія по поводу прочитаннаго дѣтьми: если дѣвочка читала бѣгло и толково, онъ говорилъ, что она изъ „нашей школы", если дурно—эту „барыни учили", разумѣя при томъ ежедневную женскую школу, заведенную въ квартирѣ директора гимназіи, между тѣмъ какъ аттестацію о. Ивана слѣдовало понимать наоборотъ, т. е. читавшіе хорошо учились въ ежедневной школѣ, подъ руководствомъ „барынь", а читавшіе худо—принадлежали церковно-приходской школѣ, гдѣ училъ отставной солдатъ, едва самъ умѣвшій читать. Но митрополиту „нужно" было вѣрить такой лжи, для поддержанія во мнѣніи народа авторитета „своихъ школъ", который въ глазахъ крестьянъ сильно началъ падать, особенно со времени открытія настоящихъ народныхъ училищъ. Владыка, какъ умный человѣкъ, безъ сомнѣнія, понималъ отлично, что безграмотный инвалидъ, получавшій всего 20 рублей въ годъ за свои труды, не обладалъ педагогическими способностями въ такой высокой степени, чтобы могъ превзойти въ дѣлѣ обученія дѣтей образованныхъ дамъ, занимавшихся въ ежедневной школѣ, подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ.

— И охота же имъ возиться съ мужичонками! выразился однажды о. Иванъ объ этихъ труженицахъ въ пользу народа.

Отъ іордани митрополитъ былъ приглашенъ нашимъ законоучителемъ Троцкимъ на завтракъ, который впрочемъ стоилъ большого обѣда. Когда подали чуть ли не четвертое кушанье, владыка возгласилъ: „довольно! подавайте поскорѣй шампанское—вѣдь мы еще будемъ обѣдать!“

Часа черезъ два послѣ „завтрака“ состоялся обѣдъ у благочиннаго, куда и я былъ приглашенъ, удостоившись рѣдкой чести не только обѣдать съ митрополитомъ, но и сидѣть за обѣдомъ съ нимъ рядомъ. Обѣдъ былъ приготовленъ на славу, благодаря рѣдкому дару въ кулинарномъ искусствѣ матушки Варвары Васильевны. Владыка кушалъ съ большимъ аппетитомъ, не отказываясь ни отъ единаго блюда.

— Худо быть митрополитомъ! пошутилъ владыка, обращаясь въ мою строну.

— Ну, В. В—во, въ этомъ можно усумниться, отвѣчалъ я.

— Нѣтъ худо: ему всегда приходится пить вино съ пробкою. Не смотря на шутливый тонъ сказаннаго, о. Иванъ чуть не упалъ на мѣстѣ.--Передъ шампанскимъ поданъ былъ портеръ, который, по видимому, очень любилъ владыка. Тутъ въ комнату вошелъ графъ В. Браницкій; ему подали стулъ, и онъ помѣстился подлѣ митрополита. Не смотря на то, что владыка уже успѣлъ два раза пообѣдать, графъ, изъ вѣжливости, пригласилъ его на третій обѣдъ—въ 7 часовъ вечера.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ владыка.

По уходѣ графа подали шампанское. Къ митрополиту съ рюмкой въ рукѣ подошла матушка—высказать свои пожеланія.

— Чего же вамъ пожелать? обратился къ ней владыка: дѣтки у васъ есть?

— Нѣтъ, В. В—ство, два года тому назадъ вы обѣщали помолиться, а ихъ все таки нѣтъ у меня.

— Ну, я въ этомъ не виноватъ! пошутилъ владыка. Вставши изъ-за стола, гости откланялись, а владыка легъ отдохнуть для предстоящаго ему еще обѣда.

Послѣ графскаго обѣда, часовъ въ 9, меня навѣстилъ протоіерей Лебединцевъ, сопровождавшій митрополита по епархіи и дѣлившій съ нимъ обиліе яствъ и питій. У насъ завязался разговоръ о тогдашней злобѣ дня—о школахъ.

Я горячусь и распинаюсь за народное образованіе, а о. Петръ, сидя въ покойномъ креслѣ, молчитъ и слушаетъ. Въ кабинетѣ моемъ горѣла лампа съ абажуромъ, тѣнь отъ котораго закрывала отъ меня лицо гостя, а потому я и не замѣтилъ, что онъ, слушая мою апологію школамъ, заснулъ.

— Петръ Гавриловичъ, да вы спите! хорошъ же я съ своимъ краснорѣчивымъ монологомъ.

— Да, отвѣтилъ онъ мнѣ, вставая, заснули бъ и вы, съѣвши три обѣда!

И онъ былъ совершенно правъ.

По возвращеніи изъ прогулки по епархіи, митрополитъ Арсеній 12 августа разослалъ циркулярно и секретно всѣмъ благочиннымъ кіевской губерніи слѣдующее предписаніе:

„Свѣтская дирекція, подъ предлогомъ основать народныя училища въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не заведены духовенствомъ, стремится и церковно приходскія училища, обзаведенныя усиленными трудами сельскихъ пастырей и поддерживаемыя ихъ послѣдними пожертвованіями, обратить въ народныя училища, подчинивъ и самихъ священниковъ учителямъ сихъ училищъ. Въ предотвращеніе таковыхъ покушеній, столь обидныхъ для духовенства, предписываю секретно сообщить священникамъ, дабы они всячески старались удержать за собою заведенныя ими церковно-приходскія училища, принявъ къ этому слѣдующія мѣры:

1. Мѣстные священники должны проводить понятія въ своемъ приходѣ, что два училища въ одномъ селѣ могутъ обременить крестьянъ излишними издержками и при томъ безъ пользы для ихъ дѣтей; что одного церковно-приходскаго училища достаточно будетъ для обученія грамотѣ поселянъ, тѣмъ болѣе, что религіозно-нравственное воспитаніе гораздо полезнѣе для нихъ, нежели какая нибудь заморская премудрость.

Стараться расположить такъ прихожанъ, дабы они, при встрѣчѣ съ чиновниками, командированными по этому дѣлу, сами

отозвались, что открытіе народнаго училища, при имѣющемся уже церковно-приходскомъ—излишне.

2. Обратить особенное вниманіе на то, дабы какъ можно поскорѣе, по согласію съ прихожанами, составить приговоры или акты на счетъ обезпеченія училищъ со стороны общества и копіи съ оныхъ доставить немедленно ко мнѣ.

3. Если въ какомъ приходѣ, не смотря на всѣ мѣры священника состоится открытіе народнаго училища, то въ такомъ случаѣ ничего не уступать изъ церковно-приходскаго училища: ни помѣщенія, ни книгъ, ни учениковъ—пусть себѣ все вновь обзаводятъ, и церковно-приходское училище должно оставаться въ прежнемъ порядкѣ, подъ опасеніемъ отвѣтственности предъ епархіальнымъ начальствомъ за нарушеніе онаго. Объ открытіи же народнаго училища немедленно доносить.

Во всемъ этомъ духовенство должно поступать осторожно и благоразумно, дѣйствуя большей частію нравственнымъ вліяніемъ на прихожанъ. Самый циркуляръ этотъ содержать въ секретѣ и, расписавшись на ономъ, запечатанный причотниками, пересылать изъ прихода въ приходъ по вашему округу, и когда оный возвратится къ вамъ, то покорнѣйше прошу, безъ замедленія, доставить ко мнѣ.

Получивъ такую грозную ноту Е. В—ства, сельское духовенство накинулось на народныя училища съ единодушіемъ и рвеніемъ, достойными лучшей цѣли. Борьба не обошлась безъ печальныхъ послѣдствій, какъ для народнаго образованія вообще, такъ и для сельскихъ учителей въ частности. По тому всему, что испытала Саливонская школа и ея учитель, можно судить и о томъ, что испытали другія [1]). Но на сей разъ мы ограничимся разсказомъ о судьбѣ Шкаровской школы.

Шкаровское народное училище, не смотря на противодѣйствіе священника, въ первые годы своего существованія, было однакожъ изъ лучшихъ. Учитель Подгородецкій сразу повелъ свое дѣло весьма успѣшно. Не только изъ Шкаровки, но и изъ другихъ селъ, составляющихъ черкасскую волость, крестьяне

---

[1]) См. газету „Трудъ“ за 1882 годъ №№ 53, 55, 59, и 63.

охотно отдавали своихъ дѣтей въ школу, гдѣ они оставались впродолженіе цѣлой недѣли, посѣщая родителей только въ праздникъ.

Школьный домъ, въ которомъ до открытія школы, жилъ графскій лѣсничій, подаренъ Браницкимъ училищу, съ прибавкою съ полдесятины земли для огорода. Находясь невдалекѣ отъ почтоваго тракта и въ трехъ верстахъ отъ м. Бѣлой Церкви, школьный домъ со всѣхъ сторонъ окруженъ лѣсомъ, дающимъ прохладу и тѣнь ученикамъ во время отдыха. Мальчики и дѣвочки, обучавшіеся въ школѣ, имѣли всегда бодрый видъ, учились весьма прилежно и родители были совершенно довольны учителемъ. Навѣщая, по порученію попечителя, эту школу чаще другихъ, я каждый разъ выносилъ изъ нея самое отрадное впечатлѣніе. Прискорбно было только то, что самый важный предметъ ученія—законъ Божій сильно хромалъ, потому что батюшка былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Мизернѣйшее руководство „Начатки христіанскаго ученія“ зазубривалось дѣтьми слово въ слово, безъ малѣйшаго пониманія. Однажды я остановилъ мальчугана, барабанившаго безъ удержу свой „стихъ“ и потребовалъ отъ него объяснить выраженіе: „Давидъ впалъ въ роскошь“.

— Какъ ты думаешь: куда упалъ Давидъ? въ яму, что ли?

— Нѣтъ, отвѣтилъ мальчикъ: у воду!

Такъ шло дѣло обученія въ Шкаровской школѣ нѣсколько лѣтъ. Были, конечно, прижимки и кляузы со стороны старшины, панскаго прихвостня, и священника, но дѣло отъ того мало страдало. Такъ напр., въ іюлѣ 1863 года на гимназическій дворъ привезли женщину, закутанную въ рядно, при слѣдующемъ „репортѣ“.

Г. старшему учителю бѣлоцерковской гимназіи, по завѣдованію Шкаровскимъ народнымъ училищемъ.

Солдатки Маріи Гусименковой—Прошеніе.

Сначала учрежденія въ с. Шкаровкѣ народнаго училища, я, по приглашенію общества, нанялась въ оное училище работницею, гдѣ проживала до настоящаго времени, служила стряпухой, какъ для учащихся тамъ дѣтей, такъ и для учителя

который, имѣвъ со мною любодѣйную связь, нынѣ предвидя, что я уже отъ него забеременѣла и желая затмить, свое преступленіе, началъ безвинно бить меня, угнетать до того что я вынуждена была оставить службу. Послѣ чего пришла вчерашняго числа въ оное училище за забраніемъ моихъ вещей, и учитель, вмѣсто благодарности за услуги, причинилъ мнѣ жестокіе побои до такой степени, что я теперь отправляюсь въ лазаретъ для излѣченія и проч.

Оная солдатка Марья, по засвидѣтельствованію врача, оказалась здоровехонькой и въ становой квартирѣ созналась, что ее подучили попъ и старшина, при чемъ послѣдній на прощанье далъ наставленіе:

— Берись за него (учителя) добре, а я возьмусь ще лучче!

Интересъ же батюшки состоялъ въ томъ, чтобы заставить учителя во чтобы то ни стало жениться на его дочери, на которую тотъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія.

Усиливавшееся годъ отъ году недовѣріе къ отчетамъ сельскихъ священниковъ о числѣ школъ въ кіевской епархіи, высказываемое газетами, побудило митрополита Арсенія продѣлать такую штуку.

Будучи въ Петербургѣ на чредѣ, онъ заявилъ св. Сѵноду о необходимости послать въ кіевскую губернію нарочитаго ревизора для того, чтобы удостовѣриться въ справедливости епархіальныхъ отчетовъ о благосостояніи церковно-приходскихъ школъ. Сѵнодъ согласился на такую мѣру; а такъ какъ Арсеній состоялъ членомъ онаго, то онъ самъ и выбралъ подходящаго ревизора изъ синодальныхъ чиновниковъ, предписавъ въ тоже время всѣмъ благочиннымъ приготовиться къ ревизіи. И приготовились.

Ученики и ученицы, давно уже оставившіе школу и ставшіе уже взрослыми хлопцами и дивчатами, а также всѣ подростки, научившіеся грамотѣ внѣ школъ, были загнаны волостнымъ начальствомъ въ церковныя школы къ пріѣзду ревизора; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перевозили однихъ и тѣхъ же учениковъ изъ одного села въ другое.

Въ Шкаровку прикатила Черкасская попадья и обратилась къ учителю съ такою просьбой: „Пане Подгородецкій! позычте намъ хлопцивъ на три дни—кажуть якійсь то левизоръ йиде до насъ, а якъ пройиде, то мы вамъ ихъ и оддамо!

— Эге, матушка, выбачайте — мени самому хлопци потрибны; бо у мене также свои левизоры. Шукайте соби хлопцивъ въ иншимъ мисти!

Какъ видно бывшій уніатъ, Черкасскій священникъ, не очень сочувствовалъ народному образованію,—школы у него не было и въ заводѣ, не смотря на то, что въ волостномъ домѣ была пространная комната, предназначенная для училища; между тѣмъ въ годичныхъ отчетахъ его школа процвѣтала съ 30 учащимися. И такъ было въ большей части селъ.

Объѣхавши кіевскую епархію, г. ревизоръ донесъ св. Сѵноду, что по части религіозно-нравственнаго воспитанія тамъ все обстоитъ благополучно.

Изъ числа извѣстныхъ мнѣ церковно-приходскихъ училищъ, какъ отрадное исключеніе, въ с. Бирюкахъ существовала настоящая народная школа, для которой стараніями священника Хлебановскаго, выстроенъ прекрасный домикъ, съ квартирой для учителя. Она произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе.

Къ сожалѣнію, школа эта процвѣтала недолго. Учитель семинаристъ, бывшій митрополичій пѣвчій, увлекся смазливой дьячихой. Подвинутый ревностію мужъ изрубилъ въ мелкіе куски брачную перину и перья пустилъ по вѣтру.

— Чимъ мае якійсь тамъ бисъ на тій перини спаты, то лучше я ій порубаю. Нехай нихто не спыть, и я не буду. Не пійду до дому, ляжу на гноищи, аки Іовъ многострадальный, и буду аки левъ рыкаяй, искій поглотыты учителя. Га! не чипай мого болота, бо се мое болото—я въ ему купаюсь!

Такъ „гримавъ на все село“ дьякъ, оставивъ свое опозоренное брачное ложе, и, во избѣжаніе великаго скандала, учитель, по добру по здорову, поспѣшилъ убраться изъ с. Бирюковъ, а ученики разбрелись, какъ овцы, лишенныя пастыря.

Между тѣмъ Шкаровскій батюшка не переставалъ мутить народъ и вооружать волостное начальство противъ личности учителя, обманувшаго его матримоніальные разсчеты.

— Не хочете мене слухать, говорилъ онъ прихожанамъ, то буде вамъ те, що було въ козаччину!

Въ этомъ заключался прозрачный намекъ на 1855 годъ, когда Шкаровцы, выслушавъ въ церкви во время Крымской войны призывъ манифеста къ ополченію и понявъ буквально слова манифеста: „съ вѣрой въ сердцѣ и съ желѣзомъ въ рукѣ“, порѣшили, что царь желаетъ „щобъ була козаччина“—и стали вооружаться. Первымъ выступилъ „съ желѣзомъ въ рукѣ“ коваль и увлекъ за собой все село. Увѣщанія священника не помогли, и самъ онъ долженъ былъ уйти въ Бѣлую Церковь; а тутъ подоспѣлъ съ ротой солдатъ жандармскій полковникъ Бѣлоусовъ и перестрѣлялъ самозванныхъ козаковъ.

Съ этимъ-то прискорбнымъ событіемъ священникъ поставилъ въ параллель заведеніе въ Шкаровкѣ училища, которое по его словамъ неминуемо накличетъ на народъ такое же несчастіе.

Къ сожалѣнію, контры между батюшкой и учителемъ года черезъ три кончились; говорю къ сожалѣнію, потому что П—ій, приставши до компаніи батюшокъ, замѣтно сталъ манкировать своими обязанностями.

— И днюе й ночуе у попа! ропортовали мнѣ крестьяне, при каждомъ моемъ посѣщеніи школы.

Отъ такихъ интимныхъ отношеній до женитьбы—одинъ шагъ, и, женившись, мой П—кій сталъ неузнаваемъ: началъ не въ мѣру пить и буйствовать. Разъ во хмѣлю чуть не зарѣзалъ своей жены; другой разъ, забравшись на косовицу батюшкина сѣнокоса и напившись тамъ до безобразія, вступилъ въ рукопашную съ косарями; затѣмъ, не могши справиться съ цѣлой ихъ ватагой, окровавленный прибѣжалъ въ село и взобравшись на колокольню, среди ночи, сталъ звонить во вся. Поднялась невообразимая тревога; крестьяне, не видя нигдѣ зарева, устремились къ церкви и тутъ только узнали, что пьяный учитель надѣлалъ всей этой кутерьмы.

Понятно, что при такомъ безобразномъ поведеній учителя, школа должна была пасть. Мнѣ предписано было обревизовать школу и разслѣдовать дѣло о буйствѣ учителя. Но не успѣлъ я, по пріѣздѣ изъ Шкаровки, составить отчетъ о своей ревизіи, какъ ко мнѣ заѣхалъ, по пути въ Шкаровку же, посланный туда другой ревизоръ, для той же цѣли, нѣкто П—ко, одинъ изъ „каликъ перехожіихъ“ князя Ширинскаго, избранныхъ имъ для истребленія крамолы въ юго-западномъ краѣ. Я сообщилъ ему о результатахъ своего осмотра и указалъ на тѣ упущенія, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, никакъ не предполагая того, что этотъ человѣкъ способенъ изъ чернаго сдѣлать бѣлое, какъ оказалось впослѣдствіи.

Между тѣмъ П—ій, чуя неминучую бѣду, тотчасъ послѣ моего посѣщенія школы, отправилъ на меня доносъ князю, изобличая меня въ украинофильствѣ и сепаратизмѣ—преступленіе, въ глазахъ Его Сіятельства, равное измѣнѣ Мазепы. Доноситель зналъ отлично, съ чѣмъ подъѣхать къ гонителю украинской народности и всяческихъ *измовъ*.

Во 1-хъ, онъ донесъ, что я заставлялъ его учить дѣтей по малорусскому букварю Шевченка, въ доказательство чего представилъ, какъ самый букварь, такъ и еще двѣ книжицы: „Де що про свитъ Божій“ и „Байки“ Глѣбова, на которыхъ была сдѣлана рукою авторовъ обычная надпись на память такому-то. Брошюрки эти похищены П—кимъ у меня изъ кабинета, въ послѣдній его приходъ ко мнѣ, якобы для оправданія; во 2-хъ, что я приказалъ ему выписать журналъ Основу на 63-й годъ, которой онъ не получилъ за прекращеніемъ ея въ означенный годъ. Наконецъ въ 3-хъ, что я съ крестьянами постоянно объясняюсь по-украински.

Князь разсвирѣпѣлъ. Кляузѣ П—аго онъ тѣмъ болѣе могъ повѣрить, что П—ко ничего предосудительнаго для личности учителя не нашелъ, что неудовольствія между имъ и крестьянами возникли изъ-за какого то клочка земли, прихваченнаго къ училищному огороду.

Когда я разъяснилъ Его Сіятельству это темное дѣло и разсказалъ о подвигахъ П—аго, лицо его изъ красно-синяго

стало просто краснымъ, а выпивши соды, онъ совершенно успокоился и прогналъ учителя, назначивъ на его мѣсто Максима Прокоповича.

Усиленными трудами, умѣньемъ взяться за дѣло и своею симпатичною личностію новый учитель въ одинъ годъ успѣлъ поставить Шкаровскую школу на хорошую ногу. Священникъ сперва относился къ нему съ уваженіемъ; но къ великому несчастію какъ для школы вообще, такъ и для учителя въ особенности, у батюшки оставалась еще одна дочь, некрасивая и перезрѣлая, которую онъ, не взирая на неудавшееся замужество первой, умершей черезъ годъ послѣ свадьбы, задумалъ сбыть съ рукъ, — благо попался смирный и съ виду податливый человѣкъ. Но Прокоповичъ не поддавался: компаніи съ попами не водилъ, хмѣльного не употреблялъ и на поповну не обращалъ вниманія. И вотъ у священника достало совѣсти избавиться отъ такого не подходящаго къ его планамъ человѣка какимъ бы то ни было способомъ.

Въ одно прекрасное утро является онъ ко мнѣ и докладываетъ, что учитель Шкаровской школы сошелъ съ ума.

— Какіе же, спрашиваю, вы замѣтили признаки его сумасшествія?

— Какъ же, говоритъ, я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ взялъ обручъ, поставилъ на него стаканъ съ водой и сталъ крутить его вокругъ головы, а дѣти хохочутъ, смотря на его дурачества. Это соблазнъ, больше ничего.

— А знаете, батюшка, что Проковичъ хотѣлъ посредствомъ этого „дурачества“ показать ученикамъ опытъ обращенія земли около солнца. Въ чемъ же вы видите тутъ сумасшествіе? Ну, разскажите, что вы еще за нимъ замѣтили?

— А вотъ что: не бывая у меня въ домѣ цѣлыхъ полгода, онъ на дняхъ пришелъ ко мнѣ съ палкой, положилъ на столъ шапку, говорилъ, говорилъ, взялъ шапку и ушелъ. Да вообще онъ какой то странный.

На такой аргументъ я сразу не нашелся отвѣтить. Но когда батюшка, распрощавшись со мной, взялъ со стола свою капелюху и вышелъ въ переднюю, я остановилъ его и сказалъ:

— А вѣдь вы, отче, только что продѣлали тоже самое, что и посѣтившій васъ Прокоповичъ: вы пришли, положили на столъ шапку, говорили, говорили, взяли шапку и ушли. Что жъ я, по вашему, долженъ объ васъ подумать?

— А то, что вы, защищая учителя, готовы и меня сдѣлать сумасшедшимъ. Ну, извините меня, я долженъ буду обратиться къ высшему начальству.

Бѣдный Прокоповичъ, напуганный угрозами священника, сталъ задумываться, хандрить, лишился сна и аппетита.

Между тѣмъ у меня случились экстренныя дѣла по гимназіи, и я не могъ въ скорости навѣстить его. Наконецъ, улучивъ свободное время, я собрался поѣхать въ Шкаровку; но не успѣлъ я сѣсть въ повозку, какъ на гимназическій дворъ въѣхала крестьянская подвода; на возу въ соломѣ лежалъ мой Прокоповичъ съ перевязаннымъ горломъ. Сопровождавшій его сельскій староста вручилъ мнѣ „лепортъ“, въ которомъ значилось, что учитель, въ припадкѣ сумасшествія, покушался на самоубійство, порѣзавъ себѣ горло столовымъ ножемъ. Послали за докторомъ, помѣстили насчастнаго въ больницу, зашили порѣзъ и нарядили слѣдствіе. По освидѣтельствованію двухъ врачей, при участіи судебнаго слѣдователя М—скаго, Максимъ Прокоповичъ признанъ психически здоровымъ, совершивъ преступленіе въ умоизступленіи, изнуривъ себя продолжительной безсонницей и скуднымъ питаніемъ.

Протоколъ за подписью всѣхъ трехъ лицъ отправленъ мною при донесеніи Попечителю Округа, который немедленно отнесся къ митрополиту, изобличая виновникомъ этого печальнаго событія—Шкаровскаго священника. Митрополитъ приказалъ мѣстному благочинному произвести дознаніе. Пріѣхалъ въ Шкаровку благочинный, съ депутатомъ отъ духовнаго вѣдомства, а отъ министерства Народнаго Просвѣщенія депутата не было вовсе; вызвали изъ Бѣлой Церкви судебнаго слѣдователя, того же М—скаго, который подписалъ уже одинъ протоколъ въ Бѣлоцерковской больницѣ, и слѣдовало полагать, что онъ останется при прежнемъ убѣжденіи; но подъ вліяніемъ обильныхъ возліяній, онъ подмахнулъ другой протоколъ, совершенно въ иномъ

духѣ, признавъ Прокоповича сумасшедшимъ, что же касается священника, якобы доведшаго его до самоубійства, то онъ тутъ ни при чемъ.

Вслѣдствіе такихъ противорѣчивыхъ донесеній, несчастнаго Прокоповича, по совершенномъ его излѣченіи, какъ преступника, препроводили по этапу въ Кіевскую врачебную управу для освидѣтельствованія. Въ Кіевѣ онъ около мѣсяца содержался въ заключеніи. Врачебное отдѣленіе признало его умственно здоровымъ, и его отправили по этапу же, вмѣстѣ съ ворами и мошенниками, въ Васильковъ и тамъ, впредь до рѣшенія дѣла въ уѣздномъ судѣ, посадили за рѣшотку. Въ тюрьмѣ онъ заболѣлъ тифомъ и былъ помѣщенъ въ городскую больницу.

Но пока судъ да справа, послушаемъ, что говоритъ полученное мною отъ Богатинова письмо о пребываніи Прокоповича въ Кіевѣ, въ ожиданіи медицинскаго освидѣтельствованія.

„М. Г. Извѣстный вамъ несчастный Максимъ Прокоповичъ, по сомнѣнію въ здоровомъ состояніи нравственныхъ способностей его, препровожденъ въ Кіевъ для освидѣтельствованія его во врачебномъ отдѣленіи. Я узналъ объ этомъ изъ его записки ко мнѣ, присланной изъ заключенія, въ которой онъ проситъ о помощи: „Голодъ одолѣваетъ, пришлите хоть немного денегъ, рубаху“ и т. д.

Былъ я у него—молчитъ и заливается слезами. Ни одной жалобы, ни одного полнаго отвѣта!

Врачебное отдѣленіе признало его здоровымъ и съ его свидѣтельствомъ несчастный предсталъ теперь на судъ васильковскихъ юристовъ. Мнѣ очень жаль этого бѣднаго, несчастнаго молодаго человѣка—добраго, кроткаго, великодушнаго. Я увѣренъ, что и вы искренно желаете ему добра, ибо сами были свидѣтелемъ и очевидцемъ того нравственнаго униженія и той нравственной пытки, которыя онъ терпѣлъ наканунѣ своего покушенія отъ священника. Заступитесь за него предъ членами суда и своимъ участіемъ и ходатайствомъ обратите ихъ благосклонное вниманіе на личность несчастнаго, его кроткій, спокойный характеръ, на обстоятельства, приведшія его къ преступ-

ленію и этимъ посодѣйствуйте смягченію его наказанія, а также ускоренію рѣшенія.

Весьма желательно знать, назначатъ ли ему церковное покаяніе, тогда бы я похлопоталъ помѣстить его въ тотъ заштатный монастырь, гдѣ строителемъ мой добрый знакомый и гдѣ несчастный могъ бы имѣть надлежащее отеческое попеченіе о себѣ."

Вашъ покорный слуга Н. Богатиновъ.

О членахъ васильковскаго суда и о ихъ рѣшеніяхъ ходила въ народѣ недобрая слава. Мнѣ удалось подслушать изъ устъ крестьянъ такую поговорку: Нехай тебе, небоже, Богъ бороныть— отъ витянскихъ песковъ, мокіевскихъ горъ и васильковского суда!

Но не смотря на такой „гласъ народа", вслѣдствіе моего ходатайства и участія, принимаемаго мною въ судьбѣ бѣднаго учителя, васильковскій судъ приговорилъ подсудимаго „къ водворенію на мѣсто жительства", но онъ не воспользовался такимъ благодѣяніемъ и завернулъ въ Шкаровскую школу только затѣмъ, что бы забрать свою мизерію и отправиться къ брату, сельскому священнику, верстъ за 30 отъ Шкаровки.

Казалось, что, поселившись въ семействѣ родного брата, гонимый судьбой юноша, могъ бы отдохнуть душой и тѣломъ послѣ перенесенныхъ имъ страданій. Но испытанія его еще не кончились. Мѣсяца черезъ два братъ призналъ его сумасшедшимъ и, пригласивъ его съ собой въ Кіевъ, якобы для пріисканія ему должности, отвезъ его въ Кирилловское заведеніе, помѣстивъ его тамъ въ отдѣленіе душевно-больныхъ. Но врачебное отдѣленіе снова признало его здоровымъ, и тутъ я, будучи перемѣщенъ на службу въ Нѣжинъ, потерялъ изъ виду злополучнаго Максима Прокоповича...

Вотъ какія трагедіи разыгрывались по разнымъ захолустьямъ Кіевской епархіи, по поводу борьбы двухъ вѣдомствъ изъ-за права завѣдывать народнымъ образованіемъ. Вотъ какихъ бѣдъ надѣлалъ пресловутый циркуляръ Высокопреосвященнаго митрополита Арсенія, благословившаго сельскихъ пастырей на борьбу съ „свѣтскою дирекціей". До самой своей кончины этотъ га-

ситель народнаго образованія не хотѣлъ вступать съ министерствомъ народнаго просвѣщенія ни въ какія компромиссы—non possumus!—да и баста!

А больше всего досталось ни въ чемъ неповиннымъ сельскимъ учителямъ. Пословица не даромъ говоритъ: паны дерутся, а у мужиковъ чубы трещатъ.

V. О необходимости усиленія русскаго элемента въ юго-западномъ краѣ посредствомъ образованія земледѣльческаго сословія.

Въ ряду, такъ называемыхъ, жизненныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ началѣ настоящаго царствованія, вопросъ о народномъ образованіи, по своей великой важности, стоитъ на первомъ планѣ. Еще до обнародованія Высочайшаго манифеста 19 февраля, въ виду великой государственной реформы, долженствовавшей воззвать къ гражданскому бытію 23 милліона крѣпостного люда, въ образованной части нашего общества пробудилось сознаніе живой потребности образованія для народныхъ массъ, безъ котораго самая свобода немыслима. Заведеніемъ воскресныхъ и ежедневныхъ школъ на всемъ пространствѣ имперіи, общество наше впервые заявило готовность, помимо оффиціальныхъ распоряженій, облегчить темному простолюдину путь къ общечеловѣческому развитію, чему такъ долго мѣшало тяготѣвшее надъ нимъ крѣпостное право. Мы знаемъ, что на первыхъ порахъ дѣйствительно не было недостатка ни въ жертвахъ матеріальныхъ, ни въ энергіи въ дѣлѣ обученія: студенты, гимназисты, чиновники, офицеры, даже дамы дружно взялись за дѣло, появились новые методы для скорѣйшаго обученія грамотности, учебныя пособія для наглядnаго преподаванія, брошюры и книги для чтенія, устроены для народа читальни. Судя по такому началу, казалось, чего бы нельзя было ожидать въ будущемъ? Но, какъ видно, мы еще не доросли до тѣхъ великихъ подвиговъ въ гражданской доблести, которыми отличаются передовыя націи: „изъ всякой честной мысли мы спѣшимъ сдѣлать

игрушку своему тщеславію" и все принести въ жертву этому идолу. Извѣстно, чѣмъ кончилось дѣло нашихъ воскресныхъ школъ...

Почти одновременно съ открытіемъ воскресныхъ школъ въ городахъ, главнымъ образомъ, для сословій ремесленныхъ,—духовенство наше, соревнуя мірянамъ въ добромъ дѣлѣ, дружно принялось за обученіе сельскаго населенія. По распоряженію епархіальныхъ архіереевъ, указами духовныхъ консисторій, предписано было сельскимъ священникамъ заводить въ своихъ приходахъ школы. Въ настоящее время школъ этихъ, какъ значится по оффиціальнымъ отчетамъ, въ одной кіевской губерніи возросло до 1364 съ 31 тысяч. учащихся. Цифра весьма почтенная! Чего бы, казалось, и желать больше!

Но къ сожалѣнію, какъ воскресныя школы съ ихъ новыми методами, такъ и церковно-приходскія съ очень ужъ старыми-не привели къ вожделѣнной цѣли: школы эти на дѣлѣ оказались несостоятельны.

Наконецъ Министерство *Народнаго* Просвѣщенія, по прямой своей обязанности, приняло на себя заботу организовать народныя школы, на основаніяхъ, указанныхъ долговременнымъ опытомъ въ другихъ государствахъ, принаравливаясь притомъ къ мѣстнымъ условіямъ страны и характеру самаго народа. Чего желаетъ Министерство и какими *должны* быть наши народныя школы, ясно высказано въ оффиціальномъ его органѣ (см. Журн. Мин. Нар. Просв. за 1862 годъ, сентябрьская книжка). Тамъ обстоятельно доказана несостоятельность епархіальныхъ школъ въ статьѣ Педагога: „Нужно ли приготовлять особыхъ учителей для народныхъ училищъ?"

Изложивъ по пунктамъ, что необходимо знать народу, авторъ статьи весьма основательно замѣчаетъ, что знаніемъ молитвъ и простымъ умѣньемъ читать и писать, на чемъ останавливаются эти школы, нельзя ограничить народное образованіе, что народъ не удовлетворится этой программой, что при такихъ, наконецъ, условіяхъ обученіе народа не пойдетъ ему въ прокъ, не принесетъ ожидаемыхъ плодовъ. „Ограждая дѣтей отъ ученія, колеблемаго вѣтромъ жизни", и придерживаясь классическаго

русскаго метода *по азамъ*, школы церковныя заканчиваютъ свою программу механическимъ чтеніемъ псалтири. *Грамотность*, продолжаетъ авторъ, только средство къ образованію, но возможно ли считать *средствомъ* къ дальнѣйшему образованію *такое* чтеніе?

Школа должна научить такъ читать, чтобы чтецъ своимъ чтеніемъ отвлекалъ отъ шинка, чтобы читающій крестьянинъ могъ прочесть и *понять* молитву, прочесть и *понять* законъ, касающійся его быта, прочесть и *понять* болѣе или менѣе *всякую* книгу, содержащую въ себѣ полезныя свѣдѣнія: тогда только грамотность сдѣлается *средствомъ* къ образованію.

Какъ бы ни противорѣчили одинъ другому взгляды на народное образованіе, появляющіеся отъ времени до времени въ нашей періодической литературѣ, что бы ни говорили истинные или мнимые доброжелатели народа, въ настоящее время ему необходимо образованіе болѣе серьезное, чѣмъ механическое чтеніе часослова и псалтири.

Оставляя въ сторонѣ эту безконечную полемику, въ настоящей своей статьѣ я принимаю на себя смѣлость обратить вниманіе высшей администраціи на исключительное положеніе нашего юго-западнаго края, которое для борьбы съ польской пропагандой требуетъ неотлагательнаго принятія радикальныхъ мѣръ, долженствующихъ содѣйствовать къ поднятію въ здѣшнемъ земледѣльческомъ сословіи уровня умственнаго и нравственнаго развитія, находящагося на весьма низкой степени. Безъ сомнѣнія, пока не было здѣсь никакихъ школъ, на первыхъ порахъ могли пойти въ дѣло и церковно-приходскія; но въ настоящее время, умѣнье читать богослужебныя книги, чѣмъ ограничиваются эти школы, въ глазахъ крестьянъ уже перестало считаться идеаломъ ученія, внѣ котораго ничего бы не допускалъ его неразвитый умъ. Въ послѣдніе два года, такъ называемыхъ „временнообязанныхъ отношеній", здѣшніе крестьяне значительно выросли; они перестали удовлетворяться одною церковно-славянскою грамотностію, а начинаютъ заявлять желаніе, чтобы ихъ дѣти читали, кромѣ церковнаго, и гражданское и рукописное, да и сами умѣли бы написать что нужно, сосчитать,

или разсказать прочитанное. Стало быть, сознана потребность чего то большаго, чѣмъ механическое чтеніе псалтири и часослова.

Въ этомъ отношеніи „народныя школы, открытыя въ кіевской губерніи, вслѣдствіе ходатайства покойнаго генералъ-губернатора князя Васильчикова, Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, удовлетворяя по возможности условіямъ сельскаго быта, вполнѣ соотвѣтствуютъ означенному запросу крестьянъ на образованіе. Но, во первыхъ, такихъ школъ очень немного; а во вторыхъ, если бы и всѣ церковно-приходскія школы, существующія у насъ въ такомъ огромномъ количествѣ, какими нибудь судьбами были доведены до такой же нормы,—то и онѣ далеко не удовлетворили бы вопіющимъ потребностямъ южнорусскаго православнаго народонаселенія, для котораго въ настоящую минуту необходимо болѣе широкое образованіе, нуженъ болѣе надежный оплотъ противъ наплыва непрошенной польской цивилизаціи.

„Пока западно-русскій народъ не разовьется и не разбогатѣетъ на столько, что въ состояніи будетъ выдѣлять изъ себя самостоятельныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей земства, до тѣхъ поръ борьба наличныхъ русскихъ элементовъ западнаго края съ элементами польскими обѣщаетъ очень мало успѣха“, сказано гдѣ-то въ Отеч. Зап.

Противъ католическо-польской пропаганды, по моему убѣжденію, можно съ успѣхомъ дѣйствовать только однимъ средствомъ—путемъ образованія православнаго населенія.

Отправляясь отъ той мысли, что успѣхъ всякаго мѣропріятія, задуманнаго кѣмъ бы то ни было для блага народа, главнымъ образомъ зависитъ отъ болѣе или менѣе яснаго сознанія необходимости онаго самимъ народомъ, я сперва пожелалъ знать мнѣнія крестьянъ объ образованіи, чтобы такимъ образомъ убѣдиться, на сколько и предлагаемая мною мѣра согласна съ ихъ нуждами и не будетъ ли она преждевременна? По случаю открытія приходского училища при Б—ой гимназіи, при пріемѣ дѣтей, мнѣ приходилось часто и много говорить съ

ихъ отцами, послѣ чего я пришелъ къ убѣжденію, что здѣшніе крестьяне совсѣмъ не такъ глупо судятъ объ ученіи, какъ это кажется нѣкоторымъ кабинетнымъ мудрецамъ, удаленнымъ отъ народа за тридевять земель.

Помню—одинъ разъ пришло ко мнѣ ихъ трое. Всѣ они единогласно, съ первыхъ же словъ, начали порицать непрактичность обученія въ церковно-приходскихъ школахъ, гдѣ до того времени учились ихъ дѣти[1]). Затѣмъ двое изъ нихъ вступили между собою въ споръ. Одинъ утверждалъ, что имъ, прòстымъ людямъ, достаточно ограничиться программой приходского училища, и дальше отнюдь не идти, потому что гимназія оторветъ мальчика отъ хозяйства и онъ будетъ совершенно потерянъ для семейства—все равно, что въ солдаты пошелъ. Если церковныя школы даютъ дѣтямъ мало, то гимназія даетъ ужъ черезчуръ много: приходское же училище—„сáме въ пòру, якъ разъ по нашому пирью!“

Другой, болѣе понатертый и слѣд. болѣе развитой, котораго сынъ учился уже въ гимназіи, судилъ иначе.

„Ты говоришь, что то, чему учатъ въ гимназіи, для насъ, простыхъ людей, непотрибне, что хлопецъ твой, окончивши классы, оторвется отъ семьи, что его послѣ того уже не притянешь до сохи. А я тебѣ скажу вотъ что: нечего жалѣть о томъ, что сынъ твой оставитъ семью—пусть идетъ, пусть идетъ! „Не въ ледащо жъ винъ пустится—онъ будетъ *человѣкомъ*. Хозяйство твое отъ того не разорится; у тебя останутся другія дѣти, что будутъ помогать тебѣ въ работѣ. На наше нехитрое мужицкое дѣло найдется много людей и абы-якихъ, а до науки не всякій здатный. Такъ то, мій голубе!... Погано було намъ, сказалъ онъ подумавши, охъ, якъ погано! дай, Господи, тому, кто оце велыке добро зробывъ, здоровья, щастья и всего того, чого тилько винъ самъ бажае отъ милосерднаго Бога! Мы вже думалы, що намъ и до вику такъ буде; ажъ ось, поздоровъ Боже

---

[1]) Одинъ изъ поступившихъ въ приходское училище мальчиковъ Эмануилъ Бойко, у прежняго учителя солдата за два года выучилъ три буквы: азъ, буки и добро.

царя, теперь намъ и добре. А царь хоче, щобъ намъ було ще лучше, чтобъ промежъ насъ булы такіи жъ разумные и ученые люди, якъ межъ панами, чтобъ и изъ нашихъ поступали на царскую службу. Правда, теперь и между нашими (русскими) панами есть довольно такихъ людей, что желаютъ намъ добра; но они не знаютъ нашихъ нуждъ, нашего горя, и если сдѣлаютъ для насъ что нибудь доброе, то все не такъ, какъ бы хотѣлось намъ: все чего то не достаетъ—такъ да не такъ! Вотъ хоть бы и „Положеніе“ что для насъ написано: развѣ мало тамъ такого, что для насъ непригодно? А отчего это? Оттого что его писали паны, что между ними не нашлось ни одного *нашого чоловика*, который бы разсказалъ имъ що, до чого и якъ... Достатковъ у насъ нѣтъ, вотъ бѣда наша! заключилъ онъ со вздохомъ, а ученье—то велыка ричъ!..

Такъ, или почти такъ, разсуждалъ объ образованіи крестьянинъ.

Для насъ важенъ здѣсь тотъ фактъ, что потребность образованія сознана народомъ, что человѣкъ, твердо рѣшившійся удѣлить значительную часть изъ своихъ скудныхъ средствъ на то, чтобы сдѣлать своего сына *человѣкомъ*, ясно понимаетъ цѣль ученія и что, слѣдовательно, содѣйствіе Правительства къ поступленію дѣтей здѣшняго земледѣльческаго сословія въ гимназію будетъ имѣть успѣхъ и что минута для распространенія между народомъ образованія на болѣе широкихъ основаніяхъ теперь самая благопріятная.

„Матеріальная власть надъ народомъ уже отнята у польскаго дворянства, отнимите у него также и монополію образованія открытіемъ всѣмъ классамъ населенія равнаго доступа во всѣ училища и на первыхъ порахъ содѣйствіемъ русскимъ, которые бы хотѣли учиться... отнимите у гимназіи западнаго края тотъ исключительно польскій характеръ, который онъ имѣетъ теперь“ [1]).

Съ чего же начать и какъ повести это дѣло?

[1]) Гильфердингъ.

На первый разъ я считаю необходимымъ: 1) расширить программу сельскихъ школъ до объема, указаннаго вышеприведенною статьею Воронова для того чтобы способнѣйшіе изъ учениковъ могли быть приняты въ первый классъ гимназіи; 2) при всѣхъ гимназіяхъ западнаго края открыть приготовительные классы и, наконецъ, 3) изыскать средства для выдачи стипендій крестьянскимъ дѣтямъ, которыхъ родители, при всемъ ихъ желаніи отдать дѣтей въ гимназію, окажутся несостоятельными.

Въ кіевскихъ кружкахъ мнѣ не разъ приходилось слышать мнѣніе, что о гимназическомъ образованіи народу нашему слишкомъ еще рано помышлять, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не улучшится его матеріальное положеніе. Долго пришлось бы ждать, пока народъ самъ безъ посторонней помощи, порветъ паутину, которою его, какъ муху, со всѣхъ сторонъ опутали неутомимые пауки.

Польская пропаганда, подъ эгидою крѣпостного права, такъ долго тяготѣвшаго надъ этимъ несчастнымъ краемъ, совершенно обезличила русское населеніе. Не всегда дальновидныя, а подъ часъ и недобросовѣстныя распоряженія мѣстной администраціи, склонявшейся по принципу въ пользу привилегированнаго сословія, польской интеллигенціи, не съумѣли оградить народъ отъ угнетенія и неправдъ и тѣмъ содѣйствовали полякамъ усилить преобладаніе своей національности посреди сплошныхъ массъ православнаго населенія. Съ другой стороны, изворотливые евреи, захвативъ въ свои хищныя руки всю промышленность страны, эксплуатируя на каждомъ шагу честный трудъ земледѣльца, надолго еще задержатъ развитіе матеріальнаго быта его.

Какъ бы мы горячо ни принимали къ сердцу дѣло русской народности въ нашемъ западномъ краѣ, сколько бы мы ни писали и ни говорили въ ея пользу; но до тѣхъ поръ пока народъ не будетъ имѣть изъ своей среды образованныхъ людей, пока не явятся во главѣ національнаго движенія просвѣщенные дѣятели, сильные словомъ и дѣломъ, для которыхъ защита родной страны отъ давленія польской цивилизаціи составляла бы кровный интересъ,—до тѣхъ поръ съ увѣренностію можно сказать, народное дѣло наше не подвинется впередъ ни на шагъ.

Нужно создать живую силу, которая бы дѣйствовала лицомъ къ лицу противъ козней неутомимыхъ и въ высшей степени изобрѣтательныхъ пановъ и ксендзовъ.

„Вмѣсто того, чтобы обвинять ядъ въ томъ, что онъ производитъ боль и судороги, добудемъ противоядіе въ насъ самихъ, въ развитіи русской общественности поищемъ крѣпость и силу для отпора польскому яду“ (День 1862 г. № 29).

Какую страшную силу (подумаешь) представляютъ густыя массы православнаго народонаселенія Украины, Волыни и Подоліи! Горсть поляковъ, замыслившихъ съ оружіемъ въ рукахъ, коренной русскій народъ сдѣлать польскою провинціей—смѣшное донкихотство! И все таки эта горсть—сила, сила нравственная, предъ которой всегда преклонялась и будетъ преклоняться сила матеріальная. „Не такъ велика опасность, говоритъ Самаринъ, въ этомъ краѣ, когда бродятъ вооруженныя шайки, какъ въ мирное, или въ неправильно называемое мирнымъ, время: опасна эта глухая, невидимая война, которая началась давно, еще въ XVI вѣкѣ и которая неминуемо возобновится на другой же день по усмиреніи мятежа“.

И никакія военныя и полицейскія мѣры (прибавимъ мы отъ себя) не приведутъ ни къ чему: statu quo не измѣнится до тѣхъ поръ, пока не возродится въ краѣ изъ этой черноземной силы великая сила нравственная. Опыты прошедшихъ столѣтій лучше всякихъ доводовъ подтверждаютъ истину моихъ словъ.

Отчего польскіе іезуиты, задумавъ полонизацію русскаго населенія, прежде всего обратились къ подавленію духовной народной силы? Отчего они такъ дѣятельно принялись за искорененіе всего, что только содѣйствовало нравственному и умственному развитію народа—прегражденіе путей къ образованію, уничтоженіе русскихъ училищъ, братствъ и т. п.? Іезуиты были люди весьма дальновидные; они знали, что дѣлали. Намъ они дали весьма чувствительный урокъ. Неужели мы не воспользуемся имъ хоть теперь во второй половинѣ XIX столѣтія, возстановивъ, по возможности то, что ими разрушено? Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Если народъ нашъ, не имѣя ни откуда ни нравственной, ни матеріальной поддержки, не могъ устоять противъ двойного напора религіознаго и политическаго фанатизма, если онъ доведенъ до нищеты, и, утративъ свои человѣческія права, обращенъ въ чисто-рабочую силу, то въ наше время всѣ шансы успѣшнаго исхода борьбы съ враждебными стихіями на сторонѣ русской національности. Нужно только дѣйствовать дружно, энергически. Мелочному самолюбію не должно быть мѣста тамъ, гдѣ идетъ дѣло о благѣ общественномъ. Сословная вражда и предразсудки должны исчезнуть во имя великаго и святого дѣла. Всякій, кто чѣмъ можетъ, долженъ дѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, имѣя въ виду одну цѣль: благосостояніе народа, силу и крѣпость государственнаго организма. Школа, проповѣдь, книга, статья, денежное пособіе—все пойдетъ въ дѣло!

Теперешнее польское общество не то, что было прежде: оно измельчало, выродилось. Если это общество, по мнѣнію публициста Самарина, „вѣковымъ упражненіемъ дошло до совершенной опытности въ дѣлѣ революціонной пропаганды", то, мнѣ кажется, въ этомъ заключается скорѣе его слабость, а не сила. Занимаясь съ дѣтства до сѣдыхъ волосъ одною политикой, поляки не имѣютъ времени заняться чѣмъ нибудь другимъ, болѣе полезнымъ. Такая исключительность ведетъ къ односторонности.

Возрожденный къ новой жизни Высочайшею волею Царя-Освободителя, здѣшній народъ, de facto далеко не освободился отъ зависимости поляковъ и евреевъ. Положеніе его всегда было и остается до сихъ поръ беззащитнымъ: русское дворянское сословіе ополячилось, среднее по извѣстному проекту іезуита—вытѣснено евреями и повернуто въ крѣпость; остались одни хлопы. Такъ прошли цѣлыя столѣтія...

Но неужели такое состояніе должно продолжаться вѣчно?

Давъ права свободнаго гражданства бывшимъ хлопамъ, надѣливъ ихъ землею, правительство, безъ сомнѣнія, сдѣлало много; но не все. Слѣдуетъ очеловѣчить эту массу, чтобы она съумѣла воспользоваться дарованною ей свободой. Въ этомъ залогъ будущаго благосостоянія народа.

Если Русское правительство не жалѣетъ денегъ для стипендій иностраннымъ подданнымъ сербамъ и болгарамъ, воспитывая въ нихъ будущихъ защитниковъ ихъ родины отъ угнетенія турокъ и фанаріотовъ, то неужели оно оставитъ подъ гнетомъ чуждаго племени милліоны своихъ русскихъ подданныхъ безъ всякаго призрѣнія?

Евреи, располагая огромными матеріальными средствами, пріобрѣтенными ими на счетъ невѣжества и забитости трудоваго сельскаго народонаселенія, имѣютъ полную возможность поступать въ среднія и высшія учебныя заведенія, получаютъ стипендіи и пользуются всѣми гражданскими правами, тоже въ ущербъ русскаго населенія. О дѣтяхъ польскаго дворянства нечего и говорить: учебныя заведенія Западнаго края, на которыя правительство не щадитъ никакихъ издержекъ, существуютъ исключительно какъ бы для однихъ поляковъ. Огромное большинство воспитанниковъ католиковъ сообщаютъ здѣшнимъ гимназіямъ чисто польскій характеръ. Незначительное меньшинство русскихъ рѣдко сохраняетъ свой національный типъ посреди пришлой національности. Неужели правительство, затрачивая капиталы на воспитаніе враговъ русской вѣры и русской народности, пожалѣетъ (хоть бы изъ доходовъ отъ конфискованныхъ имѣній) какихъ нибудь 5—10 тысячъ въ годъ на стипендіи крестьянскимъ дѣтямъ, въ лицѣ коихъ незамѣтно выростетъ грозная нравственная сила, способная бороться съ враждебными ей стихіями? Два-три такихъ поколѣнія,—и католическое преобладаніе въ краѣ станетъ невозможнымъ.

Я глубоко убѣжденъ, что никакіе секвестры, никакая колонизація русскихъ землевладѣльцевъ—ничто не сравнится съ этою мѣрою, ни для кого не стѣснительною и въ высшей степени гуманною: она вѣрнѣе поведетъ къ цѣли, чѣмъ всякія другія административныя распоряженія.

Замѣтка эта, въ видѣ проекта представлена была на разсмотрѣніе бывшаго попечителя Ѳ. Ѳ. Витте, и потомъ напечатана въ „Днѣ“, съ цѣлію подвергнуть высказанныя въ ней мысли всестороннему обсужденію образованной части нашего общества; но вмѣсто того, я совершенно неожиданно самъ себя подвер-

гнулъ озлобленнымъ нападкамъ одного изъ сотрудниковъ „Вѣстника Ю.-З. и З. Россіи". (Кн. 8 1864). Окрысился онъ, повидимому, на мѣня за то, что я употребилъ въ своей замѣткѣ выраженіе „донкихотствующій патріотъ"; но это выраженіе къ нему вовсе не относится: я оскорбилъ бы тѣнь благороднѣйшаго ламанчскаго рыцаря, если бы сопоставилъ рядомъ съ нимъ мраколюбца Маркіана Словучинскаго. Я бы скорѣе сравнилъ его съ пушкинскимъ Зоиломъ, который разводилъ опіумъ чернилъ слюною бѣшеной собаки.

Опровергать пунктъ за пунктомъ подъяческія придирки подобнаго *сочинителя* я считаю излишнимъ и неудобнымъ. Да и можно ли оправдываться печатно передъ авторомъ, принявшимъ на себя роль полицейскаго сыщика?

VI. Крестьяне-собственники.

1864—1869.

Шляхетская рухавка 1863 года развязала администраціи руки и понудила ускорить прекращеніемъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Мировые посредники-поляки и волостные писаря-католики были немедленно устранены; на мѣста ихъ назначены люди русскіе. Панъ Куликовскій сдалъ должность Бурцеву, панскій попыхачъ бѣлоцерковскій старшина, тянувшій за помѣщиковъ, уступилъ свою должность ярому поборнику крестьянскихъ интересовъ, Салгану, котораго впрочемъ о. протоіерей Ромаскевичъ, не переставалъ обзывать Стенькой Разинымъ и Пугачевымъ, яко бы за отсутствіе въ немъ христіанскаго смиренія, а на самомъ дѣлѣ за то, что сей Разинъ не переставалъ протестовать противъ непомѣрныхъ поборовъ за церковныя требы.

Дождавшись 19 февраля 1864 года, новый старшина задумалъ отпраздновать годовщину великаго событія сколько возможно торжественнѣе. Въ большой церкви, гдѣ покоится прахъ племянницы Потемкина гр. А. В. Браницкой, закрѣпостившей свободныхъ мѣщанъ украинскихъ и отдавшей ихъ въ кабалу

польскимъ выходцамъ,—отслужена парадная обѣдня соборнѣ, съ участіемъ громогласнаго хора пѣвчихъ изъ крестьянъ, подъ управленіемъ самого старшины; затѣмъ торжественная процессія съ хоругвями и образами, въ сопровожденіи многочисленной толпы народа, при колокольномъ звонѣ, двинулась по александрійской улицѣ, мимо квартиры управляющаго Зеленскаго, къ волостному дому. Тамъ, подъ открытымъ небомъ было отслужено молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашено многолѣтіе Царю-Освободителю. По окончаніи молебна, мѣстный законоучитель гимназіи о. Орловскій, нынѣ ключарь Кіево-Софійск. Собора, стоя на крыльцѣ, произнесъ рѣчь, произведшую сильное впечатлѣніе на предстоявшихъ; многіе отъ умиленія плакали, дивяся всему бывшему.

Содержаніе этой рѣчи мы помѣщаемъ здѣсь въ сокращеніи.

„Да будетъ вамъ сей день въ память и празднуйте той праздникъ Господу во вси роды ваши“ (Исх. 12, 14).

Такъ заповѣдалъ Господь Богъ народу израильскому черезъ Моисея праздновать великій день освобожденія его отъ рабства Египетскаго, и евреи, въ память этого дня, ежегодно празднуютъ свою Пасху.

Подобно древнимъ евреямъ, и ваши предки, вы сами и ваши дѣти весьма долго находились подъ игомъ рабства не египетскаго, а помѣщичьяго, которое было едва ли не тяжеле египетскаго. И на вашу горькую долю, какъ нѣкогда на долю Израиля, Господь призрѣлъ съ высоты своего милосердія: онъ, всеблагій, внялъ наконецъ и вашимъ воплямъ и для вашего освобожденія отъ работы вражія избралъ новаго Моисея Христолюбивѣйшаго Императора нашего Александра Николаевича. Уже прошло три года, какъ возлюбленный Монархъ нашъ въ настоящій день даровалъ вамъ свободу и вмѣстѣ съ вами 23 милліонамъ крестьянъ. День этотъ и для васъ, братія моя, долженъ быть столь же священнымъ, какъ для евреевъ ихъ Пасха, и вы должны въ роды родовъ праздновать сей день радости и веселія, для васъ онъ—праздниковъ праздникъ и торжество изъ торжествъ!

Да будетъ же благословенно имя Царя-Освободителя во вѣки! Такого благодѣтельнаго Монарха у насъ еще не было (вол-

ненье между крестьянъ; послышались голоса: и не было й не буде)!

А какъ вы сами единодушно свидѣтельствуете, что такого Государя у насъ не было и не будетъ, то долгъ признательности обязываетъ васъ исполнять безпрекословно всѣ повелѣнія Его, питать къ Нему, какъ къ верховному отцу, искреннюю сыновнюю любовь, молиться о Его драгоцѣнномъ здравіи, жертвовать за Него не только своимъ имуществомъ, но и жизнію своею. Аминь".

Затѣмъ почетнѣйшимъ гостямъ своимъ (между которыми не было ни одного поляка) крестьяне предложили обѣдъ. При этомъ, какъ водится, были провозглашены тосты, сопровождаемые стихами и пѣніемъ многолѣтія. Пользуясь благодушнымъ настроеніемъ гостей, директоръ мѣстной гимназіи предложилъ положить начало подписки на образованіе капитала на стипендіи крестьянскимъ дѣтямъ, которые по своимъ выдающимся способностямъ могли бы съ успѣхомъ окончить гимназическій курсъ.

Раньше этого торжества, въ октябрѣ 1863 года, вскорѣ послѣ усмиренія мятежа, при гимназіи было открыто приходское училище, удовлетворявшее двумъ цѣлямъ: способнѣйшіе ученики шли оттуда въ гимназіи, а посредственные возвращались въ семейства грамотными и письменными; значитъ—училище это, оставаясь приготовительнымъ классомъ при гимназіи, выполняло задачу сельской народной школы.

Едва только крестьяне прослышали о существованіи такого училища, какъ церковно-приходскія школы опустѣли въ одинъ годъ и въ полгода туда поступило 65 учениковъ, изъ которыхъ только 12 не учились до того у „дядиньки" (отставного солдата-учителя церковной школы), пробывшихъ тамъ 3 года было 4, два года—42, и одинъ годъ—7. Вызубренные „стыхи" изъ часловца и псалтыря они читали почти на память; за то неученое разбирали по складамъ; писать умѣли весьма немногіе, и изъ ариѳметики писали цифры до 10.

Что бы показать результаты годичныхъ занятій въ училищѣ съ подобными учениками, я привожу извлеченіе изъ офиціальнаго отчета о ревизіи помощника попечителя Михневича.

„Устроенное при гимназіи и удобно помѣщенное въ ея зданіи приходское училище имѣетъ довольно значительное число учениковъ, раздѣленныхъ на 3 группы. Учитель ведетъ дѣло такъ, что во всякое время занимается со всѣми отдѣленіями и потому въ его классѣ нѣтъ ничѣмъ не занятыхъ учениковъ, что весьма часто можно встрѣтить въ нашихъ приходскихъ училищахъ. Потому-то и успѣхи у него въ чтеніи и ариѳметикѣ весьма удовлетворительны: во всемъ классѣ нѣтъ ни одного ученика, вовсе не умѣющаго читать по русски, а въ 2-мъ и 3-мъ отдѣленіи училища почти всѣ ученики читаютъ бѣгло, понимаютъ смыслъ прочитаннаго, разсказываютъ и съ должною сообразительностію рѣшаютъ ариѳметическія задачи на письмѣ и въ умѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я заставилъ произнести главныя молитвы и въ первый разъ довелось мнѣ слышать отъ ученика приходскаго училища чтеніе имъ молитвы медленное, явственное и съ пониманіемъ смысла и значенія словъ“.

Изъ 20 учениковъ высшей группы половина поступила въ гимназію, а остальные „вернулись до плуга“.

Бѣлоцерковское приходское училище открыто на весьма ограниченныя средства: на содержаніе его имѣлось штатной суммы всего 100 рублей. При такой ничтожной суммѣ, ни одинъ директоръ до 1863 года не рѣшался открыть училище, не смотря на вопіющую нужду въ приготовительномъ классѣ. Но съ упраздненіемъ закрытаго заведенія при гимназіи оказалось возможнымъ удовлетворить этой потребности. Въ оставшемся свободнымъ помѣщеніи устроена классная комната и квартира для учителя и дѣло пошло на ладъ, благодаря частной благотворительности въ пользу училища. Пожертвованія принимались какъ деньгами, такъ и книгами. Директоръ гимназіи завелъ книгу, куда вносились эти пожертвованія. Преподаватели гимназіи ежемѣсячно удѣляли большій или меньшій процентъ изъ своего жалованья. Мировой посредникъ Бурцевъ прислалъ изъ с. Коченовки 102 рубля 15 к. (изъ этой суммы мир. поср. Киселевскій пожертвовалъ 15 коп.). Затѣмъ извѣстный впослѣдствіи редакторъ „Гражданина“, Кн. Владиміръ Мещерскій, ознакомившись въ бытность

свою въ м. Бѣлой-Церкви съ нуждами училища, по возвращеніи въ Петербургъ, обратился ко мнѣ съ слѣд. письмомъ:

„На дняхъ отправляются мною изъ Петербурга на ваше имя книги для народа, съ покорнѣйшею просьбою раздавать по вашему усмотрѣнію тамъ и тѣмъ, для которыхъ эти книги могутъ служить дѣйствительною пользою.

Увѣдомляю васъ, что книги эти посылаются отъ имени и щедротъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, коей нужды малѣйшаго уголка возлюбленнаго отечества извѣстны и близки по сердцу.

Да будетъ сей царскій даръ священнымъ въ памяти народа и новымъ поощреніемъ ему къ просвѣщенію и развитію въ вѣчной и безпредѣльной преданности православной церкви, престолу и отечеству!“

Въ то же время полученъ мною порядочный тюкъ изъ Москвы отъ княжны Н. П. Шаликовой, при слѣд. письмѣ:

„Прочитавъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ, что училище бѣло-церковское нуждается въ русскихъ книгахъ, я поставила себѣ въ удовольствіе отправить туда нѣсколько книгъ духовно-нравственнаго содержанія, равно какъ букварей и прописей. Мнѣ будетъ очень пріятно узнать, что книги эти пригодились училищу. Желаю при этомъ отъ всей души ревнителямъ русской грамотности въ древней сторонѣ русской, гдѣ нынѣ католичество и еврейство преобладаютъ къ нашему стыду и горю—желаю всякаго успѣха и всей бодрости духа въ борьбѣ съ врагами Россіи“.

Имѣя основанія думать, что польская пропаганда въ юго-западномъ краѣ, не ограничилась одною Бѣлою-Церковью, а посѣяла плевелы и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только сидятъ рондзы и экономы, я, на сколько позволяли мнѣ средства, старался распространить раздачу русскихъ книгъ чрезъ знакомыхъ священниковъ и сельскихъ учителей и въ другихъ мѣстахъ. Для такой цѣли я получилъ изъ округа 500 букварей, 200 чтеній изъ евангелистовъ, 150 краткихъ св. исторій, 200 историческихъ чтеній изъ ветхаго завѣта, руководствъ къ ариѳметикѣ, грамматикѣ, прописи и т. п.

Нѣсколько связокъ книгъ прислано директорами кіевскихъ гимназій Андріяшевымъ и Вилуевымъ, но онѣ оказались совершенно непригодными для народнаго чтенія.

Около 300 священныхъ изображеній пріобрѣтено въ типографіи кіево-печерской лавры; куплено около 100 грифельныхъ досокъ и проч.

И все это добро было разослано въ самое короткое время по разнымъ селамъ васильковскаго и таращанскаго уѣздовъ, и безъ сомнѣнія не осталось безплоднымъ для народа...

Изъ числа учениковъ, поступившихъ въ гимназію, полный курсъ окончили весьма немногіе, большинство же ограничилось первыми тремя-четырмя классами и пошли въ народъ сельскими учителями, такъ что, на сколько мнѣ извѣстно, въ разныхъ селахъ юго-западнаго края находится около 30 человѣкъ учителей, которые считаются лучшими.

Не желая болѣе распространяться о своей дѣятельности на пользу народа, предоставляю говорить о ней тому же князю Мещерскому, издавшему въ 1870 г. „Очерки общественной жизни въ Россіи, см. стр. 178—180.

...Еще замѣчательнѣе (чѣмъ погимназіи) дѣятельность директора относительно крестьянскаго быта. Какъ намъ говорили сами крестьяне, съ тѣхъ поръ какъ директоромъ въ гимназіи г. Чалый, не мало изъ зажиточныхъ хозяевъ захотѣли отдавать сыновей своихъ въ гимназію. Желаніе это далеко не осталось иллюзіей: оно осуществляется на дѣлѣ и выражается слѣдующимъ замѣчательнымъ фактомъ: не только изъ мѣстечка, но изъ селеній за 10 верстъ, въ гимназію стали ходить крестьянскія дѣти. Какъ только довѣріе къ нему выразилось со стороны крестьянъ столь наглядно, г. Чалый отвѣтилъ на него съ сердцемъ человѣка, преданнаго всецѣло своей доблестной задачѣ и сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ отъ него требовала эта задача. Онъ немедленно призналъ себя обязаннымъ облегчить крестьянскимъ дѣтямъ обученіе въ гимназіи. Избравъ первоначально 15 лучшихъ изъ крестьянскихъ дѣтей, онъ устроилъ имъ на свой собственный счетъ маленькій пансіонъ въ мѣстечкѣ, гдѣ они проводятъ весь учебный годъ... Къ этому прекрасному дѣлу при-

несли свою посильную помощь и учителя гимназіи, и вотъ въ настоящее время около 20 мальчиковъ изъ крестьянъ обезпечены содержаніемъ...

Чѣмъ дѣлаются крестьянскіе мальчики при поступленіи въ гимназію? Разрѣшеніе этого вопроса наглядно обрисовываетъ свѣтлую личность директора и его вліяніе на юношество. Главная прелесть въ глазахъ крестьянъ этой гимназіи, что мальчикъ не перестаетъ быть крестьяниномъ; въ немъ сохраняются и привязанность, и уваженіе къ своей средѣ: возвращаясь на лѣтнее время въ хату, гимназистъ 2 и 3-го кл. берется за плугъ, за косу и остается тѣмъ же послушнымъ работникомъ своего отца".

Въ 1866 году, по случаю безумнаго покушенія на жизнь Государя, въ м. Бѣлой-Церкви по подпискѣ устроенъ въ гимназической залѣ парадный обѣдъ. Главными участниками въ подпискѣ были чиновники гимназіи и саперные офицеры; но такъ какъ радость объ избавленіи отъ опасности Царя была присуща всѣмъ сословіямъ и національностямъ, то въ празднованіи этого событія приняли участіе поляки и евреи. По предложенію директора на обѣдъ были приглашены также и почетнѣйшіе крестьяне мѣстечка. Въ концѣ обѣда, когда было подано шампанское, директоръ гимназіи сказалъ спичъ:

„Мм. Гг! Два съ половиною вѣка тому назадъ, въ тяжелую для Россіи годину самозванщины и нашествія иноплеменниковъ, костромитянинъ Иванъ Сусанинъ, цѣною собственной жизни, спасъ отъ рукъ злодѣевъ юную жизнь родоначальника Августѣйшаго Дома Романовыхъ.

Въ наши дни, въ славное царствованіе Императора Александра II, подъ охранительною державою коего наше любезное отечество, путемъ мирныхъ преобразованій, стремится достигнуть высшей степени народнаго благосостоянія,—случилось неожиданное событіе, наполнившее ужасомъ сердца всѣхъ вѣрноподданныхъ.

Но благодаря Бога, наша св. Русь никогда не имѣла и не будетъ имѣть недостатка въ Сусаниныхъ. И на этотъ разъ про-

видѣніе избрало орудіемъ своей благости другого костромитянина Комисарова, одного изъ тѣхъ 23 милліоновъ крѣпостныхъ людей, которые, по волѣ нашего Монарха, уже пять лѣтъ пользуются свободой, наравнѣ съ другими сословіями. (При сихъ словахъ одинъ изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ крестьянъ перекрестился).

Предлагаю господа тостъ за здоровье того, кто сохранилъ намъ, къ чести и славѣ русскаго имени, драгоцѣнную жизнь Царя-Освободителя!

Вечеромъ того же дня состоялся танцовальный вечеръ.

Предложена была и подписка на Комисаровскую стипендію, но она не состоялась. Только почетный блюститель еврейскаго училища Быкъ обязался ежегодно вносить 25 рублей въ пособіе одному изъ воспитанниковъ гимназіи изъ крестьянскаго сословія, да главноуправляющій Зеленскій черезъ нѣсколько дней прислалъ 100 рублей при слѣд. письмѣ:

„Жители м. Бѣлой-Церкви, во время торжества по случаю чуднаго спасенія жизни Августѣйшаго своего Монарха, хотя изъявили желаніе увѣковѣчить день этого радостнаго событія складкою капитала для образованія стипендіи при бѣлоцерковской гимназіи на одного бѣднаго ученика, но какъ по причинѣ весьма ограниченныхъ средствъ тѣхъ же жителей едва возможно было собрать сто рублей, отъ которыхъ проценты не могутъ быть достаточными для образованія стипендіи, то согласно желанію жертвователей, означенныя деньги вмѣстѣ съ подписнымъ листомъ препровождая при семъ, имѣю честь просить васъ, М. Г., употребить эти деньги для болѣе нуждающихся учениковъ по вашему усмотрѣнію".

Скоро послѣ этого торжества мною получено приглашеніе отъ старшины на освященіе вновь построеннаго дома для волостнаго правленія съ отдѣленіемъ для церковно-приходской школы въ с. Черкасѣ. Пріѣзжаю. Былъ, не помню какой, высокоторжественный день. Иду въ церковь выслушать молебенъ и къ удивленію моему застаю панихиду — съ булками, кутіею

и медомъ. Кромѣ священника и діакона, исправлявшаго должность псаломщика, да заплаканной старушенціи—въ церкви а ни душечки!

Посреди церкви передъ аналоемъ съ кутіею стояли два великана съ львиными гривами и страшно ревѣли, какъ бы стараясь привесть въ трепетъ бѣдную бабусю. Скорбныя заупокойныя пѣсни, при ихъ надлежащемъ исполненіи, способныя умилить душу, удрученную печалію объ утратѣ дорогого существа,—эти пѣсни вылетали изъ утробы гигантовъ какъ рычаніе завидѣвшей врага гориллы.

Не дождавшись конца панихиды, я ушелъ бродить по окрестностямъ села. Потомъ узналъ отъ старшины, что батюшка изволилъ оттрезвонить обѣдню еще до 8 часовъ, причемъ церковь была такъ же пуста, какъ и на панихидѣ.

Около 11 часовъ меня пригласили въ волость. Тамъ я засталъ трехъ священниковъ, становаго пристава и человѣкъ 20 поляковъ—графскихъ офиціалистовъ разнаго наименованія. Крестьянъ, по случаю рабочаго дня, здѣсь было мало. Да какъ видно, панскій прихвостень старшина о нихъ и не заботился, угощая пановъ на ихъ же (громадскій) счетъ.

Начался обрядъ освященія дома. Мнѣ не разъ до того приходилось присутствовать при этомъ обрядѣ, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; но такого оригинальнаго освященія, какое совершено было черкасскимъ священникомъ, купно съ другими двумя—кожанскимъ и шкаровскимъ, я не видалъ нигдѣ. Батюшка, какъ оказалось, былъ прежде уніатомъ и совершилъ освященіе, къ немалому удовольствію гостей-католиковъ не по печатному требнику кіево-печерской лавры, а по рукописной, засаленной и обдерганной тетрадкѣ. Разныя молитвы, пѣсни, особенно напѣвъ, были для меня совершенною новостью. Кромѣ того, служеніе было преисполнено разными манипуляціями, позаимствованными отъ ксендзовъ и совершенно чуждыми нашему православію. Далѣе, я замѣтилъ, что надъ всѣми дверями и окнами были пробуравлены довольно глубокія дыры, а въ каждую дыру вдвинута свернутая въ трубку бумажка, сильно пропитанная деревяннымъ масломъ, а надъ каждой бумажкой при-

лѣплена копѣечная свѣчка. Когда освященіе приходило къ концу, пономарь зажегъ эти свѣчи, а потомъ и масляныя бумажки.

По окончаніи обряда освященія, гости усѣлись за столъ въ одной комнатѣ, а въ другой—черезъ сѣни, предназначенной для школы, помѣстились крестьяне. Старшина, съ отвратительнымъ подобострастіемъ, увивался около пановъ, уснащая свою рѣчь польскимъ жаргономъ; батюшки же иначе съ ними не говорили какъ по польски. Подлѣ посессора Новицкаго, во все продолженіе обѣда стоялъ пьяный волостной писарь и въ антрактахъ между стравами, постоянно лизалъ его руку, восхваляя до небесъ весьма сомнительныя добродѣтели wielmożnego pana possesora.

Безобразіе всего видѣннаго и слышаннаго мною становилось не въ терпежъ, но меня, какъ на зло такъ далеко засадили, что выйти изъ-за стола не было никакой возможности.

Когда очередь дошла до тостовъ и когда кѣмъ—то изъ присутствующихъ была провозглашена выпивка за iasnie wielmożnego Hrabia Branickiego—я выскочилъ изъ-за стола и направился съ рюмкой въ другую комнату къ трапезующимъ крестьянамъ и тамъ громогласно провозгласилъ тостъ за здравіе Царя-Освободителя. Оглушительное ура закончило этотъ памятный праздникъ.

Въ ноябрѣ того же 1866 года, волостной старшина Коломіецъ пригласилъ меня отъ имени всей громады сенявской волости на праздникъ освященія школы, построенной на пожертвованія крестьянъ, въ память избавленія отъ опасности Государя Императора.

Днемъ этого торжества назначено 21 ноября, въ праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Не смотря на гололедицу и 30—верстное разстояніе отъ Бѣлой-Церкви, я не могъ не воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ крестьянъ, задумавшихъ ознаменовать чудесное избавленіе отъ опасности своего Освободителя такимъ необычнымъ въ ихъ средѣ дѣломъ, какъ устройство школы. Программа совершенія сего торжества, со-

ставленная мировымъ посредникомъ Бутовичемъ, купно съ настоятелемъ церкви Завадскимъ, состояла въ слѣдующемъ:

Обѣдня совершена протопопомъ Андріевскимъ изъ Василькова, въ сослуженіи четырехъ другихъ священниковъ. По окончаніи обѣдни, протоіерей сказалъ приличное празднику слово и за тѣмъ, при колокольномъ звонѣ двухъ сельскихъ церквей, шествіе направилось къ школьному дому съ крестами и хоругвями. Тамъ, предъ начатіемъ молебствія, мѣстный священникъ о. Павелъ произнесъ рѣчь, въ которой, къ немалому моему удивленію, ни однимъ словомъ не заикнулся объ участіи крестьянъ въ построеніи школы, превознося выше облака ходячаго главноуправляющаго гр. А. Браницкаго, Раковскаго, пожертвовавшаго для постройки дома нѣсколько деревьевъ, и мироваго посредника, приказавшаго срубить и вывезти изъ лѣсу эти деревья ихъ собственными лошадьми.

По совершеніи молебствія, почетнѣйшіе гости были приглашены мировымъ посредникомъ къ обѣденному столу. Во все продолженіе обѣда миров. поср. Бутовичъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, вперивъ глаза въ пространство и шевеля губами: не трудно было догадаться, что онъ готовился къ произнесенію спича, пожертвовавъ ему вкусными яствами. Наконецъ разразился такимъ же возвеличеніемъ благодѣтеля пана Раковскаго и его сіятельнаго патрона, вернувшагося уже изъ мѣстъ не столь отдаленныхъ и укатившаго за границу. Въ заключеніе ораторъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора, а гости крикнули ура. Панъ Раковскій, нисколько не сконфузившись непомѣрнымъ восхваленіемъ его особы, принялъ оное какъ нѣчто должное, присовокупивъ, что онъ, на это не стоившее ему ни гроша пожертвованіе получилъ изъ заграницы разрѣшеніе графа и испросилъ благословеніе Его Высокопреосвященства митрополита Арсенія и въ заключеніе предложилъ тостъ за ихъ драгоцѣнное здравіе. Вслѣдъ за симъ мѣстный благочинный Ѳоменко прочиталъ „репортъ“ настоятеля сельской церкви о. Завадскаго, которымъ онъ доводилъ до свѣдѣнія владыки о пожертвованіи Раковскаго и на коемъ начертана была „резолюція“ его высокопреосвященства: „благодарить жертвователя!“ Въ заключеніе о. благочинный

снова предложилъ тостъ за сего „общаго благодѣтеля!“ Затѣмъ г. Бутовичъ пригласилъ гостей выпить за здоровье предсѣдателя мироваго съѣзда И. Н. Киселевскаго, того самаго ревнителя народнаго образованія, который пожертвовалъ 15 коп. на бѣлоцерковское приходское училище.

Дождавшись напослѣдокъ конца славословію сильнымъ міра сего, пишущій эти строки вспомнилъ и о крестьянахъ, позабытыхъ среди ликованія гостей, сытно покушавшихъ на ихъ же трудовые гроши.

„Я желаю сказать нѣсколько словъ вашей почтенной громадѣ!“—обратился я къ старшинѣ: пригласите ихъ сюда!

Изъ другой половины школьнаго дома вошли крестьяне и наполнили всю комнату и сѣни.

„Вы знаете, добрые люди, что случилось весной сего года въ Петербургѣ? Царю нашему угрожала великая опасность. Вы также слышали, что крестьянинъ Комисаровъ, руководимый перстомъ Божіимъ, для блага всей Россіи, спасъ драгоцѣннѣйшую жизнь вашего Державнаго Освободителя.

Обрадованные счастливымъ исходомъ этого страшнаго событія, всѣ вѣрноподданные спѣшили ознаменовать достопамятный день 4 апрѣля разными пожертвованіями: одни сооружали храмы и кіоты, другіе давали деньги въ пользу бѣдныхъ, складывали капиталы на воспитаніе учащихся и т. п.

Вы, сенявцы, въ память этого событія построили школу и сдѣлали доброе и полезное дѣло: почтивъ память своего Августѣйшаго Благодѣтеля, вы вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлали добро вашимъ дѣтямъ. Не жалѣйте объ этой жертвѣ: трудовая копѣйка, внесенная каждымъ изъ васъ до складки, возвратится вамъ съ большими процентами.

Ученье—свѣтъ, неученье—тьма! говоритъ наша мудрая пословица. Грамота—великое благо для человѣка, хотя вы сами до 19 февр. 61 г. лишены были возможности воспользоваться этимъ благомъ. Ваши молодые годы прошли въ неволѣ и нескончаемой работѣ панщины—для пользы другихъ; вамъ было не до ученья! вамъ твердили господа ваши, что мужику ученье не нужно. Царскій манифестъ засталъ васъ людьми темными...

васъ никто не винитъ за это: виноваты тѣ, отъ кого вы зависѣли.

Но если дѣти ваши, находясь въ свободномъ состояніи, останутся такими же темными людьми, какими были вы, то пришедши въ возрастъ, они въ правѣ будутъ обвинить васъ въ нерадѣніи о ихъ благѣ; ибо двери школы теперь открыты для всякаго... Еще нѣсколько словъ:

Посылая дѣтей своихъ въ школу, вы сами не забывайте о своей школѣ: у старыхъ, какъ и у малыхъ есть тоже школа—святая церковь, есть и учитель священникъ: будьте же внимательны къ его пастырскому слову, научайтесь отъ него всему доброму, живите по правдѣ и прилежно молитесь Богу да благословитъ Онъ вашъ вольный трудъ для вашей собственной пользы!

Изъ всего сказаннаго мною, вы, надѣюсь, достаточно уразумѣли, что церковь и школа—это тѣ охранительные стражи, которымъ предназначено оберегать васъ отъ порочныхъ наклонностей, просвѣщать вашъ умъ, водворять миръ и согласіе въ семействахъ вашихъ. Но къ великому вашему искушенію, у васъ рядомъ со школой стоитъ питейный домъ—ненасытная прорва, поглощающая вашу трудовую копѣйку и нерѣдко доводящая васъ до бѣдности, нищеты и преступленій... Будьте же благоразумны: дорожите, какъ величайшимъ сокровищемъ дарованною вамъ свободой, чтобы, избавившись отъ кабалы панской, не попасть въ кабалу жидовскую. Да хранитъ васъ Господь отъ искушенія!

Предлагаю тостъ за благосостояніе крестьянъ сенявской волости!

Приведенные въ благодушное настроеніе сичемъ этимъ гости тутъ же составили подписку въ пользу школы и вручили священнику 50 рублей на обзаведеніе.

М. Чалый.

ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА[1].

VII. Письма Василія Яковлевича Ломиковскаго[2].

(1822—1830 г.г.)

32. М. г. почтеннѣйшій благодѣтель Иванъ Романовичъ! Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 13 февраля я получилъ безъ всякаго задержанія 21-го февраля; нынѣ же, т. е. 22 февраля, почта отходитъ, для того и спѣшу извѣстить васъ, что я не пожже 26-го февраля отправлю къ вамъ добраго хлопца, которой можно сказать антиподъ Ивану Личману. Хлопцу 15 лѣтъ, зовутъ Павелъ Трофимовичъ Логвинъ; онъ глядитъ прямо въ глаза и съ веселою улыбкою; у отца его старшій сынъ женатъ, матери у него давно нѣтъ, братовая его видно была хлопцу за мачиху, ибо когда я спросилъ: хочешъ ли ты въ Кіевъ?—то онъ отвѣчалъ: какъ прикажете, дома некому меня обувать и доглядать! Я почти утвердительно могу сказать, что онъ будетъ по сердцу вашему, ибо Логвины всѣ добрые и мирные. Протчіе люди у меня, какъ и вездѣ почти воръ на ворѣ.—Жена поѣхала на 2 мѣсяца къ матушкѣ дѣлиться имѣніемъ, я пустился въ подкоморскіе выѣзды. Съѣхались 18 февраля домой, стали повѣрять амбарной хлѣбъ, смотримъ анъ у насъ безсовѣстно украли до 60-ти четвертей разнаго хлѣба, въ томъ числѣ 240 пудъ муки

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1896 г., ноябрь, 225—233.

[2]) О Ломиковскомъ см. Кіевск. Стар.

ржаной. Распроситься же у другихъ помѣщиковъ, то еще болѣе крадутъ. Такъ нынѣ нашъ народъ развратился. Поздравляю васъ съ принятіемъ таинъ христовыхъ, я желаю говѣть какъ потеплѣетъ, ибо ноги мои боятся холода. Въ Кибенцахъ же я, не смотря на теплую церковь, никогда не говѣю по уважительнымъ причинамъ. Говоря о Кибенцахъ, кстатѣ будетъ разсказать вамъ слѣдующее произшествіе. Считая съ хозяиномъ, двумя племянниками его и зятемъ, нынѣ въ Кибенцахъ 4 плюмажа, но случилось такъ, что всѣ разъѣхались на долгое время; старикъ крѣпко соскучилъ самъ, ибо и сосѣди по причинѣ бездорожья мало теперь навѣщали его. Вдругъ получаю 16 февраля письмо отъ баронѣсы такого содержанія: неоставте насъ, почтеннѣйшій В. Я., не откажите въ просьбѣ моей! съ дѣдушкой сдѣлалось очень дурно, мы крайне перепуганы, я въ постѣлѣ, а тетинка также лежитъ въ постѣлѣ отъ простуты (sic)—уважте просьбу мою, пріѣжжайте въ Кибенцы.—Прибывъ въ Кибенцы, оказалось, что маленькая дѣвочка, услыша въ кабинетѣ стукъ, рѣшилась заглянуть въ двѣри, выбѣжала къ прислугѣ и кричитъ, что баринъ умеръ, ибо онъ лежалъ безъ чувствъ на полу. Докторъ оттеръ его, и почти весь день велелъ быть старику на крыльцѣ, и онъ оправлясь, обѣдалъ и вечеромъ былъ бостонъ. Напоили Романа пьянымъ, и когда онъ сталъ заикаться, то старикъ сказалъ: у насъ у обоихъ языкъ не такъ шевелится, но отъ разныхъ причинъ. Я полагалъ, что эта боль у старика отъ ушиба, анъ нѣтъ, оказалось, что онъ на другой день припадка вставилъ себѣ новыхъ семъ зубовъ, ибо почти всѣ выпали; на третій же день жаловался, что у него рука болитъ. Страдаетъ онъ задышкой и кашлемъ. Хотя у него очень хорошій докторъ теперь, однакожъ сомнительно, чтобы онъ рѣшился поѣхать на лѣто въ Кагарлыкъ. Прочитавъ, что Богъ послалъ вамъ такого врача, которымъ вы очень довольны, я такъ обрадовался, что мысленно поцѣловалъ слово врачъ, хотя и не зналъ, нѣмца или русскаго поцѣловалъ я, но зная что поцѣловалъ того кого Богъ послалъ вамъ. Вспомните какъ поправилъ васъ Трембицкій тѣмъ, что крайне скупой былъ на лѣкарства. Я потому поспѣшаю подводою, что угрожаетъ необыкновенное разлитіе водъ, а въ тако-

вомъ случаѣ полъ часа дѣлаетъ чрезвычайную (?) для рѣкъ и одинъ день весьма важенъ для оттепели. Сорокалѣтніе метеорологическія наблюденія свидѣтельствуютъ, когда въ Малороссіи не бываетъ оттепели въ генварѣ или февралѣ мѣсяцѣ, и снѣгъ держится постоянно, то весною бываетъ немножко позднѣе, но ровнымъ переходомъ отъ холода къ теплу. Сіе для хлѣба и садовъ очень выгодно; но для плотинъ великая бѣда. Ледъ у насъ замерзъ до земли вмѣстѣ съ рыбой; какъ рванетъ разомъ аршинную толщу льдовъ, то много надѣлаетъ бѣды.

22 февраля 1822 г. Паркъ Трудолюбъ.

33. По рачительной справкѣ моей оказалось, что въ экономіи Гудовича всегда имѣется въ наличности множество шленскихъ смушковъ, не только новыхъ, но преимущественное число прошлогодныхъ, и довольно сходная цѣна имъ. Слѣдовательно теска мой, по давнему обычаю своему, непрестанно придерживается дневному закону перваго апрѣля, и не принудилъ себя здѣлать исключеніе для васъ, заглушивъ испытанное имъ усердіе ваше къ дому его. Признаюсь, что я не могу быть равнодушенъ, какъ представлю сколько вы заботились о томъ, а я обезпечился, повѣривъ ему, между тѣмъ какъ вы могли бы выѣхать изъ Кибенецъ въ суровое время въ тепломъ тулупѣ.—Здѣсь къ статѣ уже будетъ сказать что Д. Пр. никогда не вспомнитъ объ немъ, и если кто станетъ заговаривать въ пользу его, то онъ и не отвѣчаетъ; причина главная та, что оны не живутъ совсѣмъ въ Кибенцахъ съ Марьею Ивановною, подъ предлогомъ разоренія хозяйства своего: сіе случилось вскорѣ послѣ пріѣзда родителей Ольги Дмитріевны, которыя и понынѣ въ Кибенцахъ и непреложно хотятъ побывать сей весной въ Кіевѣ. Относительно же Д. Пр., то отнюдь не слыхать и даже намека нѣтъ о томъ, чтобы онъ думалъ выѣхать куда далѣе 50 верстъ; о дальнѣйшемъ же пути всякой слѣдъ простылъ. Сими праздниками намѣренъ онъ побывать съ своими Калужцами у Маѳы Михайловны Родзянкиной и по обычаю на Тройцынъ день въ Обуховкѣ. Говоря объ Обуховкѣ, можно сказать мимоходомъ, что В. В. (Капнистъ) съ декабря мѣсяца и по сей день въ Ромнахъ,

жена же его съ одною дочерью дома всю зиму; два сына въ Крыму по дѣламъ своимъ. В. В. же въ Ромнахъ коптитъ по тому, что бѣдная дочь его, ожидавшая родить первенца въ генварѣ, и по днесь не праздна, ошибясь въ ращотѣ тремя мѣсяцами и болѣе, слѣдовательно страшится онъ оставить дочь свою въ столь затруднительномъ положеніи.—Ан. Анд. (Трощинскій) еще зимой хотѣлъ ѣхать съ своими въ Кіевъ подъ контракты, наипаче получивъ извѣстіе о смерти Бутовича (котораго сынъ вчера явился въ Кибенцы) и что онъ попечитель; но такъ какъ письма вдовы сильно окурены всегда литовскимъ статутомъ, то генералъ и не имѣетъ надежнаго орудія къ защитѣ; наипаче же изнѣженность новобрачія, сильно внушаетъ ему малороссійскую пословицу: „кто кислицу съѣлъ, а на меня оскома напала“. Того ради и сказалъ онъ старому наслѣднику: „я чуждъ всего, кромѣ дружескихъ вамъ совѣтовъ“. Слыша о таковомъ пособіи, невольно вспомнимъ: сухая корка ротъ деретъ... Новости у насъ довольно водятся. О знакомыхъ вашихъ доложу, что А. К. Разумовской 5 марта скончался. Докторъ Орлай [1]) по веленію начальства оставилъ Нѣжинское директорство (уповательно на время), ибо съ верхъ всякаго чаянія поспѣшилъ въ Сербію, будто бы блюсти здоровье земляка своего ген.-лейтенанта Эммануеля, отпущеннаго за границу, якобы лечиться. Видится, что одинъ будетъ возмущать сербовъ противъ чалмы мечемъ, а другой—перомъ талейранскимъ, къ чему сей послѣдній великой мастеръ, какъ пѣхотные прапорщики похваляютъ: собаку съѣлъ и мышь проглотилъ.—Накрутилъ и нагородилъ я довольно перушкомъ домашнимъ и непокупными чернилами; но не дома, а въ шумныхъ Кибенцахъ противъ шести качелей и толпы народной, спѣша къ суетнымъ привѣтствіямъ, стараясь при томъ все сказать не дорожа лишнымъ словомъ, но боясь, чтобы не упустить того, что бы причлось за не за лишнее...

4 апрѣля, 1822 г.

---

[1]) См. о немъ статью Н. Кукольника въ книгѣ „Гимназія высшихъ наукъ и лицей кн. Безбородко“. Изд. 2-е Спб. 1881. стр. 189—202.

34. Спѣшу препроводить вамъ новый тулупъ чрезъ достовѣрнаго вручителя; очень пріятно было бы мнѣ, естли бы онъ пришелся вамъ въ ладъ такъ, чтобы вы уже не озабочивались переправкою онаго; естли же впредъ можетъ гдѣ либо повредиться тонкой и легкой мѣхъ сей, то на таковой случай приложилъ я особо три смушка, два изъ нихъ наличные, а одинъ рукавной; всѣхъ вообще смушковъ щитается 47, а именно: 1) 39 смушковъ добрыхъ по 70 копѣекъ, 2) рукавныхъ 6, по 60 к., рукавныхъ смушковъ 2 по 40, всего за смушки заплачено 31 р. 70 к., за вычинку шкуръ по 7 копѣекъ—3 руб. 29 коп., за пошивку тулупа—5 руб., всего—40 рублей безъ копейки. Переплетчикъ согласился было взять по рублю за переплетъ, здѣлать кожу подъ мраморъ и съ прикрасами златосафьянными, но коль скоро увидѣлъ кожи, то сказалъ, что нѣтъ возможности употребить ихъ въ дѣло, говоря, что онъ потеряетъ репутацію отъ того, что кожи сіи нельзя никоимъ образомъ ни выкрасить ни налощить и тому подобное. Присемъ случаѣ онъ просилъ предложить вамъ: не угодно ли будетъ вамъ переплеты изъ его полусафьяна, въ таковомъ случаѣ переплетъ будетъ стоить по два рубля каждой. О чемъ я и ожидаю вашего разрѣшенія...

22 апрѣла, 1822 г. Паркъ Трудолюбъ.

35. Жестокія припадки, гнетущіе жену мою, вынудили у меня двѣ поѣздки въ разныя стороны, къ двумъ врачамъ, германцу и британцу, которые дѣлали безуспѣшные приступы къ пользованію жены моей, столь долго страдующей. Наконецъ она рѣшилась ввѣрить себя нашему доктору Бадру (?), успѣвшему уже надъ многими больными оказать блистательные успѣхи. Такимъ образомъ улучивъ сложныя немощи жены моей спѣшно пользуетъ, не преставая начинять ея аптекарскими гадостями, говоря, что хроническіе припадки ея требуютъ долговременнаго леченія. Такова то жизнь внѣшная, дабы чуть продлить ее, то надлежитъ глотать горько смердючія ястія и питія, превышающія цѣною нектаръ и амброзію. Тѣмъ временемъ Д. Прокофьевичъ приступилъ къ построенію домашней церкви подъ одну кровлю съ большимъ домомъ, такъ, чтобы входъ въ церковь

былъ изъ столовой залы; и дабы избавиться отъ плотничей стукотни, то онъ выѣхалъ не надолго въ село Ересси... Похвалюсь вамъ, что нашъ министръ какъ то проговорилъ, что достопочтенный Владиміръ Васильевичъ Лопухинъ, нѣкогда, подарилъ ему описаніе жизни своей, своеручно писанное; министръ говоритъ, что онъ находитъ довольно упущеній извѣстныхъ ему доблестей благочестиваго мужа сего. Пользуясь радостнымъ извѣстіемъ симъ, я непреминулъ попросить для прочета, что и обѣщано мнѣ при возвращеніи въ Кибенцы...

18 іюля, 1822 г. Ересси.

36. Книги ваши получены исправно по приложенному къ онымъ описанію. Андрей Андреевичъ немедля позволилъ удовлетворить общее желаніе наше; однакожъ переплетчикъ не можетъ теперь приступить къ дѣлу, ибо не имѣетъ матеріаловъ. Онъ взялся было здѣлать Муравьеву-Апостолу [1]) 1000 переплетовъ, здѣлалъ 30, и отказался по причинѣ разныхъ недостатковъ. Вообще ходъ дѣла сего будетъ состоять такимъ образомъ: переплетчикъ, не надѣясь на Кременчугъ и Харьковъ, на сихъ дняхъ отправленъ будетъ въ Кіевъ на контракты, гдѣ и надѣется найти все нужное для мастерства своего; ему приказано лично явиться къ вамъ, дабы удобнѣе могъ объяснить все нужное о предметѣ семъ. Я просилъ его о цѣнѣ и получилъ въ отвѣтъ, что сіе будетъ зависѣть отъ цѣны матеріаловъ, а дорожиться онъ не будетъ; въ протчемъ не взирая на личное объясненіе съ нимъ ваше, прошу мнѣ поручить, какъ торгъ, такъ и надзоръ... Что сказать вамъ о житьѣ бытьѣ своемъ? Годъ отъ года стараюсь колико можно облегчать работы крестьянъ своихъ, такъ чтобы повинность сія основывалась на справедливости, и чтобы крестьяне мои облегчены были болѣе, нежели крестьяне сосѣдовъ моихъ. Христіанская любовь къ ближнему требуетъ того, и при всемъ томъ хозяйскія строенія, все бѣлокаменныя, ростутъ, да ростутъ. Всѣ смотрящіе на то поверхно, думаютъ: или у меня

[1]) Говорится объ Иванѣ Матв. Муравьевѣ-Апостолѣ, декабристѣ, который унаслѣдовалъ миргородскія имѣнія Апостоловъ послѣ Михайла Даниловича Апостола (правнукъ гетмана). См. Русск. Стар. 1873 г., стр. 107 и слѣд.

денегъ очень много или крѣпко утомляю крестьянъ своихъ! На противъ того, я дѣйствую совсѣмъ иными средствами: во первыхъ, охота, а вовторыхъ особливая уловка, вѣрной ращотъ, недремлющая предусмотрительность. Къ облегченію всѣхъ занятій, а наипаче прилѣжное терпѣніе суть виновники мнимому чуду сему. За терпѣливое прилежаніе я много обязанъ отцу-наставнику моему принцу крови графу Федору Евстафьевичу Ангальту; онъ отъ кадетскаго юношества твердилъ намъ пословицу: безъ труда нѣтъ плода, присовокупляя къ тому наставленіе свое: кладите всякой день съ терпѣніемъ на одно мѣсто по одной горсти земли, и вы съ удивленіемъ увидите наконецъ на томъ мѣстѣ гору, гдѣ прежде была долина.—Помощію терпѣнія я переписывалъ по временамъ сочиненія скандинавскаго философа и кто бы могъ подумать, чтобы я при хозяйскихъ занятіяхъ и при частыхъ разъѣздахъ своихъ, могъ переписать мѣлкимъ маковымъ зѣрномъ нѣсколько стопъ бумаги? И кромѣ того по части хозяйской и исторической накропилъ я не одинъ пудъ бумаги. Естли бы незнакомой человѣкъ разсмотрѣлъ рукописи мои, то могъ бы подумать: конечно этотъ человѣкъ долго жилъ на свѣтѣ, столь много написавши; напротивъ того писателю сему до сихъ поръ только 45 лѣтъ [1]). Онъ бы сказалъ тогда, страдаетъ грудью, изнемогъ истощалъ писатель сей. Напротивъ—какъ кровь съ молокомъ. Ужъ вѣрно онъ жестоко повредилъ глаза свои? Богъ съ вами! и теперь ночи прописываются безъ очковъ. Вотъ господствующая склонность моя, чрезъ которую дѣлаю безчисленныя упущенія по хозяйству, ибо занимаюсь онымъ вмѣсто отдыха; зимою дремлетъ хозяйство мое, а лѣтомъ пробуждается съ новою бодростію. Наружное устройство хозяйства моего крѣпко обманываетъ зрителей; всѣ почти думаютъ, что я день и ночь копчу себя на прибыточныхъ занятіяхъ; ибо и прошлой осени удивились сосѣди и путники, вновь увидѣвъ огромную гостинницу; она дала поводъ спрашивать у меня съ удивленіемъ, когда я успѣлъ выстроить столь обширное зданіе? И я смотря по образу мыслей вопросителей, давалъ различные от-

[1]) Письмо писано въ 1823 г, слѣд. Ломиковскій родился въ 1777 или 1778 г.

вѣты, которые вообще состояли въ слѣдующемъ: не думайте, милостивый государь, чтобы въ таковыхъ случаяхъ дѣлалъ я усильное напряженіе; попробуйте два дня не щищать пыли съ лакированнаго столика вашего и вы на третій день въ состояніи будете писать на немъ пальцомъ урокъ грамотному слугѣ своему: „посмотри, какъ нерадивъ ты". Прогуливайтесь пѣшкомъ, навѣдывайтесь въ комнату свою хоть два раза въ день, но не велите выметать помоста; приведите черезъ семъ дней любителя опрятности, и онъ съ неудовольствіемъ скривитъ носъ и пожметъ плечами, видя полъ, покрытый земною корою.—Извѣстный пѣшеходецъ къ святымъ мѣстамъ Григоровичъ Барской, въ запискахъ своихъ съ удивленіемъ говоритъ, что древній Египетъ, во время оно возникшій на равнинѣ, нынѣ окруженъ холмами и горами, не самородными однакожъ, но содѣланными руками человѣковъ, и притомъ безъ всякаго намѣренія даже созидать горы. Какимъ же это сдѣлано волшебнымъ способомъ? Путешественникъ говоритъ, что египтяне на досугѣ вывозили за городъ всякій соръ, и такимъ образомъ въ продолженіи тысячелѣтій составились высокія горы. Ломоносовъ въ металургіи своей говоритъ о голандскихъ колодезяхъ, при копаніи которыхъ замѣчено нѣсколько десятковъ слоевъ земныхъ, состоящихъ изъ чернозема, песку, глины, хрящу и обратно, продолжаясь такъ многое число саженъ. Примѣчательно, что даже и въ самихъ послѣднихъ слояхъ находятся раковины черепокожныя и разныя окаменѣлости. Бюффонъ вникая въ причины слоевъ земныхъ, доказываетъ, что подлунной міръ нашъ утучнѣлъ и увеличился помощію праха, хотя и не примѣтно постоянно накопляющагося на поверхности земнаго шара.—Пожалуюсь вамъ, что прошедшій годъ заключилъ я очень горестно; проживая долго въ домѣ больного брата моего, имѣлъ несчастіе похоронить его декабря 13 дня. Возвратясь домой, засталъ жену страдающей жестокими истерическими припадками. Слѣдующаго дня, рано, пригласили меня навѣстить больнаго дядю моего, добраго сосѣда, полковника Ивана Ивановича Ломиковскаго, имѣвшаго семерыхъ дѣтей; всѣ попеченія о немъ были тщетны и мы похоронили его декабря 25-го дня. Во время печальныхъ обрядовъ погребенія, ходилъ я за гробами

съ открытою головою въ продолженіи почти двухъ часовъ, при жестокихъ морозахъ сопровождаемыхъ рѣзкими вѣтрами и отнюдь не простудился. Печальныя событія сіи требовали, чтобы я отложилъ на время всѣ житейскія попеченія; того ради я и опоздалъ отвѣтомъ симъ, ибо затруднительныя обстоятельства вдовы брата моего произвели много общихъ заботъ нашихъ, прекращеніе которыхъ еще не скоро предвидится. Теперь испыталъ я, что смотря на усопшихъ можно учиться умирать небоязненно, съ отраднымъ упованіемъ христіанскимъ. Еще скажу вамъ, что докторъ нашъ безъ всякой надежды, подагра кинулась въ грудь, онъ непрестанно проситъ Бога о прекращеніи мучительной жизни. Кумушка ваша страдаетъ рвотами четыре мѣсяца сряду, принуждена бѣдная поѣхать къ Голованеву. Зимницкой умеръ, благочинной отецъ Стефанъ тоже. Бровко боленъ, Романъ Ивановичъ и отецъ Омельянъ жестоко простудились, не выходятъ изъ комнаты. Семѣйство В. В. Капниста почти все въ сильныхъ болѣзняхъ и нашъ доброй Алексѣй Васильевичъ былъ крѣпко боленъ простудою, не знаю, что съ нимъ дѣлается теперь. Нынѣшнюю зиму рѣдко кто не страдалъ простудою...

13 генваря, 1823 г. Кибенцы.

37. Вы спрашиваете мнѣнія моего о причинѣ многоболѣзненной зимы сей? Хотя я и не врачъ, но отнюдь не смѣю какой либо вашъ вопросъ оставить безотвѣтнымъ. Прошлая осень была очень теплая и продолжительная, коснулась первыхъ дней декабря, часто дожди перепадали, а гдѣ всѣ селы и города засыпаны почти навозомъ, тамъ при большихъ дождяхъ портится вода въ колодцахъ и даже въ рѣкахъ. Вотъ первая причина осеньныхъ лихорадокъ, не говоря о употребленіи плодовъ съ жидкостію. Послѣ долговременной теплоты вдругъ здѣлались долговременные и притомъ жестокіе морозы. Сильный переходъ, а наипаче внезапной, отъ теплоты къ стужѣ и наоборотъ, всегда причиняли эпидемическія болѣзни. Не было и одного дня почти въ продолженіи зимы сей, чтобы не дулъ сильный вѣтръ, наипаче восточный; день въ день пускался въ работу, и ночью не умолкалъ. Какъ же непростудиться, когда и каменныя стѣны продувалъ

вѣтръ? Не знаю человѣка, который бы не вопіялъ на ревматизмъ, насморкъ, можно сказать всеобщій, жабу и т. п. простуды. А какъ всякой человѣкъ имѣетъ какой либо припадокъ или покрайней мѣрѣ наклонность къ оному, притомъ всякая провинція имѣетъ, смотря по мѣстному положенію, свои эндемическія болѣзни, то ужасный переходъ отъ тепла къ холоду и обратно, въ сопровожденіи неумолкныхъ вѣтровъ, кого хотите доканаетъ; ибо въ таковыхъ случаяхъ и болѣзнь, какъ искусный непріятель, нападаетъ всегда на самую слабую часть силы тѣлесной. Въ дополненіе къ тому не видали по несколько дней животворящаго солнца не токмо мы, но и западная Европа. Читалъ я некогда въ *Всемірномъ Путешественникѣ*, что одинъ италіянецъ, проживая долгое время въ туманной Британіи, такъ соскучилъ за безоблачною Италіею, что въ письмѣ къ соотечественнику своему писалъ въ Италію: „ахъ какъ вы счастливы, что видите солнце,— кланяйтесь отъ меня солнцу!“ А нынѣ пишутъ изъ церковной области: у насъ большіе морозы, снѣгъ, туманы и мы три недѣли уже не видѣли солнца. Многіе у насъ, имѣвшіе зародыши къ тяжелымъ болѣзнямъ, жестоко страдали изъ числа молодыхъ людей; пожилыхъ же людей умерло необыкновенно много, въ томъ числѣ и добрый нашъ докторъ Бауръ...

7 марта, 1823 г. Трудолюбъ.

38. Мнѣ неизвѣстно, какъ Задунайской получилъ шведенборговы книги, уповательно онъ имѣлъ случай достать оныя будучи въ Германіи, ибо исторія свидѣтельствуетъ, что Румянцовъ въ Семилѣтнюю войну находился въ дѣйствующей арміи, прославилъ имя свое взятіемъ Колберга и, по заключеніи мира, оставался въ прусскихъ владѣніяхъ даже и во время возшествія на престолъ Екатерины II, которая благосклоннымъ письмомъ пригласила его въ свое отечество. Задунайской любилъ нѣмецкую словесность, а какъ таковыя книги не имѣли тогда доступа въ Россію, то и можно полагать, что онъ вывезъ ихъ изъ Германіи...

25 апрѣля, 1823 г.

39. У насъ теперь Егоръ Ильичъ Бажановъ и Миллеръ по именному повелѣнію производятъ слѣдствіе надъ злоупотребленіями судовъ миргородскихъ. Одно слѣдствіе въ 600 листовъ послано въ столицу, а другое продолжается.

26 мая, 1823 г.

40. Митрій Прокофьевичъ въ Ерескахъ, гдѣ и Кудрявцовъ съ женою; Ольга же Дмитріевна очень тяжеловѣсна: при самомъ концѣ беременности. Д. П. говорятъ бодръ, но рана открылась поверхъ желудка; говорятъ, скрытно потрухиваетъ, но веселъ и всякой день разъѣжжаетъ. Такъ сказывалъ мнѣ любезный не Голтвянскій, а Черниговскій Бажановъ; самъ же я не былъ еще въ Ерескахъ, а поѣду туда въ іюлѣ. Бажановъ, въ качествѣ ревизора, дѣлалъ у насъ, 4 мѣсяца почти, слѣдствіе, по именному повеленію, надъ миргородскими ябедниками, по тремъ разнымъ предмѣтамъ; высшее начальство обратило вниманіе на незазорныя поступки нашихъ юристодралистовъ; не одно убійство открылось, совершенное самими членами и много убійствъ было закрыто ими. Словомъ сказать самъ Бажановъ отправилъ 1600 листовъ необыкновенныхъ злоупотребленій, говоря, что еще было бы на два года, еслибъ приняться съ досугомъ. Вотъ какіе у насъ члены судовые да и самъ маршалъ изобличенъ въ неправдахъ...

5 іюля, 1823 г.

41. Пословица малороссійская говоритъ: „живой объ живомъ и думаетъ;“ такъ и я цѣлые шесть лѣтъ складалъ весь доходъ свой въ строевой лѣсъ, для постройки водяной мельницы, бывшей на пруду еще при отцѣ и дѣдѣ моемъ; само мѣсто требовало сего строенія; и наконецъ сего лѣта производилась презаботливая распилка лѣса, требовавшая точной мѣры въ длину, толщину и ширину, а на конецъ приступилъ уже и къ самой постройкѣ, которая захватитъ и будущее лѣто. Покудово будущая мѣльница начнетъ толочь сукно, пшено и молоть зерно, то заботы объ ней, по пословицѣ:—„прикажи, а самъ сдѣлай“, крѣпко натолкутъ мнѣ голову, да и теперь натолкли, ибо всѣ прія-

тели мои и благодѣтели жестоко востали противъ меня: всякой про себя думаетъ, что я охладѣваю къ нему или имѣю неудовольствіе какое, иные даже кричатъ во все горло, что я забылъ старыхъ друзей; требуютъ, чтобъ я непремѣнно несколько недѣль прожилъ у каждаго въ домѣ, а таковыхъ домовъ довольно много; слѣдовательно надобно бросить все хозяйство и вести кочевую жизнь; а какъ весна однимъ днемъ красна, а лѣтній день пропалъ—то весь годъ пропалъ; того ради я на все лѣто сѣлъ въ Трудолюбѣ какъ ракъ на земли и не могъ уже ни въ какую сторону повернуться, какъ черепаха, опрокинутая на спину. Вообразите въ три мѣсяца сіи я видѣлъ министра только три дни...

24 іюля, 1823 г.

Министръ все лѣто проживаетъ въ Ерескахъ; опять началъ немного кашлять, по словамъ генерала и отъ того, что не хочетъ сдѣлать заволоки. Вся толпа великою ордою проѣдитъ чрезъ Миргородъ въ столицу Кибенцы въ первыхъ числахъ сентября; 14 же числа предполагается освятить домашную церковь, которая почти совсѣмъ готова. Генералъ все жалуется на свою старую болѣзнь; малютка его недавно была нездорова, тесть его въ водяной, теща въ ипохондріи, мать въ ревматизмѣ. Такъ то поживаютъ роскошные люди, имѣющіе своего доктора и свою аптеку и множество поваровъ и кондиторовъ...

24 іюля, 1823 г.

42. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ стараго друга своего Василія Васильевича Капниста, которой жалуется, что въ продолженіи двухъ лѣтъ сихъ примѣтно ослабѣваетъ и хвораетъ, что̀ очевидно сближается къ финалу; да правда и перенесъ много семѣйной печали, которая отчасти минулась, но здоровье не возвращается. Къ 30-му числу ѣду въ Ерески навѣстить министра. Странное дѣло, почти всѣ больны тамъ, а кулисы театральныя везутъ изъ Полтавы.—Княгининъ (Репниной) институтъ теряетъ довѣріе, берутъ насильно оттуда дочерей своихъ многія матери; причина тому та, что парижанка въ отсутствіе

княгини жестоко ссорилась съ Архимандритомъ, тамошнимъ законоучителемъ, которой ссорился за то, что мадамъ въ наказаніе ученицъ надѣвала крестъ. Увы до коихъ поръ у насъ будутъ ввѣрять дѣтей своихъ иноземнымъ шлёхамъ и подлымъ ремесленникамъ...

26 августа, 1823 г.

43. Трощинскій уже въ Кибенцахъ, слѣдовательно Ломиковскій, хоть не радъ да готовъ вести жизнь тунеядную, нестерпимую для сердца его; какъ то совѣстно пренебречь утонченныя ласки министра, служившаго отечеству полъ столѣтія! Министръ обновился здоровьемъ, какъ орля юность, веселъ сталъ, бодръ и разговорчивъ и не кашляетъ ни разу. 7-го октября будетъ освящаться церковь, все готово и посланы будутъ на сихъ дняхъ 20 лошадей за ризницей въ Переяславъ.

25 сентября, 1823 г.

44. Духъ воображенія коснулся чела моего и словоохотныя мысли переступили пять круговыхъ листовъ и не успѣли еще достигнуть половину пути своего. Вдругъ смерть В. В. Капниста оторвала меня отъ занятія сего. Вслѣдъ за тѣмъ добрый Д. И. Кудрявцовъ, такъ сталъ страдать грудною водяною, послѣ двухъ преждебывшихъ параличей, что въ продолженіи пяти недѣль ежедневно ожидаютъ кончины его. Сугубая печаль сія остановила поѣздку генерала въ Кагарлыкъ, меня же оторвала отъ всѣхъ занятій, ибо въ печальные Кибенцы нынѣ почти никто не ѣздитъ; и все это искушеніе пало на меня. И такимъ образомъ отвлеченъ нынѣ отъ среды спокойнаго занятія, вмѣсто коего, съ отвращеніемъ сердца долженъ бороться съ искушеніями и празднословить предъ немощнымъ, унылымъ и всѣми забытымъ министромъ. Видя таковую бѣду свою, я немогъ не огорчаться духомъ, что три любимыя книги ваши столь долго въ разлукѣ, совѣсть упрекала меня за косненіе, хотя невольное, а потому я и рѣшился безъ всякаго отлагательства отправить къ вамъ чрезъ почту вышесказанныя книги...

8 декабря 1823 г.

45. Проживая у васъ въ святой лаврѣ въ безмятежной обители вашей я роскошествовалъ чистыми услажденіями духа; вы пресыщали и упоевали меня душевнымъ гостепріимствомъ своимъ... Вслѣдствіе сего я имѣлъ намѣреніе поблагодарить васъ немедля пріехавши домой, но неожиданныя встрѣчи внезапно оттянули меня отъ дому; одинъ изъ сихъ случаевъ я обязанъ сообщить вамъ непреложно о чемъ и буду говорить при концѣ письма... Теперь съ сердечнымъ умиленіемъ могу похвалиться вамъ, что процессъ совершился уже прямо по руководству вашему со строгою точностію. Убилъ удода и вынулъ камень изъ головы его. И вотъ какъ дѣло происходило: о полуночи, въ субботу, сдѣлалъ я описаніе всѣмъ рукописямъ скандинавской философіи, сорвалъ переплеты и сложилъ всѣ лжеумствованія въ огромную кучу. 1824 года марта 30 дня, въ день недѣльный положилъ часть рукописей въ присѣнную печку, засвѣтилъ восковыя свѣчи и зажигалъ оными соблазнительныя бредни, что и продолжалось нѣсколько часовъ. Я крѣпко утомился и вспотѣлъ покудова сгорѣли всѣ *семь тысячъ страницъ*; пепелище же поворачивалъ огромною кочергою изъ колющаго шиповника, на тотъ часъ случайно срубленнаго за безпорядочной видъ его. Послѣ всего брошенъ былъ въ печь печатной въ Лондонѣ портретъ автора, большой же портретъ его, писанный на заказъ, я загрунтовалъ чорной краской. *Выпись рукописямъ писаннымъ мною день и ночь въ продолженіи семи лѣтъ, то есть отъ 1816-го до 1821 года включительно* 1) Апокалипсисъ, изъясненный отъ 1-й до 19-й главы, число страницъ 4319. NB. Умственно сжегъ при семъ и тѣ главы, кои находятся у васъ съ другими рукописями подобнаго же духа. 2) Истинное христіанское Богочестіе, 2 части, 794 стр. 3) О любви супружеской, 447 стр. 4) Ученіе Новаго Іерусалима, 75 стр. 5) О небѣ и адѣ, 2 части, 450 стр. 6) Объясненіе псалмовъ, 70 стр. 7) О святой Троицѣ, *Ереси*, 20 стр. 8) О конѣ бѣломъ, 4 стр. 9) Объ установленномъ сообщеніи между душею и тѣломъ, 126 стр. 10) Объясненіе божественныхъ истинъ, 28 стр. 11) Разныя творенія членовъ новой церкви, 77 стр. 12). Духъ Сведенборга, писанный мною, 33 стр. 13) Разныя выписки, 303 стр. 14) Наука соотвѣтствій,

34 стр. 15) Ангельская премудрость о Божественной любви, 144 стр. 16) Ангельская премудрость о Божественномъ Промыслѣ, 343 стр. Итого листовыхъ страницъ 7267. Вамъ извѣстно, какимъ мелкимъ письмомъ писаны творенія сіи; еслибъ оныя рукописы писалъ я просторнѣе, какъ обыкновенно пишутъ, тобы листовъ было въ трое больше, т. е. доходило бы число до 20000 страницъ, слѣдовательно и бумаги пошло бы не четыре стопы, а двѣнадцать стопъ. Всѣ сіи труды принесъ я въ жертву смиренной матери нашей, соборной Апостольской церквѣ, яко такого духа, которой болѣе всѣхъ враждовалъ противъ присной матери нашей, который облекшись въ броню софизмовъ, яко въ булатъ невредимый, съ жестокимъ вольнодумствомъ ополчался противъ всѣхъ святыхъ установленій, освященныхъ тысящелѣтіями и который воевалъ противъ всѣхъ пророковъ и апостоловъ, не какъ явный другъ ихъ, но какъ бы ближайшій другъ ихъ, который подъ притворною личиною усердія, предлагаетъ драгоцѣннѣйшіе плоды, приправленные самымъ сильнымъ ядомъ. Превративъ въ пепелъ ученіе противника церкви нашей, я съ веселіемъ вхожу въ комнату и слышу благовонный запахъ во всѣхъ горницахъ; спросилъ у жены: отъ чего это въ комнатахъ слышенъ духъ кадильный? Она отвѣчала: сего дня воскресный день, помоливши Богу нечѣмъ было заняться, такъ я и накурила смирной во всѣхъ комнатахъ. Я помыслилъ тогда: какъ кстати пришло ей на мысль окурить всѣ комнаты наши. Послѣ прихожу въ кабинѣтъ и замѣтилъ пустоту между рукописными приполками, я возрадовался сердцемъ, что столь рѣшительно исполнилось данное мнѣ повеленіе. Но какъ я щедро награжденъ былъ за пожертвованіе сіе; я увидѣлъ на столѣ рукопись Транквиліона, сталъ вновь читать его съ умиленіемъ и почувствовалъ неизъяснимую сладость въ сердцѣ своемъ, позналъ высокую цѣну великимъ истинамъ, являющимся въ непорочной простотѣ своей, прямымъ сынамъ церкви нашей, сынамъ востока свыше... Написавъ усердныя письма къ обѣимъ братьямъ послалъ къ младшему брату розги садовыя и просфиру заздравную, прося, чтобы онъ доставилъ таковую же просфиру и письмо мое въ Екатеринославъ къ старшему брату своему. Я получилъ ве-

ликую благодарность а сверхъ того извѣстіе, что старшій братъ будетъ къ нимъ того же дня, проживетъ у нихъ день и поѣдитъ принять праздникъ у зятей своихъ, живущихъ близъ Роменъ. Поелику же я около двухъ лѣтъ не навѣщалъ младшаго, то онъ и недавалъ мнѣ знать о возвратномъ пути старшаго брата, но задумалъ сдѣлать мнѣ одно порученіе, которое отнюдь отъ меня не зависѣло, но ему такъ показалось, а потому какъ пріѣхалъ къ брату, тотъ же часъ на всю ночь отправилъ ко мнѣ курьера съ длиннымъ письмомъ, прося самаго скораго объясненія, говоря что должность требуетъ скорѣйшаго возврата на службу. Я рѣшился тотчасъ же ѣхать для личнаго объясненія, отнюдь не имѣя намѣренія спѣшить въ важномъ дѣлѣ; видя же заботы общія, занятіе гостями и суету къ выезду, я даже и въ мысляхъ не клалъ промолвить одно слово о новомъ образѣ мыслей моихъ. 13 апрѣля въ день недѣльный, Д. Л. (Алексѣевъ) долженъ былъ выѣхать въ восьмомъ часу утра, дабы дольше наговориться съ нимъ, я всталъ рано и пошелъ къ нему въ спальню вмѣстѣ кофій пить. Вдругъ приходитъ хозяйка; поговоривъ кое о чемъ, Д. Л. вышелъ на минуту! Хозяйка какъ снѣгъ на голову, вдругъ спросила у меня: читаете ли вы по прежнему Сведенборга? Ненавидя ложь, просто сказалъ—нѣтъ. Она покраснѣвъ, съ удивленіемъ спросила: почему?—потому что тамъ много ужасной аріанской ереси. Приходитъ Д. Л.,—Хозяйка говоритъ ему: В. Я. оставилъ Сведенборга.—Какъ это можно воскликнулъ онъ!—Я нехочу послѣдовать иноземному мечтателю, а хочу быть сыномъ восточной церкви. Д. Л. сказалъ: такъ вы покланяетесь святымъ, молитесь имъ и вѣрите соборамъ! О въ какомъ вы ужасномъ ослѣпленіи! Вы навѣки погибнете!—Если вы думаете, что я погибну, то я погибну одинъ, а если вы погибнете, то погибнете со всѣми дѣтьми своими!—Д. Л. поблѣднѣлъ.—Тогда я сказалъ: я могу представить вамъ цѣлыя горы доказательствъ, что эта секта богохульствуетъ; я вамъ дамъ доводы и вы сами увидите непорочную святость, истину церкви нашей! Онъ сказалъ: увидимъ, а послѣ возвратился:—нѣтъ нехочу читать, ничто меня не убѣдитъ во вредъ новой церкви!—Будьте жъ увѣрены, что она скоро будетъ осуждена, сказалъ я. *Хозяйка*: Нѣтъ она въ Ан-

гліи и въ Америкѣ часъ отъ часу болѣе распространяется, братъ имѣетъ вѣрныя извѣстія. Приходитъ младшій братъ. *Хозяйка*: Ты правду сказалъ, услышавъ, что В. Я поѣхавъ въ Кіевъ, оставитъ Сведенборга.—Какъ! Не ужели? Усмѣхнулся, кивалъ головой съ сожалѣніемъ и потомъ сказалъ: Отдай намъ свои рукописи!—У меня нѣтъ ихъ.—Гдѣ жъ онѣ?—Сжогъ до послѣдняго листа.—Ахъ какое ослѣпленіе!—Повѣрьте мнѣ, господа, что я такъ поступилъ послѣ самаго строгаго изслѣдованія, почувствовавъ адскія лжи, дышущія гордостію великою познанія таинствъ небесныхъ. Вы читали Свед., а я семь лѣтъ переписывалъ, изслѣдовалъ его и, какъ Іоаннъ Богословъ совѣтуетъ, испытывалъ и писанія; при всемъ томъ 4 года вступался за расколъ сей, боролся за него; но при томъ всякой день молился, чтобы Богъ сподобилъ навести меня на путь спасенія, и удидѣлъ адскую пропасть, которую я съ восторгомъ щиталъ за небо. Вы теперь возражаете мнѣ, но я въ сто разъ больше распинался за Свед. чѣмъ вы, и увидѣлъ заблужденіе свое. И если вы будете улучшать сердце свое и въ простотѣ сердца руководствоваться правилами церкви нашей, то и вы обратитесь на путь истины. Надобно знать, что при слабыхъ возраженіяхъ сихъ часто кричалъ попугай, котораго крикъ для меня гораздо пріятнѣй былъ нежели слова ослѣпленнаго разума росколами. Карету подали, Д. Л. распрощался со мною дружески, просилъ убѣдительно къ себѣ и я далъ слово быть у него по зимнему пути или въ добрую осень. С. Л. не хотѣлъ убѣждать меня, говоря, что это безполезно.—Хозяйка болѣе всѣхъ ополчавшаяся, услышавъ, что я видѣлъ Свед. въ скрежетѣ зубовъ, кланявшагося до земли, развалины храма, а такъ же и ее самую видѣлъ, особенно во снѣ, обѣщалась поговорить со мной наединѣ о предметѣ семъ. Послѣ обѣда дюжина гостей разъѣхалась и мы приступили къ разговору. Она разсказала мнѣ, какъ она съ мужемъ ужасалась книгъ скандинавскихъ, какъ убѣждена была прочитать хотя немного, какъ причитала тайкомъ отъ мужа, какъ мужъ огорчился узнавъ объ этомъ и какъ наконецъ самъ прилѣпился. Потомъ сказала: еслибъ кто сказалъ ей, что видѣлъ Свед. въ адѣ, то она никакъ не оставитъ его, ибо онъ всѣхъ сильнѣе доказываетъ о благости

божіей и болѣе всѣхъ прилѣпилъ ее къ Господу. Я отвѣчалъ, что я видѣлъ его въ скрежетѣ зубовъ, что онъ самой ужасной еретикъ, уничижавшій Тройцу. Она отвѣчала: онъ превозноситъ Тройцу болѣе всѣхъ.—Я сказалъ: ахъ! въ какомъ вы ужасномъ ослѣпленіи; но если вы по евангелію будете улучшать сердце свое, то Господь несомнѣнно обратитъ васъ на путь спасенія, о чемъ я всякой день буду молиться. За молитву она согласна, а ереси никакъ не хочетъ оставить, полагая, что я погибшій. Потомъ спросила: какъ я видѣлъ ее? Я сказалъ 13 апрѣля, т. е. сего дня прежде обѣдни, вы стояли подлѣ меня въ бѣломъ платкѣ съ красною шалью и сильно уговаривали меня. Вить такъ?—Такъ, сказала она.—Подлѣ васъ стоялъ мужъ вашъ и просилъ, чтобъ я отдалъ ему семилѣтнія рукописи. Вить такъ?—Такъ. Я сказалъ, что у меня ихъ нѣтъ. Такъ?—Все это видѣлъ я во снѣ, какъ на яву 6 марта, т. е. 37 дней прежде разговора нашего, въ томъ самомъ платьѣ и слышалъ тѣ самыя слова отъ васъ обоихъ, даже и комната была просто бѣлая. Она покраснѣла, просила, чтобъ я дѣтямъ ея не говорилъ про философа ихъ. И потомъ отпустила мнѣ множество самыхъ младенческихъ доводовъ, не смотря на великой умъ ея. И не могла скрыть неудовольствія на васъ, полагая, что вы самой великій магикъ. Сверхъ того присоединила самыя слабыя убѣжденія, однако жъ созналась,что она никакъ не въ силахъ оспорить доводовъ моихъ, потому что только одного Сведенборга. и затвердила. Прочихъ же и знать не хотѣла и не хочетъ! Въ отвлеченномъ разговорѣ называла меня истиннымъ другомъ дому, и мы разстались какъ большіе друзья. Съ каждымъ изъ нихъ разставаясь, тихонько говорилъ: любовь къ вамъ сохраню незыблемо, хотя мы теперь крайне противоположны въ мнѣніяхъ; на моей сторонѣ церковь и всѣ святые, а на вашей, увы! мечтательный иноземецъ, завлекшій васъ въ пустыню.—Вотъ что успѣло совершиться въ короткое время; я не помышлялъ еще явно приступить къ дѣлу, не хотѣлъ и рѣчи зачинать о предметѣ семъ и невольно слишкомъ проболтался, да еще и разомъ со всѣми старшинами секты сей. Соображая случай сей, думаю, что столь твердый голосъ съ тѣми людьми, которые какъ ора-

кулы говорили со мною во время оно, можетъ крѣпко озадачить ихъ, а наипаче старшаго изъ нихъ. Я не сомнѣваюсь теперь, что онъ возьметъ новыя рукописи, будетъ обдумывать ихъ и получитъ охоту изслѣдовать писаніе, тогда зародиться можетъ искра довѣрія къ смиренному ученію церкви нашей, слѣпое же довѣріе будетъ оскудѣвать по немногу. Отъ Бога все возможно; и человѣкъ съ помощію постоянной молитвы во всякомъ добрѣ преуспѣть можетъ. Я отнюдь не помышлялъ вступать въ неравное ратоборство сіе, но какъ вамъ извѣстно—мнѣ повелѣно итти въ пустыню и тотъ, кто живетъ за рѣками, за полями, внезапно видится со мной. Два семейства сіи такъ добры и благотворительны, что, кажется мнѣ, самъ Богъ вступается за нихъ. Изъ всего сего и заключаю я, что буду имѣть самыя непредвидѣнныя случаи встречаться съ ними. Вотъ для чего случай сей и разговоръ нашъ я описалъ со всею подробностію...

22 апрѣля, 1824 г. Паркъ Трудодюбъ.

ЛЕГЕНДА О СОТВОРЕНІИ ЗЕМЛИ И ЗЛЫХЪ ДУХОВЪ.

Между матеріалами народнаго творчества, любезно сообщенными мнѣ г. Бѣньковскимъ, обращаетъ на себя вниманіе сказка-легенда космогоническаго содержанія. Въ легендѣ проводится дуалистическій взглядъ, и она полнѣе сравнительно съ другими, подобными ей варіантами.

Х. Я.

То ще якъ не було на свити ни земли, ничого, а тилько одна вода. Разъ Богъ ходывъ по тіи води и бачыть на води булька зъ пины, котра ворушилась; Богъ палыцею роздлубавъ ту бульку и вылизъ зъ неи маленькій чорненькій чоловичокъ зъ хвостомъ и рижками. Богъ давъ мня тому створеневи Сатанаилъ и сказавъ ему: „йды за мною, будемо разомъ ходыты". Ходылы воны по води довго; нарешти втомылысь и захотилы видпочыты; Богъ и каже до Сатанаила: „впирны ты пидъ воду, возьми жменю земли, скажы: „во имя Господне иды зо мною, земля", и несы наверхъ до Мене. Сатанаилъ впирнувъ на дно, взявъ жменю земли, алежъ думае соби: нащо я маю казаты: „во имя Господне"; або я чимъ гирше видъ Него?" та й каже: „во имя мое земля иде зо мною".—Гулькъ наверхъ—дывыця, а земли въ жмени а ни трошки; а Богъ до него каже: „бачь—хотивъ мене обмануты, ослухатысь и зробыты по своему, та не вдалось; впирнай зновъ!" Сатанаилъ зновъ впирнувъ на дно, взявъ жменю земли, затыснувъ ии въ кулакъ, але-жъ все-таки не сказавъ, якъ ему Богъ веливъ, а звычайно впартый, якъ всякій чортъ,

сказавъ по-своему: „во имя мое иде зо мною земля“, выйшовъ наверхъ, рознявъ кулакъ—дывыця, а земли знову ничого нема. Богъ ему каже: „ты таки зновъ хотивъ зробыты по-своему и не слухаешь мене, але даремна твоя праця: ницъ съ того не буде; впирнай лишень третій разъ и кажи такъ, якъ тоби казано.— Сатанаилъ впирнувъ въ третій разъ, взявъ въ жменю земли, та й каже: „во имя Господне“, але спохватывся та й думае соби: перше земля втикала въ мене зъ кулака черезъ то, що ій легко тремавъ; теперъ же я ій затысну въ кулаци такъ моцно, що видъ мене бильшъ не втиче; та й зновъ сказавъ по-своему: „во имя мое земля иде зо мною“; выйшовъ наверхъ, дывыця, а земли зновъ нема, не вважаюче на то, що винъ ій тремавъ обома руками; але все-таки черезъ то, що винъ, бравши землю, вспомянувъ мня Боже, то въ него по-за пазурами зосталася чуточка земли. Богъ дывытця, що и въ трете Сатанаилъ не выполнывъ его прыказу, та й каже ему: „лыбонь съ тебе ничого доброго не буде, колы ты не мигъ выполныты такого пустяка, а нарешти вытереби ту землю, що въ тебе лышылась за пазурами и давай сюды, буде досыть и сеи. Сатанаилъ то зробывъ; Богъ взявъ ту землю, посыпавъ по води, и зробывся дуже гарный на води горбокъ и на нимъ зелень и дерево. Богъ зъ Сатанаиломъ и силы на тимъ горбку спочиваты. Богъ якъ бувъ дуже, втомляный, лигъ на трави и заснувъ;—тоди Сатанаила взяла заздристь, чому винъ не такый сыльный и могучый, якъ Богъ, и захотивъ винъ Бога втопыты; взявъ винъ Бога на рукы и хотивъ кынуты въ воду, але-жъ бачыть чудо: передъ тимъ вода була видъ него не бильше, якъ ступень, а теперъ втикла ступнивъ на десять а на тимъ мисци стала земля; але-жъ Сатанаилъ на то не вважае—пустывся таки бигти до воды, щобъ кынуты Бога въ воду, и тилько щобы кынуты,—но вода видъ него все дальше и дальше, и до краю ниякъ добигти не може. Але бигъ винъ, бигъ, ажъ зновъ опынывся якимсь чудомъ на тимъ самомъ мисци, видки взявъ Бога на руки; але глянувъ тоди ненарокомъ вбикъ и бачыть, що вода видъ него въ сторони не бильше якъ, ступнивъ два; винъ давай туды бигты, щобы таки втопыты Бога, але зновъ же те же саме ся

робыть, якъ и першій разъ: винъ бижыть, а вода втикае. Бигъ винъ, бигъ, ажъ знову опынывся на старымъ мисци. Тоди положивъ Бога на землю, та й думае: „земля ця тоненька, якъ шкаралупа; я выкопаю яму, прокопаюсь ажъ до воды та й кину туды Бога". Копавъ, копавъ, ажъ втомывся, — зипривъ и яму выкопавъ сыльне глыбоку, но до воды не докопався. (Примѣчаніе разсказчика - дѣда: Отъ черезъ що тилько на свити Божимъ багацько земли, и така вона груба: то іи чортъ набигавъ, хотивши Бога зо свиту згубыты).—Тимъ часомъ пробудывся Богъ та й каже: „Бачышь, якый ты передо мною безсыльный и ничого не можешь мини зробыты, хоть и хочешь: земля и вода повынуютця Мини,—тому, хто ихъ сотворывъ, а не тоби. А цее, що черезъ тебе така земля зробылась велыка, ще не бида: я іи насылю разнымъ людомъ и тварами, а яма, що ты теперъ выкопавъ, прыгодыця для тебе-жъ самого на пекло.—Тоди Богъ взявся насыляты землю ружнымъ творинемъ: зразу вылипывъ зъ земли чоловика, подувъ на него, и винъ ставъ ходыты и говорыты, а потимъ поробывъ всю другу скотыну и звирыну, всего по пари для плоду; писля сего, Богъ, идучи на небо, и сказавъ Сатанаилови: „иды ты зо мною"; але-жъ такъ, якъ Сатанаилъ не мавъ крылывъ, то и не мигъ за Богомъ лититы, то Богъ приробывъ ему шисть крыливъ, тоди Сатанаилъ и политивъ за Богомъ на небо. На неби жылы воны, чи довго, чи коротко, цего не знаю, тилько чувъ, що Сатанаилъ такъ прислужився у Бога, що Богъ подарувавъ ему золоту корону на голову. Ажъ разъ Богови треба було кудысь питы на де якій часъ, а на неби лышивъ господаруваты самого Сатанаила, наказавъ ему, колы пислаты на землю дощъ, колы витеръ, колы градъ, а колы тепло; а писля сего каже: „якъ тоби самому буде скучно, то маешь макитру воды, помачаешь въ нюю палець, капнешъ, и зъ тои капли зробыця такій самый, якъ ты, и тоди тоби не буде скучно, бо будешъ мавъ съ кимъ забавлятыся". Сказавши цее, Богъ пишовъ зъ неба; тилько що Богъ выйшовъ за ворота, Сатанаилъ кынувся до макитры, помачавъ въ нюю палець, капнувъ каплю воды, бачыть—справди зъ неи зробывся точнисенько такій самый, якъ винъ. Тоди винъ

почавъ омочаты въ воду вси десять пальцивъ и зробывъ кильконадцять тысячъ подобныхъ на себе чоловикивъ. Робывъ винъ ихъ, робывъ, ажъ покы воды стало и якъ выкапавъ всю воду, дывытця, а ихъ стилько, що й свита Божого не выдко; тоди Сатанаилъ думае соби: „отъ теперъ я царъ, такъ царъ,—маю свое війско, маю свои слуги, маю свое царство: вже никого не боюся, а Бога на небо не пущу, а буду командуваты тутъ самъ". И отъ винъ прыказавъ своимъ слугамъ, щобы ставыли ему царскій престолъ; черезъ годыну престолъ бувъ готовый. Сатанаилъ вылизъ на него, сивъ, набундюжився и каже свому війску, щобы воно стерегло, якъ буде Богъ лититы на небо, щобы Его не пустыты. А Богъ тымъ часомъ справився, де Ему треба було, и летыть назадъ на небо; коли-жъ бачить—на неби тьма тьмуща маленькихъ чоловичковъ, и всякій въ Него кыдае: той каминемъ, той букомъ, той болотомъ,—хто чимъ попавъ; а Сатанаилъ вбрався въ подаров ну ему корону, сыдыть на престоли и командуе ними заслоняты Ему дорогу и не пускаты на небо; але Богъ все-таки на небо вылитивъ и, розсердывшись дуже на Сатанаила, проклявъ его, взявъ палку, пихнувъ нею поставленый сатанаиловыми слугами престолъ, и той престолъ разомъ съ Сатанаиломъ и всима своими слугами политилы на землю. Богъ сказавъ „аминь"; и кого цее „аминь" де захопыло, якъ падавъ на землю ще на воздуси и не долетивъ ще до неи, то такъ винъ и зостався высити на воздуси до Страшного Суда. И теперъ якъ хто зъ людей иде, альбо йиде и зачепитъ головою, альбо чимъ другимъ высячого на воздуси сатанаилову слугу, то цего чоловика непреминно вчепыця блудъ, и винъ зибъеця зъ дороги,—отъ отчего бувае блудъ.—Сатанаилъ же якъ проклятый и скынутый на землю, зачавъ ходыты зъ своими слугами по земли и добрымъ людямъ зло чиныты; а Богъ же на неби на мисце Сатанаила поробывъ соби другихъ дуже багацько гарненькихъ хлопчикивъ и назвавъ ихъ „янголями". Зъ тихъ *янголивъ* вонъ найлуче любивъ йидного и давъ ему мня Миха; и цэму Михови веливъ слидыты за Сатанаиломъ и якъ можно старатьця не даваты ему робыты людямъ зло. Отъ и зачавъ Миха слидыты за Сатанаиломъ; слидывъ винъ, слидывъ, але цее ему мало вда-

валось, бо Сатанаилъ мавъ 6 крыливъ Миха тилько два, и черезъ те Сатанаилъ видъ Михы втикавъ; тоди Миха пожалувався Богови, що винъ съ Сатанаиломъ не може ничого зробыты, бо Сатанаилъ, мавши 6 крыливъ, тоди якъ у него—Михы тилько двое,—швидче видъ него литае, и черезъ то винъ не може за нымъ слидыти, а также Миха зачавъ просыты Бога, щобъ Богъ видыбравъ видъ Сатанаила подаровану ему золоту корону и давъ ему. Богъ Михови на це и каже: „йды бо лышень ты на землю, найды Сатанаила, подружыся зъ нымъ и поклычъ его въ глыбоке море купатыся, и якъ будете купатыся, заложыся, хто довше буде сыдиты пидъ водою, и якъ за третимъ разомъ Сатанаилъ впирне, ты иды скоро на берегъ, беры Сатанаилову корону и втикай на небо, а Я тимъ часомъ заморожу море, то закимъ Сатанаилъ зъ-пидъ леду вырвеця, то ты зъ короною втичешъ. Миха такъ и зробывъ, якъ ему Богъ веливъ: пишовъ на землю, знайшовъ Сатанаила, подружився зъ нымъ и сталы обыдва вкупи жыты, але разъ Миха бере й клыче Сатанаила купатыся и выбравъ для того саме глыбоке море. Миха розибрався, Сатанаилъ такожъ розибрався, а корону свою скынувъ и зоставывъ на берези. Отъ воны купаюця, Миха и каже Сатанаилови: „а ну хто довше зможе пробуты пидъ водою—я чи ты?“ Сатанаилъ каже: я, а Миха каже: я, и зачалы воба спориты. Сатанаилъ каже, и що-жъ тутъ перечитися, заразъ спробуемо—впирнаймо обыдва разомъ въ воду и побачимо, хто довше буде сыдивъ въ води. Отъ воны и повпирналы, але Миха тилько що сховавъ голову въ воду, та й заразъ назадъ выйшовъ, наповерхъ воды и дывыця, де Сатанаилъ; вода въ морю чиста, якъ скло, и бачитъ винъ—сыдытъ Сатанаилъ на самимъ дни. Сыдивъ винъ, сыдивъ та й ставъ пидносытыся наверхъ,—тоди Миха живенько спустывся на дно, сивъ и сыдытъ. Сатанаилъ выйшовъ наверхъ воды, дывыця, а Миха ще сыдытъ у води,—и думае: „кепсько, винъ мене пересыдивъ“. Миха же, посыдивши трохи, выплывъ та й каже: „а що? хто довше сыдивъ—га?“—Тоди Сатанаилъ каже: а ну, давай ще разъ! „и знову повпирналы. Сатанаилъ пишовъ на дно, а Миха заразъ же выплывъ наверхъ и ставъ чикаты, колы Сатанаилъ буде выплываты, щобы тоди самому схо-

ватысь въ воду и тимъ доказаты, що винъ довше сыдытъ, нижъ Сатанаилъ; и зновъ такъ зробывъ, якъ першій разъ: тилько Сатанаилъ ставъ выплываты, тоди Миха впирнувъ и наповерхъ воды выйшовъ писля Сатанаила на килька минутъ пизнише. Сатанаилъ зновъ каже: давай ще разъ попробуемо; якъ и за симъ разомъ ты мене пересыдышъ, то такъ и буты, и тоди здамся, будь тоди ты въ симъ дили першимъ". Воны впырнулы, Сатанаилъ знову на дно, а Миха скоро выплывъ наверхъ, выйшовъ на берегъ, схватывъ свое шматя и Сатанаилову корону и пустывся втикати на небо, а Богъ приказавъ тоди морозови, щобы винъ заморозивъ тое море на цилыхъ три сажни. Сатанаилъ сыдивъ пидъ водою доки мигъ, але вже дальше невмоготу; винъ догоры... а га! щось не такъ: лидъ не пускае выйты; винъ тоди зновъ спустывся на дно,—якъ уперся ногами, якъ пидскочивъ и вдаривъ въ лидъ головою, то лидъ ажъ на всимъ мори затрыщавъ; винъ вдруге тое саме зробывъ,—лидъ на тымъ мисци, де винъ вдарывъ въ него головою, трыщытъ; потрискавъ, та не ломиця: винъ втрете якъ вдаривъ, то ажъ наверхъ зпидъ леду выскочивъ—дывиця: Миха вже на сыредыни дороги межъ небомъ и землею, втикае зъ его короною. Сатанаилъ за нимъ давай доганяты, и якъ въ него було 6 крыливъ, а въ Миха всего 2, то винъ швыдче летивъ, нижъ Миха, и ставъ его наганяты. Отъ Сатанаилъ вже недалеко-недалеко, отъ-отъ дожене Миху, но тутъ якъ разъ показався на неби Богъ и кинувъ Михови огнэнну шаблюку, сказавши: „на, боронися!" Миха хвать за шаблюку, а Сатанаилъ вже коло него, хоче выдерты корону; тоди Миха махнувъ шаблюкою и зразу видрубавъ въ Сатанаила зъ одного боку три крыли, а самъ дальше втикаты, а Сатанаилъ, якъ пидстреляный зъ одрубаными крылами, такъ камнемъ и полетивъ на низъ та й шлепнувся на землю. Тоди Богъ видъ имени Сатанаилова видирвавъ слово „илъ" и вчипивъ то слово до имени ангела свого Миха, черезъ що Сатанаила сталы зваты прямо Сатана, а Миха—Михаилъ.—Съ сего часу сатана зробывся самымъ ярымъ ворогомъ Михайлу и ставъ придумуваты, якъ бы его злапаты и яку бы ему зробыты штуку, даты кару

за те, що винъ такъ его обездолывъ: взявъ корону и видрубавъ крыла. Отъ Сатана выкопавъ дуже глибоку въ земли яму и закопавъ въ ту яму нарочне вылытый для того вылыкій и дуже грубый чавунный слупъ; поприроблявъ до того слупа ружны ланцуги: на шию, на руки, ноги, и такъ штучне все те приробывъ, що якъ бы кого закуваты до того слупа въ ти ланцуги, то винъ до кинця свита зъ нихъ бы не вырвався. Якъ кинчивъ всю цю штуку, вбрався въ ти ланцуги, прикувавъ себе до слупа и попробувавъ, чи моцно стоитъ слупъ; якъ помоцювався, то ажъ земля дрыглася, а слупъ и ни порушився: тоди розибрався и заговоривъ самъ до себе: „Попадься теперъ ты мыни ненавистный Михайло, не вырвався бы ты бильше видъ мене зъ цей тюрмы; алежъ якъ бы тамъ не було, а все-таки тебе злапаю и засажу сюда". Але-жъ бачытъ, йде коло него якысь старенькій дидокъ.—„Здорови булы, паночку!"—Здоровъ, диду!—„А що вы, паночку, збудовалы таке?"—Тюрму таку, диду.—„Якажъ то тюрма? я якось не можу второпаты цего".—О, якій ты недогадливый, отъ йды, ставай сюда, я тебе закую, тай будешъ бачивъ.

Дидъ ставъ, сатана понатягавъ на него все те ланцузя и позамыкавъ; но якъ дидъ бувъ старенькій и худенькій, то винъ вытягне съ тихъ кандаливъ то руку, то ногу, черезъ що ничого не выходыло. Тоди Сатана каже: „вылизай звидти, диду, ты старый и дуже худый до цеи тюрмы, а ін збудувавъ на такого крипкого хлопця, якъ я; дивись, якъ я вберуся, якъ на мени буде добре. Сатана взявъ и въ кандалы тіи вбрався самъ позакладавъ все, позамыкавъ и пытае дида: „а що, диду, добре-га?"—„Аминь" прорикъ дидъ,—тоди все тее зализя злылося, скувалося докупы само собою, и сатана зостався тамъ въ нему викуваты до суду Божого.—Дидъ же той бувъ нихто иншій, якъ самъ Богъ.—Писля цего сатана дывиця, що кепсько: въ ту биду, що готувавъ для другихъ, попався самъ,—склыкавъ винъ всихъ своихъ слугъ и приказавъ имъ грызты те зализо, щобъ зъ неволи его вызволыты, и грызутъ тіи чорты то зализя цилый рикъ до Святои Паски, и вже ся лишитъ имъ грызты, щобы

высвободыты свого люцыпира дуже мало, часомъ не грубше, якъ на цаль (дюймъ), но якъ тилько пипъ въ церкви на Паску скаже: „Христосъ воскресъ!“ то все зализя тое, що воны грызлы, стае таке саме товсте, якъ було, наростае, и воны знову зачинаютъ его грызты; грызутъ-грызутъ,—тилько лышаеця перекусыты, прыйде Паска, и воно зновъ вдвое наросте; такъ воно ся тягне изъ року въ рокъ,—ведеця и до сихъ поръ.

(Записано г. Бѣньковскимъ въ с. Рыхтѣ, каменецкаго уѣзда, под. губ.).

Прощаніе рекрута и рекрутскія пѣсни въ лубенскомъ уѣздѣ полтавской губерніи.

Обрядъ прощанія рекрута съ семьей и сосѣдями, никогда еще не описанный, отражаетъ въ себѣ гораздо больше времена козацкой и долгосрочной солдатской службы, чѣмъ настоящую дѣйствительность. Какъ нѣкогда реестровые козаки, выступая въ походъ, снаряжались на свой счетъ, такъ и теперь родные новобранца изготовляютъ ему, по возможности, полный запасъ одежды, бѣлья и обуви. Онъ получаетъ: шапку или картузъ, отъ 3—15 сорочекъ, 3—5 паръ нижняго бѣлья, шарфъ, жилетъ, чемарку, кафтанъ (каптанокъ) или пиджакъ, чернаго цвѣта, 1—2 пары штановъ, 2 пары перчатокъ и сапоги. Полушубокъ дѣлаютъ въ послѣднее время не вездѣ. Кромѣ одежды и бѣлья, новобранцу даютъ еще 2—3 рушника, щетки, гребешокъ, игольникъ съ иголками, ножницы и дюжину пуговицъ. Имущество это складывается въ крашенный сундучокъ, у бѣдняковъ—въ торбу. Кое гдѣ бѣлье рекруту шьютъ родственницы, молодицы и дѣвки, по вечерамъ, распѣвая рекрутскія пѣсни. Новобранецъ долженъ отговѣться, обыкновенно на Козьму и Демьяна (1-го ноября), въ новомъ бѣльѣ и одеждѣ. Затѣмъ въ честь рекрута собираются особыя досвитки, въ родѣ праздничныхъ игрищъ. Парни нанимаютъ музыку и ставятъ $1^1/_2$ кварты водки, а дѣвки приготовляютъ праздничный ужинъ: коржи, пироги, блины, капусту, локшину или картофель съ саломъ. На этихъ досвиткахъ молодежь танцуетъ и поетъ рекрутскія пѣсни. Такъ „шанують“ рекрута товарищи. Въ свою очередь и родители новобранца даютъ

парадный обѣдъ или ужинъ, иногда также съ музыкой („балъ"), на которомъ къ перечисленнымъ блюдамъ присоединяютъ еще жаренную гусь, утку или курицу, въ постные дни—рыбу, и 1/4—1/2 ведра водки. Рекрутъ самъ приглашаетъ къ обѣду родичей, крестныхъ, сосѣдей, товарищей, какъ молодой; мѣсто его за обѣденнымъ столомъ такое же, какъ молодого—на покути. За обѣдомъ рекрутъ угощаетъ водкой присутствующихъ, которые говорятъ ему слѣдующія рѣчи: родители—„сынку! не забувай отця-ненькы, не балуйсь! Дядькивъ и титокъ—не забувай, то й тебе Господь мылостывый не забуде: щастямъ и здоровьемъ, викомъ довгимъ и розумомъ добрымъ. Господь дасть фортуну у поли и въ доми, Господь тоби пошле на много литъ. Послухай, шобъ ты у проступкы не простувавсь". Родители говорятъ еще и такъ: „Хай тоби Богъ помога, сынку! Шобъ ты службы царськои понимавъ, то тоби Господь поможе, а не будешъ ты людей старыхъ чтыть, то тебе Господь буде забувать. Якъ дасть Богъ, шо вернесся, то шобъ заставъ батька и матирь. Дай Богъ, шобъ ты выслужывъ службу чесно и велычно".

Съ своей стороны, сосѣди приговариваютъ такъ: „дай, Боже, ёму легку службу, шобъ благополучно, легко, весело. Се мы вырядылы, а ше шобъ досталы женыть".

Товарищи говорятъ: „прощай братикъ ридный, товарышу вирный! Шобъ Господь послявъ тоби здоровья, щастя, шобъ Господь давъ легку службу служыть, шобъ мы побачылысь зъ тобою. Шкода, шкода! Шо мы зъ тобою хороше жылы, колы вже мы будемъ такъ жыть?"

На парадномъ обѣдѣ гости одаряютъ новобранца деньгами, отъ нѣсколькихъ копѣекъ до рубля, и вещами: нитками, воскомъ, хустками, рушниками, 3—4 аршинами холста, въ какомъ обычаѣ сохранились, вѣроятно, слѣды снаряженія обществомъ неимущихъ козаковъ, такъ называемыхъ подпомощниковъ, во время гетманщины. Послѣ обѣда и одаренія, родители благословляютъ сына такимъ порядкомъ, какъ молодого: образомъ и хлѣбомъ съ солью. Особенность обряда прощанія заключается въ томъ, что мать снимаетъ съ шеи маленькій новый крестикъ, цѣлуетъ его, крестится и, надѣвая на шею сына, рыдаетъ и приговариваетъ:

„...Съ тимъ прощай, сынъ мій, дытыно моя! Куды жъ ты выряжаешся? На кого жъ ты мене нещасну покыдаешъ? Хто-жъ мене буде стареньку и таку нещасну хлибомъ годувать? Я-жъ на тебе тилько й надіялася, шо ты мене хлибомъ догодуешъ, а теперъ ты мене кыдаешъ!“

„Сыну мій, дытыно моя! Якъ я-жъ тебе кохала, та всю ниченьку не спала, та я тебе доглядала. А теперъ кыдаешъ, моя дытыно, мене. Пры кому и якъ мени жыть теперъ? Та я-жъ куды не пиду, та я-жъ тебе не найду. Скилькы буде людей, а тебе й не мае! Та дывлюсь, дывлюсь, та я й тебе не побачу! Та умыюся гиркимы слёзамы, та думаю, подумаю: чы я тебе дижду, чы не дижду?“ „Мій сыну, моя дытыно! Я тобою не навтишалась такъ, якъ червоною крашанкою. Маленькими булы—горько годувала, а якъ пидрослы—поросходылыся по людяхъ, ходылы та служылы. Я-жъ тебе теперъ, на службу выряжаю, та я-жъ на тебе не надывылась и не навтишалась!“ „Сыночку мій, войныку! Куды жъ ты головочку понесешъ, нещасный? А я остаюся.. якъ я буду горювать безъ тебе? Мій сыночку, мій одынчыку! И кому ты мене уручаешъ? Дытя мое коханое! Шо ты тамъ будешъ робыть? Шо я тебе годувала, чы я тебе побачу, чы не бачытыму?“

„Мій сыночку, мій голубчыку! мій риднесенькый, моя й жалобо! Я жъ тебе выряжаю Государю служыть. Передай мени хочъ письмечко, а хочъ словечко. Я те письмечко до сердечка прытулю и мое серце возрадуется! Изъ якои дорогы тебе ожыдать и видкиль выглядать? Чы съ поля, чы съ моря, чы зъ далекого краю?“

И сестра провожаетъ также новобранца слѣдующею поэтическою рѣчью: „Братику мій, войныку! Куды ты йдешъ, куды головоньку несешъ? У чужу стороночку, а тамъ нема ни роду, ни родыночкы—чужа чужына! Та чужи браты будуть пысьма слать, а мы будемъ тебе дожыдать. Передай намъ пысьмечко, передай намъ словечко хоть сывою зузулею; бо мы будемъ рано вставать, та іи пытать: ты, зозуленько сывенька, ты далеко буваешъ, багато выдаешъ,—чы не бачыла де нашого братика риденького?“

Простившись, рекрутъ выходитъ изъ хаты, кланяется на четыре стороны и вмѣстѣ съ другими новобранцами, выходитъ за село. Тихо подвигаются повозки съ пожитками. Рекрутъ сопровождаетъ толпа родичей и поющей молодежи, остающаяся за слободой; рекруты машутъ еще шапками, надѣтыми на палки, покуда видно, затѣмъ скрываются за пригоркомъ, а родичи и гости, возвратившись домой, пьютъ до утра, — „приливаютъ дорогу".

Выражая рекрута, молодежь поетъ слѣдующія пѣсни:

1.

У прыёми некрутъ плаче,
Надъ прыемокъ воронъ кряче.
Ой матинько, молысь Богу,
Щобъ я выйшовъ изъ прыема.
Що въ прыёми прынималы,
А въ контори кудри зняли,
А въ собори прысягалы,
На машыну посажалы.
Ты распроклята машына
Куды мыленького затащыла?
Затащыла, занесла,
Що не выдно звидсыля.

(Въ 1896 г. отъ кр. Х. Терновщины Даріи Безносовой, 18 л.).

2.

Выскочылы наши рекрутыкы
Скорымъ шагомъ нагору,
Тай вдарылы въ барабаны,
Шобъ почулы городаны,
А за кажнымъ некрутыкомъ
Плаче й отецъ, маты.
Не пишкы йшлы, не пишкы йшлы,
Ихъ возамы везлы.
Оглянецця назадъ себе—та все село:
„Чогось мени не веселo".
И конька погоняе
И слизонькы протырае.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья, Матр. Норовой).

3.

Розвывайся сухый дубе—
Завтра морозъ буде.

Убирайся вдовынъ сыну—
Завтра походъ буде.
Я походу не боюся—
Сейчасъ уберуся.
Яке мое вбираннячко,
Солдацькее вдиваннячко?
Орихове сиделечко
Щей кинь вороненький.
Выйизжае зъ сего села
Козакъ молоденький.
Якъ выйизжавъ за ворота,
Нызенько вклонився.
Прощай, прощай, громадонько,
Може съ кимъ бранився,
Прощай, прощай, громадонько,
Й ты матинко-утко,
Ой Богъ знае, Богъ видае,
Чы побачымось хутко.

(Въ 92 г. отъ кр. д. Шекъ, Маріи Галавуровой, 30 л.).

4.

Розвывайся сухый дубе—
Завтра морозъ буде,
Убирайся козаченьку—
Скоро походъ буде.
Я морозу не боюся—
Заразъ розивьюся,
Я жъ походу не боюся—
Заразъ уберуся.
Тай на конька схопився,
Нызенько вклонився:
—Ой прощайте, сусидонькы,
Може съ кимъ бранився?
Прылывайте дороженьку,
Щобъ не курылася,
Розважайте мою неньку,
Щобъ не журылася.
Прылывайте круту гору,
Щобъ не лупалася,
Розважайте мою неньку,
Щобъ не вбывалася.
Прылывалы дороженьку—
Такъ курыться курно,
Розважалы твою неньку—
Такъ журыться журно.

Прылывалы круту гору—
Та лупается дуже,
Розважалы твою неньку—
Та вбывается дуже.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Ефросиніи Бучакиной, 60 л.).

Чуб., т. 5, № 87, стр. 994.

5.

Вар. Въ м. Лукомье послѣ 20 строчки такъ:

Искосить вы суху траньку,
Щобъ не хылылася,
Розважайте дивчыноньку,
Шобъ не журылася.
Прылывалы дороженьку
Такъ курыцця дуже,
Розважалы отця, неньку,
Та журяцця дуже.
Роскопалы крути горы
Валяюцця дуже,
Розважалы брата сестру
Такъ побываюцця дуже,
Искосылы суху травку,
Такъ просыха дуже,
Розважалы дивчыноньку,
Такъ журыцця дуже.

(Въ 96 г. отъ коз. м. Лукомья, Секлеты Поровой).

6.

За горою за крутою
Жывуть люды слободою.
То не люды—супостаты,
Шо беруть парня у салдаты.
Беруть парня у салдаты
Та никому парня оплакаты.
Десь узялась дивчына Марія,
Вона того парня оплакала.
—Не плачъ, дивко, не журыся,
Бо я ище не женывся.
Якъ буду я женытыся,
Прыйдешъ, серце, дывытыся,
То дамъ тоби пыва напытыся.
—Не рада бъ я, парень, пыва напыцця,
А рада бъ я повикъ вишный зъ тобою любыцця.

(Въ 96 г. отъ кр. м. Снѣгина, Прасковьи Лысенковой, 60 л.).

7.

Уже мени надокучило
По пидъ ледомъ, ледомъ ходяче
Круты бережки розносяче.
Круты бережки вода поняла
Маты сына у салдаты [1]) отдала.
Якъ давала тай приказувала:
Нейды сыну у Туреччыну жыть (2)
А йды сыну Государю служить,
Тай не заходь у турецькый шынокъ,
Тай не любысь у турецькихъ дивокъ.
Любы сыну удовыну дочку:
Удовына дочка все хазяечка,
Щей до дила роботаечка.
Щей до дила до роботоньки
И до хлопцивъ до розмовоньки,
До дилечка нахыляется
И до хлопцивъ надывляется.
И до дилечка не нахылыться
И на хлопцивъ не надывыться.

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Литвяковъ Наталіи Грицаевой, 20 л.).

8.

Ой у саду вышенька безуремя зацвила,
На ту пору-времячко маты сына зродыла.
Не собрала розуму, де сыночка диты,
Тай отдала сыночка у гусарыны служыты.
—Служы, служы сыночку у гусарьскому полку,
Сама пишла матинка по крутому бережку.
Тай крыкнула, гукнула тай на быструю рику:
—Вернысь, вернысь мій сыночку, вернысь ты назадъ.
—Не вернуся, матинко, махнувъ ручкою назадъ.
Що легке суденечко проты воды не стоить,
Проты воды не стоить, за водою прудко йде.
За водою прудко йде, якъ ясный соколъ летыть.
Ой летыть сокилонько у чужую сторону
Що чужая сторона не сушыть, не крушыть,
Ни сушыть, ни крушыть, печаль серцю завдае,
Печаль серцю завдае и твоему и моему
И твоему и моему серденятку вирному.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. с. Литвяковъ Ефросиніи Бучанивой, 60 л.).

---

[1]) У некрути.

9.

Уродыла [1]) маты сына та въ некруты нарекла,
Взяла его за рученьку до пріема повела:
Пріемщычокъ, молодчычокъ, поставь сына въ станочокъ,
Поставь сына въ станочокъ—забрей ему лобочокъ.
Стрыжуть, бреють молодчыка одъ затылка до лобка.
Пытается маты сына: колы въ гостонькы прыйдешъ?
Тоди, тоди, маты ридна, я у гостонькы прыйду,
Якъ на мори, на сынёму, зо дна камушокъ зорне.
Зорнеть, зорнеть, ридна маты, й до бережка прыплыве.
На бережку крутенькому кустъ рокытовый росте,
На тимъ кусту рокытовомъ соловейко гниздо вье.
Нехай же вье, нехай же вье, винъ лечовъ нанесе.
Винъ лечокъ нанесе, малыхъ дитокъ расплоде,
Малыхъ дитокъ расплоде, по всимъ свиту розийде.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. м. Снѣтина Агафіи Шевченковой, 50 л.).

10.

Одъ Кіева до Ромна
Дороженька стовпова. (2).
Комышъ трава полягла (2)
До вдовынного двора.
А у вдовы у двори
Стоять столы тесови.
А за тимы столамы
Сыдять паны рядамы.
Сыдять паны рядамы
Пышуть лысты перамы.
Воны пышуть и рядять,
Кого у некруты брать.
А де два—той нема,
А де тры—той нейды.
А де пьять—тай не брать,
Де чотыри—не велять.
А у вдовы одынъ сынъ
Тай той пишовъ пидъ аршынъ.
До аршына не дійшовъ,
Та въ некрутушкы пійшовъ.
Его маты старая,
Вона плаче рыдае.

[1]) Поженыла.

На те твій синъ уродывсь,
Що въ салдаты погодывсь.

(Записана въ 1891 г. отъ коз. с. Хорошковъ Варвары Супруновой, 21 г.).

Чуб., т. 5, стр. 980, № 69, вар. 10

11.

Зійшовъ мисяць, щей зоря,
Та прыйшовъ соцькый до двора,
Та всю громаду собира,
Та соби некрутъ выбира.
Выбравъ соби некрутця,
Сиротыну — одыньця,
Нема ненькы, ни отця (2).
Тилькы одна сестрыця
Тай та плачеть, журытся.
— Не плачъ, сестро, не журысь,
Бо на те парень уродывсь (2),
Що въ салдаты погодывсь.
Тоди, сестро, заплачешъ,
Якъ на кони побачышъ.
Ой на кони, на кони
На черкасьскому сидли (2)
Въ голубому жупани.
Прощай моя сестрыця!
Нема ненькы ни отця.
Та повелы до крыльця,
Тамъ выходыть одынъ панъ:
— Здраствуй, здраствуй, некрутъ самъ.
— Здорови булы паны,
Вы разс... с...!
Багачъ гроши постачай,
Сиротына отвичай.

(Въ 1891 г. отъ кр. х. Тернавщины Дарiи Безносовой, 18 л.).

12.

Прыйшовъ соцькый до крыльця,
Собирае некрутця.
Та выбралы некрутця
Сиротыну одынця (2).
Тилькы въ его сестрыця
Тай та плаче журытся,
Не плачъ сестро не журысь,
Бо на тее я вродывсь,
Бо на тее уродывсь

Що въ салдаты погодывсь.
Тоди, сестро, заплачешъ,
Якъ на кони побачышъ.
На вороному кони
На черкеському сидли (2).
Въ голубому жупани (2)
Щей перчатка на руци (2).
Щей шабелька при боци.

(Зап. въ 1890 г. отъ двор. с. Волчка Даріи Вязиньвиной, 14 л.).

Чуб., т. 5, № 69, вест. У, стр. 981.

13.

Зима, зима завіяла, замела.
Ни дорожвы, ни путы.
Ни проихать, ни пройты.
Я пройиду и пройду
И конька проведу (2)
Ажъ у тую слободу.
А у отій слободи
Уланыки молоди (2)
Ведуть кони до воды (2)
За шовкови поводы.
Сталы кони напувать,
Сталы думать и гадать,
Кого у салдаты брать [1]).
Де пьять—тамъ не брать,
Де чотыри—не велять.
А у вдовы одынъ сынъ
Тай той пишовъ пидъ аршынъ.
Щей аршына не дійшовъ,
А въ салдаты пишовъ.
За нымъ маты рыдае,
Що сыночка не мае.
— Не плачь, маты, не журысь
Бо на тее уродывсь,
Що въ салдаты погодывсь.

(Записана въ 1890 г. отъ крестьянки с. Литяковъ Даріи Шерстюковой, 20 л.).

14.

Якъ зачула моя доля
Не сегодня, а ще вчора,
Що не буты мени дома,

[1]) Взять.

А буть мени у неволи
У зализа у закови,
Молодому козакови.
А я парень догадався,
До дивчыны заховався.
„Ты, дивчыно, мое серце,
Сховай мене пидъ ряденце.
Ты, дивчыно, моя пани,
Сховай мене пидъ жупаны,
Ты, дивчыно, моя утко,
Сховай мене швыдко, хутко.
Воны парня усмотрилы,
Взялы парня уловылы.
И въ кайданы засадылы.
Изъязалы ноги, рукы
Та повезлы до Прылукы,
Одъ Прылукы до Полтавы,
До вирменькои расправы.

(Въ 96 г. отъ кр. с. Волчка, Палагеи Ризниченковой, 40 л.).

15.

Якъ зачула душа—доля,
Що не буты парню дома,
А буть ему у неволи,
У зализи, у закови (2)
Молодому козакови.
— Ой дивчыно моя, Галько,
Сховай мене колы жалко.
Ой дивчыно, мое серце,
Сховай мене пидъ ряденце,
Ой дивчыно, моя душко,
Сховай мене пидъ подушкы.
— Щей подушокъ не надбала
Щобъ я тебе заховала,
Щей ряденець не надбала
Щобъ я тебе прыкрывала.
Десятныкы скоро взналы,
Капралому исказалы.
Сины, хату обступылы
И виконечка побылы
И дверечка розломылы
Некрутыка уловылы (2)
Ручкы, ножкы закувалы,
Ворони кони запрягалы;
Посадылы у задочку,

Сами силы въ передочку.
И коныкы поганяють,
На некрута поглядають,
Щобъ коныка не втомылы
И некрута не впустылы.
Дойихалы до Полтавы—
На коныкахъ мыло впало,
Дойихалы до Прылукы—
Болять въ его ногы й рукы.
Уже тому некрутыку
Не вчыться салдацькой наукы.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. х. Тернавщины Даріи Безносовой, 18 л.).

Чуб., т. 5, № 78, стр. 988, вар. отдаленный.

16.

Вар. Послѣ 5-й стр. въ м. Лукомье прибавляютъ:

Молодъ козакъ догадався
По улыцямъ не шатався,
До дивчыны заховався.

Затѣмъ, послѣ просьбы къ дивчинѣ такъ:

А сусиды усмотрилы,
Атаману объявылы,
Дивци хату оступылы,
Сины, хату розломылы,
Некрутыка уловылы.

А въ концѣ такъ:

Дойихалы до Прылукы—
Розвязалы ему рукы,
Прыйихалы до Полтавы—
И ниженькы роскувалы,
Та прыйихалы у Варшаву
Та повелы по базарю (2)
И кватыру указалы.

(Въ 96 г. отъ ков. м. Лукомья Мотрены Норовой).

17.

Вар. Въ Литвяковскомъ варіантѣ послѣ просьбы парня укрыть его, такъ:

А дивчына не сховала,
Десятнычкамъ загадала.

Затѣмъ, поѣздка и прибытіе некрута изображается такъ:

И коныка погоняють,
На некрута поглядають,
Щобъ коныка не втомыты
И некрута не впустыты!
На коныку пина впала,
Недалеко вже Полтава.
Прыйизжають у Полтаву,
Выбигають уси паны:
„Хорошъ парень, дуже бравый,
Погодыцця у гусары“.
Прыйихалы до Прылуки
Розьязалы ему руки.
Поставылы у станочокъ
Забреялы ему лобочокъ
Та повелы на кватырю:
„Давай, хазяйка, вечерю;
Стелы некруту постелю.
Лягай, некруте, спаты,
Бо завтра рано вставаты“.
Некрутъ въ ночи пробудывся
За головочку схватывся.

(Въ 96 г. отъ коз. с. Литвяковъ, Меланіи Заикиной, 43 л.).

18.

Ой загулы сызы голубоньки рано на зари,
Заплакалы наши брацця, сыдя въ острози.
—Ой, вы брацця, вирни товарыши вы мои!
Поклоницця рыдному отцеви прямо одъ мене:
Нехай винъ вороніи кони уси позбува,
Нехай мене зъ тяжкои неволи зъ некрутъ вызволя.
—Лучче мени сына рыдного въ вичи не выдать,
А нижъ мени воронііи кони уси позбувать.
Ой загулы сызы голубоньки рано на зари,
Заплакалы наши рыдни браты, сыдя въ острози.
—Ой вы братци, вирны товарыши вы мои!
Поклоницця вы матинци рыдній прямо одъ мене,
Нехай воны сири коровы уси позбуваютъ,
Нехай мене зъ тяжкои неволи—некрутъ вызволяютъ.
—Лучче жъ мени сына рыдного въ вичи не выдать,
А нижъ мени сиріи коровы уси позбувать.
Ой загулы сызи голубоньки рано на зари,
Заплакалы наши рыдни браты, сыдя въ острози.
Ой, вы братци, вирни товарыши вы мои

Накажите жинци ридній прямо одъ мене:
Нехай вона били подушкы уси позбува,
Нехай мене изъ неволи—некрутъ вызволя.
—Лучче жъ мени били подушкы уси позбувать,
А мого чоловика въ вичи повыдать.

(Въ 1896 г. отъ кр. с. Литвяковъ, Маріи Бурхаевой).

19.

У лузи, въ лузи, калына стояла,
Одъ сонця завьяла, одъ витру упала.
Усимъ моимъ товарышамъ перемина стала,
Тилькы мени молодому служыты самому.
Буду пысать лысты до брата й до сестры,
Буду посылаты до батька, до маты.
Нехай дають змину, а хочь перемину.
Коныка вороненького, братыка ридненького:
Коныка для ночи, братыка для помочи.

(Записана въ 1890 г. отъ кр. х. Терновщыны, Матяшовской волости, Дарія Безносовой, 20 л.).

20.

Изъ за горы, изъ за сыней хмары
Выступалы молоди гусары,
А за нымы бьють у барабаны
Попереду йидуть генералы.
Не журитьця, молоди гусары!
Ой якъ же намъ, братьця, не журытьця,
Якъ не дають дома пожениться.
Якъ забралы, за Дунай погналы.
За Дунаемъ тяжко, важко жыты
Тай не дають ни йисты, ни пыты,
Заставляють роботу робыты,
Тесакамы сыру землю быты,
Шабелькамы канавы копаты.
Ой тутъ же намъ, браття, помирать.
Не знатыме ни батько, ни маты,
Не знатыме ни братъ, ни сестрыця,
Тилько взнае красная дивыця.

(Записана въ 1891 г. отъ кр. м. Спѣтина Катерины Ивахненковой, 18 л.).

21.

Ой на гори огонь горыть,
А въ Расѣюшкы дымно,
Та пишлы нашы молоды козакы
Тилько шабельки выдно.

Воны йдуть, идуть, маршируютъ
Важенько вздыхаютъ,
Покыдаютъ всѐ новыи домы
И молодіи все жоны.
Все жоны, жоны молодіи
Все диточкы маліи.
Та досталося тому козакови
Пры полку помирати.
Та померъ, померъ молодый козаче
Въ недилоньку вранци,
Та положылы того козаченька
Въ свитлонци на лавци
Та поховалы козаченька на травци-муравци.
И тило несуть и коня ведуть,
Конь головоньку клонить,
А за нимъ дивка, а за нимъ красна
Билы рученьки ломить.
Та ламай, ламай, дивка, руки
До мезиного пальца,
Та не найдешъ надъ мене
Найлучшого коханця.

(Записана въ 1896 г. отъ кр. м. Снѣтина Анны Ципенковой, 25 л.).

22.

Горы, горы каменыи,
Дороженькы стовповіи,
Туды нихто не проходыть,
Дороженькы не проводыть.
Тилькы пройшлы два салдата,
Холостыи, нежонаты.
За нимъ плаче стара маты!
—Не плачъ, мате, не журыся,
Бо на то я уродывсь
Що въ салдаты погодывсь.
Якъ дась Богъ, то отслужусь,
Прыйду до дому оженюся.
Дурна дивка, глуповата,
Що уповала на салдата.
А въ салдата все хазяйство
Дви рубашкы тай ти драны;
Котомочка съ сухарямы,
А манирочка зъ водою
Жыве салдатъ за горою (2)
А дивчына за другою.

(Записана въ 1891 г. отъ козачки сел. Лятвяковъ Лукиды Денисенковой, 18 л.).

23.

Ишли гусарочки на тры крайочки
То по два, то по тры, то по чотыри,
Штаны червони, кивера чорни.
Далеби гусары хлопци моторны!
Господа по хаты, а гусары съ хаты
Десь буде гусарыкъ нашъ ночувать.

(Отъ ко. м. Снѣтина Анны Ивахненковой, 25 л.—въ 1891 г.).

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ[1].

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ХМЕЛЬНИЩИНЫ.

XVI.

На заметенныя снѣгомъ степи, на потонувшіе въ сугробахъ хутора, на опушенные иннеемъ лѣса разомъ и дружно прилетѣла весна. Она примчалась съ теплымъ, западнымъ вѣтромъ, который вдругъ охватилъ всю уснувшую степь.

Странный, сухой шумъ, наполнившій воздухъ, привлекъ, наконецъ, вниманіе Ганны. Она сидѣла въ своей горенкѣ у окна съ работой въ рукахъ. Это былъ драгоцѣнный покровъ къ плащаницѣ, который она вышивала золотомъ и серебромъ. Цѣлыми днями сидѣла Ганна надъ этой работой, съ тѣхъ поръ, какъ возвратилась изъ Золотарева домой; и въ то время, когда пальцы ея плавно скользили по бѣлому „аксамиту“, мысли ея все неслись неудержимо къ Богдану. Богдана Ганна въ Субботовѣ уже не застала; письмо, привезенное Ганджою, звучало такъ странно, такъ непонятно, что еще болѣе увеличило смущеніе ея души. Сколько разъ казнила она себя въ душѣ за то, что такъ малодушно бѣжала тогда изъ дома, что, благодаря своей женской слабости, не попрощалась съ нимъ, а теперь, быть можетъ, и не увидится никогда... Вѣдь вырвать того чувства изъ глубины своего сердца она не могла,—Ганна это видѣла и сознавала сама, и всѣ оправданія, всѣ минутные обманы казались теперь ей такими же призрачными, такими летучими, какъ туманъ, какъ дымъ... Своимъ возмужавшимъ женскимъ сердцемъ она чувствовала, что любитъ его на всю жизнь. Но теперь это чувство

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1897 г. № 6.

не вселяло ей такого ужаса: о немъ вѣдь не узнаетъ никто и никогда... Оно и умретъ вмѣстѣ съ ней!

Возрастающее народное горе умѣряло остроту ея горя; вѣчныя хлопоты, вѣчныя заботы мимо воли отвлекали ее... Ганна и свыклась, и примирилась съ нимъ. „Каждому свой крестъ, каждому свой крестъ!“—шептала она,—„только бы онъ былъ счастливъ, только бы онъ былъ живъ!“ Но ни вѣсти, ни слова не долетали въ Субботовъ изъ внѣшняго міра. Съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Богданъ, ни одинъ козакъ, ни одинъ путникъ не заходилъ въ хуторъ, да и трудно было сообщаться съ нимъ: зима стояла такая снѣжная, какой не запоминали и старожилы. Короткіе, зимніе дни мелькали въ тихомъ уголкѣ однообразно и безцвѣтно. Правда, два раза пріѣзжалъ посланецъ отъ коронnаго гетмана узнать, не вернулся ли панъ писарь, но этотъ пріѣздъ порождалъ еще большее безпокойство. Больная жена Богдана тихо плакала, Ганна дѣлалась еще молчаливѣе, а Ганджа и братъ хмурились недовольно и мрачно. Братъ часто навѣдывался въ Субботовъ; онъ прежде хотѣлъ было переселиться туда и совсѣмъ, но видя, что все тамъ идетъ благополучно, рѣшилъ только наѣзжать для присмотра; притомъ же у него самого было много какихъ то таинственныхъ и странныхъ дѣлъ, въ которыя онъ не посвящалъ Ганну, а только иногда сообщалъ Ганджѣ нѣсколько никому непонятныхъ словъ. Такъ тянулись грустные дни вплоть до самаго марта.

Странный шумъ, привлекшій вниманіе Ганны, не прекращался. Ганна поднялась къ окну: со всѣхъ вѣтвей деревьевъ быстро и торопливо падали куски инея и льду, небольшія вѣтви, сломанныя отъ непривычной тяжести, падали вмѣстѣ съ ними на землю. Ганна подняла окно и высунула голову. Свѣжій, влажный вѣтеръ пахнулъ ей въ лицо. На западѣ вѣчно сѣрое, безоблачное небо прояснилось, и нѣжныя золотыя полосы протянулись надъ горизонтомъ. Въ воздухѣ пахло мягкой сыростью.

— Таетъ,—тихо прошептала Ганна,—прилетѣла весна!—Отъ свѣжаго, непривычнаго воздуха у ней слегка закружилась голова, и темные круги заходили въ глазахъ. Она прислонила голову къ оконной рамѣ, да такъ и замерла у окна. Внизу на дворѣ раздавались веселые крики: дѣти барахтались въ снѣгу, ставили „млынки“ на журчащихъ ручьяхъ, били въ ладоши и зачинали своими дѣтскими неумѣлыми голосами веселыя „веснянки“. Стая воронъ громко каркала, хлопая своими сѣрыми крыльями; неугомонныя сороки весело стрекотали, скача по двору и перелетая съ мѣста на мѣсто. А Ганна глядѣла неподвижнымъ взглядомъ туда, на западъ, гдѣ ширилась нѣжная золотая полоса, повторяя все одинъ и тотъ-же мучительный

вопросъ: „Господи, гдѣ онъ, живъ-ли, здоровъ-ли?“ Наконецъ свѣжій холодъ далъ себя почувствовать... Заря потухала... Въ комнатѣ собирались уже вечернія сумерки... Какая-то томительная тоска проникла вмѣстѣ съ ними въ забытый уголокъ... Ганна закрыла окно, бережно сложила свою работу и тихо вышла изъ комнаты.

Какая тишина кругомъ! Вонъ изъ дѣвичьей только доносится легкое жужжаніе веретенъ; дивчата прядутъ; онѣ и не поютъ теперь; пѣсни, какъ-то замираютъ въ этой тоскливой тишинѣ.

Ганна остановилась на срединѣ деревянной лѣсенки. Вѣдь это было еще только въ Филипповку, когда она пришла къ Богдану сказать о прибывающемъ народѣ, а онъ посадилъ ее подлѣ себя и сталъ говорить съ ней такъ ласково, такъ тепло. Да, помнитъ она, еще тогда солнце садилось и освѣщало его воодушевленное лицо. И казался онъ такимъ прекраснымъ и сильнымъ, и вѣрилось, что все злое минетъ, а свобода и правда воцарятся кругомъ... А теперь? Какой унылый, безмолвный стоитъ этотъ домъ! Не оживитъ уже онъ его своей пѣсней удалой, не наполнитъ былыми разсказами вечерняго сумрака... Да и вернется-ли, и когда? Быть можетъ, уже сложилъ свою буйную голову на чужой сторонѣ. И вѣтеръ подымаетъ темные волосы, мелкіе дожди моютъ козацкое тѣло, орлы очи клюютъ.—О, Боже, Боже!—сжала Ганна руки.—Нѣтъ, Господь не допуститъ этого, Господь нашъ покровитель, защитникъ нашъ.—Ганна спустилась и прошла въ комнату хозяйки.

Больная лежала у себя на кровати. Катруся сидѣла у ней въ ногахъ, держа миску съ маковниками на колѣняхъ. Старуха нянька стояла у стѣны.

— Ганнуся, голубка,—обрадовалась больная, при видѣ входящей Ганны,—что это тебя не видно совсѣмъ, забываешь меня?

— Тороплюсь, титочко, покровъ свой окончить, къ плащаницѣ хочется поспѣть.

— Ты-бъ велѣла дивчатамъ помочь, а то мучишь себя по цѣлымъ днямъ, не станетъ и глазъ.

— Нѣтъ, титочко, я ужъ сама хочу... обѣщаніе дала.

— Ну, шей, шей... вздохнула больная...—Можетъ, Господь и „сглянется“ на насъ.

Наступило молчаніе. На темномъ потолкѣ все яснѣе вырѣзывался яркій уголъ, освѣщенный лампадкой.

— Ганнуся, хочешь маковника?—протянула Катруся миску Ганнѣ. Ганна взяла, откусила кусочекъ и положила маковникъ назадъ.

— На дворѣ, говорятъ, таетъ,—замѣтила больная, приподымаясь на локтѣ.

— Таетъ, пани, шибко таетъ,— заговорила старуха, покачивая головой—еще съ ночи „одлыга“ началась...

— Весна идетъ!—изъ груди больной вырвался сдавленный вздохъ,—можетъ, какъ дороги протряхнутъ, хоть вѣсточку о Богданѣ получимъ!

Снова всѣ замолчали. Говорить было не о чемъ. Слышно было, какъ капали капли со стрѣхъ.

— Видѣла я сонъ сегодня, Ганнусю, и, кажется, хорошій сонъ, вотъ и баба говоритъ, что добрый...

— Добрый, добрый сонъ, ужъ это вѣрно,—закачала та утвердительно головой.

— Мнѣ самой такъ „сдается“,—продолжала больная слабымъ голосомъ,—да я еще за ворожкой послала, она всякій сонъ умѣетъ разгадать. Видишь-ли, Ганнусю, снилось мнѣ, что иду я садомъ, и такіе это хорошіе цвѣточки кругомъ... только я не топчу ихъ, а осторожно ступаю, и гдѣ ступлю, тамъ не гнется и трава. Вдругъ, вижу, летитъ въ небѣ ястребъ, догоняетъ малую птичку... Такъ и вьется бѣдная птичка, а онъ-то вотъ-вотъ настигнетъ ее... Взяла я это небольшой камышекъ, размахнулась имъ и попала ястребу въ сердце; перевернулся онъ въ воздухѣ и упалъ на-земь! А птичка спустилась ко мнѣ на плечо и начала такъ ласково, да весело щебетать...

— Добрую вѣсть сонъ вѣщуетъ... ужъ это какъ Богъ святъ,— увѣренно подтвердила баба.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ!—произнесли разомъ и Ганна, и больная.

— А что, не слыхать ничего кругомъ?— снова обратилась она къ Ганнѣ.

— Въ церкви говорилъ вчера панъ-отецъ, что слухи все недобрые ходятъ... Говорятъ, церкви отбираютъ, да кто его знаетъ, у насъ такого не слыхать... Вонъ и панъ Дембовичъ въ Золотаревѣ колоколъ назадъ отдалъ.—Ганна помолчала и затѣмъ начала несмѣло,—а я, титочко, задумала одно дѣло... хочется мнѣ къ Великодню въ лавру на „прощу“ сходить.

— Голубка, да далеко вѣдь...

— Что-жъ, титочко, помолиться хочу, можетъ, Господь услышитъ мою молитву... Только вотъ не знаю, какъ вы...

— Что мы! О насъ не думай, управимся какъ нибудь... И дидъ, и Ганджа, да и панъ-братъ твой... Охъ, еслибы ноги мои были здоровы, на край свѣта, кажись, ушла-бы, чтобы Господа за него молить!—Больная замолчала, и маленькія слезинки показались у ней на щекахъ.—А ты иди, голубко,—ласково положила она

руку Ганнѣ на голову,—можетъ, что въ Кіевѣ узнаешь, а то завяла, совсѣмъ завяла ты у насъ...

Всю ночь не унимался вѣтеръ, а на другое утро мягкій, солнечный свѣтъ наполнилъ комнату Ганны, и потянулись ликующіе, весенніе дни...

Однажды, когда Ганна сидѣла на верху у раскрытаго окна своей комнаты, кончая работу и прислушиваясь къ веселому шуму и гаму, долетающему со двора, она вдругъ увидѣла нѣсколько нарядныхъ всадниковъ, въѣзжающихъ къ нимъ во дворъ. Сердце Ганны забилось мучительно и тревожно, кровь отхлынула отъ головы. Она высунулась въ окно, не смѣя двинуться, не смѣя крикнуть. Впереди ѣхалъ молоденькій юноша, очевидно, полякъ, съ едва пробивающимся пушкомъ надъ верхней губой. Одежда его была чрезвычайно роскошна; дорогой мушкетъ висѣлъ за спиной. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, почтительно склонившись впередъ, ѣхалъ дородный панъ, съ полнымъ, надменнымъ лицомъ, ощетинившимися усами и выпуклыми глазами, въ которомъ Ганна сразу признала пана Чаплинскаго. За ними ѣхало еще нѣсколько пановъ. У всѣхъ за спинами висѣли ружья; четыре великолѣпныхъ лягаша неслись съ веселымъ лаемъ впередъ. Ганна почувствовала сразу, что этотъ пріѣздъ не можетъ быть не связанъ съ Богданомъ, и страхъ передъ возможностью узнать истину парализовалъ ее до такой степени, что она не могла отойти отъ окна. Вдругъ двери поспѣшно распахнулись и въ комнату вбѣжала раскраснѣвшаяся, растерянная Катря.

— Ганно, Ганно, иди скорѣй! Тамъ пріѣхалъ сынъ пана коронаго гетмана, спрашиваетъ кого-нибудь. Ни пана Ивана, ни Ганджи во дворѣ нѣтъ.

Вся замирая отъ непреодолимаго волненія, спустилась Ганна вслѣдъ за испуганною дѣвочкою внизъ.

Вельможные паны сидѣли на коняхъ у крыльца. Ганна поклонилась низко, широко распахнувъ двери; отъ волненія и смущенія краска залила ей лицо.

— Что, есть кто дома?—обратился къ ней юноша.

— Кромѣ меня и больной жены писаря, ясный пане, нѣтъ никого.

— Какъ, и вы тутъ сами живете?—изумился юноша.

— Братъ мой, полковникъ Золотаренко, наѣзжаетъ къ намъ,—запинаясь, выговорила Ганна. О Ганджѣ она почему-то не сочла нужнымъ упомянуть.

— Осмѣлюсь замѣтить, что такой пышной красѣ,—усмѣхнулся панъ Чаплинскій, выпячивая впередъ губу, украшенную щетинистыми

усами и любуясь Ганной,—я-бы не совѣтовалъ безъ сильнаго защитника жить.

Всѣ посмотрѣли на Ганну, а Ганна, не зная, что сказать, чувствуя на себѣ пристальные, безцеремонные взгляды пановъ, смутилась еще больше и опустила глаза внизъ.

— Гм... гм...—вставилъ изъ свиты другой,—того и гляди, наскачетъ какой-нибудь черномазый мурза и увезетъ пышную панну въ Перекопъ.

— Что-жъ,—подхватилъ третій, закручивая молодцевато усики и подымая лѣвую бровь,—за такой красуней я полечу на выручку и въ Бахчисарай!

— Постойте, постойте, пышное панство, вы совсѣмъ застыдили нашу молодую хозяйку,—улыбнулся юноша,—да такъ застыдили, что она даже и не проситъ насъ войти, а, можетъ, и не желаетъ такихъ буйныхъ гостей?

— Просить такой чести не смѣла,—едва овладѣла собой Ганна,—но если вельможное панство позволитъ предложить себѣ добрый келехъ стараго меду,—за счастье почту!

— „Згода, згода!“—весело закричала свита, соскакивая вслѣдъ за молодымъ Конецпольскимъ съ коней, бросая поводья на руки подоспѣвшимъ конюхамъ.

— Ого, сколько хлѣба у свата?—изумился панъ Чаплинскій, подымаясь на крыльцо и кинувъ удивленный взглядъ въ сторону тока, откуда высматривали рядами важные высокіе скирды.—Хотябы и какому пану—въ пору!

— Да, панъ писарь хозяинъ извѣстный,—замѣтилъ другой, оглядываясь кругомъ—какой будынокъ... гм... какія коморы... даромъ, что простой козакъ!

Но когда гости вошли въ большую комнату, удивленію ихъ не было границъ.

— Да это чистый палацъ!—вскрикнулъ панъ Чаплинскій, останавливаясь на порогѣ и окидывая все загорѣвшимися завистью глазами...—Посмотрите, ваша вельможность,—обвелъ онъ взглядомъ липовыя полки, уставленныя серебряной утварью,—какія драгоцѣнности, какіе ковры!

Юноша окинулъ все довольнымъ взглядомъ:—да, домъ дѣлаетъ честь пану-писарю.

— Даже бо́льшую, чѣмъ онъ заслужилъ,—пробормоталъ себѣ подъ носъ Чаплинскій, сравнивая невольно свою обстановку съ этой и замѣчая, къ своему крайнему неудовольствію, что у него не будетъ и половины того добра, которое собралъ себѣ здѣсь этотъ простой, „репаный“ козакъ.

Двери изъ комнаты пани Хмельницкой тихо растворились. Больная женщина, поддерживаемая двумя старухами, съ трудомъ стояла у своей постели.

— Простите, вельможное панство, почетные, высокіе гости, что по хворости своей неотступной, не могу я выйти къ вамъ и принять васъ по вашему вельможному сану и по моему „щирому“ желанію,—заговорила она тихимъ, болѣзненнымъ голосомъ, кланяясь низко въ поясъ,—нѣтъ моего пана. Какъ уѣхалъ по велѣнію пана коронаго гетмана на Масловъ Ставъ, такъ и не возвращался домой; охъ, ужъ какъ-бы онъ радъ былъ милостивымъ панамъ! какъ-бы гордился этой высокою честью!

— А мы-то о немъ и справиться заѣхали: мой отецъ узнать велѣлъ, не имѣете-ли вы какой вѣсти о немъ? Не слыхалъ-ли кто, что это съ нимъ приключилось?—спросилъ юноша.

— Охъ Боже ты мой, Господи!—застонала больная,—мы-жъ то надѣялись, что панъ коронный гетманъ знаетъ хоть что-нибудь! Несчастная моя доля, горемычная! Видно, недоброе что-то приключилося съ нимъ!

— Н-да, скажу по совѣсти, такой зимою по доброй волѣ не поѣдешь гдѣ-то въ снѣгахъ зимовать!—замѣтилъ Чаплинскій, приподымая свои круглыя брови,—видно, пану-писарю бо-о-льшая потреба была.

— Нѣтъ, почему-же? Подъ снѣгомъ, говорятъ люди, еще теплѣй, чѣмъ на морозѣ,—вставилъ молодой Конецпольскій, и хотя эта шутка была довольно некстати, но всѣ сочли нужнымъ разразиться громкимъ смѣхомъ.

Больная только всплеснула руками и уронила голову на грудь.

— Да ты ложись, пани,—махнулъ ей рукой юноша,—насъ молодая хозяйка приметъ.

Двери затворились; въ комнату съ сѣней вошли двѣ дивчины: одна изъ нихъ несла на серебряномъ подносѣ большой, тяжелый жбанъ, а другая шесть серебряныхъ кубковъ. Съ низкими поклонами стали онѣ обходить всѣхъ пышныхъ гостей.

— Го, да здѣсь у пана-свата настоящій цвѣтникъ, какъ я вижу,—вскрикнулъ весело панъ Чаплинскій, приподымая плечи и расправляя усы.

— Здѣсь чудесно!—согласился юный вельможа,—и если молодая хозяйка позволитъ, можно навѣдываться...

Ганна молча поклонилась.

— И по дорогѣ, какъ разъ,—замѣтилъ кто-то.

— Н-да,—добавилъ Чаплинскій,—должно быть тяжело разставаться съ такимъ гнѣздомъ; развѣ ужъ позовутъ неотложно на тотъ свѣтъ!

Кубки наполнились. „Здоровье сына пана коронаго гетмана!“ крикнули разомъ всѣ гости, подымая кубки и чокаясь съ молодымъ Конецпольскимъ. Онъ отвѣтилъ короткимъ поклономъ и обратился къ Ганнѣ: „здоровье молодой хозяйки!“

Зазвенѣли кубки; зашумѣли гости. Изъ-за закрытой двери доносился тихій, заглушаемый подушками плачъ. Ганна стояла блѣдная, неподвижная. Одинъ жбанъ осушили; она велѣла принести другой. И въ то время, когда развеселившіеся гости одинъ передъ другимъ изощрялись въ веселыхъ шуткахъ и легкихъ остротахъ, въ головѣ Ганны быстро мелькали мысли одна за другой: они ничего не знаютъ, думаютъ, что его уже нѣтъ и въ живыхъ! Господи, да неужели Ты, Ты могъ допустить?—съ какимъ-то невольнымъ озлобленіемъ вырывалось изъ глубины ея возмущенной души.—Ну, а если такъ? Что тогда? Буйные наѣзды пановъ, обиды, оскорбленія; да что о нихъ! Безсиліе всего народа: останутся всѣ словно стадо безъ головы. Ганна уже выростила въ себѣ убѣжденіе, что безъ Богдана все должно умереть, а потому съ ужасомъ думала: „Неужели-же онъ можетъ погибнуть безвѣстно, безславно въ чужой сторонѣ?! Нѣтъ, нѣтъ! Богъ его спасетъ!“—А если такъ, а если нѣтъ его?!—тихо прошептала про себя Ганна, стискивая губы:—тогда не жить.

— А любопытно бы было осмотрѣть будынокъ и дальше; что на это вельможный панъ скажетъ?—обратился Чаплинскій къ пану Конецпольскому, окидывая еще разъ хищнымъ взглядомъ всю серебряную утварь и ковры.

— Что-жъ, я радъ, если панна согласна намъ показать,—сказалъ Конецпольскій.

Ганна поклонилась и прошла впередъ. Съ какимъ-то невольнымъ трепетомъ распахнула она дверь на половину Богдана... Изъ нежилой комнаты пахнуло затхлымъ холодкомъ. Сквозь закрытыя окна и двери весенній воздухъ не проникалъ сюда... Сурово глянули на вошедшихъ увѣшенныя оружіемъ стѣны...

— Славно!—замѣтилъ юноша.—Ай, да панъ-писарь! Такую комнату не стыдно и въ нашъ палацъ перенести!

— Настоящій арсеналъ! — проговорилъ Чаплинскій, бросая завистливый взглядъ на дорогіе мушкеты и клинки.

— По мнѣ даже опасно оставлять въ однѣхъ рукахъ такую массу оружія,—отозвался кто-то изъ свиты,—кто можетъ поручиться за хлоповъ? Взбунтуются, захватятъ оружіе, а тогда раздѣлывайся съ ними.

— Пану-свату моему это не опасно,—замѣтилъ съ притворной похвалой Чаплинскій, подчеркивая слова,—противъ него хлопы не встанутъ... они его любятъ... „батькомъ“ зовутъ.

У юноши промелькнуло на лицѣ недовольное выраженіе.

— Тутъ еще садъ есть?—обратился онъ къ Ганнѣ.

— Есть, ясный пане,—поклонилась Ганна, очнувшись отъ его вопроса... Она стояла все время на порогѣ, подавленная нахлынувшими воспоминаніями и не слыхала замѣчаній пановъ. Ганна прошла впередъ.

Послѣ затхлаго воздуха нежилой комнаты, всѣхъ пріятно обдало нѣжно-теплымъ воздухомъ первой весны... Въ саду деревья все еще стояли обнаженныя, но свѣжая, робкая зелень пробивалась кругомъ: желтые одуванчики, блѣдно-голубыя фіалки, блѣдные подснѣжники выглядывали изъ травы. Издали изъ хутора доносилась веселая весенняя пѣсня.

— Гм...—замѣтилъ снова панъ Чаплинскій, оглядываясь вокругъ: да это настоящій паркъ... Хитрый сватъ молчалъ все про свои богатства... не хотѣлъ, видно, показать?

Гости прошлись по нѣсколькимъ аллеямъ и вышли снова на крыльцо. Лошадей подвели конюхи.

— Такъ, панно, наказывалъ всѣмъ вамъ отецъ,—произнесъ молодой Конецпольскій, вставляя ногу въ стремя,—что если узнаете о панѣ-писарѣ какую вѣсть, присылали бы немедленно въ Чигиринъ.

— Слушаюсь воли пана-гетмана,—поклонилась Ганна.

Паны вскочили на коней, сжали ихъ стременами и съ громкимъ хохотомъ, покачиваясь въ сѣдлахъ, поскакали за ворота.

Вскорѣ ихъ нарядные, украшенные перьями береты скрылись за деревьями. Ганна неподвижно стояла на крыльцѣ. Изъ хутора все яснѣй доносилась „веснянка“, видно, дивчата вышли уже за „царину“.—„А вже весна, а вже красна—изъ стрихъ вода капле“, донеслись ясно звонкіе, молодые голоса.

„А вже весна... а вже красна“... машинально повторила Ганна своими побѣлѣвшими губами и вдругъ разразилась рыданьями, припавъ головой къ деревянному столбу...

Послѣ пріѣзда пановъ рѣшеніе идти на „прощу“ вполнѣ укрѣпилось въ Ганнѣ. Мучительная тоска неизвѣстности достигла такой степени, что Ганна рѣшительно не могла оставаться больше въ этой бездѣйственной тишинѣ. Неугасимая жажда идти молиться, просить, рыдать у чудотворнаго образа Божьей Матери всевладно овладѣла Ганной. Это была ея послѣдняя надежда. Она твердо вѣрила въ милосердіе Божіе и надѣялась, что Онъ услышитъ ее. Когда она сообщила о своемъ намѣреніи брату, тотъ старался было отклонить его, приводилъ ей въ доводъ, что теперь дороги далеко не безопасны, что всюду говорятъ о волненіяхъ и даже въ самомъ Кіевѣ не безопасно оставаться, указывалъ на трудности пути... Но на всѣ

эти доводы Ганна отвѣчала упорно и рѣшительно одной фразой, что безъ вѣдома Господня ни одинъ волосъ не упадетъ съ ея головы, а если суждена ей смерть, то она найдетъ ее и за тысячью замковъ. Наконецъ порѣшили на томъ, что Ганна возьметъ съ собою подводу и двухъ козаковъ. Стали посылать узнавать въ сосѣднія селенія, когда выступаютъ богомольцы. Ганна начала собираться въ путь. Отъ этого рѣшенія всѣ точно немного ожили въ домѣ. Сама больная возлагала на него большія надежды. Боченки съ воскомъ, съ медомъ, сувои полотна, сушеные караси, и другіе домашніе продукты предназначались для приношенія въ Лавру. Каждый изъ хуторянъ и домочадцевъ сносилъ свои злотые къ Ганнѣ, прося помянуть такихъ-то и такихъ. Больная просила поставить за здоровье Богдана двухъ-пудовую свѣчу и повѣсить къ иконѣ Божьей Матери со своей шеи нитку дорогихъ жемчуговъ. Наконецъ день выхода былъ рѣшенъ.

Въ ясное, весеннее утро попрощалась Ганна съ семьею... Прощаніе не было печальнымъ. Батюшка пришелъ нарочито отслужить напутственный молебенъ. Во время службы Ганна не спускала съ иконы глазъ. Въ темномъ „кунтушѣ“, въ темномъ платкѣ, она казалась еще худѣе, но въ глазахъ, устремленныхъ на образа, горѣло столько вѣры, надежды и любви, что и у всѣхъ молящихся, взглядывавшихъ на нее, просыпалась какая-то смутная надежда. Молебенъ окончился; батюшка благословилъ всѣхъ и окропилъ святою водой. Когда Ганна подошла къ кресту, онъ надѣлъ ей на шею ладонку и, цѣлуя по простому обычаю въ голову, сказалъ увѣренно и ласково: „истинно, истинно говорю вамъ, не оставлю единаго отъ малыхъ сихъ“.

— Смотри-же, Ганнуся, не барись, къ проводамъ будемъ выглядать тебя!—сказала больная, цѣлуя ласково голову Ганны, склоненную надъ ея рукой. Дѣти веселой гурьбой побѣжали провожать Ганну за хуторъ, къ тому мѣсту, гдѣ поджидала толпа богомольцевъ, подводы и козаки. Издали на солнцѣ бѣлѣла уже эта группа своими чистыми рубахами, котомками и намитками.

Преимущественно здѣсь были все женщины и дивчата, было, впрочемъ, нѣсколько сѣдыхъ и древнихъ стариковъ. Присоединившись къ богомольцамъ, Ганна еще разъ оглянулась на Субботовъ: какой онъ стоялъ блистающій и свѣтлый, окруженный деревьями съ едва замѣтнымъ, зеленымъ пушкомъ. Ганна поклонилась на четыре стороны и, перекрестившись, отправилась въ путь. Братъ провожалъ ее до первой остановки. Онъ шелъ рядомъ съ нею, ведя своего коня въ поводу.

— Когда же ждать тебя? Хочу выѣхать въ Корсунь на встрѣчу, —говорилъ онъ, широко шагая рядомъ съ нею.

— Долго не „забарюсь“... послѣ „Великодня“ будемъ сейчасъ возвращаться.

— Эхъ, затѣяла ты! Говорятъ, совсѣмъ неспокойно на лѣвомъ берегу...

— Не безпокойся... мы разспрашивать будемъ,—по глухимъ селамъ пойдемъ.

Братъ махнулъ досадливо рукой, какъ бы желая этимъ сказать: „Что ужъ теперь разсуждать!“

Но Ганна взяла его за руку и проговорила тихо: „Не бойся, я знаю, что Господь не оставитъ насъ“.

И эти увѣренныя слова, казалось, смягчили и растрогали суроваго брата.

На высокомъ курганѣ, среди безбрежной степи остановились богомольцы на первый привалъ. Разставили треножникъ, заварили въ „казанкѣ“ кашу, растянулись кругомъ на зеленой травѣ.

Ганна стояла „осторонь“ съ братомъ.

— Пора,—произнесла она, обращаясь къ нему. Тотъ сбросилъ шапку и, крестя Ганну на дорогу, сказалъ угрюмымъ голосомъ, какъ-бы стыдясь своихъ словъ: „Ты того... осторожнѣе... я козакамъ наказалъ... да и сама... Помни, что насъ на свѣтѣ всего двойко“...

Ганна обвила руками загорѣлую шею брата, и слезы подступили у ней къ горлу отъ этой первой его ласки.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ!—произнесъ онъ торопливо, вскакивая на коня,—не „барись“-же, будемъ ждать...

Подъ высокимъ, безоблачнымъ небомъ вѣялъ ласковый, весенній вѣтерокъ; словно зеленое море, разлилась кругомъ степь безбрежной пеленой. Зеленѣли убѣгающей цѣпью курганы... Видно было, какъ вдали на одномъ изъ нихъ, окруженный стадомъ овецъ, стоялъ неподвижно задумавшійся „чабанъ“... Конь брата казался уже небольшой фигуркой, скачущей вдалекѣ. Вверху въ невидимой вышинѣ разливалась пѣснь жаворонка; журавли летѣли длиннымъ „ключемъ“. И ничего кругомъ, кромѣ этой зелени да хрустальнаго неба, да яснаго солнца, обливавшаго всѣхъ теплой волной.

Ганна стояла, не отрывая глазъ отъ убѣгающей дали, и казались ей и она сама, и братъ, и эти богомольцы такими маленькими и ничтожными, затерявшимися въ этой безграничной ширинѣ. Господи, думалось ей, какъ хорошъ твой міръ, и какъ мало въ немъ счастья!

XVII.

Первые дни пути богомольцы прошли спокойно и безмятежно. Шли больше степью,—поселки попадались рѣдко,—отдыхали на зеленыхъ курганахъ, спали подъ открытымъ небомъ. Ганна чувствовала себя совершенно одинокой; эти богомольцы, идущіе вмѣстѣ съ нею, были и безконечно близки ей, и безконечно далеки. Ночью, когда усталые всѣ засыпали кругомъ, Ганна долго лежала безъ сна, устремивъ глаза на разсыпавшееся звѣздами небо. Тихія слова молитвы беззвучно сплывали съ ея устъ. Она чувствовала себя такою безсильной и малой предъ лицомъ Великаго Бога, глядящаго на нее тысячью глазъ изъ этой невѣдомой таинственной глубины. И горячѣе плыла ея молитва, и небо казалось ей выше, и степь разстилалась шире кругомъ. Когда же, пробудясь невзначай, она открывала глаза, надъ нею, словно мерцающія лампады, горѣли все тѣ же звѣзды, и паннѣ казались онѣ ангелами-хранителями, стерегущими неусыпно погруженную во мракъ землю. И тихій покой разливался въ ея душѣ.

Чѣмъ ближе къ западу подвигались богомольцы, тѣмъ чаще попадались хутора и поселки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и тревожныя вѣсти встрѣчали ихъ повсюду. Глухо и неясно слышалось кругомъ, что подлѣ Кіева неспокойно, что ксендзы затѣваютъ что-то противъ православныхъ церквей; нѣкоторые совѣтовали совсѣмъ не идти, другіе—идти больше ночью и окольными путями.

Послѣдняго совѣта богомольцы послушались: они избѣгали большихъ дорогъ, рѣдко заходили въ селенія, шли больше лѣсами, но и всѣ эти предосторожности не могли избавить ихъ отъ нѣсколькихъ непріятныхъ стычекъ, окончившихся, правда, довольно благополучно, благодаря присутствію въ обозѣ двухъ-трехъ вооруженныхъ людей. Однако, все это сильно задерживало ихъ въ пути, и „прочане“ страшно торопились, чтобы къ Вербному Воскресенью попасть хоть въ Ржищевъ, гдѣ была церковь. Праздникъ Благовѣщенія былъ встрѣченъ въ полѣ. Обратясь лицомъ къ востоку, прочли тихо богомольцы, стоя на колѣнахъ, „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“,—больше никто и не зналъ ничего, а Ганна прочла всѣмъ вслухъ Евангеліе, тѣмъ и окончилось короткое богослуженіе. За то восходящее солнце освѣщало величаво молящуюся группу, и жаворонки щебетали кругомъ.

За два-три дня до Ржищева богомольцевъ стали поражать все чаще и чаще заброшенныя, невоздѣланныя поля. Иногда они встрѣчали пустой, точно вымершій хуторокъ съ выбитыми въ хатахъ окнами и разрушеными службами.

На ихъ вопросы крестьяне отвѣчали таинственно: народъ бѣжитъ; кто успѣлъ уйдти съ семьей, тому и хорошо. Многіе въ лѣсахъ попрятались, да голодъ одолѣваетъ, вотъ и пошли грабежи, а панство и слуги панскіе разыскиваютъ непокорныхъ хлоповъ, да за одно уже карають и вѣрныхъ слугъ.

Жутко становилось Ганнѣ отъ этихъ словъ и отъ этихъ сиротливо заброшенныхъ полей.

Ужъ солнце клонилось къ вечеру, когда усталые путники приблизились къ Ржищеву. Сойдя къ берегу Днѣпра, они поторопились умыть лицо, ноги и руки, переодѣться во все чистое, чтобы достойно встрѣтить праздникъ. Большое село широко раскинулось подъ гору, отступя отъ берега Днѣпра. Но, не смотря на вечернюю пору, благовѣста не было слышно. Вѣроятно, уже началась служба,—порѣшили богомольцы, поспѣшно направляясь къ селу. При входѣ, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ хаты оказались пустыми. Это окончательно утвердило въ нихъ увѣренность, что служба уже началась, и богомольцы торопливо поспѣшили впередъ. Однако, обогнувъ нѣсколько уличекъ и выйдя на майданъ, окружавшій церковь, они были крайне удивлены, увидѣвъ, что церковь стоитъ запертой, возлѣ дверей лежитъ куча молодой нарѣзанной лозы, а подлѣ нея толпится народъ. Что это? Еще не начиналась служба? переглянулись безпокойно всѣ. „Батюшка еще не пришелъ“, постаралась успокоить взволнованный людъ Ганна, чувствуя сама, какъ сердце замерло у нея въ груди; но, подойдя ближе къ церкви, они увидѣли, что сѣденькій старичекъ священникъ, въ простомъ, сѣромъ подрясникѣ, уныло стоитъ впереди народа, опустивъ сѣдую голову на грудь и безсильно свѣсивъ какъ плети, худыя и слабыя, руки. Отецъ діаконъ, такой-же сѣдой, какъ и священникъ, но полный и румяный, стоялъ тутъ-же; однако, лицо его, очевидно всегда веселое и добродушное, было теперь угрюмо, печально, и глаза не отрывались отъ запертыхъ церковныхъ дверей. Въ толпѣ среди молодежи раздавались глухія гнѣвныя восклицанія; старики-же стояли угрюмо и молчаливо впереди. Но больше всего поразила богомольцевъ совершенно неподходящая къ мѣсту фигура. Это была сытая фигура жида, который важно ходилъ передъ церковными дверьми, заложивши руки за спину; при каждомъ его движеніи, полы длиннаго „лапсердака“ подпрыгивали, словно хвостъ какой-то неряшливой птицы, и обнажали длинныя ноги, обутыя въ истоптанныя пантофли съ грязными тряпками, выглядывавшими изъ нихъ. Длинные пейсы жида спускались изъ-подъ мѣховой шапки съ наушниками до самыхъ плечъ, и когда онъ покачивалъ нахально и высокомѣрно головою, то пейсы и сѣдоватая борода его тряслись. Жидъ ежеминутно то сплевывалъ

въ сторону, то сморкался двумя пальцами, не обращая умышленно никакого вниманія на церковно-служителей и наслаждаясь сдерживаемымъ негодованіемъ толпы. Въ рукѣ его звенѣла связка ключей.

— Что это? Что это значитъ?—обратилась Ганна съ смущеніемъ къ одному изъ стоявшихъ поблизу молодыхъ хлопцевъ.

— Не видишь, что-ли?—прошипѣлъ тотъ, стискивая зубы и указывая кулакомъ на жида.

— Случилось что? Зачѣмъ жидъ здѣсь? Отчего заперта церковь?—спросили уже разомъ и остальные богомольцы.

— Оттого, что мы глупы, слушались дураковъ, да вотъ и вышло, что дураковъ и въ церкви бьютъ!—раздалось сразу нѣсколько голосовъ.

Этотъ шумъ долетѣлъ и до жида.

— Но! Пс! Цихо тамъ!—крикнулъ онъ, нагло останавливаясь передъ толпою, вытягивая правую руку впередъ.—Еще чего разговаривать выдумали... бунтари, хлопы! Вы слышали, что сказалъ мнѣ панъ, а? За одно слово обѣщался перевѣшать васъ всѣхъ, какъ собакъ?

— Да мы и молчимъ,—уныло вздохнули старики.

— Іуда проклятый!—прошипѣли молодые въ заднихъ рядахъ.

— То-то-жъ... молчать!—сморкнулся жидъ пальцами и вытеръ ихъ о полы своего „лапсердака“,—чтобъ ни пары зъ устъ, понимаете? Не то узнаете панскаго канчука! А коли хотите идти въ церковь, такъ извольте поскорѣй деньги давать, потому что мнѣ ждать здѣсь зъ вами некогда.

Жидъ снова засунулъ за спину руки и сдѣлалъ видъ, что хочетъ уходить.

— Смилуйся, Лейбо,—заговорили разомъ сбившіеся впереди старики. Жидъ подпрыгнулъ и повернувшись круто на мѣстѣ, заговорилъ быстро, протягивая послѣднія слова, сильно жестикулируя руками и прищуривая то правый, то лѣвый глазъ:

— И чего мнѣ васъ миловать? Га? Скажи-пожалуйста, чего? Что я вамъ, паны-хлопы, дѣлаю? Развѣ я граблю, или мучаю васъ? Я дѣлаю то, что мнѣ приказалъ мой панъ, и больше ничего. Земля панская и все, что на ней, панское, и церковь панская; панъ мнѣ отдалъ все въ аренду и велѣлъ безъ платы хлоповъ въ церковь не пускать...

— Да это-жъ „гвалтъ“,—заговорили сѣдые дѣды,—кто-жъ въ храмъ Божій за деньги пускаетъ?

— Пхе!—усмѣхнулся презрительно Лейба и оттопырилъ руки, точно отталкивая отъ себя что-то гадкое и непріятное,—развѣ это Божій храмъ? Идите въ костелъ!

— Самъ туда иди съ „балабустою“!—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Тихо!—сплюнулъ жидъ и, какъ-бы не разслышавши словъ, продолжалъ:—Никто вамъ не мѣшаетъ идти туда, а если вы хотите въ схизмацкую халупу идти, такъ и платите за то чиншъ, чтобы было на что честнымъ, почтивымъ людямъ жить!

— Да ты не смѣй такъ про вѣру нашу говорить!—крикнулъ діаконъ, выступая впередъ.—Самъ король защищалъ ее...

— И что мнѣ король?—протянулъ жидъ, зажмуривая лѣвый глазъ и приподымая плечи,—пусть онъ себѣ въ Варшавѣ король, а панъ въ своемъ маентку самъ себѣ круль! И когда хлопы хотятъ быть схизматами, такъ должны за то деньги платить.

Жидъ снова сплюнулъ на сторону и прошелся передъ всѣми. Батюшка стоялъ все время молча, опустивши голову на грудь.

— Дьяволъ проклятый! Собачья душа!—зашептали болѣе молодые, сжимая кулаки. Бабы заплакали.

— Откуда-же взять, Лейбо, откуда? Самъ знаешь, какой голодъ,—однѣ только шкуры остались на плечахъ, и тѣ-бъ сняли, да ничего не даютъ за нихъ,—заговорили впереди.

— Пс!—остановился жидъ, растопыривая съ недоумѣніемъ пальцы и отбрасывая голову назадъ,—такъ чего-жъ вы, паны-хлопы, шумите, развѣ я неволю васъ? Нѣтъ денегъ—и не надо; лучше домой идти и сдѣлать чего-нибудь. Развѣ мало работы есть? Ой, вей! А панъ-отецъ можетъ и въ полѣ перехамаркать... Спокойной ночи, паны-хлопы, спокойной ночи, панъ-отче!—поклонился онъ насмѣшливо крестьянамъ, поворачиваясь снова спиной.

— Да какъ же намъ въ такой святой день безъ службы Божьей остаться?—взмолились старики.

— Не откроешь церкви?!—закричали сзади хлопцы.

— Давайте два червонца и можете тамъ себѣ свои схизматскія отправы служить,—отвѣтилъ жидъ, не поворачивая головы.

— Такъ сдохнешь же, собака! Отвори церковь!—кричали сзади.

— На Бога, стойте! Молчите!—бросались къ хлопцамъ бабы и сѣдые мужики.

— Га? Такъ вы еще такъ, лайдаки, хлопы?—повернулся вдругъ жидъ.—Забыли панскіе канчуки, хотите еще?—попробовалъ было онъ окрыситься, но вдругъ поблѣднѣлъ, какъ стѣна, и затрясся. Передъ нимъ были все блѣдныя искаженныя отъ ярости лица, и жидъ почувствовалъ въ одно мгновенье, что толпа забыла уже всякій страхъ.

— Не дождешься, иродъ! Прежде съ тебя шкуру снимемъ!—всѣ крикнули хлопцы—и бросились впередъ.

— Гевултъ!—взвизгнулъ жидъ, подхватывая полы своего лапсердака и стараясь выбраться изъ толпы; но сдѣлать это было почти невозможно: часть толпы бросилась впередъ, другая стремилась окружить его. Бабы плакали навзрыдъ, батюшка нѣсколько разъ порывался говорить, но его слабаго голоса не слушалъ никто.

Наконецъ, Ганнѣ удалось съ отчаяннымъ усиліемъ прорваться впередъ. Опоздай она минуту, жидъ былъ бы смятъ и растерзанъ.

— Стойте, панове! На Бога, слушайте!—закричала она, насколько могла громко, подымая вверхъ руку съ двумя червонцами.— Я даю деньги! Церковь откроютъ сейчасъ!

— Есть деньги! Панна даетъ!—закричали ближніе дальнимъ.

— Какая панна? Откуда взялась?—изумились кругомъ.

Толпа понемногу разступилась. Ганна подошла къ жиду. Онъ стоялъ мертво-зеленый, вытирая со лба потъ и переводя съ трудомъ дыханіе.

— Вотъ деньги,— подала ему Ганна два червонца,—отвори церковь.

При видѣ червонцевъ лицо жида оживилось, и онъ съ удивленіемъ взглянулъ на Ганну.

— Ай, панна, какая сличная панна,—заговорилъ онъ, причмокивая губами и покачивая головой,—ой, вей! Еслибъ я зналъ, что здѣсь панна, я бы сразу церковь отворилъ, а то изъ этими „гевалами“ пхе, гевултъ! И чего они съ меня хотятъ? Я бѣдный жидокъ, ну, что панъ скажетъ, то я и дѣлать долженъ. Скажетъ запри—запру, скажетъ отпирай—отопру, скажетъ танцуй въ судный день—танцовать буду! А что-жъ мнѣ, бѣдному, дѣлать, когда онъ съ меня денегъ требуетъ? Гдѣ-жъ я ихъ возьму? Ой, вей! Хай ему „маму мордуе“, чѣмъ такой гешефтъ!

— Отпирай-же двери скорѣй,—перебила Ганна жида—солнце садится.

— Заразъ, заразъ, панно-любуню,—заторопился жидъ, громыхая замкомъ,—панна, видно, здалека... можетъ до меня въ корчму заѣдетъ... потому что тутъ неспокойно... Ой вей! Можетъ, панна не знаетъ, а эти хамы все равно, что дикіе псы,—прошепталъ онъ, нагибаясь надъ ея ухомъ.

Но Ганна уже не слышала его, она подошла къ старичку-священнику. „Благословите, панъ-отче!“—склонилась она надъ его рукой.

Лицо священника было все покрыто мелкими морщинками; сѣдая бородка спускалась на грудь; жиденькіе, сѣдые-же волосы были сплетены въ косичку; во всей его фигурѣ виднѣлась старость и дряхлость, и только каріе глаза свѣтились еще живымъ огнемъ.

— Богъ благословитъ тебя, дитя мое,—проговорилъ онъ разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ, какъ-бы слышавшимся издалека ей.— Самъ Онъ и послалъ тебя! Если-бы не ты, не слыхали-бы мы Божьяго слова въ такой великій день.—Батюшка замолчалъ, пожевавши губами; на глазахъ его показались слезы.—Развѣ это въ первый разъ? Покуда было что давать—давалъ, да прежде онъ и меньше правилъ... а теперь—два червонца. Гдѣ ихъ взять? Откуда взять? Прогнѣвали мы Бога... настали горькіе часы... А дальше что будетъ?—Старичекъ замолчалъ и взглянулъ куда-то вдаль; глаза его потухли и на лицо упало мертвенное, безжизненное выраженіе.

Сердце сжалось у Ганны при видѣ этого убожества, при видѣ этой жалкой, безпомощной старости, отданной на поруганіе, на издѣвательство жидамъ.

— Богъ милостивъ, батюшка!—тихо произнесла она.

— Милостивъ, милостивъ!—повторилъ старичекъ, оживившись.—Его воля на все... за наши грѣхи... и должны мы все терпѣливо нести, ибо Онъ сказалъ людямъ: „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ“.

Толпа между тѣмъ осаждала богомольцевъ вопросами: кто такая панна, откуда и какъ явилась сюда?

— А откуда панна прибыла къ намъ?—спросилъ Ганну и старенькій діаконъ, уже повеселѣвшій, уже забывшій грустное происшествіе.

— Я изъ-подъ Чигирина, изъ Субботова, хутора войскового писаря Хмельницкаго, полковника Золотаренка сестра.

Старенькій священникъ зажмурилъ глаза съ напряженнымъ видомъ, какъ-бы желая вспомнить что-то.

— А, помню, какъ же, знаю... только, вѣрно, не того, а отца его... конечно, отца... отца, такъ и есть,—заговорилъ онъ радостнымъ голосомъ и дѣтская улыбка освѣтила его старческое лицо,— охъ, горячій былъ козакъ Золотаренко Николай...

Наконецъ, жидъ распахнулъ съ трудомъ тяжелыя двери. Батюшку и Ганну пропустили впередъ, а за ними хлынула и остальная толпа. Вечернее солнце ударяло всѣми своими лучами въ правое высокое рѣшетчатое окно и цѣлый снопъ этихъ золотыхъ и червонныхъ лучей протянулся черезъ всю церковь, освѣтивъ потемнѣвшій иконостасъ. Иконы глядѣли изъ темныхъ позолоченныхъ рамъ печально и сурово. Воздухъ въ церкви былъ холодный и затхлый, словно въ склепѣ. Батюшка велѣлъ отворить окна; сквозь мелкія рѣшетки ворвался свѣжій теплый воздухъ, пропитанный тонкимъ ароматомъ вишневыхъ и яблоновыхъ цвѣтовъ. Наконецъ, передъ иконами зажглись свѣчи и лампады. Тысячью свѣчей освѣтилась темненькая

церковь; каждый изъ молящихся стоялъ съ зажженною свѣчей и съ пучкомъ вербныхъ вѣтвей въ рукахъ.

На нихъ уже не было сѣренькихъ пушистыхъ барашковъ, а маленькіе, липкіе листочки покрывали красные прутья...

Царскія врата торжественно распахнулись; въ глубинѣ засіялъ престолъ высокимъ треугольникомъ семи зажженныхъ свѣчей. „Слава Святѣй, Единосущнѣй и Животворящей Троицѣ!“ — возгласилъ батюшка окрѣпшимъ голосомъ. — „Аминь!“ — отвѣтилъ ему стройно клиръ, и вся церковь, словно по одному мановенію, опустилась на колѣни. Служба началась. Торжественная тишина прерывалась иногда только неожиданно вырвавшимся изъ груди рыданіемъ. Молились горячо. При каждомъ возносимомъ крестѣ глаза съ такой страстной надеждой подымались къ потемнѣвшимъ ликамъ святыхъ, руки съ такою глубокою вѣрой прижимались къ груди! Батюшка, предшествуемый діакономъ, въ лучшей ризѣ своей, съ кадильницей въ рукѣ, вышелъ изъ алтаря; они останавливались передъ каждымъ образомъ, кадильный жертвенный дымъ наполнялъ всю церковь, тихо пѣлъ клиръ, тихій свѣтъ разливался кругомъ отъ сіяющихъ восковыхъ свѣчей. Сквозь рѣшетки заглядывали въ окна усыпанныя бѣлыми цвѣтами яблонныя вѣтви, а сквозь нихъ свѣтилось мягкимъ нѣжно-розовымъ сіяніемъ вечернее небо.

„Пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній“, — повторяла Ганна шепотомъ слова молитвы, не имѣя силы оторвать глазъ отъ освѣщеннаго вечернимъ свѣтомъ окна, а изъ глубины ея сердца подымался самъ собою одинъ и тотъ-же вопросъ — „Господи, гдѣ-то онъ? Гдѣ-то онъ? Знаетъ-ли, что затѣвается здѣсь?“ И въ тысячный разъ горячія молитвы порывались изъ ея души.

Служба шла своимъ чередомъ: пѣніе смѣнялось чтеніемъ. Читалъ отецъ діаконъ медленно, съ трудомъ, но понятно для всѣхъ. Когда же на клирѣ запѣли: „Осанна въ вышнихъ“, множество голосовъ подхватили эту пѣснь, и вѣтви съ зажженными свѣчами потянулись на встрѣчу батюшкѣ. Пѣніе, шелестъ и шумъ вѣтвей наполнили всю церковь. Восторженное настроеніе охватило и Ганну. Долго не смолкалъ шумъ въ церкви, долго подымались, словно лѣсъ, вѣтви надъ головами, а батюшка ласково улыбался и кропилъ всѣхъ изъ большой кропильницы святою водой. Алтарь между тѣмъ наполнился таинственнымъ сумракомъ; въ высокія окна смотрѣло уже потемнѣвшее небо. Престолъ терялся въ тѣни, свѣчи, горѣвшія на немъ, казались какими-то большими звѣздами, плавно колеблющимися въ таинственной полутьмѣ, а красная лампада надъ царскими вратами сверкала, словно большая капля горячей крови, повисшая на золоченомъ сводѣ.

Незамѣтно летѣло время среди вздоховъ и молитвъ.

— „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“ —произнесъ, наконецъ, громко батюшка, и вся церковь склонилась ницъ.— „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ!“— полилась съ клироса величественная, торжественная пѣснь. И въ эту минуту, подъ звуки великаго гимна, тихій миръ обнималъ въ этомъ бѣдномъ храмѣ этихъ бѣдныхъ людей. Казалось, всѣ забыли и о прошлыхъ несчастіяхъ, и о нынѣшнихъ утѣсненіяхъ, и о невѣдомыхъ бѣдахъ грядущихъ дней... „Яко Ты еси единъ источникъ живота“,—повторяли шепотомъ сотни голосовъ, осѣняя себя крестами, и прижимаясь лбами къ холодной землѣ.

— Ты, Ты одинъ,—шептала и Ганна.—Въ Твоихъ рукахъ и жизнь и смерть, единый волосъ не упадетъ съ головы человѣка безъ воли Твоей... Спаси же намъ Богдана, сохрани намъ братьевъ, не дай намъ видѣть своими очами поруганія святыни Твоей!— Глаза Ганны горѣли и туманились, на щекахъ вспыхивалъ лихорадочный румянецъ.

— „Во свѣтѣ Твоемъ узримъ свѣтъ!“—раздалось съ клироса громко и вдохновенно, и въ эту же минуту изъ глубины алтаря показалась высокая свѣча, словно звѣзда, выплывшая изъ небесной глубины. Свѣча спустилась тихо и плавно по ступенямъ, а за отцомъ діакономъ вышелъ изъ алтаря и старичекъ священникъ... И это большое пламя, колебавшееся надъ всѣми головами, казалось Ганнѣ указаніемъ Божіимъ, гдѣ и какъ искать свѣтъ.

Евангеліе поднялъ священникъ... Большое пламя свѣчи снова поплыло передъ нимъ и скрылось въ алтарѣ. Священникъ остановился передъ царскими вратами и, обернувшись къ народу, поднялъ тяжелое Евангеліе надъ головой. „Святый Боже. Святый крѣпкій, Святый безсмертный, помилуй насъ!“—донеслось съ клироса замирающимъ шопотомъ. Евангеліе наклонилось въ одну сторону, въ другую... Священникъ, осѣнивъ народъ большимъ крестомъ, скрылся въ царскихъ вратахъ. Молящіеся стали подниматься съ колѣнъ. Вдругъ Ганну поразилъ неожиданный шумъ, раздавшійся при входѣ; она оглянулась и съ удивленіемъ замѣтила толпу новыхъ лицъ, входящихъ въ притворъ. Все это были козаки, одѣтые въ красные и желтые жупаны, очевидно, не „рейстровики“... Ганна скользнула взглядомъ по ихъ незнакомымъ лицамъ и замерла вся отъ радости и изумленія:—впереди всѣхъ стоялъ Богунъ. Да, въ этомъ нечего было и сомнѣваться: другихъ такихъ глазъ, другихъ такихъ соколиныхъ бровей нельзя было отыскать по всей Украйнѣ. И онъ узналъ Ганну; она замѣтила, какъ, при видѣ ея, загорѣлось все лицо Богуна, заблестѣли глаза; онъ было рванулся, но мѣсто, слу-

жба, толпа молящихся сдержали его: онъ овладѣлъ собою, остановился, да такъ и не отрывалъ отъ Ганны до конца службы своихъ восхищенныхъ глазъ. Какъ ни напрягала своего вниманія Ганна, но послѣднія слова службы промелькнули мимо нея, какъ во снѣ. Тысячи вопросовъ, надеждъ и сомнѣній пробудились въ ней... Вотъ сейчасъ отъ него, отъ Богуна, она можетъ узнать о Богданѣ много, много... все! Какимъ образомъ онъ здѣсь?... Зачѣмъ? Откуда? Ахъ это Господь послалъ его, чтобы утишить ея муки.

Старичекъ діаконъ погасилъ мало-по-малу всѣ свѣчи у иконъ; сѣрый сумракъ спустился изъ глубины купола и повисъ надъ алтаремъ. Одна только красная лампада колебалась тихо у царскихъ вратъ. Священникъ вышелъ уже въ своемъ холстинковомъ подрясникѣ и, остановившись передъ алтаремъ, прочелъ краткую молитву и благословилъ народъ. „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво“,—запѣли тихо на клиросѣ; въ молчаніи опустились всѣ на колѣни, и старичекъ священникъ склонился у царскихъ вратъ. Ганнѣ казалось, что она чувствуетъ легкую, спасительную ризу Богородицы, раскинувшуюся надъ колѣнопреклоненными, бѣдными людьми... Послѣдніе звуки тихой молитвы замерли... Долго не подымались всѣ съ колѣнъ, какъ бы чувствуя, что умчался минутный отдыхъ, и тамъ, за этими дверьми уже ждетъ ихъ горькая жизнь, полная лишеній и утратъ.

— Панно, какимъ родомъ? Откуда ты здѣсь?—услыхала Ганна за собою знакомый голосъ и, поднявшись, увидѣла подошедшаго къ ней Богуна.

— Въ Кіевъ, на „прощу“ иду.

— Одна?

— Нѣтъ, со мною „валка“ нашихъ „прочанъ“ и два козака.

— Два козака? Ганно, да развѣ ты не знаешь, какъ неспокойно здѣсь? Я не пущу тебя одну! Со мною сотня моихъ козаковъ... мы проведемъ тебя въ лавру и назадъ.

— Не бойся, пане... мы идемъ глухими дорогами.

— Не говори такъ; я знаю, что дѣлается дальше, и одну не отпущу тебя!

— Спасибо,—Ганна нагнула голову и затѣмъ спросила тихо: А отчего и зачѣмъ самъ ты здѣсь?

— Тебѣ могу сказать: ты, Ганно, все одно, что товарищъ... Я былъ на Подолѣ, комплектовалъ полки, а теперь перекинулся сюда въ Кіевщину. Небось сама уже видѣла, что творится здѣсь.

Ганна только качнула головой и затѣмъ спросила такъ тихо, что Богунъ едва смогъ разслышать ея слова: —Не слыхалъ ли чего о панѣ-Богданѣ, живъ ли онъ, гдѣ?

— Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ... но недѣли двѣ тому назадъ, доподлинно знаю, что былъ и живъ, и здоровъ, такъ-же, какъ я.

— Господи, Боже нашъ... Царица Небесная!—зашептала безсвязно Ганна, чувствуя, какъ счастливыя слезы затуманили ей взоръ, и вдругъ, передъ глазами ея заходили темные круги, и Ганна почуяла во всемъ своемъ тѣлѣ такую слабость, что едва не упала на полъ.

Богунъ схватилъ Ганну за руки:

— Что сталось съ тобой? Ты плачешь? Ты стала бѣлѣе стѣны!

— Отъ радости, отъ счастья! Охъ, если-бъ ты зналъ, какъ измучились мы! Съ Маслова Става мы ничего не знаемъ о Богданѣ; какъ уѣхалъ, только письмо написалъ, чтобъ молились о немъ,— говорила прерывающимся голосомъ Ганна, отирая ежеминутно выплывавшія слезы и улыбаясь счастливой, виноватой улыбкой.— Ждали долго, долго, разспрашивали всѣхъ, никто не зналъ ничего, думали, что погибъ уже онъ, или въ плѣну, или убитъ... Самъ коронный гетманъ рѣшилъ такъ... Сколько мы плакали...—Ганна остановилась, какъ бы скопфузившись, и затѣмъ продолжала:—Я и рѣшила въ Кіевъ на „прощу“ идти, Бога за него, за семью его молить... Вотъ Господь и услыхалъ мои молитвы и послалъ мнѣ тебя,—окончила Ганна, обдавая Богуна радостнымъ сіяніемъ своихъ глазъ.

— Эхъ, да и счастливый же Богданъ, когда такъ молятся за него!—съ нѣкоторой горечью замѣтилъ Богунъ, не спуская съ нея очарованныхъ глазъ.

Но Ганна не замѣтила его взгляда.

— Какъ не молиться? Какъ не молиться?—вскрикнула она.

— И молись, Ганно, молись, только не за него одного, а и за другихъ молись,—проговорилъ онъ тихо.

— Я за всѣхъ молюсь.—Ганна замолчала и затѣмъ заговорила ласково съ тѣмъ же возбужденіемъ:—Но ты не сказалъ мнѣ, гдѣ онъ? Зачѣмъ уѣхалъ? Когда вернется назадъ?

Къ Богуну и Ганнѣ подошелъ отецъ-діаконъ и, поклонившись низко, заявилъ, что панъ-отецъ проситъ ихъ обождать его на цвынтарѣ, чтобы отправиться вмѣстѣ къ нему отужинать. Богунъ и Ганна вышли изъ церкви и остановились на „цвынтарѣ“. Послѣ свѣта темнота показалась почти непроницаемой, хотя звѣзды и усыпали все небо. Вокругъ церкви, между могилъ, всюду подымались въ безпорядкѣ усыпанныя цвѣтомъ фруктовыя деревья. Богунъ и Ганна остановились подъ развѣсистой яблоней, недалеко отъ церковныхъ дверей. Въ короткихъ словахъ разсказалъ Богунъ Ганнѣ все, что зналъ о Богданѣ и о новомъ морскомъ походѣ, замѣтивши, что все это нужно держать въ глубокой тайнѣ. Въ темнотѣ ему не видно

было, какъ слезы сбѣгали съ ея глазъ, какъ она прижимала къ своей груди руки, не находя отъ радости и счастья благодарственныхъ словъ; но своимъ простымъ чуткимъ сердцемъ онъ чувствовалъ, что здѣсь, рядомъ съ нимъ, творится что-то великое, недоступное его душѣ...

Какое-то непонятное волненіе охватывало и самого Богуна. Эта неожиданная встрѣча съ дѣвушкой, которой равной онъ не находилъ во всей Украинѣ, взволновала его до глубины души. Разставаясь съ Богданомъ у Кодацкой корчмы, Богунъ порѣшилъ было оставить навсегда всѣ воспоминанія о Ганнѣ. Не такія времена, чтобы смущать свою душу мыслями о дивчинѣ, рѣшилъ сурово козакъ, замѣтивши, что мысли эти пріобрѣтаютъ надъ нимъ все большую силу; но рѣшеніе это оказалось весьма трудно выполнить. Среди самыхъ кипучихъ дѣлъ, заботъ и сомнѣній—думка о Ганнѣ не покидала его: она мелькала въ его тревожной, лишенной радости жизни, какъ тихая звѣзда среди разорвавшихся тучъ. Не черныя брови Ганны, не ея глубокія глаза, не тихій задушевный обликъ дѣвушки влекли къ ней козака-славуту, нѣтъ: Богуна восхищала великая сила души, что таилась въ Ганнѣ и горячая любовь къ отчизнѣ, проникавшая все ея существо. Онъ восторгался ею, онъ не находилъ ей равной во всемъ мірѣ, и каждая встрѣча съ Ганной убѣждала его еще больше въ ея недосягаемой высотѣ. И вдругъ эта дивчина, эта королевна, образъ которой не покидалъ его ни въ долгія зимнія ночи, ни въ бурю на морѣ, ни въ разгарѣ битвы, эта дѣвушка, которую онъ не надѣялся видѣть здѣсь,—рядомъ съ нимъ!! Сердце Богуна билось горячо и сильно...

— И всегда высокая, всегда недостижимая намъ грѣшнымъ и простымъ людямъ,—думалъ онъ, не спуская восторженнаго взгляда съ стройной фигуры дѣвушки и съ ея блѣднаго, подернутаго ночнымъ сумракомъ лица.—Вотъ и теперь: что ей Богданъ? Дядько, пріятель брата, не больше! Но она видитъ въ немъ спасителя нашей краины и рѣшается идти молить за него Бога, одна, въ такія времена, съ „валкой прочанъ“!.. Какая другая дѣвушка отважилась-бы на это? Нѣтъ! Другой такой на всемъ свѣтѣ не сыскать! Но вѣдь не одинъ же Богданъ думаетъ и трудится для спасенья отчизны?—поднялъ гордо голову козакъ.—Эхъ, заслужить у нея такую любовь, такую вѣру, да для этого хоть-бы и жизнь всю отдать, то не жаль!

И гордость, и восторгъ и еще какое-то новое чувство наполнили всю грудь Богуна; казалось ему, что это новое, невѣдомое чувство тѣснитъ его сердце, затрудняетъ дыханье, опьяняетъ мозгъ. Словно горячій вихрь закружилъ вдругъ всѣ его мысли; все то, чѣмъ жилъ онъ до этой минуты, улетѣло куда-то далеко, далеко, и среди этого

хаоса стояло только ясно одно сознанье того, что она, Ганна, королевна его, здѣсь близко, рядомъ съ нимъ!

Охваченный этимъ новымъ порывомъ, Богунъ стоялъ молча рядомъ съ ней, не смѣя нарушить тишины...

Легкій вѣтерокъ, колебля яблонныя вѣтки, то и дѣло отряхалъ на нихъ бѣлые, душистые лепестки. Народъ между тѣмъ выходилъ изъ церкви; у каждаго въ рукѣ среди вербовыхъ вѣтвей горѣла зажженная свѣча; казалось, какая то свѣтящаяся рѣка выливалась изъ церкви широкой волной. Внизу въ селеніи эта рѣка разбивалась на нѣсколько рукавовъ, и далеко еще мелькали то тамъ, то сямъ, среди густого мрака, эти слабые, трепещущіе огни, казавшіеся спасительными маяками въ темномъ морѣ житейскихъ бѣдъ...

XVIII.

Черезъ полчаса всѣ уже сидѣли въ хатѣ діакона за ужиномъ.

— Такъ, такъ, дѣти мои коханыя! — говорилъ тихо и печально старичекъ-священникъ, отодвинувъ отъ себя пустую миску и сложивши руки на столѣ. — Намъ жить осталось немного, охъ, какъ ужъ немного! — онъ замолчалъ и, склонивши голову, глянулъ куда-то въ темный уголъ комнаты унылыми, потухшими глазами.

Старый діаконъ взглянулъ на своего патрона, крякнулъ и и опустилъ свою львиную голову на грудь. Ганна оглянулась кругомъ: желтая восковая свѣча, горѣвшая въ мѣдномъ зеленомъ подсвѣчникѣ слабо освѣщала комнату. Старикъ діаконъ сидѣлъ на кончикѣ „лавы“ недалеко отъ священника. Въ глубинѣ комнаты, у низенькихъ дверей стояла старенькая дьяконица, одѣтая такъ-же просто, какъ любая изъ крестьянскихъ бабъ. Все въ комнатѣ было убого и уныло. На столѣ стояло нѣсколько мисокъ и оловяный стаканъ. Кувшинъ съ пивомъ, да краюха хлѣба дополняли незатѣйливое угощеніе.

— Жизнь для меня, какъ давній сонъ, дѣти, — продолжалъ снова старичекъ священникъ, словно очнувшись отъ какого-то раздумья. — Вотъ какъ вспомню, такъ передъ глазами, словно долгая дорога, а вдали, какъ вечерній туманъ. — Старичекъ замолчалъ и пожевалъ губами. — Никого и нѣтъ кругомъ: все перемерло, всѣ уже тамъ, одинъ еще я остался, да и то ужъ, чую, скоро отзоветъ меня Господь... Нѣтъ у меня ни хаты, ни грунта... Все отнялъ панъ...

— Да я что... я не о себѣ! — улыбнулся онъ какой-то виноватой, жалкой улыбкой, — еслибъ я одинъ, такъ не о чемъ было-бъ и говорить, а вотъ что люди безъ слова Божьяго остаются, такъ объ этомъ душа болитъ...

Ганна взглянула въ сторону Богуна: онъ сидѣлъ, скрестивши на столѣ руки, склонивши голову на грудь; лица его ей не было видно, но, и не видя его, Ганна поняла, какой гнѣвъ закипалъ въ его сердцѣ подъ вліяніемъ этихъ тихихъ, безропотныхъ словъ старика.

— Видишь, козаче,—продолжалъ батюшка,—обращаясь къ Богуну,—отдалъ нашъ панъ и землю, и церковь въ аренду жиду... вотъ тотъ и заперъ ее на замокъ. Когда служба или треба, надо ему деньги платить, чтобъ открылъ.

— Неслыханное дѣло!—вскрикнулъ Богунъ, сверкнувъ мрачно глазами,—такого кощунства еще не было у насъ!

— Сначала-то онъ по Божьему бралъ,—вздохнулъ старичокъ,—ну и давали, кто могъ, тотъ и давалъ, а потомъ все больше да больше сталъ брать... Были у меня матушки покойницы байбараки аксамитные, да „намисто" доброе, отдалъ я ему, а на Благовѣщенье... ряса у меня оставалась такая шелковая,—тоже отдалъ, вотъ теперь,—онъ взглянулъ сконфуженно на свой холстинковый подрясникъ.—такъ и остался, въ чемъ стою...

Отецъ діаконъ проворчалъ что-то неопредѣленное и, бросивши на батюшку полный обожанія взглядъ, покрылся весь багровымъ румянцемъ и шумно передвинулся на скамьѣ.

— А сегодня вотъ, какъ-бы Богъ не послалъ тебя, дитя мое,—взглянулъ старичокъ на Ганну добрымъ, ласковымъ взглядомъ,—такъ бы и остались мы безъ службы Божіей, въ такой-то великій день!...

— Какъ такъ?—изумился Богунъ, подымая голову и переводя свой взглядъ со старика на Ганну.

— А такъ, что намъ ужъ нечего было дать, ни у кого ни гроша за душой. Молодые бросились было бить жида, да этимъ себѣ еще большихъ бѣдъ натворили-бы; на счастье Господь ее намъ послалъ, ну, остановила она ихъ, отдала жиду деньги, и услыхали мы слово Божіе: не то, пришлось-бы и такъ, какъ дикимъ звѣрямъ, праздникъ встрѣчать.

Богунъ бросилъ на Ганну быстрый, восторженный взглядъ и обратился къ священнику.

— И давно это завелись у васъ такіе порядки?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это вотъ съ зимы пошли, послѣ наказа на Масловомъ Ставу.

— А!.. Тавро проклятое!—заскрежеталъ зубами Богунъ.

— Пути Господни неисповѣдимы,—кротко замѣтилъ батюшка.—Стали они тѣснить, замѣтивши, что обезсилѣлъ и обнищалъ народъ, а теперь и храмы наши отнимаютъ, поруганіе, смѣхъ отовсюду.—Старикъ нагнулъ голову и затѣмъ произнесъ оживившимъ голосомъ, подымая вверхъ вспыхнувшіе внутреннимъ свѣтомъ глаза.—

„Предастъ-же братъ брата на смерть и отецъ чадо“, чую я, что мнѣ суждена мученическая кончина, и благодарю за то Господа и жду ее, и объ одномъ только молю, чтобы дозволилъ мнѣ умереть у моего алтаря.

У дверей послышались тихія всхлипыванья; діаконъ, какъ-бы нечаянно, провелъ широкимъ рукавомъ по глазамъ. Ганна взглянула на священника: лицо его было тихое и свѣтлое, глаза глядѣли вверхъ и точно улыбались чему-то.

— Чего вы, дѣти мои?—усмѣхнулся онъ ласково и привѣтливо.—Я свое уже прожилъ, радъ, чѣмъ могу, славѣ Господней послужить и гнѣва на враговъ своихъ не храню, ибо Господь велѣлъ прощать ихъ,—не вѣдаютъ бо, что творятъ...

— Одначе и Господь возмутился духомъ и изгналъ торжниковъ изъ храма своего,—буркнулъ басомъ отецъ-діаконъ, не подымая глазъ.

— Господь, а не мы,—произнесъ наставительно старичекъ,—Ему отмщеніе. Не намъ мудрствовать, мы должны покориться волѣ Его... Но аргументъ этотъ мало подѣйствовалъ на отца діакона: его возмутившееся сердце трудно было укротить такимъ смиреннымъ доводомъ. Онъ еще ниже наклонилъ голову и выговорилъ угрюмо и торопливо:

— Ему отмщеніе, что-же вѣрно, да вѣдь не все на Господа надѣяться, можемъ подчасъ расправиться и сами. Я тоже Писаніе знаю. Самсонъ вотъ три тысячи Филистимлянъ задавилъ въ храмѣ, и я за васъ, да за вѣру всѣмъ этимъ псамъ ребра перетрощу!

И выпаливши залпомъ эти возмущенныя слова, отецъ діаконъ умолкнулъ сразу и весь осунулся на скамьѣ.

— Отецъ-діаконъ, отецъ-діаконъ!—покачалъ батюшка укоризненно головой:—нѣтъ у тебя смиренія, нѣтъ!

Отецъ-діаконъ запыхтѣлъ, покрылся снова багровымъ румянцемъ, но промолчалъ.

— Нѣтъ, панъ-отче,—поднялъ Богунъ голову и заговорилъ твердымъ голосомъ,—простите, что говорю вамъ такъ, только на мою думку, терпѣть намъ дольше нѣтъ силъ. Мы не подымаемъ оружія, мы не на грабежъ, не для войсковой славы идемъ,—мы „боронимъ“ свою жизнь, свою вѣру, своихъ людей! Ты говоришь, панъ-отче, что все въ волѣ Господней, что неисповѣдимы Господни пути? Правда твоя! Такъ не будь-же на то воли Господней, не подымались бы и мы! Смотри, развѣ не перстъ Божій выводитъ насъ изъ тысячи несчастій и бѣдъ? Развѣ не Духъ Божій даетъ нашей несчастной отчизнѣ силу бороться съ могучимъ и хищнымъ львомъ? Развѣ не Онъ выводитъ на окровавленныя нивы все новые и новые полки? Нѣтъ, панъ-отче, безъ Божьей помощи не видать

бы намъ того, что мы видѣли, и что увидимъ еще!.. Пути Господни неисповѣдимы... Такъ, панъ-отче, такъ! Я вѣрую тому. И кто знаетъ, быть можетъ Онъ и избралъ насъ темныхъ и забитыхъ, чтобы наказать людей за злобу и гордыню, чтобы показать на насъ силу Свою!

— О, панъ-отче,—подхватила и Ганна, чувствуя, какъ снова пробуждается въ ней и надежда, и вѣра подъ вліяніемъ этихъ твердыхъ и горячихъ словъ,—за себя можно прощать, но за другихъ, за дѣтей невинныхъ, за осиротѣлыхъ вдовъ,—развѣ за нихъ можно прощать? Чѣмъ виноваты они? Чѣмъ они заслужили такую кару?.. Господь благъ и милостивъ, и эти звѣрства не отъ Него.

— Господь и Сына Своего распялъ на крестѣ для блага людей,—отвѣтилъ тихо священникъ, устремляя на нее свѣтлый и печальный взглядъ.

— Но распявшіе Его прокляты на вѣки! Проклятье упало и на нихъ и на ихъ дѣтей! Такъ прокляты и мучители наши, прокляты во вѣки гонители вѣры,—вскрикнулъ Богунъ,—и нѣтъ къ нимъ снисхожденія ни въ одной козацкой душѣ!

— Что значитъ наши мірскія страданія и горести передъ великой Божьей тайной, которая насъ ждетъ впереди?..

— Живой о живомъ думаетъ!—перебилъ старика Богунъ горячимъ возгласомъ.—И покуда мы живы, не позволимъ ругаться надъ вѣрой своихъ отцовъ!

— Ростовкмачить бы всѣмъ имъ головы!—вскрикнулъ вдругъ отецъ-діаконъ, приподымаясь на лавѣ.

— Отецъ-діаконъ,—остановилъ его съ укоризной священникъ и, положивши руку на его богатырское плечо, проговорилъ тихо:—ты служитель алтаря!—Затѣмъ онъ перевелъ свои глаза на Богуна и Ганну:—Дѣти мои, и великіе мученики не меньше насъ стояли за вѣру, но безропотно несли свой крестъ.

— Святые они были, панъ-отче, и намъ, грѣшнымъ, того не понять,—отвѣтилъ запальчиво Богунъ.—Да развѣ бы вы, панъ-отче, молчали, когда бы на вашихъ глазахъ рѣзали вашу жену, вашихъ дѣтей? Да развѣ бы вы не защитили сиротъ и малютокъ? Развѣ бы вы позволили осквернить святой храмъ на вашихъ глазахъ?!

— Поднявшій мечъ отъ меча и погибнетъ,—тихо, но строго произнесъ старикъ.

— Да, и погибнетъ!—вскрикнулъ Богунъ,—но кто его поднялъ? Не мы! На насъ подняли, такъ пусть и гибнутъ поднявшіе его!!

Старикъ опустилъ печально голову; его сѣдые волосы разсыпались по плечамъ и свѣсились на грудь, руки упали безсильно.

— Не знаю...—прошепталъ онъ тихо,—далеко уже ушелъ я отъ жизни, много мнѣ непонятнаго здѣсь...—Онъ вздохнулъ и добавилъ чуть слышно:—я знаю только одно, прощать, прощать и прощать...

Вся фигура его была въ эту минуту такъ безпомощна, такъ жалка, а голосъ звучалъ такъ безропотно и тихо, что Ганна почувствовала невольно, какъ слезы выступаютъ ей на глаза.

— Панъ-отче!—прижалась она губами къ его высохшей, маленькой, желтой рукѣ.—Господь насъ услышитъ, Господь помилуетъ насъ!

— Помилуетъ, помилуетъ, всѣхъ помилуетъ! Кого здѣсь, а кого тамъ!—поднялъ старичекъ вверхъ глаза.

Всѣ замолчали. Старушка дьяконица вздохнула нѣсколько разъ и, отнявши отъ лица правую руку, подперла щеку лѣвой рукой. Богунъ задумчиво крутилъ свой черный усъ; діаконъ угрюмо сопѣлъ, и его полная грудь и большой животъ тяжело поднимались подъ холстинковымъ подрясникомъ, а старичекъ священникъ тихо кивалъ головой, словно вспоминалъ что-то далекое, далекое, чуждое всѣмъ собравшимся здѣсь...

Наконецъ, Богунъ поднялся съ мѣста.

— Спасибо, панъ-отче, за вечерю!

— Что? За вечерю? Не мнѣ, не мнѣ,—очнулся старикъ,—а имъ,—указалъ онъ на діакона,—я здѣсь и самъ гость...

— Ну, какъ таки можно?—воскликнули разомъ и толстый діаконъ, и тощая дьяконица; но батюшка усмѣхнулся привѣтливо и, махнувши рукою, прибавилъ, какъ-бы извиняясь передъ гостями,—вотъ они ужъ и пойдутъ у меня, и пойдутъ!..

— Спасибо и вамъ, добрые люди,—поклонился Богунъ въ сторону діакона,—за хлѣбъ, за соль и за вашу ласку... А мнѣ дозвольте, панъ-отче, оставить вамъ вотъ это,—развязалъ онъ ременныя тясьмы своего „гаманца“ и выбросилъ на столъ горсть червонцевъ,—чтобы люди православные безъ слова Божьяго не оставались. Покуда,—Богунъ понизилъ голосъ и окончилъ таинственно,—покуда изъ стараго „падла“ не выростетъ новая трава.

— Спасибо, спасибо, мой сыну!—обрадовался старикъ и все лицо его приняло дѣтское, свѣтлое выраженіе, а въ голосѣ задрожали слезы.—Вотъ и милость Господня, Господь не оставляетъ насъ! Ужъ, кажется, какъ плохо приходится, а смотришь, и поддержитъ Его благая рука. А ты не умѣешь смиряться отецъ діаконъ, не умѣешь. Что-жъ будешь и теперь роптать?

— И отъ меня, панъ-отче, примите,—доложила Ганна къ деньгамъ Богуна и свои червонцы; но растроганный старичокъ рѣшительно отодвинулъ ея руку:—Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое, ты ужъ и

такъ поистратилась, а передъ тобой еще долгій путь; мало-ли что можетъ случиться въ дорогѣ?

Однако Ганна стояла на своемъ такъ твердо, что батюшкѣ пришлось согласиться.

— Богъ намъ послалъ васъ, и пусть же Всеблагій благословитъ васъ за ваше добро,—произнесъ онъ, подымая къ небу глаза,—теперь услышимъ и мы „Христосъ Воскресе!“ А то я ужъ давно думаю, чѣмъ-бы на великдень заплатить, нечего и продать, а тутъ самъ Господь васъ и прислалъ.

— Стоитъ объ этомъ говорить, панъ-отче,—поднялся Богунъ,—слава Богу, что есть еще чѣмъ помочь.

Онъ прильнулъ къ старческой, высохшей рукѣ, и потомъ, отвернувшись, произнесъ смущенно въ сторону: Я теперь пойду; надо своимъ хлопцамъ „раду“ дать, вы-жъ, пани-матко, не заботьтесь мнѣ стлать постель: ляжемъ съ хлопцами на дворѣ: намъ еще надо коней „опорядить“, да и завтра пораньше встать.

Богунъ вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ вслѣдъ за нимъ поднялась Ганна.

— Куда ты, дитя мое? —спросилъ батюшка.

— Пойду, пройдусь, панъ-отче, воздухомъ подышу.

— Ну, иди, иди, голубка, а я тѣмъ временемъ постельку приготовлю, подушечки собью,—зашамкала старушка, распахивая передъ Ганною двери.

Ночь раскинулась надъ землею темнымъ, звѣзднымъ покровомъ. Ганна вышла въ маленькій садикъ, окружавшій дьяконовъ домъ. Ни дорожекъ, ни куртинъ не было въ немъ. Она пошла по мягкой травѣ, задѣвая то плечомъ, то головою за низкія вѣтви малорослыхъ деревъ. Деревья стояли неподвижныя, полусонныя, раскинувши въ темной пѣгѣ отягченныя душистыми розовыми цвѣтами вѣтви; казалось, онѣ погружались въ теплыя волны весенняго воздуха, боясь шевельнуться, боясь отряхнуть съ себя дивное и тайное очарованіе налетѣвшей весенней ночи. Отъ печальнаго прикосновенія Ганны вѣтви ихъ вздрагивали, и тогда на шею, на плечи ея слетали, словно полусонные поцѣлуи, лепестки душистыхъ цвѣтовъ. Ганна шла дальше и дальше. Вотъ и конецъ небольшого садика; у ногъ ея крутой обрывъ. Тамъ, внизу, у подножья его, разметалась, раскинулась, согрѣтая за день солнечной лаской, рѣка. Темное стекло водъ неподвижно лежитъ и тускло блещетъ стальными изгибами, сливаясь вдали съ темнымъ, дымчатымъ горизонтомъ. Рѣка не плыветъ, а дремлетъ, прислушиваясь въ полуснѣ къ пробуждающейся кругомъ жизни. Отъ лучей большихъ звѣздъ спустились въ ея глубину блѣдныя, трепещущія нити. А тамъ за рѣкою смутно темнѣютъ крутые берега,

луга и лѣса. Ганна опустилась на пригорокъ и забросила за голову руки. Вотъ мимо нея пронесся съ сдержаннымъ жужжаніемъ большой крылатый жукъ; шевельнулась трава; соловей робко щелкнулъ вдали... и Ганна чувствуетъ, что нѣтъ въ этой ночи тишины и покоя, какъ нѣтъ покоя въ глубинѣ ея души. Не спитъ, не спитъ эта ночь... Она замерла, она притаилась, прислушиваясь къ великой, чарующей весенней тайнѣ, непонятной ни Ганнѣ, ни ей.

Тамъ, въ той маленькой хаткѣ, осталось страданіе, убожество и старость, а здѣсь передъ глазами раскинулась такъ властно, такъ пышно полная обольстительной тайны весенняя ночь. И Ганна чувствуетъ, что какая-то непонятная, могучая связь устанавливается между природой и ею. Вотъ въ груди ея вспыхнула та-же мятежная, безотчетная тревога: и прошлое горе, и нынѣшнія несчастья отошли далеко, далеко. Словно волшебный туманъ покрылъ ее своею теплой пеленой отъ всего окружающаго міра. Жажда счастья, живаго, горячаго, всесильнаго счастья, охватываетъ все ея существо На глазахъ Ганны выступаютъ, одна за другой, непослушныя слезы... Она чувствуетъ, какъ душа ея переполнена мучительнымъ, не имѣющимъ выхода восторгомъ. „Онъ живъ, онъ здоровъ!“—вырвался вдругъ изъ глубины ея души горячій, страстный возгласъ.

Ганна вздрогнула отъ неожиданности и страха. Этотъ возгласъ прозвучалъ такъ горячо, такъ напряженно, какъ Ганна не могла и предположить. Да, здѣсь, въ глубинѣ ея души, помимо ея воли идетъ своя жизнь, своя работа, а сознаніе такъ сурово докладываетъ ей все.—Ахъ, что ужъ тутъ таиться, вѣдь не обманешь себя! прошептала она едва слышно.—Сколько мученій, сколько долгихъ тревожныхъ, безсонныхъ ночей, а теперь? Одно это слово, одно лишь сознаніе, что тамъ далеко, за этою темно-синѣющею далью, живъ онъ, дорогой, великій, любимый—и какимъ прекраснымъ, какимъ дивнымъ, неизъяснимо-хорошимъ кажется весь этотъ міръ!—Ганна сжала руками пылающую голову.—О, нѣтъ, нѣтъ!... Эти ужасы, эти мученія,—это лишь страшные призраки, проходящій кошмаръ... Богданъ вернется... Ахъ, какъ хочется вѣрить, что все это минетъ!.. Вѣдь не можетъ быть такого зла и насилія на этой дивной землѣ? Боже мой, Боже, онъ живъ, онъ спасенъ!—Ганна припала лицомъ къ горячимъ ладонямъ рукъ. Какое-то сладкое оцѣпенѣніе охватило ее, нѣжная слабость разлилась по всему тѣлу, и Ганна вдругъ почувствовала, какъ она страшно устала и измучилась душой; руки ея упали безсильно, вѣки сами собой опустились на подернутые влагой глаза, Ганна прислонилась головой къ дереву и занѣмѣла. Словно все заснуло въ ней; воля, желанье, сознанье,—одно только воображеніе неслося впередъ безъ руля и увлекало ее за собой.

Неясныя грезы, воплощенныя въ прекрасные, знакомые образы, блѣдные и смутные, какъ мечты, — все сливалось, разрушалось и плыло передъ нею въ какомъ-то туманѣ. Въ ушахъ ея раздавался мелодичный шумъ. И казалось Ганнѣ, что какія-то теплыя волны убаюкиваютъ ее и несутъ далеко, далеко въ невѣдомую даль, и среди этого туманнаго забытья мелькала, какъ блуждающій огонекъ, только одна ясная мысль, заставлявшая вздрагивать отъ счастья ея сердце: онъ живъ, онъ спасенъ! Такъ прошло съ полъ часа; ничто не нарушило тишины; вдругъ неясный глухой шумъ, донесшійся изъ глубины обрыва, заставилъ Ганну очнуться: очарованіе забытья слетѣло въ одно мгновенье. Ганна вздрогнула съ головы до ногъ и встрепенулась. Странный шумъ повторился снова; вотъ среди общаго гула она различила ясно повторенное нѣсколько разъ слово: Богунъ, Богунъ. Ганна быстро поднялась съ мѣста и подошла къ краю обрыва; охвативши руками рослое надъ самымъ обрывомъ дерево, она низко склонилась надъ пропастью и устремила взглядъ въ ея темную глубину.

Внизу, у подножья горы тѣснилась вокругъ какой-то высокой стройной фигуры, стоявшей на возвышеніи, огромная толпа. Въ темнотѣ Ганна не могла разсмотрѣть, козаки это или поселяне? Какъ ни напрягала она своего зрѣнія, но видѣла только темные силуэты, волнующіеся, тѣснящіе другъ друга; только на шапкѣ стоявшей на возвышеніи фигуры ей удалось замѣтить какой-то тускло блестящій предметъ:—золотая кисть... Богунъ!—рѣшила поспѣшно про себя Ганна и стала прислушиваться. Но до слуха ея долеталъ только общій шумъ, словъ отдѣльныхъ она не могла разобрать.

Вотъ шумъ пробѣжалъ послѣдней волной по рядамъ и улегся... Какъ тихо стало кругомъ. Видно, тотъ стройный козакъ началъ говорить. Такъ, Ганна увидѣла въ темнотѣ, какъ онъ отбросилъ керею, какъ поднялъ руку. Но что говоритъ онъ? Ганна перегнулась еще ниже и напрягла весь свой слухъ, но слова не долетали до нея. Вотъ снова взрывъ негодованія. Глухой ропотъ пробѣжалъ по рядамъ, и, словно стебли сухого ковыля подъ порывомъ вѣтра, зашевелились, закивали головы въ толпѣ. Но онъ опять заговорилъ. Толпа замерла, толпа заслушалась; задніе давятъ переднихъ, рвутся впередъ. О чемъ говоритъ онъ съ такимъ воодушевленіемъ? Ганна видитъ его движенія, и отъ этихъ горячихъ движеній сердце ея загорается огнемъ.—Да это Богунъ, несомнѣнно онъ!—вскрикнула она и затаила дыханье. Вотъ раздался гнѣвный возгласъ въ одной группѣ, въ другой, поднялись руки здѣсь и тамъ... И словно вспыхнувшее пламя охватило въ мигъ всю толпу. Его словъ уже не слышно; кругомъ бурлитъ содрогнувшееся море. Вотъ поднялись

крики, проклятія. Что это сверкнуло вдругъ въ воздухѣ узкой стальной полосой? Это онъ, Богунъ, обнажилъ свою саблю, и одинъ единодушный крикъ отозвался кругомъ. Вотъ снова все стихло, они шепчутъ что-то другъ другу; они расходятся по сторонамъ.

Ганна поднялась и прислонилась къ дереву... Боже мой! ничто, ничто не дремлетъ, и жизнь такъ мучительно, такъ ужасно напоминаетъ ежеминутно о себѣ.

Прошло нѣсколько минутъ, а Ганна все еще стояла, прислонившись къ дереву, забросивши голову, съ блѣднымъ лицомъ и рѣзкою складкой межъ черныхъ бровей. Наконецъ, она сжала руки, отдѣлилась отъ дерева и рѣшительнымъ шагомъ направилась къ діаконовой хаткѣ.

— Это ты, Ганна?—окликнулъ ее голосъ. Ганна оглянулась и увидала входящаго въ садикъ Богуна.

— Скажи, что тамъ случилось? Опять насиліе? Возстаніе? О чемъ вы говорили? Я видала, но не слыхала ничего,—бросилась она къ нему.

Богунъ взглянулъ на ея взволнованное лицо:

— Слушай, Ганно, скажи мнѣ, откуда ты такая родилась у насъ?—взялъ онъ руку Ганны, не спуская съ нея глазъ; но, видя напряженное выраженіе ея поблѣднѣвшаго лица, онъ прибавилъ:— новаго ничего. Тебѣ я все скажу; ты вѣдь козачка у насъ. Я поднимаю народъ, даю имъ помощь, оставляю вездѣ своихъ козаковъ, а когда начнется дѣло, дамъ имъ только „гасло“, и „стриха„ вспыхнетъ со всѣхъ сторонъ.

— Такъ, такъ,—повторяла за нимъ Ганна, не замѣчая его взгляда, глядя куда-то въ темноту расширившимися глазами.— Вспыхнетъ все кругомъ... И лучше погибнуть въ полымѣ, чѣмъ...

— Вѣрь мнѣ, Ганно, еще пропало не все! Покуда есть насъ хоть горсть на Украйнѣ, не согнуть насъ ляхамъ!

— Не согнуть! не согнуть!—вскрикнула за нимъ лихорадочно и Ганна, не отнимая своей руки.

— Да, воодушевлялся Богунъ все больше и больше,—слово козацкое даю тебѣ: еще новой травой не покроются степи, а они ужъ услышатъ о насъ отъ Варшавы до Днѣпра. Съ каждой ихъ напастью пробуждаются въ насъ новыя силы. Съ новыми утѣсненіями еще новая ненависть охватываетъ весь народъ. Спитъ сытое панство, но мы не спимъ; кругомъ, говорю тебѣ, ростетъ невидимая сила, какъ ростетъ трава въ ночной тишинѣ. Пусть больше не сѣютъ паны хлѣба, потому что къ „жнывамъ“ не найдется ни косъ, ни серповъ. Всю зиму съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ тобою, я ѣздилъ по Брацлавщинѣ и Волыни, перекинулся теперь въ Кіев-

щину и, клянусь тебѣ, Ганно, не проминули мы ни одной деревушки, ни одного села!

— Брате мой, орле нашъ! —вскрикнула Ганна,—Богъ благословитъ тебя!

— Не знаю,—проговорилъ вдругъ медленно Богунъ, смотря на нее долгимъ, неотрывающимся взглядомъ, — благословитъ-ли, а до сихъ поръ не благословлялъ.

Ганна взглянула на него. Въ глазахъ его свѣтился какой-то странный свѣтъ, и взглядъ былъ такъ присталенъ, что Ганна невольно опустила глаза.

— Не торопись, Ганно, погоди, присядь здѣсь,—проговорилъ Богунъ, беря Ганну снова за руку. Они сѣли на краю обрыва и замолчали. Нѣсколько минутъ никто не нарушалъ молчанія, наконецъ Богунъ обратился къ Ганнѣ:—Раскажи мнѣ, Ганно, какъ вы жили, какъ прошла эта зима? Вѣдь подумай, всю зиму не сидѣлъ я и двухъ дней въ одной хатѣ. Кое-когда говорили мнѣ о васъ заѣзжіе козаки, а то по мѣсяцамъ не зналъ, живы ли вы всѣ? Только думками мучился.

— Что-же, пане, до Маслова Става, пока панъ Богданъ дома былъ, поселки новые мы оселяли, хлопотали цѣлые дни. Все прибывалъ народъ. А когда онъ на Масловъ Ставъ поѣхалъ, да не вернулся оттуда, а только письмо намъ прислалъ, такъ ужъ и не помню, какъ эти дни потянулись, какъ и настала весна...

Да что о нашей жизни говорить! Занесло насъ было снѣгомъ, засыпало инеемъ, такъ что не видѣли и живой души.—Ганна вздохнула и замолчала, охвативши колѣни руками и вдругъ, уступая непреодолимому желанію высказаться передъ кѣмъ нибудь, она заговорила снова тихимъ задушевнымъ голосомъ.

— Такая мука была, такая „грызота“! Какъ мы молились, какъ съ каждымъ утромъ ожидали его или гонца! А вечеромъ, когда день проходилъ и мы снова ничего о немъ не знали, охъ, Иване, наступали такія томительныя ночи безъ краю, безъ конца!...

— Счастливый панъ Богданъ,—вздохнулъ Богунъ, снимая съ головы шапку и встряхнувъ темноволосой головой.—Эхъ, когда-бъ я зналъ, что будетъ кто такъ „побиваться“ за мною,—на край свѣта заѣхалъ-бы и глазомъ-бы не сморгнулъ.—По лицу его промелькнула горькая улыбка.—Какъ ни говори, Ганно, —произнесъ онъ,—а и козаку тяжко жить на свѣтѣ, когда нѣтъ у него ни одной дорогой и родной души, когда самъ онъ никому не дорогъ!

Въ сердцѣ Ганны дрогнула теплая, теплая струна.

— Не говори такъ, козаче,—отвѣтила она просто и мягко, обдавая его ласковымъ взглядомъ своихъ глазъ. Правда, нѣтъ у тебя

родной матери и батька, да и у меня ихъ нѣтъ, а вотъ призрѣла меня семья Богдана; такъ призрѣетъ и тебя. Для насъ ты не чужой, ты родной намъ, ты близкій намъ.

— Ой, Ганно, не то, не то!—покачалъ головою Богунъ,—что я для васъ и для тебя? Богдану войсковой товарищъ, а тебѣ простой козакъ, „покарбованный славой"! Да развѣ у насъ мало такихъ! Всѣ они тебѣ близкіе, Ганно, и всѣ чужіе!—Въ голосѣ Богуна прозвучала горькая нота.

— Нѣтъ, нѣтъ, Иване,—перебила его горячо Ганна и подняла на него свои открытые, лучистые глаза.—Ты не то, что всѣ. Дядько Богданъ тебя любитъ, какъ сына, и я съ дѣтства привыкла любить тебя, какъ дорогого брата. Ты братъ мой, ты другъ мой, нашъ славный зборонецъ, орелъ между нашихъ козаковъ!

— Спасибо тебѣ, Ганно,—произнесъ Богунъ дрогнувшимъ голосомъ и взялъ Ганну за руку...—Вотъ пойми ты, въ первый разъ въ жизни услыхалъ я первое ласковое, теплое слово—и душу всю оно мнѣ перевернуло... Охъ, да за такое слово,—вырвался вдругъ у козака горячій возгласъ, но онъ не докончилъ своей фразы и замолчалъ, устремивши на Ганну пристальный, жгучій взглядъ.

Замолчала и Ганна. Кругомъ было тихо, безмолвно; не слышно ужъ было ни робкихъ щелканій соловья, ни шепота вѣтра, ни шелеста листьевъ. Все умолкло, уснуло; казалось, можно было услышать, какъ плыла мимо нихъ тихо весенняя ночь.

Они сидѣли здѣсь одни, вдали отъ всѣхъ, въ этой чарующей тишинѣ...

Богунъ глядѣлъ на Ганну тѣмъ же пристальнымъ непонятнымъ ей взглядомъ. Какое-то жгучее, необоримое волненіе овладѣвало имъ все сильнѣй и сильнѣе.

— Эхъ, Ганно! произнесъ онъ вдругъ рѣшительно, расправляя свои богатырскія плечи и забрасывая красивымъ движеніемъ чуприну назадъ,—скажи мнѣ одну только правду: въ тѣ долгіе дни и ночи, когда вы такъ мучились о Богданѣ, вспоминала-ль ты хоть одинъ разъ меня въ своихъ молитвахъ, думала-ли о моей одинокой, буйной головѣ?

— Я обо всемъ думала, я за всѣхъ молилась, и за тебя нашего славнаго лыцаря.

— Не какъ за лыцаря,—перебилъ ее горячо Богунъ,—а какъ за Богдана, скажи мнѣ правду, правду, Ганно!—повторилъ онъ еще настойчивѣе,—молилась-ли ты такъ за меня?

Ганна поблѣднѣла.

— Богданъ мнѣ второй батько,—выговорила она едва слышно, и опустила голову внизъ.

Но Богунъ не разслышалъ ея отвѣта:

— Нѣтъ, дивчыно, постой, не о томъ, не о томъ я „пытаю“,— продолжалъ онъ, горячо овладѣвая ея рукой:—скажи, былъ-ли въ душѣ твоей страхъ, что ты не увидишь меня никогда? Что, быть можетъ, въ чужой сторонѣ орлы выклевали мнѣ очи, грудь засыпалъ желтый песокъ?

Ганна взглянула на него, и вдругъ яркая краска залила ей лицо.

— Скажи, ждала-ли меня?—продолжалъ онъ порывисто, сжимая ея руку и забывая обо всемъ окружающемъ,—ждала-ли меня такъ, какъ я ждалъ тебя, какъ цѣлыми ночами летѣлъ къ тебѣ думкой, какъ не забывалъ тебя ни въ „герцѣ“, ни въ сѣчѣ, какъ одну тебя, одну тебя Ганно,—вскрикнулъ онъ и вдругъ оборвалъ свою рѣчь... За спиной Ганны раздался голосъ старухи діаконицы:—панно, голубко, вотъ гдѣ ты, а я всюду ищу тебя.

Чуть солнце показалось надъ землею, а все ужъ было готово къ отправленію въ путь. Богомольцы толпились у воротъ отца діакона; козаки Богуна сидѣли на коняхъ, выстроившись въ „лавы“; двѣ подводы, что Богунъ велѣлъ взять изъ села для скорѣйшаго передвиженія, стояли вмѣстѣ съ Ганниной тутъ же.

Ганна вышла изъ низенькой дверцы покосившейся хатки, а за нею вышли и батюшка, и отецъ діаконъ и Богунъ.

— Прощайте, панъ-отче,—подошла Ганна къ старичку и, прижавшись губами къ его рукѣ, проговорила тихо:—благословите меня, панъ-отче; за вашимъ благословеніемъ и Богъ благословитъ.

— И Онъ благословитъ, благословитъ тебя, дитя мое,—положилъ старичокъ руки на голову Ганнѣ,—и счастье тебѣ пошлетъ, потому что ты достойна его. Только смиряйся, больше смиряйся и не ропщи противъ воли Его. Все въ мірѣ для счастья и правды. Господь посылаетъ намъ испытанія для нашего же блага.

Старичокъ поднялъ глаза къ свѣтлому утреннему небу: вѣтерокъ сдулъ сѣдыя пряди волосъ съ его лба; на запавшихъ морщинистыхъ щекахъ выступилъ чахоточный румянецъ, а голубые глаза загорѣлись тихимъ внутреннимъ свѣтомъ:

— Вотъ и мнѣ Господь послалъ радость при самомъ концѣ моихъ дней,—заговорилъ онъ снова слабымъ, ласковымъ голосомъ,—прислалъ мнѣ, старому и дряхлому, тебя для утѣшенія.—Старичокъ взялъ Ганнину руку и взглянулъ на нее теплымъ, любящимъ взглядомъ.—Вотъ, пойми ты: видѣлъ я тебя, дитятко, всего одинъ день, а полюбилась ты мнѣ, какъ родная дочь, потому своихъ никогда не было, и жалко мнѣ пускать тебя отъ себя, такой ужъ я,

старый, дурной...—добавилъ онъ тихо съ виноватою улыбкой, не выпуская ея руки.

— Спасибо, спасибо, панъ-отче, за ласковое слово,—промолвила дрогнувшимъ голосомъ растроганная Ганна и, поцѣловавъ руку батюшки, торопливо добавила:—мы заѣдемъ къ вамъ, панъ-отче, на обратномъ пути, непремѣнно заѣдемъ.

Старикъ улыбнулся печальною, ласковою улыбкой:

— Охъ, дѣти мои, Богъ васъ наградитъ за это; только врядъ-ли... Вы молодые, а я что?—Онъ взглянулъ на свою тощую фигуру въ полотняномъ подрясникѣ, въ стоптанныхъ, простыхъ сапогахъ,—сухой листъ, морозомъ прибитый: покуда тихо, онъ виситъ, а вѣтеръ подулъ—снесло его и снѣгомъ замело.

— „Умирае не старый, а часовый“,—буркнулъ отецъ діаконъ, нахмуривая сѣдыя брови и бросая въ сторону батюшки тревожный взглядъ.

— Такъ, такъ, отецъ діаконъ, а кто знаетъ, когда сей ударитъ часъ?—Батюшка глянулъ задумчиво впередъ, точно хотѣлъ прочесть что-то на ясномъ лазоревомъ горизонтѣ. Жиденькія пряди его волосъ спустились съ двухъ сторонъ на грудь, голова наклонилась покорно. „Блюдите, ибо не вѣсте ни дня, ни часа“,—прошепталъ онъ такъ тихо и беззвучно, что и самъ не слыхалъ своихъ словъ.

Отецъ діаконъ дышалъ тяжело и грузно, воздухъ вырывался со свистомъ изъ его мясистаго носа; онъ ежеминутно приподымалъ брови, поводя какъ-то сконфуженно глазами и взглядывая украдкой на своего патрона.

— Одначе пора ѣхать,—прервалъ молчаніе Богунъ.—Солнце ужъ поднимается, а намъ надо-бы пораньше выбраться: тутъ вѣдь пойдутъ все горы да буераки.

— Такъ, такъ, сыну,—встрепенулся батюшка,—жаль мнѣ разставаться съ вами, дѣти, да поѣзжайте, поѣзжайте съ Богомъ скорѣе, чтобъ, храни васъ сила небесная, не случилось чего въ пути.—Онъ перекрестилъ нѣсколько разъ Ганну и, приподнявши ея голову обѣими руками, поцѣловалъ ее нѣсколько разъ въ лобъ и глаза.—Будь счастлива, любая моя: Матерь Божія охранитъ тебя на всякомъ твоемъ пути.—Затѣмъ онъ перекрестилъ склонившагося надъ его рукой Богуна.—Прощавай, сыну! Блюди свое сердце. Господь одарилъ его щедротами на утѣшеніе братьямъ и силу вложилъ въ руки твои... Не забывай Его... Будь и въ гнѣвѣ справедливъ и милостивъ!—Батюшка возложилъ руки на склоненную голову козака.—И да поможетъ тебѣ Богъ на все доброе, а отъ злого да охранитъ Онъ тебя!

Богомольцы размѣстились на возахъ. Ганна взобралась на высоко-наложенную сѣномъ и закрытую плахтами подводу и сѣла рядомъ со старушкой въ намиткѣ.

Вскорѣ богомольцы минули большое село, поднялись въ гору и выѣхали въ степь. Богунъ ѣхалъ все время подлѣ Ганны.

Ганна молчала, молчалъ и Богунъ.

Лицо его было сосредоточенно и серьезно; видно было, что какая-то глубокая дума не покидала его.

Прерванный вчера такъ неожиданно разговоръ съ Ганной не выходилъ изъ головы козака. Въ эту ночъ Богунъ и не ложился спать; до самого свѣта проходилъ онъ по дьяконовому саду, не будучи въ силахъ подавить охватившаго его волненія. Эта встрѣча съ Ганной, вчерашній разговоръ, ея ласковыя слова, перевернули все въ душѣ козака-славуты. Богунъ чувствовалъ, что теряетъ надъ собой всякую волю, что другое властное чувство управляетъ имъ и влечетъ его за собой; онъ уже не сомнѣвался больше въ томъ, что послѣ дорогой родины, эта дѣвушка для него—все на землѣ: всѣ чувства—любовь, дружба, восхищенье, гордость— всѣ слились въ душѣ козака въ томъ глубокомъ и горячемъ чувствѣ, которое влекло его къ Ганнѣ.

— Не козаку, не козаку думать о дивчынѣ,—повторялъ самъ себѣ Богунъ, шагая надъ обрывомъ, и взъерошивая свою черную чуприну, но въ душѣ его мимоволи подымался бурный протестъ противъ этихъ словъ. Чему могло-бы помѣшать его чувство? Никогда-бъ ради него не измѣнилъ онъ завѣтамъ своей родины! Да онъ бы отсѣкъ себѣ правую руку, если-бы хоть мысль такая появилась въ его головѣ! Ему бы только знать, что Ганна любитъ, что ждетъ его, что согласна назвать его „своею дружыной“... и больше ничего онъ не проситъ, и опять понесетъ свою голову на смерть. Но Ганна, что-же думаетъ Ганна?—Нѣтъ, нѣтъ, и не посмотритъ она на такого козака,—твердилъ онъ самъ себѣ, и снова теребилъ въ отчаяньи свою чуприну и шагалъ надъ обрывомъ... Но когда первое сіянье зари забрезжило на востокѣ, рѣшеніе было уже готово въ сердцѣ Богуна.

Возы слегка поскрипывали и колебались; козаки, окружавшіе ихъ, перекидывались рѣдкими фразами; конь Богуна ступалъ неспѣшно рядомъ съ возомъ, на которомъ ѣхала Ганна.

Такъ бы и всю жизнь рядомъ съ тобою, дивчыно моя,—думалъ Богунъ, посматривая на задумчивое лицо Ганны, словно стараясь прочесть въ немъ отвѣтъ на мучившій его вопросъ.

— А славные, Ганно, люди у насъ!—прервалъ онъ наконецъ долгое молчаніе.

— Славные, Иване,—проговорила тихо Ганна,—увидимъ-ли мы ихъ еще?

— Вотъ и поди ты, какъ Господь разбрасываетъ, словно звѣзды по небу, добрыхъ людей по землѣ,—нѣтъ, да и встрѣтишься, и согрѣютъ тебя чужіе люди теплѣе своихъ...—Богунъ наклонилъ голову и устремилъ глаза на поводья своего коня. Ганна тоже молчала. Онъ ѣхалъ такъ близко около воза, что дыханіе его коня было слышно ей. Послѣ вчерашняго вечера она ощущала какую-то неловкость въ его присутствіи, и хотя Богунъ не говорилъ еще ничего, но она ясно чувствовала, что тотъ разговоръ не можетъ остаться неразрѣшеннымъ, что онъ долженъ возобновиться снова, но когда? Ганна боялась этого мгновенія и усиленно отгоняла мысли о о немъ, успокоиваясь тѣмъ, что съ ней на возѣ сидитъ и старушка.

— Такъ и тебя, Ганно, словно Божью звѣзду, встрѣтилъ я въ жизни,—произнесъ тихо Богунъ, подымая на Ганну глаза.

Ганна молчала, склонивши еще ниже голову.

— Только мелькнешь ты, какъ звѣздочка между тучъ, да и опять спрячешься,—продолжалъ Богунъ,—и снова темная ночь обступаетъ козака.

Ганна подняла голову и отвѣтила твердо:

— Не одного тебя, козаче, охватила темная ночь, и не мнѣ ее разгонять. Одному только Богу все доступно, и къ Нему только стремятся теперь всѣ наши помыслы и мольбы.

Богунъ взглянулъ на ея серьезное лицо и, пришпоривши коня, проскакалъ впередъ.

Нѣсколько разъ въ продолженіи дня возвращался онъ къ возу, на которомъ ѣхала Ганна, разспрашивалъ ее, удобно-ли ей ѣхать, не выпьетъ-ли она вина, не съѣстъ-ли чего? То онъ гарцевалъ рядомъ съ нею, то громко взгикивалъ и пускалъ коня въ карьеръ по зеленой степи. И Ганна невольно любовалась его статной фигурой, какъ бы приросшей къ коню, и удалой посадкой, и дикою скачкой, въ перегонку съ вѣтромъ.

Отдыхать остановились только тогда, когда ужъ край неба залился алымъ и золотымъ сіяньемъ. Обставили кругомъ возы, стреножили коней и пустили въ степь. Развели огонекъ, подвѣсили походные котелки...Богомольцы расположились отдѣльно отъ козаковъ; размотали бинты на усталыхъ ногахъ, развязали котомки, вынули хлѣбъ, соль, лукъ и рѣдьку, и покуда кулишекъ закипалъ понемногу на огонькѣ, стали закусывать и запивать чистой водой. Козаки разлеглись также неподалеку полукругомъ, обратившись лицами къ своему костру; не пѣли они пѣсенъ въ виду наступавшихъ страстныхъ дней и истомившаго всѣхъ долгаго переѣзда по обходнымъ путямъ, а молча курили свои короткія люльки; иногда кто-нибудь обронялъ, словно нечаянно, небрежное словцо, и снова тихое молчаніе охватывало неподвижную, точно изъ бронзы вылитую, группу козаковъ.

Богомольцы, проѣхавши весь день на подводахъ, чувствовали себя нѣсколько бодрѣе. Болѣе старые разсказывали о святыхъ Печерахъ. Говорили, что онѣ идутъ подъ Днѣпромъ на ту сторону, и что стѣны ихъ выложены чистою мѣдью, другіе увѣряли, что онѣ тянутся вплоть до московскаго царства. Говорили о разныхъ чудесахъ, совершившихся отъ прикосновенія къ святымъ мощамъ Печерскимъ и къ тѣлу святой Варвары, покоящемуся въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Разговоры велись тихо... Вечеръ насталъ сухой и теплый; ни одна струйка тумана не подымалась отъ земли; звѣзды горѣли яркимъ, сверкающимъ блескомъ...

Вдали отъ богомольцевъ на разостланныхъ попонахъ сидѣла Ганна; руки ея охватывали приподнятыя колѣни, а глаза глядѣли задумчиво въ ту сторону неба, гдѣ еще невысоко надъ свѣтлымъ горизонтомъ ярко горѣла, словно Вожій глазъ, большая, сверкающая звѣзда. Подлѣ Ганны, опершись на локти, полулежалъ Богунъ. Люлька давно ужъ погасла въ его зубахъ, но козакъ не замѣчалъ этого: глаза его также глядѣли сосредоточенно впередъ.

— Что-жъ, Ганно, неужели и у васъ такія безчинства на счетъ этихъ святотатственныхъ арендъ?

— Нѣтъ, у насъ, хранилъ Господь, такого не слыхать... Это вотъ тутъ въ первый разъ... И у насъ панъ Дембовичъ тоже было задумалъ отчаянное дѣло,—колоколъ у церкви отнять и перевезть въ костелъ, такъ люди начали боронить, и дьякъ нашъ Лупозвонскій съ ними былъ первый... Поднялась драка; кое-кого убили, кого ранили, а дзвона не отдали; а дьякъ, такъ совсѣмъ изъ села пропалъ: думаемъ, убитъ...

— Царство ему небесное, добрый былъ человѣкъ,—проговорилъ серьезно Богунъ, приподымая шапку надъ головой, и затѣмъ процѣдилъ сквозь зубы:—у насъ пока спокойно... не то-бъ плохо было.

Наступило молчаніе.

— А разскажи-жъ мнѣ, Иване, какъ ты зиму провелъ? Куда думаешь двинуться изъ Кіева, что слышно между козаковъ?—поторопилась спросить Ганна, боясь этого молчанія.

И Богунъ началъ говорить. Сперва онъ говорилъ отрывисто и сухо; но мало по малу его охватывало все большее воодушевленіе. Онъ говорилъ о своихъ планахъ, о морскомъ походѣ запорожцевъ и о тѣхъ смутныхъ слухахъ, которые носились между козаковъ относительно плановъ и желаній самого короля.

А между тѣмъ разговоры богомольцевъ совсѣмъ утихли; подостлавши подъ головы котомки, они мирно уснули вокругъ костра. Изъ группы козаковъ слышался иногда густой храпъ; полупотухшіе костры еще смутно вспыхивали перебѣгающимъ синеватымъ пламе-

немъ. Изъ степи доносилось тихое ржаніе стреноженныхъ лошадей. Наконецъ, Богунъ остановился и, сбросивши шапку, вздохнулъ полною грудью.

— Такъ то, Ганно, многое мы задумали, много и крови ужъ пролили, а что выйдетъ изъ того, вѣдаетъ одинъ Богъ...

Они замолчали. Ганна тихо поднялась съ мѣста.

— Куда-жъ ты, Ганно?—всталъ за ней и Богунъ.

— Пора, козаче! Вонъ посмотри, какъ уже опрокинулся „Возъ“,— указала она на созвѣздіе „Большой медвѣдицы“,—скоро и свѣтать начнетъ, а самъ говорилъ, что съ разсвѣтомъ отправимся въ путь.

Однако Богунъ стоялъ передъ ней, молча опустивъ голову, какъ бы собираясь сказать что-то важное и рѣшительное.

Ганна взглянула на него, и тревожное предчувствіе охватило ее.—Прощай!—проговорила она поспѣшно, поворачиваясь и думая уйти, но Богунъ остановилъ ее.

— Ганно,—произнесъ онъ взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ,—подожди: ты не сказала мнѣ вчера, ждала-ли ты меня такъ, какъ я ждалъ тебя?

Ганна повернулась къ нему. Лицо его было сильно взволнованно, глаза горѣли страннымъ, жгучимъ огнемъ. Сердце у Ганны замерло...

Она хотѣла сказать что-то, но не нашла ни одного слова, да было ужъ и поздно останавливать Богуна.

— Прости меня, Ганно, прости меня, грубаго, простого козака,— заговорилъ онъ горячо и быстро, не сводя съ нея глазъ,—не умѣю я говорить панскими, шляхетскими словами, не умѣю „ховаться“, не умѣю кривить душой—люблю тебя, солнышко мое ясное, зиронька моя вечерняя, люблю одну на всей Украйнѣ, на всей Божьей землѣ!

Лицо Ганны поблѣднѣло, расширенные, свѣтящіеся въ темнотѣ глаза остановились на Богунѣ съ выраженіемъ какого-то нѣмого, еще не вполнѣ уясненнаго ужаса.

— Постой, постой!—проговорила она тихо, хватая его за руку; но Богунъ не замѣтилъ ни словъ Ганны, ни ея движенія: какъ Днѣпръ, прорвавшійся сквозь пороги, такъ, мчались теперь неудержимо его горячія, бурныя, несдержанныя слова.

— Тебя одну, тебя люблю, счастье мое, королевна моя! Ни разу еще въ этомъ сердцѣ козацкомъ не просыпалось „кохання“, а какъ увидѣлъ я тебя Ганно, отъ самого перваго разу не могу забыть, не могу думки моей оторвать отъ тебя! Я знаю, что не простого козака тебѣ надо: только нѣтъ, Ганно, на всей широкой землѣ такого лыцаря, такого вельможнаго пана, чтобъ подошелъ къ твоей душѣ. Скажи-жъ мнѣ, Ганно, одно только слово, любый ли я

тебѣ, хоть немного? За одно такое твое слово—умру вотъ тутъ отъ счастья, весь свѣтъ переверну!

Ганна стояла передъ нимъ блѣдная, словно мраморная.

— Не говори, не говори, казаче!—почти вскрикнула она, закрывая лицо руками.

— Я обидѣлъ? Я „зневажилъ“ тебя?—бросился къ ней Богунъ.

Ганна молчала, только грудь ея подымалась усиленно и высоко. Наконецъ она заговорила медленно и тихо, отнимая руки отъ лица.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой любый, мой щырый друже, не обидѣлъ ты меня; но если-бъ ты зналъ, брате мой, какая тутъ въ сердцѣ мука, ты бы не говорилъ этихъ словъ.—Голосъ Ганны прервался, но она продолжала снова, подымая на Богуна грустные глаза.—Не въ такія тяжкія минуты, когда кругомъ обнимаетъ насъ всѣхъ безпросвѣтное горе, думать о своемъ счастьѣ.

— Стой, Ганно!—вспыхнулъ Богунъ и поднялъ гордо голову.

— Ты напрасно бросила мнѣ этотъ упрекъ. Клянусь тебѣ, никогда и ни для кого еще не забывалъ я своей отчизны и не забуду, хотя-бы мнѣ сердце „проняли“ ножемъ. Съ „весильнаго“ пира ушелъ бы я и понесъ за нее свою голову, если-бъ нужно было, и не задумался-бъ ни на мигъ. Женой, дѣтьми—да что считать—всѣмъ счастьемъ своимъ пожертвовалъ-бы я для нее, еслибъ оно ей мѣшало... но чѣмъ и кому помѣшать можетъ моя вѣра въ то, что есть у меня на свѣтѣ дорогая душа? Вѣдь ничего не прошу я у тебя, Ганно, одного только слова. Одно только слово твое, что я любый тебѣ—и я счастливъ и я съ отрадой на смерть полечу!—Богунъ остановился, грудь его подымалась порывисто и высоко.

Ганна слышала это; его жгучее волненіе передавалось и ей.

— Прости меня, брате, заговорила она взволнованнымъ, прерывающимся голосомъ:—не хотѣла я упрекнуть тебя. Знаю я, что нѣтъ во всей Украйнѣ козака, равнаго тебѣ по славѣ и по завзятью—но что-жъ мнѣ дѣлать, когда нѣтъ въ моемъ сердцѣ... такой... любви... ни къ кому,—Ганна сжала до боли руки и продолжала.—Одна только думка „пануетъ“ здѣсь,—думка про то, что ждетъ нашу отчизну! Ты видѣлъ, что затѣваютъ наши враги отовсюду, такъ намъ-ли думать о своихъ мукахъ, когда быть можетъ вся земля наша слышитъ слово Господне въ послѣдній разъ? Нѣтъ! нѣтъ!—вскрикнула она горячо, сжимая свои черныя брови, а лицо ея приняло суровожесткое выраженіе.—Мы должны сломать себя, порвать, потоптать свое сердце! Не про „каханье“ намъ думать,—насъ ждетъ другая жизнь!

— Такъ, другая жизнь, Ганно,—подхватилъ воодушевленно Богунъ, и мы будемъ достойны ея! Но, если-бъ ты любила меня... чѣмъ бы наше счастье...

— Не до него! Ищи себѣ другую, Иване—козаче!—поребила его Ганна:—всякая дивчына за счастье почтетъ любить тебя. А я?.. Ой, нѣтъ, нѣтъ!—простонала она:—не можетъ быть никого, слышишь, никого въ этомъ сердцѣ! Счастье не для меня... Ищи себѣ другую... Богъ дастъ тебѣ счастье... Люблю я тебя, какъ брата, какъ друга, а больше, Богъ видитъ, не могу.

— Никогда! Никого! Никого, кромѣ тебя Ганно!—вскрикнулъ порывисто Богунъ и заговорилъ горячо и бурно.—Ты одна для меня на всемъ свѣтѣ! Ты моя гордость, моя королевна! Какъ на икону, молюсь на тебя! Не говори, молчи... не „шарпай“ свое бѣдное сердце! Буду ждать твоего слова годъ, два, всю жизнь, до „загыну“, и кромѣ тебя, Ганно, не хочу никого!

— Ой, не жди! Забудь меня!—вскрикнула Ганна съ такой мучительной болью, что сердце Богуна все вздрогнуло отъ состраданья. —Не жди!—повторила она упавшимъ голосомъ, и вдругъ вся преобразилась.

Слабая фигура ея гордо выпрямилась, глаза блеснули какимъ-то внутреннимъ огнемъ, между сжатыхъ бровей легла глубокая складка. Весь образъ дѣвушки дышалъ въ эту минуту такой великой энергіей и силой, что Богунъ занѣмѣлъ въ восторгѣ.

— Никогда никого не назову я своей „дружиной“, козаче!—произнесла вдохновенно и сильно Ганна, протягивая впередъ руки.— Родинѣ это сердце! Ей и Господу—вся моя жизнь!

— Ты святая, Ганно!—вскрикнулъ Богунъ, опускаясь въ восторгѣ передъ ней на колѣни.

Солнце ужъ близилось къ полдню, когда путники стали приближаться къ Кіеву. Еще издали виднѣлись имъ надъ кудрявыми, зеленоватыми вершинами рощъ, покрывавшихъ горы, золотые кресты Печерскихъ монастырей.

Наконецъ, сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ оборотовъ, они выѣхали на широкую, уѣзжанную дорогу и покатили прямо по направленію высокой горы, на которой расположилось мѣстечко Печеры. Дорога шла почти надъ самымъ Днѣпромъ. Нѣсколько разъ они обгоняли группы богомольцевъ, тянувшихся медленно по пути и, наконецъ, остановились у въѣздной „брамы“. Всю гору опоясывала высокая каменная стѣна съ башнями и „городнями“; вокругъ стѣны тянулся неширокій ровъ съ земляным валомъ. Проѣхавши спущенный подъемный мостъ, путники заплатили „мостовое“, и выѣхали изъ-подъ сырой брамы въ мѣстечко. Дорога подымалась

прямо въ гору; направо и налѣво тянулись роскошные рощи и сады. Густой бѣлый и розовый цвѣтъ, покрывавшій теперь всѣ деревья, придавалъ имъ какой то особенно праздничный, весенній видъ. Кое гдѣ межъ нихъ виднѣлись крыши небольшихъ домиковъ, потонувшихъ въ садахъ. Съ удивленіемъ узнала Ганна, что всѣ эти рощицы съ хорошенькими домами принадлежатъ Печерскому и Вознесенскому монастырямъ.

Наконецъ, они поднялись на гору и поѣхали широкою и ровною улицей. Справа тянулась вторая стѣна, окруженная глубокимъ рвомъ, ограждавшая монастырь, а слѣва зеленѣли все тѣ же сады, изъ-за которыхъ блеснули высокіе купола дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря.

Богунъ подскакалъ къ Ганнѣ.

— Мы сейчасъ остановимся передъ Печерскою башней,—произнесъ онъ, не глядя на нее.—Ты подожди меня, Ганно: я зайду въ Вознесенскій монастырь, повидаюсь съ игуменьей, она мнѣ хорошо знакома, и попрошу ее дать тебѣ келью и все необходимое на это время. Въ самомъ Успенскомъ монастырѣ народу много и тебѣ пришлось-бы терпѣть неудобства, а здѣсь дѣвицы изъ самыхъ знаменитыхъ фамилій, и тишина и спокойствіе.

— Спасибо, пане!—наклонила Ганна голову.

— Мы-жъ съ козаками и съ „прочанами“ пріютимся въ Успенскомъ монастырѣ; настоятель меня знаетъ.

Козаки между тѣмъ, проѣхавши еще нѣсколько шаговъ, остановились у высокихъ, кованныхъ желѣзныхъ воротъ Вознесенскаго монастыря. За ними остановились и подводы.

— Вотъ мы и пріѣхали!—заявилъ Богунъ, соскакивая съ коня и бросая поводья на руки подоспѣвшаго козака.—Я долго не „забарюсь!“

Онъ подошелъ къ небольшой форткѣ, продѣланной въ воротахъ монастыря, и стукнулъ въ нее нѣсколько разъ эфесомъ сабли.

Небольшое окошечко, устроенное въ башенкѣ надъ воротами, отворилось, и въ него выглянуло сморщенное, старое лицо монахини, въ черномъ клобукѣ, съ чернымъ покрываломъ, сколотымъ подъ самымъ подбородкомъ.

Взглянувши на Богуна, она быстро захлопнула окошечко и скрылась за нимъ. Прождавши нѣсколько минутъ напрасно, Богунъ стукнулъ второй и третій разъ. Наконецъ, послѣ довольно долгихъ и громкихъ толчковъ, замокъ щелкнулъ и форточка пріотворилась немного; за нею показалась фигура монахини въ длинной черной одеждѣ, спускавшейся до самой земли.

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно!—привѣтствовалъ ее Богунъ.

— И во вѣки вѣковъ!—отвѣтила набожно монахиня, не отымая сложенныхъ крестообразно на груди рукъ и только наклоняя голову въ черномъ клобукѣ.

— Можно-ли видѣть мать игуменью?—освѣдомился Богунъ.

— Не велѣно богомольцевъ и козаковъ впускать,—отвѣтила монахиня, все также не подымая глазъ.

— Да вы передайте только матушкѣ игуменьѣ, что Богунъ пріѣхалъ и имѣетъ ей кое-что передать,—она приметъ меня.

Калитка молча захлопнулась; но черезъ нѣсколько минутъ послышался снова стукъ желѣзныхъ задвижекъ и на этотъ разъ калитка уже распахнулась совсѣмъ. Богунъ вошелъ и послѣдовалъ за монахиней по мощенной дорожкѣ, ведущей къ покоямъ матушки игуменьи, черезъ ярко зеленый дворъ.

Ганна встала съ подводы и, оправивши на себѣ одежу, оглянулась кругомъ. Прямо противъ нея на противуположной сторонѣ подымалась высокая башня Успенскаго монастыря. Подъемный мостъ черезъ ровъ былъ спущенъ, и толпы всевозможныхъ калѣкъ и богомольцевъ, то и дѣло, входили и выходили изъ-подъ сводовъ башни. На верху ея помѣщалась высокая церковь, со множествомъ оконъ и куполовъ. Среди дубовыхъ, окованныхъ желѣзомъ двойныхъ воротъ башни, виднѣлся большой ящикъ, въ который прохожіе опускали свои мѣдяки. У воротъ стояла стража, дальше, въ нѣкоторомъ разстояніи, поднимались золотые купола славнаго монастыря и другихъ монастырскихъ церквей.

Богомольцы встали и закрестились на золотые кресты. Толпа нищихъ, замѣтивъ прибытіе новыхъ „прочанъ“, обступила ихъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя вниманіе Ганны. Это былъ человѣкъ съ лицомъ, чрезвычайно изуродованнымъ оспой, безъ бровей, безъ волосъ, безъ бороды, съ жиденькими черными усами и всего однимъ ухомъ. Онъ прыгалъ на костыляхъ, изгибая свое туловище, завернутое въ какія-то жалкія лохмотья, и мычалъ, и бормоталъ что-то непонятное, протягивая ко всѣмъ руку и останавливая на нихъ свои безсмысленные, полуидіотскіе глаза. „Прочане“ подавали ему кто бубликъ, кто кусокъ хлѣба. Безобразіе его было настолько сильно, что Ганна, чувствуя непреодолимое отвращеніе, не могла оторвать отъ него своихъ глазъ, какъ будто какая-то магическая сила приковывала ихъ къ этому уроду. Слѣдя за нимъ, она замѣтила невольно, что нищій, то и дѣло, бросаетъ изъ-подлобья быстрые, пронзительные взгляды какъ-бы ищетъ кого.

Наконецъ, снова застучали желѣзныя задвижки, калитка распахнулась, и на порогѣ показался Богунъ. Калитку отперла та же старая монахиня, а за нею стояли двѣ молоденькія послушницы въ черныхъ одеждахъ и мѣховыхъ шапочкахъ на головѣ.

Какъ только Богунъ показался на порогѣ, безобразный нищій кубаремъ подкатился къ нему.

— Христа ради, панъ козакъ, панъ лыцарь, панъ полковникъ, дай что-нибудь на бѣдность убогому козаку!—завопилъ онъ, протягивая къ Богуну искривленную руку.

Богунъ хотѣлъ было пройти мимо, но нищій загородилъ ему дорогу, продолжая свои выкрикиванья, и крикъ его былъ такъ назойливъ, что Богунъ, думая отвязаться отъ него, швырнулъ ему въ шапку мѣдную монету.

— Спасибо, спасибо, вельможный полковнику, славный запорожскій лыцарь!—учащенно закланялся нищій и, опустивши руку за пазуху, вытащилъ небольшую просфорку, сунулъ ее въ руки Богуна и скрылся незамѣтно въ толпѣ.

Мгновеніе стоялъ Богунъ, какъ бы не понимая, въ чемъ дѣло,—зачѣмъ сунулъ ему нищій просфору? Вдругъ неожиданная догадка освѣтила сразу ему глаза.

— Подожди, Ганно, минуту; я сейчасъ отдамъ наказъ своимъ козакамъ,—обратился онъ къ Ганнѣ, отходя въ сторону козаковъ.

Разломивши просфору, Богунъ увидалъ засунутую въ нее сложенную вчетверо желтую бумажку. Быстро пробѣжалъ ее Богунъ; лицо его приняло и довольное, и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченное выраженіе.

— Ну, панно,—обратился онъ къ Ганнѣ,—матушка игуменья съ радостью принимаетъ тебя. Будь здорова, прощай покуда, мнѣ надо сейчасъ же уѣхать въ городъ Подолъ, а въ четвергъ я надѣюсь возвратиться сюда и увидѣться съ тобой.

Ганна распрощалась съ богомольцами, поклонилась Богуну и, послѣдовавъ за молодыми послушницами, скрылась въ монастырскомъ дворѣ.

Калитка за монахинями тихо захлопнулась, и звякнулъ тяжелый желѣзный замокъ.

XIX.

Богунъ быстро вскочилъ на коня и, отдавъ козакамъ приказанія слѣдовать за нимъ, отправился изъ Печеръ по направленію къ городу Подолу. Миновавши заставу, они въѣхали въ обширную рощу. Деревья уже были покрыты нѣжною, молодою зеленью,

а ясени и дубы еще стояли раздѣтыми; сочная трава стлалась подъ ногами роскошнымъ бархатомъ; между подснѣжниками желтѣли уже золотые одуванчики; пахло сырою прохладой и ароматомъ молодой зелени тополей.

Дорога вилась узкою лентой по холмистой мѣстности; иногда среди разступившихся деревьевъ сверкалъ издали Днѣпръ, иногда надъ зеленою стѣной показывался на мгновенье новообновленный блестящій куполъ св. Софіи.

— Хлопцы, осмотрите оружіе,—обернулся Богунъ къ козакамъ,—въ лѣсу много звѣря, да и двуногіе часто прячутся тутъ по „пущамъ", чтобъ перечистить „прочанъ".

Проѣхавши небольшое разстояніе, Богунъ замѣтилъ съ правой стороны дороги высокій, выбѣленный столбъ съ золоченою иконой св. Николая, прибитою на верху. Отъ столба вела въ глубь рощи извилистая тропинка; она спускалась въ оврагъ и затѣмъ подымалась снова на гору, гдѣ сквозь деревья виднѣлись деревянныя стѣны, башни и въѣздныя ворота.

— Пустынно-Никольскій монастырь!—обратился Богунъ къ козакамъ, останавливая на мгновенье коня, и, снявши шапку, перекрестился трижды на икону. Козаки послѣдовали его примѣру. Вдругъ отъ столба отдѣлилась фигура безобразнаго нищаго въ лохмотьяхъ.

— Ты здѣсь?—изумился Богунъ.

— А какъ же? Ждалъ славнаго Богуна, чтобъ показать ему, куда слѣдуетъ дорогу.

Услышавъ свое имя въ устахъ неизвѣстнаго нищаго, Богунъ взглянулъ на него внимательнѣе.

— Ты знаешь меня? Откуда?

— Кто такого славнаго имени не слыхалъ, тотъ и на Запорожьи не бывалъ!—отвѣтилъ весело нищій, совершенно бросивъ свой странный голосъ и безсмысленный взглядъ.

— Э, да ты, вижу, не такой дурной, какъ кажешься!—улыбнулся Богунъ.

— А можетъ и совсѣмъ разумнымъ „сдамся", когда поговоришь со мной,—продолжалъ также уклончиво нищій.—Ну, да вотъ въ дорогѣ „разбалакаемся"!

— Въ дорогѣ? Да какъ же ты за нами поспѣвать будешь на своихъ костыляхъ?

— Зачѣмъ на костыляхъ? Развѣ у тебя не найдется запаснаго коня?

— Конь то найдется, да какъ ты безъ ногъ поѣдешь на немъ?

— Объ этомъ не безпокойся!—оскалилъ нищій бѣлые, блестящіе зубы. Онъ нагнулся, сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ, неулови-

мыхъ движеній и, поднявшись, схватилъ костыли подъ мышки и сталъ бодро на ноги. Козаки не могли не разсмѣяться при видѣ такого волшебнаго превращенія.

— Э, да ты, вижу, братецъ, „зухъ“!—замѣтилъ одобрительно Богунъ.

— А какъ на коня сяду, такъ и вѣтромъ не догонишь!—крикнулъ удало нищій, вскакивая молодцевато на коня.

Отрядъ двинулся впередъ. Богунъ ѣхалъ на нѣкоторомъ разстояніи впереди козаковъ, въ сопровожденіи нищаго. Они говорили о чемъ-то между собою тихо и невнятно. При томъ же стукъ копытъ о сухую землю, о корни деревъ, совершенно заглушалъ эти, едва долетавшіе невнятные звуки.

Дорога начала спускаться въ глубокій и крутой оврагъ, затѣмъ козаки поднялись на гору; отсюда, проѣхавъ на плоскогорьи густой лѣсъ, они ясно замѣтили блиставшіе издали купола св. Софіи и Михайловскаго Златоверхаго монастыря; еще разъ спустились они съ длинной горы въ глубокій оврагъ, на днѣ котораго пробѣгалъ извилистый полноводный ручей, и, перейдя его вбродъ, взобрались на высокую гору и поѣхали мимо стѣнъ Михайловскаго монастыря, по старому городу Кіеву.

Вдали бывшаго города еще виднѣлись огромные земляные валы; кое гдѣ на нихъ ещо подымались остатки древнихъ стѣнъ. Встрѣчались развалины старинныхъ построекъ,а въ противуположной сторонѣ виднѣлись стѣны и укрѣпленія св. Софіи.

— Эхъ, славный тутъ, видно, городъ былъ!—вздохнулъ невольно Богунъ, оборачиваясь въ сѣдлѣ и оглядываясь кругомъ.

— Да, было, да видно сплыло!—проговорилъ негромко нищій.

— Ну, да еще „побачимъ, чіе зверху буде!“—бодро возразилъ Богунъ и, кивнувши головой, какъ бы въ отвѣтъ своимъ мыслямъ, пришпорилъ коня и проскакалъ скорѣе впередъ къ развалинамъ Десятинной церкви.

Нищій не отставалъ отъ него:

— Тутъ у меня на Кожумякахъ есть свой человѣчекъ,—обратился онъ къ Богуну,—у него можно остановиться, и козаковъ оставить, да на всякій случай перемѣнить и жупанъ. Оно хоть теперь и „безпечно“ въ городѣ, а все, какъ увидятъ запорожскихъ козаковъ, накинутъ окомъ, а это, я думаю, теперь не съ руки тебѣ.

Нищій поднялъ на Богуна свои пронзительные глаза и добавилъ:

— Ну, а тогда можно будетъ и туда отправиться.

— Твоя правда,—согласился Богунъ.

Они подъѣхали къ развалинамъ Десятинной церкви, заплатили пошлину у „Мытницы“ и, спустившись съ горы, миновали городскую

заставу и остановились у небольшаго домика въ городскомъ предмѣстьи.

Черезъ полъ-часа, Богунъ вышелъ изъ-подъ воротъ. На немъ былъ гладкій синій жупанъ и шапка реестровыхъ козаковъ. Забросивши голову назадъ и засунувши руки въ карманы, онъ отправился вдоль по улицамъ, напѣвая веселый мотивъ, на ратушную площадь. Дойдя до нея, Богунъ бросилъ внимательный взглядъ на рядъ каменныхъ лавокъ, протянувшихся почти черезъ всю площадь, и направился къ одной изъ нихъ, помѣщавшейся въ самомъ центрѣ, надъ дверями которой висѣлъ кусокъ краснаго сукна.

Въ лавкѣ было довольно много народу. Нѣсколько горожанокъ въ высокихъ, бѣлыхъ памиткахъ разсматривали штуку парчи, разворачиваемую передъ ними хозяиномъ, сѣдоватымъ горожаниномъ, съ ястребинымъ носомъ и зоркими, сѣрыми глазами.

— А что, пане крамарю, есть кармазинъ?—спросилъ громко Богунъ, останавливаясь въ дверяхъ.

При этихъ словахъ хозяинъ вздрогнулъ незамѣтно и, бросивши на Богуна пристальный взглядъ, спросилъ, не отнимая отъ парчи рукъ, дѣловымъ, равнодушнымъ голосомъ:

— А много-ли тебѣ, пане, нужно?

— Да сколько есть, давай, все заберу,—весело отвѣчалъ Богунъ.

— Ну, такъ проходи въ заднюю комнату,—указалъ купецъ глазами на низенькую дверь въ глубинѣ лавки.—Тамъ покажутъ тебѣ.

Богунъ отворилъ низенькую дверь и, согнувшись почти вдвое, скрылся за нею.

Маленькая комната, куда направилъ его хозяинъ, освѣщалась однимъ загрязненнымъ окошечкомъ, пропускавшимъ слабый желтоватый свѣтъ, при помощи котораго Богунъ увидѣлъ множество нераспечатанныхъ тюковъ, наполнявшихъ это тѣсное помѣщеніе почти до потолка. Въ комнатѣ не было никого. Богунъ остановился посреди нея и задумался. Послѣднее событіе приводило его въ какое-то замѣшательство. Кто былъ этотъ неизвѣстный нищій, знавшій такъ много, чуть-ли не больше самого Богуна? Онъ назвалъ его Богуномъ и узналъ въ лице, слѣдовательно онъ видѣлъ его раньше, такъ значитъ и онъ Богунъ видѣлъ его, но гдѣ и когда?—Да, не смотря на уродливость нищаго сквозь безобразіе его проскальзывало что-то знакомое. Богунъ потеръ себѣ лобъ, стараясь вызвать въ своемъ воспоминаніи давніе образы, но не смотря на всѣ его усилія, онъ не могъ припомнить ничего. Но откуда зналъ нищій и о морскомъ походѣ, и о томъ, что говорилъ Богунъ козакамъ отъ имени канцлера и короля, и о томъ, что онъ Богунъ комплектуетъ новые полки?

Ужъ не подосланъ-ли онъ какимъ ляхомъ, чтобъ заманить и уловить его? Такъ, такъ,—заволновался Богунъ,—возможно и это! Зачѣмъ-бы онъ направилъ его иначе къ этому купцу? Зачѣмъ направилъ его купецъ въ эту каморку? Быть можетъ засада?—мелькнуло въ головѣ козака и онъ схватился за эфесъ сабли. Но въ это время низенькая дверь скрипнула, и въ комнату вошелъ самъ хозяинъ.

Онъ затворилъ за собой старательно двери и подошедши къ Богуну, произнесъ: преславный Богунъ?

— Онъ самый,—отвѣтилъ козакъ,—но откуда ты знаешь мое имя?

— Знаю, знаю,—усмѣхнулся хозяинъ:—есть такіе вѣстники крылатые и передали намъ, что ты теперь въ Кіевщинѣ собираешь народъ, только не ожидали мы, что ты самъ прибудешь въ Кіевъ, ну и на всякій случай поставили сторожу.

— Вотъ оно что, протянулъ Богунъ:—такъ значитъ ты знаешь, кто этотъ нищій?

— Доподлинно не знаю, знаю только, что зоветъ онъ себя Рябымъ, да знаю еще то, что такого зналаго и расторопнаго человѣка, трудно гдѣ либо найдти; у Владыки онъ правая рука. Однако, присядь, козаче,—спохватился онъ:—что-же это мы стоя говоримъ? И придвинувши къ окну два большихъ тюка, хозяинъ предложилъ одинъ изъ нихъ Богуну, а на другой опустился самъ.

— Въ запискѣ написано было, что есть здѣсь много „кармазину?“—спросилъ первый Богунъ.

— Да, да—отвѣтилъ поспѣшно хозяинъ:—много здѣсь перепрятывается ихъ и у насъ, и у святого рачителя нашего, ищутъ только къ кому-бы пристать; много есть юнаковъ и среди нашихъ молодыхъ горожанъ, готовыхъ поднять оружіе за святое дѣло, есть и казна: святое Богоявленское братство ничего не пожалѣетъ. Мы ждали только тебя.

— О, Господи милосердный! Ты не оставляешь насъ!—вскрикнулъ тронутый и восхищенный Богунъ.

— Такъ, такъ, козаче: Господь печется о насъ, Онъ не оставляетъ насъ и въ самыхъ злыхъ бѣдствіяхъ; Онъ далъ намъ нашего неусыпнаго рачителя и указалъ намъ, что сила наша заключается въ насъ самихъ. Не одному козачеству—всѣмъ намъ дорога наша святая воля и вѣра, всѣ хотимъ разбить лядское ярмо. „Зайшлый“ гетманъ нашъ Конашевичъ Сагайдачный вписался со всѣмъ Запорожьемъ въ нашъ святой братскій „Уписъ“, и мы дали другъ другу клятвенное обѣщанье стоять другъ за друга до конца живота... Вѣдь одной мы матери дѣти и всѣ будемъ стоять за нее, на погибель мучителямъ латинянамъ... кто чѣмъ можетъ, кто саблей, а кто хоть своимъ трудомъ.

— Правда, правда, друже!—отвѣчалъ тронутымъ голосомъ Богунъ.—А вотъ ты до сихъ поръ не сказалъ, какъ величать тебя?

— Крамаремъ.

— Ну, будемъ-же, Крамарю—побратыме, друзьями!—всталъ Богунъ, заключая Крамаря въ свои могучія объятья.

— Спасибо, спасибо, брате!—отвѣчалъ польщенный Крамарь:—дружба съ такимъ лыцаремъ славетнымъ большая честь для меня.

Друзья обнялись и поцѣловались трижды по козацкому обычаю.

Ну, теперь, сдѣлай-же мнѣ ласку, друже, заговорилъ Крамарь, отвѣдай у меня хлѣба-соли, отдохни со своими козаками, всего найдется у меня вдоволь; а вечеромъ и къ Владыкѣ пройдемъ, онъ давно уже ищетъ увидѣть тебя. Да вотъ еще, захвати ты съ собой эту штуку „кармазина“,—сунулъ онъ Богуну подъ мышку штуку краснаго сукна: чтобъ еще не подумали чего. Здѣсь вѣдь ляхами, да ксендзами весь Подолъ кишитъ... И иди ты впередъ, дворище мое тебѣ всякій укажетъ, а я сейчасъ за тобою. Потолкуемъ обо всемъ дома. Береженаго, знаешь, и Богъ бережетъ.

— Гаразд!—согласился на все Богунъ.

Былъ уже поздній темный вечеръ, когда Богунъ и Крамарь пробираясь осторожно нелюдимыми закоулками, дошли до задняго входа въ Богоявленскій монастырь, выходившаго на пустынный берегъ Днѣпра. На Богунѣ теперь надѣта была длинная, мѣщанская одежда, а тѣнь отъ высокой шапки-колпака закрывала почти все лице; предосторожность эта оказалась не лишней, такъ какъ по улицамъ, не смотря на позднюю пору, вездѣ попадалась и польская стража и католическіе монахи.

Крамарь постучалъ въ калитку монастыря; послышалось чье-то тяжелое шлепанье и старый монахъ, посмотрѣвши сперва въ маленькое оконце, продѣланное въ калиткѣ, впустилъ пришедшихъ въ монастырскій дворъ.

— А что, превелебный Владыка?—обратился къ нему Крамарь, послѣ обычныхъ привѣтствій.

— Отдыхаетъ, но васъ велѣлъ провести къ себѣ,—отвѣтилъ монахъ.

— Ну, такъ идемъ!

Монахъ пошелъ впередъ, а за нимъ послѣдовали Богунъ и Крамарь.

Они вошли въ зданіе монастыря и, проминувши нѣсколько высокихъ и узкихъ корридоровъ, остановились у небольшихъ дверей.

Монахъ откашлялся и, постучавшись въ дверь, произнесъ тихо:—Благословенъ Богъ нашъ!

— Во вѣки вѣковъ,—отвѣтилъ изъ кельи чей-то твердый голосъ.

— Преосвященный Владыко, братъ Крамарь съ козакомъ пришли.

— Войдите!—послышалось въ отвѣтъ.

Монахъ открылъ дверь и пропустилъ въ келью Крамаря и Богуна.

Въ кельѣ было почти темно; окно выдѣлялось въ ней какимъ-то тускло синѣющимъ просвѣтомъ. Большая серебряная лампада слабо освѣщала комнату. Размѣры и обстановка ея терялись въ этомъ полусвѣтѣ, да Богунъ и не замѣтилъ ее: вниманіе его приковала къ себѣ высокая и величественная фигура Владыки, сидѣвшаго у стола.

Хотя Богунъ и не видалъ его ни разу до сихъ поръ, но сразу-же догадался, что это не могъ быть никто иной. Черная одежда Владыки спускалась до полу, тѣнь покрывала лице и всю фигуру Владыки, но, не смотря на это, Богунъ замѣтилъ его гордую осанку, его высокій лобъ и пристальный, пронизывающій взглядъ его прекрасныхъ черныхъ глазъ.

— Благослови, преосвященнѣйшій Владыко!—произнесъ Крамарь, а за нимъ и Богунъ, склоняясь для благословенья.

Владыка поднялъ руку для крестнаго знаменья и произнесши короткое благословенье, обратился къ Богуну:—сыне мой, приблизься сюда.

Богунъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился. Владыка не спускалъ съ него пристальнаго взгляда; Богуну показалось, что взглядъ этотъ пронизываетъ его насквозь.

Наконецъ Владыка произнесъ медленно:—полковникъ Богунъ?

— Онъ самый, Ваша Превелебность!—отвѣтилъ Богунъ.

— Слышалъ я много о твоихъ доблестяхъ, козаче!—продолжалъ Владыка.

— Что съ этихъ доблестей!—вздохнулъ Богунъ.—Большая-ли честь въ томъ, что я жизнью не дорожу! Ужъ такъ круто приходится, превелебный Владыко, что кажись, и безъ битвы разсадилъ бы ее о камень.

— Да,—вздохнулъ въ свою очередь Владыка и опустилъ голову:—Господь посылаетъ намъ великія испытанія: все знаю я... Но,—выпрямился онъ гордо и заговорилъ сурово:—мужайтесь, братія, мужайтесь! Плоть бо немощна, но духъ, да пребудетъ бодръ.

— Превелебный Владыко! Клянусь тебѣ, мы не падаемъ духомъ!—воскликнулъ горячо Богунъ:—мы всѣ поклялись умереть „до одного“, а не согнуть подъ лядскимъ игомъ шеи, и выполнимъ свое слово!

— Умереть, все едино, что согнуться подъ игомъ,—произнесъ строго Владыка,—и даже горше, ибо это значитъ бросить на произволъ ляховъ-католиковъ весь беззащитный народъ и всю родную землю. Нѣтъ!—стукнулъ онъ золоченнымъ посохомъ о полъ:—сбросить это ненавистное иго и зажить вольно, смѣло, свободно, какъ живутъ всѣ другіе народы!

— Но развѣ мы мало пытались свергнуть его? Сколько возстаній подымали мы, превелебный Владыка самъ знаетъ, а чѣмъ кончались онѣ? Вотъ и теперь!.. А развѣ у насъ мало лыцарей доблестныхъ и отважныхъ, каждый несетъ на смерть со смѣхомъ свою голову! Что за козакъ, что за атаманъ былъ Гуня?.. Ну и что-жъ, не выдержялъ... разгромили ляхи... Но,—сверкнулъ козакъ глазами,—они могутъ побѣждать насъ, превелебный Владыко, но не согнутъ никогда, никогда!!

— Одной доблести и отваги мало!—произнесъ медленно Могила, впиваясь глазами въ лице козака, словно желая проникнуть въ его внутренній міръ.

Глаза козака смотрѣли смѣло, отважно, прекрасное лице его горѣло благороднымъ воодушевленіемъ; казалось, не могло быть сомнѣнья, что онъ не задумается ни на одинъ мигъ отдать за родину всю свою жизнь; но Владыка искалъ въ немъ чего-то и видимо не отыскалъ того, что хотѣлъ.

— О, Конашевичъ! Конашевичъ!—произнесъ онъ тихо, почти не слышно:—зачѣмъ тебя нѣтъ со мной!

Наступило молчаніе. Владыка погрузился въ свои думы.

Богунъ чувствовалъ, что какое-то святое чувство почтенья, восторга и преданности охватываетъ его передъ лицемъ этого великаго человѣка, о дѣлахъ котораго онъ слышалъ такъ много.

Наконецъ Владыка поднялъ голову.

— Знаешь-ли ты писаря Богдана Хмельницкаго?—обратился онъ къ Богуну:—я слышалъ такъ много о немъ; его любитъ все козачество...

— И онъ стоитъ того, превелебный Владыко,—воскликнулъ Богунъ:—нѣтъ среди насъ болѣе отважнаго сердца, болѣе смѣлой руки и болѣе разумной головы.

— Такъ,—наклонилъ бѣлый клобукъ Владыка,—говорятъ, онъ человѣкъ великой эдукаціи.

— О, да! Онъ окончилъ іезуитскую коллегію... Онъ пользуется великой силой у Короннаго Гетмана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и среди козаковъ.

— Гм.,—протянулъ Владыка:—вѣрю тому, что говорятъ о его мудрости: но таково-ли его сердце? Преданъ-ли онъ вамъ?

— Какъ правая рука человѣку!—произнесъ горячо и увѣренно Богунъ.

— Почему-же онъ до сихъ поръ не возстанетъ во главѣ васъ открыто?

— Онъ говоритъ, что рано еще... говоритъ, что самимъ намъ нѣтъ силы подняться, а думаетъ достигнуть всего съ помощью короля.

— Короля?—усмѣхнулся Владыка,—но король вѣдь не могъ охранить даже своего слова, гдѣ-же ему охранить весь народъ!

— Король хочетъ затѣять войну съ Турціей; мы получили отъ него тайный наказъ и шесть тысячъ таляровъ. А при войнѣ онъ обѣщаетъ усилить наши права.

— Все это такъ,—произнесъ Владыка задумчиво:—но король католикъ: нужно намъ надѣяться только на себя и на себя.

Владыка замолчалъ; Богунъ молчалъ тоже, не смѣя нарушить тишины. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Что же вы думаете дѣлать теперь?—обратился снова къ Богуну Владыка:—помни, козаче, что прежде всего вамъ надо устраивать и укрѣплять свою силу.

— О, такъ, Владыко, и мы подумали объ этомъ прежде всего. Запорожцы наши, согласно желанію короля, отправились въ морской походъ; Богданъ повелъ ихъ.

— Я знаю это.

— Ты, святой отче, зналъ это?—изумился Богунъ.—Но откуда?

— Я знаю все, что дѣется у васъ и для васъ,—произнесъ Владыка:—но дальше, что же дѣлаешь ты?

— Я и другіе, выбранные товариществомъ, собираемъ людей, комплектуемъ полки, отправляемъ ихъ на Запорожье, подготовляемъ вездѣ возстанье... Владыко, я только Предтеча того, кто будетъ слѣдовать за мной.

— Хорошо; Господь благословитъ всѣ Ваши начинанья!—произнесъ торжественно Владыка, подымая къ слабо освѣщенной иконѣ глаза.—Сядь же сюда, сынъ мой, и слушай, что я буду тебѣ говорить.

Уже на ратушной башнѣ давно пробило полночь, когда Богунъ вышелъ отъ Владыки. Сердце его билось приливомъ новой увѣренности, гордости и надежды, а въ головѣ толпились драгоцѣнныя слова и указанія Владыки...

Маленькая келійка, куда отвели Ганну послушницы, была вся полна свѣжаго, зеленоватаго полусвѣта, потому что небольшія оконца ея выходили прямо въ садъ, окружавшій келійки со всѣхъ сторонъ. Тѣни отъ мелкихъ листочковъ безпрерывно трепетали по стѣнамъ и

по полу; въ открытыя окна заглядывали вѣтви яблонь и сливъ, усыпанныя нѣжными розовыми цвѣтами. Воздухъ былъ теплый и душистый. Въ углу, у божницы, убранной свѣжею мятой, горѣла яркою звѣздочкой лампадка. По стѣнамъ келійки были размалеваны масляными красками картины изъ житій святыхъ. У боковой стѣны стояла маленькая канапка и нѣсколько такихъ же стульевъ; у окна — столикъ, на немъ четки, Евангеліе и псалтырь.

И Ганна чувствовала, какъ она отдыхаетъ, измученная и душой и тѣломъ, въ этой чарующей тишинѣ. Никакіе звуки, кромѣ „щебетанья“ птицъ, не долетали сюда; утромъ же и вечеромъ раздавались мѣрные удары постоваго колокола, и тогда Ганна, въ сопровожденіи молоденькой послушницы, отправлялась вслѣдъ за монахинями въ церковь. Молилась она горячо и страстно, вслушиваясь въ каждое слово Евангелія и псалтыря. Возвратившись въ келію, она проводила все остальное время или за чтеніемъ святаго писанія, или на колѣнахъ, въ слезахъ. Среди всѣхъ своихъ молитвъ она возвращалась безпрестанно все къ одной, да къ одной: она просила Богородицу помочь ей, слабой и безсильной, вырвать навсегда изъ сердца ту преступную любовь къ Богдану, которая такъ всесильно овладѣвала ею, а окрылить ея душу высокою любовью къ страдалицѣ родинѣ, за которую она отдала бы жизнь. Ко всѣмъ ея страданіямъ примѣшивалась еще и непокидавшая ея мысль о Богунѣ... Ганна корила себя за то, что она невольно разбила сердце дорогого ей козака, за то, что она не дала ему искренняго прямого отвѣта. Укоры эти, принося ей невыносимыя страданія, не доставляли никакого удовлетворенья ея измученной душѣ. Нѣсколько разъ ходила Ганна въ пещеры; по цѣлымъ часамъ стояла она на холодномъ полу, забывая, что дѣется вокругъ нея. Ѣла она совсѣмъ мало, вставала по-монастырски къ заутренямъ и проникалась все больше и больше обаяніемъ религіознаго экстаза. И Ганна чувствовала, какъ вмѣстѣ съ ея тихими слезами мятежное чувство, капля по каплѣ, уплываетъ изъ ея души. Ей было такъ хорошо молиться въ своей келійкѣ, прислонившись горячимъ лбомъ къ холодному косяку аналоя. Когда-же она, усталая, измученная, поднимала голову, на нее глядѣли со стѣны ласковые и грустные глаза Христа... И казалось ей, что она чувствуетъ подлѣ себя эту ласковую, спасительную руку, и на душѣ становилось такъ легко...

За нѣсколько дней, проведенныхъ въ монастырѣ, Ганна какъ бы позабыла обо всемъ окружающемъ, погружаясь въ религіозныя воспоминанія страстныхъ дней все глубже и глубже; жизненныя впечатлѣнія какъ-бы смыкались надъ нею съ неяснымъ шумомъ, словно вода надъ головою утопающаго... И еслибъ не ужасное положеніе

ея вѣры, ея края, она, казалось, никогда бы не покинула этого тихаго пристанища среди бурь и напастей житейскихъ.

Такъ насталъ и страстной четвергъ. Ганна не пошла въ лавру къ умовенію ногъ; ей хотѣлось провести этотъ день совершенно одной. Но вотъ солнце опустилось къ западной сторонѣ, повѣяло вечерней прохладой, протяжно и плавно прозвучалъ большой успенскій колоколъ, за нимъ также печально и медленно прозвучали и вознесенскіе колокола. Двери келіекъ стали отворяться неспѣшно и длинною вереницей потянулись по зеленому двору, одна за другой монахини въ черныхъ мантіяхъ въ сопровожденіи своихъ молоденькихъ послушницъ.

Церковь уже была полна народа, когда Ганна вошла и заняла свое мѣсто въ глубинѣ. Передъ образами теплились лампады и горѣли въ серебряныхъ ставникахъ высокія, зеленыя свѣчи, окруженныя десятками маленькихъ; большое паникадило блистало полусотней огней; свѣтъ разливался широкими полосами внизу, дрожалъ въ окнахъ и гналъ сумракъ далеко вверхъ, въ высокій куполъ, гдѣ онъ ютился вмѣстѣ съ волнами кадильнаго дыма.

Служба шла долго. Наконецъ, царскія врата распахнулись и показался старичекъ священникъ въ сопровожденіи діакона съ Евангеліемъ въ рукахъ. Одна за другой зажглись въ рукахъ молящихся свѣчи, и вся церковь наполнилась яркимъ мигающимъ свѣтомъ. Вотъ начались чтенія Евангелій.

Когда оканчивалось одно Евангеліе, свѣчи одна за другой быстро гасли въ рукахъ молящихся, и церковь погружалась въ сумрачный полумракъ, словно облекалась въ трауръ.

— Слава!—слышалось съ клироса торжественно и печально.— Слава, страстемъ Твоимъ, Господи!—повторяла за хоромъ и Ганна, не отрывая своихъ горящихъ, возбужденныхъ глазъ отъ лика Христа. И снова отворяются царскія врата, снова выходитъ старичекъ священникъ, открывается большая книга... и то же чтеніе тихимъ старческимъ голосомъ... И Ганна точно видитъ, точно переживаетъ все то, о чемъ повѣствуетъ дребежжащій голосъ панъ-отца.

— „Марія же Магдалина и Марія Іосіева зристе, гдѣ Его полагаху“,—окончилъ священникъ и вся церковь опустилась ницъ. И предъ глазами Ганны въ тихой полутьмѣ церкви одна за другою проходятъ картины: вотъ они сняли Его тѣло съ креста, завернули въ бѣлыя полотна... темнѣетъ... безутѣшныя женщины склонились надъ Его измученнымъ, мертвымъ лицомъ... онѣ не плачутъ... онѣ окаменѣли въ своемъ нѣмомъ отчаяніи... Лиловый, мертвый сумракъ упалъ на ихъ покрытыя головы.

Вдругъ Ганна почувствовала на себѣ чей-то пристальный взглядъ. Она оглянулась и вздрогнула невольно, увидѣвши себя въ полутемной церкви, среди склонившихся кругомъ молящихся людей. Съ противуположнаго клироса глядѣлъ на нее Богунъ; но самъ онъ едва узналъ Ганну, до того осунулось и поблѣднѣло ея лицо за эти четыре дня. Глаза ея, обведенные черными кругами, казались теперь огромными и черными, и глядѣли такъ открыто и серьезно, что вся она показалась ему какой-то старинной иконой, глядящей съ потемнѣвшаго полотна. Глаза ихъ встрѣтились. Но ни женственная краска не вспыхнула на этихъ блѣдныхъ щекахъ, ни нѣжной привѣтливой улыбки не показалось на ея лицѣ, глаза не вспыхнули затаенной искрой,—они глядѣли на него такимъ глубокимъ и грустнымъ взглядомъ, что Богунъ прошепталъ невольно: „Господи, откуда Ты послалъ намъ ее?“ И такой горячій приливъ любви и удивленія передъ этою необыкновенною дѣвушкой охватилъ сердце козака, что Богуну захотѣлось неудержимо тутъ же сейчасъ сказать, что онъ любитъ ее одну во всей Украинѣ, что она ему все: и мать, и сестра, и жена.

Но служба окончилась. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Монахини потянулись одна за другою длинною, черною вереницей. Богунъ увидѣлъ Ганну; она шла вслѣдъ за ними. Онъ хотѣлъ окликнуть ее, подойти къ ней, но Ганна взглянула на него снова, и лицо ея было такъ серьезно, такъ печально, что Богунъ не рѣшился подойти къ ней теперь и только проводилъ ее глазами вплоть до самыхъ дверей.

Въ вечеръ великой субботы, къ въѣздной лаврской „оборонѣ“ то и дѣло подкатывали возы горожанъ и неуклюжія колымаги пановъ, окруженныя верховыми стражниками; подходили безпрерывно толпы богомольцевъ и изъ города Подола, и изъ Вышгорода, и изъ другихъ, еще болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Хотя до всенощной было еще далеко, но дворъ Печерскаго монастыря быстро наполнялся народомъ. Пріѣхалъ и самъ митрополитъ, „превелебный“ Петръ Могила, устроитель братскаго монастыря и академіи, а равно и возобновитель Софіевскаго собора; прикатили и подвоеводій, и войтъ, и бурмистръ. Знатные гости были приглашены настоятелемъ Печерскаго монастыря въ свои покои, другіе, что попроще, росположились на дворѣ. У всѣхъ послѣднихъ были въ рукахъ корзины и узелки съ пасхами, поросятами яйцами, предназначенными для освященія.

Цѣлый день въ открытыя двери собора входили и выходили толпы богомольцевъ, помолиться и приложиться къ Пречистой Плащаницѣ.

Настала ночь, теплая, звѣздная и душистая. Ударилъ колоколъ, и эхо понесло далеко за Днѣпръ протяжный и торжественный звукъ. Заволновались толпы народа на монастырскомъ дворищѣ и поспѣшно потекли широкими волнами въ храмъ.

Съ трудомъ пробралась Ганна вслѣдъ за теченіемъ народа въ переполненную церковь, но не могла пройти къ Плащаницѣ и остановилась въ сторонкѣ, прислонившись къ холодной каменной стѣнѣ. Въ церкви было такъ тѣсно, что весь народъ представлялъ изъ себя какъ бы сплошное цѣлое, такъ что толчекъ, полученный у входа въ церковь, передавался и стоящимъ впереди. Отъ множества зажженныхъ свѣчей чувствовалась невообразимая духота; пахло горячимъ воскомъ, сапогами, носильнымъ платьемъ и горячимъ дыханіемъ тысячи людей. Съ клироса раздавалось мѣрное и монотонное чтеніе „Апостола“. То тамъ, то сямъ слышалось сухое покашливаніе, вздохъ или задержанный зѣвокъ,—всѣ ожидали того счастливаго и торжественнаго момента, когда, наконецъ, „дочитаются до Христа“.

Между тѣмъ народъ все прибывалъ и, не смотря на невообразимую тѣсноту, церковь поглощала еще и еще новыя толпы людей. Ганна чувствовала себя чрезвычайно слабою: отъ самаго четверга она не ѣла ничего, кромѣ хлѣба и воды. Ноги ея совершенно подкашивались, она могла еще стоять, только прислонившись къ стѣнѣ. Какъ ни напрягала она своего слуха, но изъ читаемаго на клиросѣ до нея доносился только неясный однообразный шумъ, который сливался у нея съ непонятнымъ шумомъ въ головѣ и въ ушахъ. Ее сильно тѣснили обступившіе со всѣхъ сторонъ горожане и козаки; казалось, что ими совершенно преграждался къ ней доступъ воздуха. Дыханіе ея становилось все чаще и чаще; она подымала голову, жадно открывала ротъ, стараясь поймать хоть струйку свѣжаго воздуха, но кромѣ горячаго, тяжелаго дыханія множества людей къ ней не долетало ничего. Толпа совершенно отдѣлила ее отъ своихъ богомольцевъ и теперь она стояла здѣсь одна, затерявшись нечаянно среди козаковъ.

Вдругъ новый натискъ распахнувшейся толпы притиснулъ ее совершенно къ стѣнѣ; нѣсколько дюжихъ спинъ, подавшись назадъ, обвалились всею тяжестью на нее. Ганна хотѣла выскользнуть, хотѣла двинуться, крикнуть: она открыла ротъ, но не смогла вздохнуть. Холодный потъ выступилъ у нея на лбу, она инстинктивно вытянула впередъ руки, и вдругъ пара сильныхъ, мужскихъ рукъ подхватила ее подъ мышки и осторожно понесла надъ сбившеюся толпой...

Въ церкви произошло нѣкоторое замѣшательство: „Задавили, задавили!“—раздавалось то тутъ, то тамъ. А Богунъ съ трудомъ

пробирался со своей ношей къ выходу. Въ проходѣ его ожидала самая сильная давка; здѣсь сталкивались два противуположныхъ теченія, одни входили, другіе выходили, и въ этомъ водоворотѣ трудно было сдѣлать хоть шагъ впередъ.

Выбравшись, наконецъ, изъ церкви, Богунъ поставилъ Ганну на землю и, не отымая отъ нея рукъ, спросилъ встревоженнымъ голосомъ, склоняясь надъ ней:

— Не придавили они тебя, Ганно?

— Нѣтъ, нѣтъ, спасибо тебѣ Иване,—проговорила она слабымъ голосомъ,—это ничего, такъ оно—пройдетъ. Сильно душно было въ церкви, я попала какъ-то межъ козаковъ, они прижали меня, ну, у меня и пошло все „коломъ“ въ глазахъ.

— Ты змарнила совсѣмъ, не жалѣешь себя.

— Это такъ только,—сегодня.

— Пойдемъ же,—взялъ Богунъ ея руку въ свою,—сядемъ тамъ за церковью: ты отдохнешь, а потомъ можно будетъ и въ церковь войти.

Ганна пошла вслѣдъ за Богуномъ. Ночь стояла такая теплая, звѣздная, прозрачная. По всему обширному двору Печерскаго монастыря размѣстились богомольцы, не вошедшіе въ церковь; подлѣ каждаго стояла пасха съ воткнутой въ нее свѣчечкой. Казалось, что второе небо, усыпанное тысячью маленькихъ, трепещущихъ звѣздъ, опрокинулось на землю. Только верхнія звѣзды сверкали такими холодными блестящими лучами, а земныя такъ трепетно теплились красноватымъ огонькомъ. Время близилось къ полуночи: на колокольнѣ, на куполахъ начали зажигать огоньки. Богунъ и Ганна прошли за церковь и остановились на уступѣ горы.

— Присядь, Ганно; ты едва стоишь на ногахъ,—обратился къ Ганнѣ Богунъ.

Ганна опустилась.

Съ горы внизъ, вплоть до самаго Днѣпра сбѣгали монастырскіе сады, а Днѣпръ разливался у подножья горы полноводный, широкій, затопляя всѣ острова. Иногда изъ церкви доносились звуки протяжнаго, грустнаго пѣнія. Такъ дивно тепло было на землѣ, такъ торжественно въ небѣ.

— Великое отпѣваніе идетъ,—вздохнула Ганна.

— Да, а скоро загремитъ и радостная вѣсть на весь міръ,—замѣтилъ Богунъ:—завтра мы уже и не увидимся, Ганно.

— Какъ, развѣ ты такъ скоро уѣдешь отсюда?

— Вотъ только встрѣтить Праздниковъ Христовъ, да попрощаться съ тобой захотѣлъ, а завтра уже въ дорогу. Праздникъ

намъ на руку: всюду свободный народъ. Дѣла свои я покончилъ здѣсь. Да благословитъ Господь превелебнаго Владыку нашего и святое Богоявленское братство: многое они сдѣлали для насъ! И какъ не вѣрить, Ганно, въ то, что Господь поможетъ намъ вырваться изъ-подъ лядскаго ига, когда всюду вездѣ весь людъ только и ждетъ „гасла“, чтобы подняться всѣмъ, какъ одному. Нужно только человѣка, чтобы поднялъ всѣхъ.

— И онъ будетъ, будетъ, Иване!—воскликнула Ганна.

— Будетъ,—повторилъ увѣренно и Богунъ.

— Куда жъ ты теперь поѣдешь, Иване?

— Поѣду дальше, комплектовать полки, и подымать народъ. Изъ Кіева вотъ уже отправилъ тысячу человѣкъ на Запорожье, повезли и деньги и оружіе: обо всемъ подумалъ нашъ превелебный рачитель... Правду говоритъ Богданъ: теперь мы обезсилены... намъ надо укрѣпиться и окрѣпнуть... Теперь вотъ я ѣду дальше. Чѣмъ больше у насъ будетъ силы, тѣмъ больше будетъ вѣра, а чѣмъ больше вѣра, тѣмъ вѣрнѣе побѣда.

Богунъ встряхнулъ головою и заговорилъ горячо и увѣренно: онъ говорилъ Ганнѣ о своихъ планахъ, мудрыхъ указаніяхъ владыки...

— Счастливъ ты, козаче,—вздохнула Ганна:—ты можешь трудиться для нашей отчизны, а я...

— Ты, ты, Ганно,—перебилъ ее съ восторгомъ Богунъ,—ты дѣлаешь больше всѣхъ насъ, ты подымаешь въ насъ вѣру, ты указываешь всѣмъ намъ дорогу.

— Что ты, что ты, Иване,—остановила его Ганна; но Богунъ перебилъ ее:

— Нѣтъ, постой! Что правда, то правда: когда у дивчыны встрѣчаешь такое чудное сердце, то самому хочется „велетнемъ“ стать: стыдъ и досада на свою подлую душу „проймаютъ“ сердце!—Богунъ вздохнулъ, сбросилъ „шапку“, провелъ рукой по головѣ.—Вотъ что хотѣлъ еще я сказать тебѣ Ганно!—заговорилъ онъ послѣ небольшой паузы,—теперь мы разстанемся, кто знаетъ насколько... прости меня, грубаго козака за тѣ слова, что сказалъ я тебѣ...

— Охъ, Иване, Иване!—вскрикнула Ганна:—я бы сердце свое для тебя вынула, а ты...

— Спасибо, Ганно, спасибо, сестрице моя,—взялъ ее Богунъ за руку:—дозволь же мнѣ думать, что не останусь я чужимъ для тебя...

— Богуне, друже мой, какъ брата, какъ лучшаго друга люблю я тебя!—произнесла Ганна, съ глубокимъ чувствомъ, подымая

на Богуна полные слезъ глаза.—Прости меня ты, что безъ воли потоптала я твое сердце; когда бъ ты зналъ...

— Что говорить, Ганно: ты, моя королевно, не виновна ни въ чемъ,—перебилъ ее Богунъ,—захотѣлось мнѣ украсть для себя только солнце, а солнце свѣтитъ для всѣхъ. Спасибо тебѣ за ласку твою, за твое доброе слово... Богунъ всталъ и обнажилъ голову:—когда увидимся—не знаю, благослови же меня на долгій и тяжелый путь.

Ганна поднялась съ мѣста.

— Господь Всевышній благословитъ тебя, защититъ отъ несчастья,—произнесла она, осѣняя его голову крестомъ и, прижавшись къ его лбу губами, прошептала сквозь слезы:—друже мой, брате мой, прости, прости меня!

— Прощай, Ганно!—произнесъ торопливо Богунъ, словно боясь, что его самообладанье измѣнитъ ему.—Прощай!—поцѣловалъ онъ еще разъ дивчину:—ты одна у меня, Ганно, и больше нѣтъ никого!

XX.

Стройно, словно стадо лебедей, несутся внизъ по Днѣпру запорожскія „чайки“; сильными и вѣрными ударами веселъ разсѣкаются желтоватыя волны; онѣ пѣнятся, бурлятъ и бѣгутъ за ладьями; попутный вѣтеръ, накренивъ паруса, ускоряетъ ихъ бѣгъ. Берега мчатся назадъ, смыкаясь широкимъ кругомъ въ сизую даль и разступаясь впереди безбрежною водною гладью; чѣмъ дальше, тѣмъ больше понижаются правобережныя горы и отходятъ вглубь, уступая мѣсто пышнымъ зарослямъ-лугамъ, опушеннымъ первою яркою зеленью, а налѣво безконечно тянется по межѣ главнаго русла рѣки линія потопленныхъ кустарниковъ, качающихся на волнахъ своими красноватыми верхушками.

На передовой „чайкѣ“, возлѣ рулевого на „чардакѣ“, стоитъ, скрестивъ руки, наказной атаманъ Богданъ и, посмактывая „люльку“, зорко смотритъ впередъ. Впрочемъ, особая осторожность пока не нужна; они плывутъ еще въ предѣлахъ своихъ козацкихъ вольностей; встрѣчается еще на челнокѣ и свой братъ запорожецъ-рыбалка и привѣтствуетъ „товариство“ громко да радостно, желая ему всякихъ удачъ; да и пѣсня хоровая не умолкаетъ на „чайкѣ“, а громкій говоръ и смѣхъ раздаются по рѣкѣ и разносятся эхомъ

далеко; но вотъ скоро будетъ перейденъ родной рубежъ и потянутся чужіе, пустынные берега.

Богданъ махнулъ шапкой; остановилась атаманская „чайка“, замерли поднятыя въ воздухѣ весла; подъѣхали остальныя ладьи и стали полукругомъ за атаманской.

— Панове-товариство!—зычнымъ голосомъ обратился къ нимъ Богданъ, и разнеслось его слово по всѣмъ „чайкамъ“,—вонъ за тѣми лозами, гдѣ зеленѣютъ стѣной камыши, уже потянутся ворожьи берега вдоль Славуты-Днѣпра, а потому занѣмѣйте, какъ рыбы,—чтобы ни крика, ни пѣсни, ни свиста! Даже веслами осторожнѣй работайте! Забирайте между зелеными „плавнями“ налѣво къ Конскому рукаву; теперь проплывемъ чудесно до самаго Мурзай-рогу, что недалеко отъ острова Тендера, а тамъ въ глубокихъ и скрытыхъ „затокахъ“ переждемъ до ночи, а ночью, развѣдавши добре окрестность, перемахнемъ черезъ Кимбургскую косу. Теперь въ половодье переплывемъ, а то и перетянемъ „чайки“, а Очакову покажемъ братцы „дулю!“

— Покажемъ, покажемъ!—отозвались голоса съ чаекъ, и веселый сѣхъ перекатился кругомъ.

— Такъ слушайте-же! За мною гуськомъ осторожнѣе и проворнѣй; слѣдите зорко по сторонамъ, и если гдѣ кто замѣтитъ татарскій „каюкъ“, догнать его и пустить къ „дидьку“ на дно, но только безъ шума. Ну, гайда! Завтра къ вечеру непремѣнно нужно быть въ Мурзай-рогѣ.

Богданъ далъ знакъ рукой; его „чайка“ взмахнула веслами, вздрогнула и понеслась внизъ по теченію, направляясь къ одному изъ узкихъ корридоровъ плавней; за нею длинною линіей потянулись другія ладьи.

Между тѣмъ встревоженный Морозенко пробирался къ дѣду Нетудыхатѣ, что стоялъ у другаго руля на кормѣ.

— А что скажешь, сынку?—замѣтилъ его тревогу дѣдъ.

— Да что-то неладно съ Грабиной,—сообщилъ тотъ шепотомъ,—ногъ совсѣмъ не чуетъ; вотъ это я заходилъ къ нему, такъ „намогся“ выйдти къ гребцамъ, что будто у него совсѣмъ перестали болѣть ноги, а какъ сталъ на нихъ, такъ и „гепнулъ“. Я его поднимать, да и наступилъ нечаянно на ногу. Что-жъ бы вы, диду, думали? И не замѣтилъ даже...

— А развѣ онъ тутъ?—изумился дѣдъ.

— Напросился,—потупился хлопецъ.

— Ахъ онъ, собачій сынъ!—вскрикнулъ дѣдъ,—да вѣдь я ему настрого приказалъ, чтобъ лежалъ и не „рыпался“.

— Я и не зналъ,—покраснѣлъ Морозенко.

— Эхъ, голова! Ну, пойдемъ, посмотримъ, чтобъ такое оно?— затревожился дѣдъ и, поручивъ руль другому опытному козаку, самъ пошелъ за Морозенкомъ въ атаманскую каюту.

А Грабина лежалъ на полу, пробовалъ все подняться на карачкахъ и ругался.

— Ишь, чортовы ноги, словно обпились литовскаго меду, не стоятъ, да и баста, а чтобъ вы отсохли, ледачія! Вотъ, диду. оказія,—обратился онъ къ вошедшему Нетудыхатѣ,—и болѣть не болятъ, только въ колѣнкахъ щемятъ, а словно не мои ноги: не хотятъ поднять козака, хоть ты тресни!

— Самъ ты виноватъ,—сердито ворчалъ дѣдъ, нахмурившій нависшія бѣлыя брови.—вѣдь говорилъ же, лежи въ куренѣ, пока не пройдутъ! Такъ нѣтъ таки, не послушался, воровски удралъ, а теперь и на ноги жалуешься, вотъ какъ отпадутъ къ бѣсу, тогда и будешь знать!

— Да какъ же такъ?—заволновался Грабина.—Безъ ногъ-то козаку какъ будто неловко, да если онѣ что, такъ я себѣ голову разсажу!

— Ой, вскорый какой!—„грымнулъ“ дѣдъ и, бросивъ взглядъ на Морозенка, буркнулъ подъ носъ:—Подними-ка, положимъ его сюда, ну!

Морозенко бросился. Они подняли вмѣстѣ козака и уложили его на походной „канапѣ“. Дѣдъ началъ разбинтовывать ему ноги.

— Ишь, перетянулъ какъ, иродовъ сынъ! Даже въѣлось въ тѣло, какъ же тутъ не помертвѣть?

— Да я, диду, чтобъ ходить было лучше,—оправдывался Грабина.

— Всыпать бы тебѣ въ спину добрыхъ кіевъ, тогда зналъ бы! Лучше ходить! Вотъ и доходился! Не имѣетъ права никто по своей прихоти себя „нивечить“,—не унимался дѣдъ,—всякъ товариству нуженъ и ему подлежитъ. Ну, пришибло тебѣ ноги деревомъ—тутъ ты не повиненъ: Божья воля была на то. Можетъ, либо кара тебѣ за что, а можетъ, наказъ, чтобъ ты въ море не плылъ, а ты таки и Богу на перекоръ.

— Я этого не думалъ,—прошепталъ Грабина и замѣтно поблѣднѣлъ; холодныя капли пота выступили у него на лбу.

Когда дѣдъ съ Морозенкомъ разбинтовали, наконецъ, ноги Грабинѣ, то хлопецъ не удержался, чтобъ не всплеснуть въ ужасѣ руками, а дѣдъ печально закачалъ головой. Ноги дѣйствительно представляли ужасающую картину антонова огня: кровь, запекшаяся на ранахъ, и обнаженное мясо багровѣли темною, обугленною массой, натянутая въ здоровыхъ мѣстахъ кожа синѣла, темнѣя къ ступнѣ и

переходя на пальцахъ ноги въ черный цвѣтъ; вверху за колѣнами ярко алѣла вокругъ ногъ порубежная линія воспаленія.

— А что?—спросилъ Грабина, глянувши на ноги, видныя ему, впрочемъ, неясно въ сумракѣ помѣщенія и за тѣнью двухъ нагнувшихся надъ нимъ козаковъ.

— Лежи смирно, не „рушься“!—крикнулъ дѣдъ; но въ дрогнувшемъ толосѣ его послышались уже не сердитые, а трогательные тоны.—Пойди-ка, Олексо,—обратился онъ къ Морозенку,— да принеси мою „торбу“; нужно торопиться, а то, вишь, что натворилъ и запустилъ какъ!

— Развѣ плохо?—спросилъ упавшимъ голосомъ Грабина.

— Молчи уже,—буркнулъ, не глядя на него, дѣдъ,—все въ рукѣ Божьей... Захочетъ Онъ простить тебѣ блажь, такъ помилуетъ, а не захочетъ—Его святая воля на все, а противъ Него кто же посмѣетъ?

Тихо стало на „чайкѣ“. Слышны были только старательно удерживаемые глубокіе вздохи Грабины, да равномѣрные, какъ удары маятниковъ, всплески веселъ. Наконецъ, прибѣжалъ Морозенко съ дѣдовскою аптекой; знахарь послалъ его принести побольше сырого картофеля.

Дѣдъ велѣлъ Олексѣ нарѣзать его мелкими кружечками, а самъ помазалъ какимъ то своимъ снадобьемъ ноги больного, обложилъ ихъ рѣзаннымъ картофелемъ и слегка забинтовалъ, наказавъ строго-на-строго больному не только не вставать, но и не двигаться. Онъ вышелъ за дверь и позвалъ къ себѣ хлопца.

— Слушай: не отходи отъ него, сыну, а коли что, сейчасъ ко мнѣ; Грабинѣ очень худо, нужно перемѣнять почаще картофель, чтобъ жаръ оттягивалъ, ты нарѣжь его побольше, да и батька наказного нужно освѣдомить.

— Боюсь,—запнулся хлопецъ,—чтобъ нашъ наказной не разгнѣвался, что безъ его вѣдома...

— А ты почемъ зналъ? Вѣдь тебѣ не было приказано, что не пускай, молъ, Грабины?

— Нѣтъ, не было.

— Ну, такъ что и балакать?

Богдана встревожило сообщенное дѣдомъ извѣстіе о Грабинѣ; сначала онъ даже разсердился было за его непослушаніе, но опасное положеніе больного смѣнило чувство досады глубокимъ огорченіемъ; ему было невыразимо жаль потерять товарища и друга, къ которому такъ скоро привязалось его сердце. Богданъ поспѣшилъ въ свою каюту и обратился къ Грабинѣ не съ грознымъ, а съ трогательнымъ укоромъ:

— Эхъ, Грабино, Грабино! За что ты, наперекоръ моей волѣ, захотѣлъ себя въ гробъ уложить?

— Прости батьку! Скучно было оставаться лежебокомъ, понадѣялся на каторжныя ноги!—вздохнулъ больной.

— Да ноги, можетъ, и выходятся, а вотъ лежи только смирно, да слушайся дѣда.

— Я лягу тамъ, къ сторонкѣ, а то какъ-же?—запротестовалъ Грабина,—занялъ твое мѣсто...

— И думать не смѣй,—даже прикрикнулъ Богданъ,—мнѣ ни на минуту нельзя отойти отъ руля. Самъ знаешь, какія опасныя мѣста, пока не выйдемъ въ чистее море. Исполняй все до слова, что прикажетъ дѣдъ... Вѣдь бѣда, самъ знаешь, непрошенный гость...

— Все, все, батьку!—взволновался отъ ласковаго слова Грабина.

— Ну, спасибо! Бувай-же здоровъ, да ходи скорѣй, а теперь для того-то и нужно вылежаться добре.

Богданъ ушелъ, а взволнованный Грабина обнялъ Олексу нѣсколько разъ, прерывая объятья свои пламенными словами:

— Эхъ, да и люди-жъ вы! И батько атаманъ, и ты, и дѣдъ, и товарищи! Вотъ, какъ ни противна мнѣ жизнь, а бросать такихъ людей жалко! Горя-то сколько перенесъ, грѣха сколько на душу принялъ, жизнь какъ насмѣялась и ограбила, а все вотъ не хотѣлось бы такъ-таки и пропасть, не отплативши вамъ за добро, не поквитовавши свою черную душу, не найдя... охъ, Олексо, Олексо!—сжалъ онъ хлопцу руку, закусивъ себѣ до крови губу и уронивъ невольную слезу.

Тронутый Олекса сталъ утѣшать его, какъ умѣлъ.

— Не тревожьтесь, пане Грабино, Богъ милостивъ, все пойдетъ хорошо. Слава Богу, дѣдъ на лицо, онъ знахарь—пособитъ, а и Господь на козака съ ласкою смотритъ; вѣдь нашъ братъ за Его-же святую правду кровь свою проливаетъ: значитъ Милосердный и „сглянется“... А вотъ я еще картофлю нарѣжу, оно и полегчаетъ... Вѣдь, правда, холодитъ, кажется?

Грабина только стоналъ.

Цѣлую ночь ѣхали козаки, смѣняя по очереди гребцовъ. Узкими и извилистыми каналами неслись они гуськомъ въ темнотѣ между безконечными нивами густого, тихо-качающагося камыша; ловкіе рулевые искусно направляли „чайки“, а недремлющіе атаманы зорко слѣдили по сторонамъ. Но все было тихо и спокойно кругомъ; подозрительный плескъ или шорохъ не будилъ козачьей тревоги; только иногда съ рѣзкимъ шумомъ взлетали стада дикихъ утокъ, пріютившихся на ночлегъ, или доносился изъ какого-нибудь залива мелодичный звукъ унылыхъ лягушекъ. Къ утру козаки за-

ѣхали въ какое-то плесо, закрытое со всѣхъ сторонъ, словно озеро, лозами и тростникомъ,—оно было недалеко отъ острова Васюкова, за которымъ до Кимбургской косы было часовъ пять-шесть ходу, не больше. Здѣсь и безъ половодья тянулся страшною ширью глубокій днѣпровскій лиманъ, съуженный лишь у Очакова косой. Но теперь, въ половодье, онъ представлялъ собою почти безбрежное море, разрывавшее, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, Кимбургскую косу. Черезъ эти то проходы Богданъ и разсчитывалъ проскользнуть. Дѣло, впрочемъ, было не легкое и рискованное; вопервыхъ, нужно было воровски пробраться среди массы шныряющихъ по лиману „каюковъ“ и галеръ, а, во-вторыхъ, съумѣть попасть на удобный проходъ, чтобы не сѣсть на мель, и, наконецъ, умудриться на той сторонѣ Кимбургской косы прократься черезъ линію сторожевыхъ турецкихъ судовъ. Вслѣдствіе такихъ опасностей, козаки и рѣшались прорываться изъ Днѣпра въ Черное море только темными, безлунными ночами, каковыя наступили теперь.

Богданъ распорядился простоять цѣлый день въ этихъ закрытыхъ водахъ, выславъ на стражу еще четыре небольшихъ лодки-душегубки. Потомъ онъ подозвалъ къ себѣ Олексу.

— Слушай, сыну,—сослужи-ка „товариству“ большую услугу.

— Радъ, батьку, радъ,—отвѣтилъ счастливый Морозенко,—только прикажи.

— По татарски „балакать“ ты еще не разучился?

— Нѣтъ, что говорятъ—понимаю и самъ „загавкать“ могу.

— Ну, вотъ и отлично. Возьми же ты душегубку и поѣзжай внизъ, все на полдень; камышей уже тутъ осталось немного, да и то уже скоро начнутъ разрываться, рѣдѣть,—запутаться въ нихъ нельзя, а за камышами и раскинется передъ тобою цѣлое море; теперь навѣрное ни вправо, ни влѣво береговъ нѣтъ... Ты смотри впередъ и передъ собой; за полмили виденъ будетъ островъ, ну, вотъ къ нему и держи, а минуешь его, такъ тебѣ влѣво потянется узкая, длинная полоса,—это и будетъ Кимбургская коса; ты поѣдешь вдоль нея и гдѣ замѣтишь прорывы, тамъ прикинешь примѣрно, сколько веселъ они ширины, сколько глубины, и какъ на той сторонѣ: свободенъ-ли отъ вражьихъ галеръ выходъ?

— Добре, батьку!—встряхнулъ молодцевато чуприною Олекса, гордый такимъ порученіемъ.

— А теперь вотъ что,—продолжалъ серьезно Богданъ,—ты не козакъ, а татаринъ-рыбалка, изъ-подъ Очакова; на случай какихъ либо встрѣчъ и разспросовъ, такъ и говори, а еще лучше избѣгай всякихъ встрѣчъ.

— Слухаю, тату,—улыбнулся Олекса.

Смотри же, переодѣнься татариномъ; тамъ, у меня въ каютѣ, есть всякой одежи достаточно,—выбери, примѣрь, де въ лодку возьми еще для виду какіе-либо „рыбальскіе причандалы“... Да не забудь прихватить и харчей: вѣдь на цѣлый день отправляешься.

— Возьму, возьму, все исполню, какъ велишь.

— Только осторожнѣе, береги себя, зря на огонь не лѣзь: вѣдь знаешь, что мнѣ жалко тебя,—такъ ты осторожно... помни.

— До смерти! Головы не пожалѣю, сдохну за батька!—почти крикнулъ Ахметка, и глаза его загорѣлись молодой удалью.

— Спасибо! Вѣрю!—обнялъ его Богданъ.—Ну, торопись, начинаетъ уже благословляться на свѣтъ .. Ну, а какъ Грабинѣ?

— Кто его знаетъ?—нахмурился Олекса.—Все какъ будто въ одной норѣ, только вотъ ступни сильнѣй почернѣли... душно ему, нутро горитъ, огневица.

— Пропадетъ козакъ,—почесалъ затылокъ Богданъ,—ну, воля Божья!—вздохнулъ онъ, а потомъ, положивши набожно на голову Олексы руки, произнесъ:—Храни же тебя, Господь! Будь остороженъ и возвращайся непремѣнно назадъ къ вечерней зарѣ.

Олекса бросился въ каюту, переодѣлся въ татарскую одежу, взялъ необходимые припасы и, отвязавъ душегубку, бодро вскочилъ въ нее и схватилъ въ руки весло.

— А изъ оружія что прихватилъ?—спросилъ у него, перегнувшись черезъ бортъ, какой-то козакъ.

— Кинжалъ-запоясникъ,—откликнулся Морозенко.

— Стой! Возьми на всякій случай и пару „пистолей“,—протянулъ ему пистолеты козакъ.

— Спасибо!—отвѣтилъ Олекса и отчалилъ отъ чайки. Подъ ударами весла душегубка понеслась стрѣлой внизъ по теченію и скоро исчезла въ сѣрой мглѣ ранняго утра.

Къ восходу солнца Олекса выбрался изъ лозъ и камышей на открытыя воды,—выбрался и замеръ отъ удивленія, уронивши весло... Любовался онъ и съ береговъ Сѣчи широкой гладью Днѣпра, могучѣе котораго, казалось ему, нѣтъ ничего на свѣтѣ: и тамъ, въ разливъ, берега его уходили въ туманную даль, а плавающіе на далекомъ просторѣ острова открывали безконечную перспективу; но здѣсь ему ослѣпило глаза не то,—совсѣмъ не то; здѣсь ему показалось, напротивъ, что онъ выѣхалъ не на безбрежное раздолье, а на край земли, что горизонтъ не расширялся, а стоялъ на половину обрѣзаннымъ. За этимъ концомъ синѣющей дуги онъ обрывался сразу въ какую-то бездну, и обрывъ этотъ казался вотъ тутъ, недалеко... Ужасъ сковывалъ руки направлять душегубку туда... Потянетъ эта бездна и бултыхнешься въ „пекельную прорву“,—такая мысль ох-

ватила Морозенка; но, вглядѣвшись пристальнѣе въ этотъ рѣзкій, синій рубежъ лежавшаго у ногъ его колоссальнаго зеркала, загорѣвшагося въ одномъ мѣстѣ алымъ огнемъ, онъ примѣтилъ на самомъ краю воднаго обрыва единственное черное пятно, вспыхнувшее теперь въ двухъ-трехъ мѣстахъ яркими бликами. Олекса догадался, что это, должно быть, и есть тотъ самый островъ, къ которому нужно держать путь. Теперь уже, нашедши точку опоры для взора, онъ началъ улавливать перспективу, особенно, когда, какъ будто для сравненія, появились то тамъ, то сямъ бѣлые и розовые паруса рыбацкихъ судовъ. Олекса перекрестился, сотворилъ короткую молитву, при видѣ величественнаго, выныривавшаго изъ яхонтовой глади солнца и налегъ на весло.

Къ ранней обѣденной порѣ островъ уже былъ рядомъ съ нимъ; на противоположной сторонѣ его стояла небольшая галера, а у ближайшей качалось нѣсколько каюковъ; направо къ Очакову также не было замѣтно какихъ-либо опасныхъ судовъ. Минувши островъ, Морозенко остановился и позавтракалъ. Отсюда ему уже стала замѣтной узенькая полоска песковъ, желтѣвшая золотою ниткой на краю горизонта; туда и направилъ, отдохнувши, свою душегубку козакъ. Дойдя безъ всякихъ приключеній до косы, онъ замѣтилъ, что берега ея были совершенно пустынны; только направо виднѣлась небольшая группа тощихъ деревьевъ. Подъѣхавши къ ней, Олекса съ радостью увидалъ, что за деревьями шелъ вглубь широкій водяной протокъ, сливавшійся съ темною полосой водъ, синѣвшихъ за песчаными „кучугурами“. Осторожно, приглядываясь къ каждому кусту, къ каждой отмели, сталъ подвигаться Олекса зигзагами по протоку, пробуя безпрестанно веслами дно; оказалось, что оно было вездѣ довольно глубокимъ, исключая одного мѣста, ближе къ выходу, гдѣ воды было не больше, какъ на полвесла, ширина-же протока была съ излишкомъ достаточна для прохода „чаекъ“.

Доѣхавши до противоположнаго конца протока, Олекса снова былъ пораженъ короткостью обрѣзаннаго горизонта; это впечатлѣніе казалось здѣсь еще болѣе рѣзкимъ при совершенномъ отсутствіи какихъ либо судовъ на морѣ и при его сгущенной синевѣ. Еще одно обстоятельство поразило Олексу: не смотря на совершенную тишину, не мутившую даже рябью сонныхъ, лиманскихъ водъ, здѣсь на морѣ медленно и безшумно, словно изъ глубины, вздымались широкія волны и разбѣгались по песчаному берегу серебристымъ прибоемъ. Полюбовавшись невиданнымъ зрѣлищемъ, Олекса повернулъ назадъ и замѣтилъ, что онъ сильно усталъ. Пройдя протокъ, онъ остановилъ свою „душегубку“ у лозняка и принялся за свой полдникъ. Уто-

ливши голодъ, Морозенко разлегся въ челнѣ, подложивши свитку подъ голову, и закурилъ „люлечку“...

Солнце, перейдя полдень, ласково грѣетъ его, нѣжный вѣтерокъ едва, едва колышетъ ладью... Въ сладкой истомѣ лежитъ молодой козакъ, свѣсивши онѣмѣвшія руки. Крылатыя мысли летаютъ гдѣ-то далеко: Золотарево или Субботовъ мерещатся неясными тонами, а вотъ ярко выступаетъ образъ маленькой Оксанки съ черными глазками и ласковою улыбкой...

Проснулся Олекса отъ сильной качки. Съ ужасомъ протеръ онъ глаза; солнце уже стояло почти на закатѣ; вѣтеръ крѣпчалъ и дулъ съ моря, лодка неслась по лиману, въ мглистой дали не было видно никакихъ береговъ, коса и островъ пропали.

Схватился козакъ за весло,—къ счастью, еще оно лежало въ лодкѣ,—и началъ грести съ отчаянной силой, направляя челнъ на ѣверъ. Душегубка летѣла, разсѣкая острымъ, высоко поднятымъ носомъ возраставшія волны, вѣтеръ дулъ въ спину и помогалъ юнаку гнать ее. Солнце садилось; сизая мгла превращалась въ ползущій по волнамъ бѣлый туманъ.

Вдругъ лодка ударилась о какое то препятствіе, подпрыгнула, чуть не опрокинулась и запуталась въ сѣти.

— Гей, Махмедъ! Смотри, что тамъ?—крикнулъ кто-то по-татарски изъ тумана.

— Должно быть, большая рыба,—отвѣтилъ другой голосъ съ противоположной стороны.

Черезъ минуту изъ тумана показался каюкъ съ четырьмя гребцами и однимъ рулевымъ.

— Аллахъ керимъ! Тутъ не рыба, а цѣлый чортъ!

— Какой? Кто?—подъѣхалъ другой большій каюкъ.

— Откуда ты, дьяволъ?—спросилъ рулевой.—Ишь цѣпь разорвалъ, шайтанъ черный!

— А ты не лайся, зеленая жаба,—огрызнулся по татарски Олекса, махая со всею силою весломъ.

— Держи его!—кричалъ рулевой другому каюку.—Заступи дорогу... Онъ рветъ весломъ сѣти!

— Стой, шайтанъ! Арканомъ его!—надвинулся къ душегубкѣ другой каюкъ.

Первая мысль Морозенка была защищаться: двухъ бы онъ положилъ выстрѣломъ, двухъ кинжаломъ, но вотъ бѣда: лодка запуталась—не уйдешь! Ему улыбнулось даже и умереть въ лихой схваткѣ, да вспомнился наказной и „товарыство“, судьба котораго вручена ему самимъ Богданомъ.

— Стойте, правовѣрные братья,—словно взмолился Морозенко,—великъ Аллахъ и Магометъ его пророкъ! Въ туманѣ нечаянно наскочилъ; вы помогите распутаться...

— А глазъ не было, зѣвака?—уже менѣе грозно отозвался рулевой, очевидно, хозяинъ,—зацѣпи багромъ его каюкъ, тащи!

— А ты откуда, карый?—прищурилъ онъ свои роскошенные глазки.

— Изъ... какъ его...—замялся Морозенко: онъ не зналъ ни одного названія изъ окружающихъ мѣстъ, кромѣ Очакова, и потому буркнулъ:—изъ Очакова.

— Какъ зовутъ?

— Ахметкой.

— Изъ какой семьи?

— Изъ...—тутъ уже Олекса замялся совсѣмъ,—изъ Карачубесовъ.

— Врешь! Тамъ такихъ нѣтъ!

— Смотри, хозяинъ,—обратился къ косому другой татаринъ,—у него и каюкъ не нашинскій, такихъ у насъ нѣтъ.

— А вотъ и гяурскій крестъ на шеѣ блеститъ!—крикнулъ еще кто-то, показывая пальцемъ.

— Такъ вяжи его! Это гяуръ, „шпигъ!“—крикнулъ хозяинъ.—Тащи его!—Олекса выхватилъ было пистолетъ, но въ мгновеніе ока арканъ упалъ ему на плечи, затянулъ узломъ руки и повалилъ его навзничь.

XXI.

Несмотря на всѣ старанія дѣда, Грабинѣ становилось хуже и хуже: ноги постепенно чернѣли; багровые, верхніе круги расплывались дальше; жаръ возросталъ во всемъ тѣлѣ; въ каютѣ слышался трупный запахъ.

Больнаго перенесли на „чердакъ“, гдѣ вѣтеръ хотя нѣсколько могъ освѣжить его воспаленную грудь.

Богданъ видѣлъ теперь, что положеніе товарища безнадежно, и, не желая выдать своей сердечной тревоги и муки, подходилъ къ нему лишь украдкой, а самъ Грабина, казалось, еще не сознавалъ этого, хотя и чувствовалъ, что съ нимъ творится что-то неладное.

— Слушай, пане-атамане, друже,—поймалъ онъ какъ-то Богдана за руку, когда тотъ, спросивши его о здоровьи, хотѣлъ было пройти дальше,—что-то мнѣ какъ будто погано, горитъ все, словно на уголь.

— Господь съ тобою, Иване! Нашего брата скоро такъ не проймешь,—попробовалъ было отшутиться Богданъ, но смѣхъ какъ-то не вышелъ, задрожалъ въ горлѣ и оборвался спазмой.

— Да мнѣ, пане-Богдане, что?—улыбнулся горько Грабина,—дразнилъ вѣдь „кирпатую" не разъ, ну, теперь ужъ она меня подразнитъ. Чему быть, того не миновать! А вотъ только одно больно, тоска гложетъ, что если...— ему тяжело было говорить; съ страшными усиліями отрывалъ онъ изъ глубины сердца слово по слову, и это причиняло ему неимовѣрныя страданія.

— Я говорилъ тебѣ тогда... дочь моя... моя Марылька... Охъ, для нея-то и забрался я противъ твоей воли въ чайку... Объ ней одной только и думалъ... ее надѣялся спасти... Я грѣшникъ... страшный... „пекельный"... Меня карай, Боже! Но она за что за грѣхи мои страдаетъ?

Грабина распахнулъ свою сорочку и началъ бить себя съ остервененіемъ въ грудь кулакомъ.

— Постой... успокойся, друже! Ты рвешь свое сердце; лучше потомъ...— попробовалъ было остановить его Богданъ.

Но Грабина продолжалъ съ какимъ-то лихорадочнымъ усиліемъ.

— Нѣтъ, сейчасъ... все... потомъ ужъ будетъ поздно... Слушай... все равно передъ смертью... ближе тебя нѣтъ у меня никого на свѣтѣ... тебѣ только могу все довѣрить. Помнишь вотъ та цыганка, про которую говорилъ невольникъ... моя... навѣрно моя... Она украла мою Марыльку.. Я ее отправилъ съ донечкой къ сестрѣ на Волынь. А она дьяволъ... вѣдьма проклятая... мою дочь... мое дитя... въ Кафу... въ гаремъ. Охъ, найди ее... спаси... согрѣй! захрипѣлъ онъ, сжимая руки Богдана:—погибнетъ тамъ въ Кафѣ... Если не сможешь съ „товарыствомъ", самъ заѣдь...—выкупи... денегъ сколько запросятъ—ничего не жалѣй! Охъ, я вѣдь былъ магнатомъ, Богдане, да и теперь еще много осталось... Тамъ въ Мліевѣ... разразился надо мной громъ небесный, хотя упалъ этотъ громъ отъ руки лиходѣя, грабителя... Тебѣ придется, быть можетъ, встрѣтиться съ нимъ, такъ берегись, друже; это—рябой, съ зелеными глазами Чарнецкій.

— Чарнецкій? Доблестный воинъ?

— Звѣрь! Кровопійца! А!—заметался больной.—Душно и тутъ... Въ горлѣ печетъ... „Смага" на губахъ... Дай воды!..

Богданъ поднесъ тутъ же стоявшую кружку, и больной, освѣжившись нѣсколькими глотками, продолжалъ говорить, впадая по временамъ, какъ бы въ забытье и прерывая рѣчь тяжелыми вздохами.

— Такъ вотъ, хоть и отъ звѣря кара, а по заслугамъ... Богъ ему оттого и попустилъ... Когда я умру, молись за мою грѣшную душу... Молись, брате! Вотъ отщепни... возьми... меня ужъ не слушаютъ и руки,—съ усиліемъ онъ дергалъ кожаный поясъ „чересъ“, туго стягивавшій его станъ,—помоги, отщепни .. Тамъ зашито двѣ тысячи дукатовъ, всѣ на нашу церковь!

— Да что ты, друже?—помогъ ему снять поясъ Богданъ.—Словно умираешь! Еще Богъ смилуется.

— Все равно, если Его ласка, такъ тѣмъ лучше... Я и всю жизнь на службу Милосердному отдалъ бы, а то пожалѣю грошей!.. Молитесь всѣ за мои грѣхи... за такіе... охъ!—началъ онъ судорожно рвать на себѣ рубаху.—Есть ли мнѣ прощеніе, или нѣтъ?—устремилъ онъ на Богдана пылающіе, налитые кровью глаза.—Нѣтъ, вѣдь, нѣтъ?—поднялся онъ вдругъ и сѣлъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и вцѣпившись Богдану руками въ плечи.—Я все тебѣ, какъ, на духу...

— Не нужно пока. Будетъ время,—успокоивалъ его Богданъ; вся эта сцена растрогала его до глубины души и словно сразу сорвала струпъ съ давней раны.—Успокойся, мой голубь.

— Ахъ, не уходи!—простоналъ больной и, обезсилѣвъ, почти повисъ на рукѣ Богдана; тотъ уложилъ его бережно на подушку. Закрывши глаза, блѣдный, словно присыпанный мукою, лежалъ неподвижно Грабина и тяжело со свистомъ дышалъ; только по судорожнымъ пожатіямъ руки, удерживавшей Богдана, видно было, что сознаніе еще не покидало его.—Ну, такъ вотъ что, по крайней мѣрѣ,—началъ онъ упавшимъ, едва слышнымъ голосомъ, послѣ долгой паузы,—другъ мой, заклинаю тебя: живъ-ли я буду, или умру,—все равно, исполни мою неизмѣнную волю,—и онъ взглянулъ пожелтѣвшими глазами на Богдана.

— Всякую твою волю, Богомъ клянусь, скорѣе кровью изойду, чѣмъ нарушу!—воскликнулъ Богданъ, сжимая въ своей рукѣ уже неподвижные пальцы Грабины.

— Разстегни воротъ и смотри тамъ, гдѣ „латка“ у пазухи,—продолжалъ Грабина, прерывая рѣчь болѣзненными, тяжелыми вздохами. Отпори ее и вынь бумаги: тамъ запрятаны и законные документы о правахъ моей несчастной, дорогой Марыльки, тамъ найдешь и свѣдѣнія, гдѣ я припряталъ и сберегъ еще много добра. Розыщи его; половину отдашь моей дочери, а половину на всякія послуги для моей новой родины. Я вѣдь изъ поляковъ... Грабовскій, и много ей... ой, какъ еще много, причинилъ бѣдъ: и грабилъ, и разорялъ, и истязалъ. Такъ и поверни, брате мой, друже, хоть часть изъ награбленнаго ей на корысть. Укоротилъ Господь мой

вѣкъ, не далъ мнѣ сподвижничествомъ загладить мои вины, такъ поверни ты, и за мою душу отслужи Украинѣ и Богу...

Растроганный Богданъ не могъ произнести ни единаго слова; онъ отвернулся и прижалъ къ груди голову больного. Потомъ отпоролъ осторожно зашитыя бумаги и, бережно завернувъ ихъ въ платокъ, спряталъ во внутреннемъ боковомъ карманѣ жупана.

— Вотъ еще,—началъ снова метаться и ломать руки Грабина,—отруби мнѣ ноги, онѣ больше не нужны, на чорта ихъ! Только страшная тяжесть, поднять не могу. Черезъ нихъ меня тянетъ къ землѣ и грудь давитъ. Что это?—открылъ онъ вдругъ широко глаза.—Небо такое желтое и зеленое, а на немъ блеститъ пятно?...

— Успокойся, это такъ кажется тебѣ. Засни!—закрывалъ Богданъ ему парусомъ свѣтъ солнца отъ глазъ.

— Нѣтъ! Не уходи еще!—ухватился больной съ отчаянною тревогой за какой-то лантухъ, видимо, теряя сознаніе.— Вотъ что: у меня мутится въ головѣ, въ глазахъ. Ужъ не умираю-ли я... Такъ помни, я забылъ... Найди... розыщи мою зарницу... мою страдалицу... Пойди, спаси, пригрѣй ее, приласкай... защити! Будь ей всѣмъ, вмѣсто меня... Тебѣ ее ввѣряю!

Больной опрокинулся и захрипѣлъ, потерявши совсѣмъ сознаніе.

Съ ужасомъ вскочилъ Богданъ, взглянулъ на это мертвенно-блѣдное лицо, лежавшее на „кереѣ“ безвладно, съ откинутымъ въ сторону длиннымъ пасмомъ „чуприны“, и припалъ ухомъ къ его груди: сердце еще билось, хотя слабо, но учащенно; дыханье въ легкихъ становилось покойнѣе. Призванный дѣдъ рѣшилъ тоже, осмотрѣвши больного, что онъ пока еще только глубоко заснулъ, и что, Господь вѣдаетъ, можетъ, еще перемогутъ силы хворобу, вотъ только ноги портятъ все дѣло, а про то кто знаетъ, всяко бываетъ.

Надъ спящимъ мертвымъ сномъ козакомъ устроили еще большую тѣнь и посадили очередную „сторожу“.

Прошелъ день. Никто не заглянулъ въ это укромное озеро и не всполошилъ козаковъ. Только стада куликовъ, налетая со свистомъ на плесо, взмывали, наткнувшись на запорожцевъ испуганно вверхъ и съ крикомъ исчезали за ближайшими камышами, да суетливыя болотныя курочки выбѣгали иногда по „лататтямъ“ изъ лозъ и моментально прятались, завидѣвъ непрошенныхъ чуждыхъ гостей. Солнце теперь спускалось за лозы кровавымъ шаромъ и зажигало багрянцемъ полъ неба.

— На вѣтеръ, на „погоду“...—качалъ головою дѣдъ.

— Да и на здоровый,—почесалъ затылокъ Богданъ.

— Можетъ бы перестоять?—вставилъ нерѣшительно атаманъ другой чайки, Сулима, который пришелъ навѣстить „наказного“ и освѣдомиться о здоровьи Грабины.

— Нѣтъ, не годится, товарищъ,—надвинулъ Богданъ шапку на брови,—тутъ самое опасное положеніе наше: провѣдаютъ и застукаютъ, какъ мышей въ „пасткѣ“. Тутъ вѣдь татарва кишмя-кишитъ и рыбаки ихніе вотъ по такимъ затонамъ шныряютъ. А если намъ вниманіе обращать на погоду, такъ лучше и въ море не „рыпаться“, а сидѣть съ бабой за печкой. Нужно вѣдь перемахнуть черезъ все Черное, да встряхнуть тогобочные берега, а то и самому Цареграду нагнать холоду. Такъ и выходитъ, что намъ и въ бурю нужно ѣхать!

— Конечно,—поддержалъ и дѣдъ,—нужно пользоваться минутой, проскользнуть въ море, а тамъ уже „байдуже!“ А вотъ, если сорвется съ ночи „погода“, такъ намъ на руку... никакой „каюкъ“ не попадется на встрѣчу; вотъ и теперь ихъ, знать, не видно кругомъ, иначе бъ сторожевыя чайки намъ дали знать.

— Совсѣмъ-таки такъ!—кивнулъ головою Богданъ и закурилъ „люльку“.

— А какъ Ивану?—спросилъ у дѣда Сулима.

— Да почитай цѣлый день спитъ, а тамъ кто его знаетъ,—либо выздоровѣетъ, либо дуба дастъ.

Богданъ отошелъ къ кормѣ, и, сѣвши на сложенную кольцомъ веревку, устремилъ глаза въ кровавое зарево, разгоравшееся за уходившимъ на западъ солнцемъ: „Что то оно на завтра вѣщуетъ, гдѣ встрѣтитъ насъ, при какихъ обстоятельствахъ?“—думалось ему. Смертельный недугъ товарища, его завѣщаніе, его признаніе,—все это потрясло душу Богдана.

Кромѣ того, его уже давно начало тревожить долгое отсутствіе Морозенка... Ужъ навѣрное что нибудь да случилось, повторялъ Богданъ, досадливо подергивая усъ; хлопецъ еще молодой, неопытный... и надо было мнѣ послать его, да еще на такое опасное дѣло! Пропадетъ бѣдняга! И все черезъ меня! Да, еще пожалуй, и татаръ всполошитъ... И Богданъ снова принимался упрекать себя, всматриваясь со всѣмъ усиліемъ въ темнѣющую даль.

— А что?—крикнулъ онъ наконецъ громко,—встряхнувъ головою, словно желая отогнать отъ себя докучливыя думы.—Олексы еще нѣтъ?

— Нѣтъ, не видно, пане-атамане,—отозвался красивый и рослый козакъ,—вонъ и Разсоха вернулся съ самаго Лимана, такъ говоритъ, что нигдѣ не видно.

— Какъ не видно? Уже пора бы...—встревожился окончательно Богданъ и направился къ „чардаку“, гдѣ уже собралась кучка козаковъ съ дѣдомъ и разспрашивала обо всемъ Разсоху.

— Морозенка то нѣтъ, сынку,—отозвался къ Богдану взволнованный дѣдъ,—ужъ не случилось-ли какого либо несчастья съ хлопцемъ?

— Не дай Богъ,—отвѣтилъ встревоженно Богданъ,—пловецъ онъ отличный, владѣетъ и саблею чудесно, по-татарски говоритъ.

— Мало ли что? Всяко бываетъ,—покачалъ головою дѣдъ,—заблудиться-то онъ не могъ—ровная скатерть, а и вернуться давно бы пора, да вотъ нѣту! Какое-либо лихо навѣрно.

— Будемъ ждать здѣсь, надо будетъ послать развѣдчиковъ на челнахъ,—вздохнулъ тяжело Богданъ.

— Нѣтъ, пане-атамане, негоже намъ стоять, самъ знаешь,—возразилъ почтительно дѣдъ,—и мѣсто здѣсь опасное, да и толку мало: коли хлопецъ только замѣшкался и опоздалъ, такъ мы его по дорогѣ встрѣтимъ, а коли онъ попалъ въ бѣду, такъ ужъ мы, стоя здѣсь, не поможемъ: его, значитъ, либо убили, либо забрали въ полонъ. Не брать же намъ „гвалтомъ“ Очакова, коли задумали другое дѣло!

Влѣ кивнули одобрительно головами. Настала минута молчанія.

— Охъ, правда, диду!—вздохнулъ, наконецъ, Богданъ.—Все правда, да жалко хлопца, какъ сына роднаго!

— Что-жъ дѣлать, пане-атамане? Всѣ мы подъ Богомъ, у всѣхъ насъ одна доля: сегодня съ „товариствомъ“ пьешь и гуляешь, а завтра—на судъ передъ Богомъ. Всѣхъ насъ одна мать родила,—всѣмъ намъ и умирать, а что Морозенка жаль, такъ это вѣрно; всѣ его любятъ, и хлопецъ „моторный“, и завзятый юнакъ. Да еще, впрочемъ, и тужить по немъ не слѣдъ: можетъ онъ и здоровый, и веселый. А вотъ что, „рушать“ намъ пора, такъ пора,—самое время. „Развѣдачъ“ сообщилъ, что на Лиманѣ сколько ока—пусто, а свѣжій вѣтеръ загонитъ и всякій запоздалый „каюкъ“ въ спрятанку.

Богданъ взглянулъ на небо. Закатъ уже отливалъ только золотомъ, переходящимъ въ лиловые тона, а противоположная часть неба темнѣла глубокой лазурью. Въ вышинѣ небеснаго купола начали робко сверкать первыя звѣзды.

— Да, уже „часъ“,—рѣшительно сказалъ Богданъ,—только вотъ что,—обратился онъ къ своей и сосѣдней чайкѣ,—кто изъ васъ, панове лыцарство, удаль имѣетъ, сослужить мнѣ дорогую услугу?

На это воззваніе отозвалось смѣло нѣсколько завзятыхъ голосовъ.

— Такъ вотъ что, панове-лыцари,—поклонился имъ, снявъ шапку, Богданъ,—коли мы не встрѣтимъ Морозенка по пути, то возьмете вы тотъ небольшой „дубъ“ и останьтесь провѣдать про хлопца: найдете—спасете, не найдете—отправитесь къ Пивтора-Кожуху въ Буджакъ,—все равно вѣдь вамъ, гдѣ славы добывать?

— Все единственно!—откликнулись дружно охочіе.

— Такъ спасибо-же вамъ, братцы! А теперь,—надѣлъ онъ шапку и крикнулъ зычнымъ голосомъ на все озеро,—рулевые и гребцы по мѣстамъ! Двигаться за мною! Чтобы тихо, а ни чи-чыркъ!

Поднялось движеніе и быстролетная суета; послышались шорохъ и шумъ поднимаемыхъ якорей. Черезъ двѣ-три минуты все смолкло и занѣмѣло.

Богданъ стоялъ у руля; снявъ шапку, онъ перекрестился широкимъ крестомъ и крикнулъ:—Съ Богомъ!

Поднялись весла; тронулась атаманская „чайка“ въ прогалину; за нею потянулись другія; вода въ узкихъ каналахъ казалась почти черной, и длинныя, черныя тѣни скользили тихо по ней.

Когда козаки выбрались изъ лабиринта лимановскихъ плавней на открытый просторъ темныхъ водъ,—стояла уже ночь. Между задернутымъ облачною сѣтью небомъ и черною блестящею гладью висѣла тяжелая мгла. Сквозь нея изрѣдка, то тамъ, то сямъ, блестѣли тусклыя звѣзды, вѣтеръ крѣпчалъ и дулъ козакамъ слѣва, нагоняя лодки ближе къ Очакову. Рулевой атаманской чайки долженъ былъ съ усиліемъ держать курсъ, указываемый Богданомъ—ближе къ острову, и держать его безъ компаса; только изумительное знаніе водъ, да опытная рука, да какое-то чутье могли совершить это чудо въ темную ночь.

Чутко прислушивался Богданъ и напрягалъ во тьмѣ свое зрѣніе, надѣясь еще замѣтить гдѣ-нибудь въ волнахъ челнокъ Морозенка, но ничего не было слышно вокругъ; слышался только легкій гулъ вѣтра да всплески набѣгавшей на чайки и шуршавшей по камышнымъ крыльямъ волны; этотъ шумъ заглушалъ осторожные удары гибкихъ веселъ. Козацкія чайки неслись безъ парусовъ, не смотря на довольно сильный боковой вѣтеръ, быстро впередъ. Было уже около полуночи, и флотилія, по разсчету, должна была находитьсяна параллели острова Василькова; но его не было видно Богданъ приказалъ гребцамъ умѣрить бѣгъ и началъ осторожно лавировать, чтобы убѣдиться, не сбились-ли съ курса? Вдругъ невдалекѣ съ подвѣт-

ренной стороны послышался какой-то неясный, но отличный отъ вѣтрянаго гула шумъ; доносились издали какъ-будто бы звуки людскихъ голосовъ... Богданъ махнулъ шапкой; сердце у него забилось.—Быть можетъ, Олекса?—пронеслось въ его головѣ; весла замерли. Первая чайка, остановивши свой бѣгъ, начала подаваться отъ вѣтра направо; другія, нагнавъ атаманскую, также остановились и ждали распоряженій.

Не прошло и десяти минутъ, какъ неясные звуки стали ясною татарскою рѣчью, и изъ тьмы, саженяхъ въ десяти, не больше, вырѣзался силуэтъ небольшого татарскаго каюка на шесть гребокъ; выждавъ немного, не идутъ-ли другіе каюки сзади, Богданъ махнулъ рукою, и три переднія чайки понеслись вмѣстѣ съ атаманскою въ погоню за каюкомъ.

— Живьемъ ихъ бери! Языка нужно!—крикнулъ Богданъ; но татары, завидѣвъ козаковъ, съ крикомъ ужаса бултыхнулись прямо въ воду и исчезли въ волнахъ.

— Лови хоть одного!—крикнулъ Богданъ, посматривая кругомъ на черныя, съ бѣлесоватыми верхушками волны.

— Пошли вѣрно черти ко дну!—послышался съ другой чайки голосъ Сулимы,—не видно ни одного косоглазаго аспида... А ну, „товарыство“, разбѣгитесь вокругъ, не вынырнетъ ли гдѣ черномазый?

Ладьи козацкія зашныряли по всѣмъ направленіямъ, но все было напрасно—татаре исчезли безслѣдно.

Происшествіе это произвело на всѣхъ крайне непріятное впечатлѣніе. Теперь уже не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Олекса былъ пойманъ и что татаре разослали всюду своихъ развѣдчиковъ. Всѣ столпились молча вокругъ Богдана, а Богданъ стоялъ на кормѣ, устремивъ глаза въ непроглядную ночную тьму.

Въ душѣ его происходила короткая, но тяжелая борьба. Что дѣлать? Неужели же такъ и бросить на погибель хлопца? Какъ онъ привязанъ къ нему! Вѣдь это онъ „вызволилъ“ его изъ Кодака... да и хорошій хлопецъ... что говорить... все равно что сынъ родной... Но что-же дѣлать? Невозможно же, изъ-за него одного, подвергать всѣхъ риску и разрушать такое важное для родины дѣло, единственно могущее принести ей спасенье... Оставить всѣхъ? Броситься одному?—Никто не пуститъ, а если-бы и пустили, то безъ него все погибнетъ. Что же дѣлать? Эхъ, Господи! на все Твоя воля!—махнулъ рукою Богданъ и произнесъ громко:

— Ну, теперь, друзи, нужно торопиться, бо можетъ, какая шельма доплыветъ до острова и дастъ о насъ знать. Такъ гайда впередъ! На весла наляжь! Дружно! Съ Богомъ!

— Съ Богомъ!—повторили всѣ окружающіе, понявши тяжелую борьбу, происшедшую въ душѣ атамана: — и пусть Господь Милосердный помилуетъ насъ всѣхъ!—И чайки, скучившись, чтобы не отбиться въ темнотѣ, понеслись вмѣстѣ съ атаманской впередъ. На небѣ давно уже попрятались за тучами звѣзды, впереди на дальнемъ горизонтѣ сверкали зарницы; вѣтеръ крѣпчалъ и поворачивалъ отчасти въ тылъ козакамъ. „Чайки“ подняли паруса и понеслись вдвое быстрѣй. Еще до разсвѣта успѣли они долетѣть до косы. Здѣсь, за десятокъ саженей, атаманская чайка, сложивъ паруса, осторожно поплыла вдоль косы и вскорѣ при проблескѣ мутнаго утра замѣтила группу деревьевъ, а за ней поперечный протокъ, изслѣдованный Олексой. Вѣтеръ нагналъ въ протокъ еще больше воды, такъ что теперь всѣ чайки черезъ часъ, къ разсвѣту дня, безпрепятственно качались уже на темныхъ широкихъ валахъ Чернаго моря.

Поздравивъ товарищей со счастливымъ переходомъ, Богданъ велѣлъ снова поднять паруса, чтобы скорѣе уйти отъ опаснаго берега въ открытое море.

Больной почти до полуночи проспалъ въ безчувственномъ состояніи, а потомъ началъ снова стонать, и метаться и просить воды. Даже раза два приходилъ въ себя и сознательно спрашивалъ, гдѣ они теперь плывутъ? А потомъ снова погружался въ забытье или въ дрему. Утромъ, когда уже легкія чайки начали то взлетать на зыбкія водяныя горы, съ дробящимися въ пѣну верхушками, то стремительно падать въ черноземныя бездны, больной, качаясь во всѣ стороны, не могъ уже сомкнуть пожелтѣвшихъ глазъ, а, широко открывъ ихъ, съ ужасомъ озирался кругомъ и шепталъ только: „страшно!“ Иногда онъ хватался порывисто за грудь, конвульсивно ломалъ себѣ руки или вздрагивалъ, когда его обдавало брызгами налетѣвшей съ боку волны.

Между тѣмъ къ раннему козачьему обѣду разыгралась настоящая буря. Налетѣла туча и понеслась низко надъ моремъ; вѣтеръ завылъ и закружилъ дождевые вихри; застонали волны и со страшными гигантскими размахами начали подымать все выше и выше свои сѣдыя вершины. Буря стала и эти вершины срывать, а онѣ, загибаясь, каскадомъ летѣли въ пучины. Какъ скорлупа, взлетала чайка на бѣлыя горы и падала съ нихъ по стремнинамъ въ провалы. Давно уже были убраны паруса на казачьихъ ладьяхъ; рулевые напрягали всѣ усилія, чтобы лавировать съ ужасною волной; гребцы выбивались изъ силъ. Но держаться уже вмѣстѣ было невозможно чайкамъ, и онѣ разлетѣлись, разметались по разъяренному морю.

Богданъ теперь правилъ самъ рулемъ; могучая грудь его вздымалась высоко, глаза горѣли отвагой, лицо дышало благороднымъ огнемъ. Отъ времени до времени онъ подбадривалъ козаковъ и могучими ударами весла направлялъ дрожавшую чайку. Буря давно уже сорвала съ него шапку и трепала въ клочья жупанъ, а онъ стоялъ неподвижно и твердо, и, казалось, вызывалъ бурю помѣряться съ силой козачьей.

У ногъ Богдана сидѣлъ дѣдъ и мрачно поглядывалъ на море.

— Ишь, разсатанѣло какъ! —ворчалъ онъ. —Если часа черезъ два, три не перебѣсится, то всѣхъ пуститъ ко дну!

Но буря не только не думала утихать, а свирѣпѣла все больше и больше. Уже начало заливать чайку съ боковъ, и козаки не успѣвали отчерпывать воду.

Тогда дѣдъ поднялся, подошелъ къ мачтѣ и, ухватившись за нее, воззвалъ ко всѣмъ громкимъ голосомъ:

— Товарищи-братья, вѣрно есть среди насъ тяжкій грѣшникъ, и Богъ черезъ него караетъ насъ всѣхъ! Покаемся! Пусть виноватый искупитъ свой грѣхъ и спасетъ братьевъ!

Уже и до этого метался Грабина; горячка снова подняла угасавшія было въ немъ силы и воспалила бредомъ и отчаяньемъ мозгъ.

Услышавъ призывъ дѣда, обезумѣвшій больной поднялся съ горячечною силой однѣми руками на носъ чайки. Блѣдное землисто-мертвенное лицо, синія губы, широко раскрытыя очи и трепавшаяся по вѣтру чуприна произвели на всѣхъ ошеломляющее впечатлѣніе. Хриплымъ, но слышнымъ и въ бурю голосомъ заговорилъ, застоналъ этотъ вдругъ возставшій мертвецъ:

— Простите меня, братья, я грѣшникъ великій, проклятый Небомъ. Я грабилъ, терзалъ людей, губилъ семейства, позорилъ честныхъ дочерей, убилъ мужа сестры моей... Это кара за тотъ страшный грѣхъ. Простите, молитесь за мою грѣшную душу!

И прежде, чѣмъ кто либо очнулся, онъ, поднявшись на локтяхъ, перевалился за бортъ и исчезъ подъ обрушившеюся массой зыбкой стремнины.

— Спасайте! —крикнулъ было ошеломленный Богданъ; но черезъ мгновеніе чайка взлетѣла уже на другую бурлящую гору, и надъ ушедшимъ проваломъ высились новые пѣнистые гребни.

— Оставь, пане-атамане, —отозвался сумрачно дѣдъ, —не найдешь его: море не возвращаетъ своей добычи. Да и безъ того ему было уже не вставать: до вечера, до ночи можетъ быть еще дотянулъ бы, не дальше, а такъ, хоть укоротилъ себѣ муки.

— Да, укоротилъ,—произнесъ взволнованнымъ голосомъ Богданъ,—только онъ въ это время не о своихъ мукахъ заботился, а о своихъ братьяхъ-товарищахъ: для спасенія ихъ послалъ онъ такъ спѣшно къ Богу на судъ свою душу. Помолимся-жъ за нее, други!

— Прости ему, Боже!—поднялъ дѣдъ руки къ мрачному небу, и всѣ перекрестились, снявъ набожно шапки и промолвивъ тихо: „царство небесное, вѣчный покой!“

Эта короткая молитва находившихся въ пасти смерти людей, ихъ застывшія въ суровомъ мужествѣ лица, развѣваемыя бурей чуприны—представляли на этой мятущейся во всѣ стороны скорлупѣ и картину ничтожества человѣческихъ силъ, и подъемъ незыблемаго величія духа.

— Гей, батьку, пане-атамане,—крикнулъ черезъ нѣкоторое время молодой козакъ Разсоха—дай помощи! Заливаетъ „чайку“ вода!

— Черезъ весло, гребцы, внизъ!—крикнулъ Богданъ,—черпайте шапками, пригоршнями, чѣмъ попало! Только бодрѣе, хлопцы, бодрѣе! Буря уже поддается!

Половина гребцовъ бросилась въ трюмъ и рьяно принялась отливать прибывавшую воду; воодушевились энергіей и упавшіе было духомъ товарищи: слова атамана подбодрили всѣхъ. А ураганъ хотя и не утихалъ еще, но за то и не увеличивалъ своего бѣшенства; несущіяся тучи становились прозрачнѣе и свѣтлѣе; оторванныя ихъ крылья не касались уже разбившихся въ пѣну вершинъ; вѣтеръ только стоналъ, но среди глухого, грознаго шума не слышалось уже зловѣщаго визга и свиста.

— Крѣпитесь, дѣтки!—возгласилъ дѣдъ,—уже перебѣсилось море! Помирилось на покойникѣ! Дружнѣе только, дружнѣй!

Со всѣхъ сторонъ чайки стала торопливо выхлестываться вода, дробясь о спины и головы гребцовъ; впрочемъ, и безъ того ихъ хлестали срывавшіяся съ боковыхъ волнъ струи, и промокшіе до нитки, они не обращали даже вниманія, окачиваетъ-ли ихъ снизу или сверху водой.

Богданъ глянулъ кругомъ и замѣтилъ, что море какъ будто и потемнѣло, и прояснилось, сначала только вблизи чернѣли дрожащія бездны и высились темныя волны, а вдали дробящіеся брызгами и пѣной гребни застилали весь горизонтъ непроницаемою, бѣлесоватою мглой, словно вихрилась снѣжная вьюга; а теперь эта мгла дѣлалась какъ-бы прозрачнѣе, сквозь нее виднѣлись уже темные силуэты мечущихся другъ на друга валовъ. Но какъ Богданъ не напрягалъ своего зрѣнія, а не замѣчалъ на вершинахъ ихъ ни единой чайки.

— Что-то, диду, не вижу я,—обратился онъ тревожно къ Нетудыхатѣ,—ни одной нашей чайки.

— Черное море пораскидаетъ,—мотнулъ головою старикъ,—только потопить, врядъ-ли потопитъ: вотъ эти крылья не дадутъ опрокинуться лодкѣ... развѣ, разсатанѣвъ, пообрываетъ ихъ.

А камышины, прочно прикрѣпленныя къ бокамъ, спасали, видимо, отъ аваріи чайку; онѣ, не смотря на самыя отчаянныя взлетанія, и паденія, и скачки, держали постянно въ равновѣсіи лодку и не допускали ее ни накрениться опасно, ни опрокинуться.

— Э, да уже проходитъ, проходитъ,—указалъ дѣдъ на дальній горизонтъ, приставляя одну руку къ глазамъ,—вонъ синѣетъ на желтой бахромѣ, словно „волошка" въ житѣ, синее небо. Не журитесь, хлопцы,—крикнулъ онъ весело ко всѣмъ,—бурѣ конецъ! Помните мое слово, не пройдетъ и часу, какъ засинѣетъ небо и заблещетъ на немъ любое солнышко!

— Дай-то Боже!—отозвались гребцы, взмахивая энергичнѣй веслами.

— Хоть-бы обсушило, а то вѣдь съ насъ ажъ хлещетъ,—замѣтили другіе.

— За то чистые теперь, выкупались важно!—пошутилъ и атаманъ, налегая на руль.

— Правда!—откликнулись всѣ дружнымъ хохотомъ, и сумрачное выраженіе лицъ сразу исчезло, глаза оживились огнемъ, послышался сдержанный говоръ.

Дѣдъ былъ правъ: синія точки на краю горизонта вытягивались въ большія свѣтлыя пятна, наконецъ и надъ головами козачьими распахнулась темная, дымящаяся завѣса, а услужливый вѣтеръ сталъ рвать ее больше и больше, унося вдаль отрепья... А вотъ проглянуло и солнце, освѣтило взбаломученное грозными волнами море, и оно заблистало темными сапфирами, засверкало въ гребняхъ изумрудами.

— Какъ думаете, диду,—обратился Богданъ, вытирая рукавомъ сорочки выступившій на лбу крупными каплями потъ,—гдѣ мы теперь? Куда насъ, по вашему, занесло?

— Да, сдается, гнало насъ больше къ Крыму,—отвѣтилъ подумавши, дѣдъ,—вѣдь вѣтеръ сначала билъ намъ въ затылокъ, значитъ, гналъ насъ прямо на полдень, а потомъ повернулъ какъ-бы въ правую щеку... стало-быть съ „заходу" началъ дуть, ну, выходитъ и повернулъ на Крымъ.

— А какъ думаете, далеко онъ, этотъ Крымъ?

— Да кто его знаетъ?—почесалъ дѣдъ затылокъ,—теперь, почитай, перевалило уже за второй „полудень"... Если повернуть лѣвѣе, то скоро, думаю, и берегъ можно увидѣть.

— А гдѣ мы теперь?

Дѣдъ развелъ руками.

— До Кафы далеко или, нѣтъ?

— До Кафы?—изумился дѣдъ.—Что ты, Богъ съ тобою, сынку,—куда махнулъ! Да Кафа-жъ на другомъ берегу Крыма! Нужно обогнуть его по-за Херсонесъ, тогда только можно попасть въ Кафу... до нея ходу дня, два, три... если добре гнать... А тебѣ, сынку, на что Кафа?

— Да нельзя-же,—нерѣшительно началъ Богданъ,—двигаться черезъ море, не собравши всего „товарыства“, всѣхъ чаекъ, не оставлять-же здѣсь кого на погибель? А вѣдь и ихъ будетъ прибивать къ берегу... значитъ тамъ и собираться,—это разъ; а потомъ, чтобы даромъ не терять времени, навѣстить-бы Кафу, эту нашу невольничью тюрьму, вызволить нашихъ братьевъ, да и двинуться потомъ вмѣстѣ на басурманъ.

— Не выпадаетъ, пане-атамане,—покачалъ задумчиво головой Нетудыхата,—повѣрь мнѣ, сыну, на словѣ...

— Да, что вы, диду, говорите...—смутился Богданъ.—Я вѣдь такъ себѣ только думаю, а не то, что намѣренъ...

— Такъ, такъ, ты вѣдь, сынку, и самъ былъ другой думки,—прояснѣлъ дѣдъ,—только вотъ, по моему, коли поджидать „товарыство“, такъ на этой сторонѣ... Да чайки скоро и сбѣгутся... только перестанетъ „бурхать“, такъ и начнутъ вырынать изъ моря... А собравшись, нужно, „не гаючи часу“, летѣть къ берегамъ Анатоліи, чтобъ врасплохъ наскочить... А къ Кафѣ и не рука теперь, и опасно: куда, куда, а въ Кафу-то ужъ навѣрно дали знать, если хоть одна изъ тѣхъ бритыхъ собакъ осталась въ живыхъ.

— Такъ, вѣрно!—долженъ былъ согласиться Богданъ, хотя желаніе исполнить предсмертную просьбу друга и влекло его въ Кафу.

Между тѣмъ небо совершенно очистилось и свѣтилось уже чистой лазурью; только на восточномъ краю горизонта темнѣли еще клочья разорванной, исчезающей тучи, а западъ весь былъ залитъ лучами яркаго весенняго солнца; они уже хорошо грѣли въ этихъ широтахъ, что особенно пріятно почувствовали прозябшіе козаки.

— Эхъ, благодать!—отозвался восторженно Разсоха, скидывая свою сорочку.—Тѣло то такъ живѣе протряхнетъ.

— А что братцы,—замѣтилъ другой,—славную Разсоха придумалъ штуку,—скидывай всѣ сорочки съ плечъ!

— Это правильно, дѣтки,—улыбнулся и дѣдъ,—безъ мокраго скорѣе согрѣетесь, а сорочки выкрутите, да повѣсьте на реяхъ; на вѣтрѣ, да на солнцѣ живо высохнутъ!

Всѣ засуетились и черезъ двѣ-три минуты на лавкахъ и гребняхъ сидѣли уже обнаженные по поясъ запорожцы, блистая атлетическими формами своихъ бронзовыхъ тѣлъ. Богданъ позволилъ еще, въ подкрѣпленіе чрезвычайныхъ трудовъ, отпустить всѣмъ по „кухлыку“ „оковытой“, и отогрѣтые солнцемъ да водкой гребцы, полные радостнаго чувства и оживленной удали, принялись вновь за работу съ необычайной энергіей.

Вѣтеръ замѣтно стихалъ и хотя не унявшаяся волна еще грозно ходила по морю, но чайка уже взлетала граціозно, безъ скачковъ и метаній, на сверкающіе гребни и плавно спускалась въ сапфирныя глыби. Богданъ, вполнѣ убѣжденный, что опасность уже миновала, передалъ рулевому весло и отправился въ свою койку перемѣнить бѣлье и одежу.

Здѣсь, при видѣ опустѣвшаго ложа, на которомъ еще недавно лежалъ его бездольный товарищъ, Богдану ущемила сердце тоска: симпатичный образъ безвременно погибшаго друга стоялъ передъ нимъ живымъ и молилъ спасти, пріютить его дочь... и этотъ загубленный ангелъ, этотъ сорваный цвѣтокъ становился ему особенно дорогъ... Но развѣ онъ смѣетъ теперь, вопреки интересамъ страны, броситься разыскивать ее? Вѣдь вотъ оставилъ онъ въ рукахъ татарвы своего дорогого пріемнаго сына, быть можетъ, на вѣрную погибель. А что было дѣлать? Оставилъ-бы и родного, если-бы это случилось такъ. Нельзя жертвовать всѣми для одного, повторилъ Богданъ; но не смотря на всю очевидную справедливость его поступка,—сердце его ныло незаглушаемой болью. Одно только давало еще ему нѣкоторое утѣшенье, это мысль о томъ, что Олекса прекрасно говоритъ по татарски и лицемъ похожъ на татарчука. Быть можетъ, помилуютъ... въ плѣну оставятъ?.. Только врядъ-ли! Вѣрнѣе то, что его или повѣсили, или ужъ пустили на дно...

Богданъ рванулъ себя за чуприну, и чтобы избавиться отъ разъѣдающихъ сердце думъ, вышелъ опрометью на палубу.

— А что, не видать еще чаекъ?—спросилъ онъ попавшагося ему на встрѣчу Разсоху.

— Нѣтъ, батьку,—отвѣтилъ тотъ,—хотя въ одномъ мѣстѣ что-то какъ будто мелькаетъ.

Богданъ велѣлъ умѣрить бѣгъ чайки,—благо уже погода не мѣшала этому,—и выпалить изъ пушки. Вздрогнула чайка, грянулъ выстрѣлъ, и черезъ нѣсколько минутъ почудился среди шумящаго моря отзвукъ такого-же выстрѣла: или это была шутка игриваго эха, или другая чайка отвѣтила на атаманскій призывъ.

— Будемъ поджидать,—сказалъ Богданъ,—вотъ таки бѣжитъ одна наша чайка. Авось Милосердный Богъ повернетъ и

остальныя. А мы, братцы, подкрѣпимъ, тѣмъ часомъ, чѣмъ Богъ послалъ, свои силы; нужно подживиться, выголодались, почитай, добре!

— Да такъ-таки, батьку атамане,—откликнулись весело нѣкоторые,—что и весла-бъ погрызли!

— Ну, такъ тащи, Разсохо, изъ коморы харчи,—улыбнулся смутно Богданъ и отошелъ къ рулю на „чардакъ".

Чайка подвигалась впередъ плавными широкими скачками. Съ высоты „чардака" Богдану было уже ясно видно бѣгущую къ нимъ другую чайку, а вдали онъ замѣтилъ и третью. Богданъ приказалъ повторить выстрѣлы черезъ каждые полчаса, а самъ зорко слѣдилъ, чтобъ они не привлекли еще и какого вражьяго судна.

Пообѣдали или, вѣрнѣе, пополудневали запорожцы и закурили „люльки". Начались по кружкамъ тихіе разговоры; товарищи дѣлились впечатлѣніями, разсказывались случаи изъ давнихъ походовъ, но господствующей темой бесѣдъ была гибель Морозенка и самопожертвованіе Грабины; съ глубокою набожностью вспомнилъ каждый что-либо доброе о немъ и просилъ Бога зачесть ему то на томъ свѣтѣ, съ трогательнымъ чувствомъ выражалъ всякій скорбь о погибшемъ товарищѣ, но о послѣдней исповѣди его, о сознанныхъ всенародно грѣхахъ никто не проронилъ и слова, словно этимъ добровольнымъ забвеніемъ товарищество прощало ему все за его добрую душу, за щирое сердце. И общій приговоръ рѣшилъ, что такого добраго товарища наживешь не скоро.

Уже солнце спускалось къ закату, уже дальняя зыбь сверкала яхонтами и аметистами, а чаекъ собралось штукъ двадцать, не больше; составили военный совѣтъ и рѣшили пролавировать въ этихъ мѣстахъ цѣлую ночь, давая о себѣ знать время отъ времени выстрѣлами, а буде и къ утру не соберутся чайки, то, значитъ, ихъ занесло куда безъ вѣсти и онѣ взяли сами другой рейсъ, а то, можетъ быть, многія и погибли: буря вѣдь была необыкновенно жестока, могла порвать всю оснастку чаекъ и пустить ихъ ко дну; тогда утромъ и нужно будетъ обсудить, что предпринять? Очевидно, нападать такою ничтожною кучкой на азіатскіе берега было-бы безумно, а потому у Богдана въ душѣ и шевельнулась было вновь надежда относительно Кафы. Теперь же на ночь онъ направилъ свою атаманскую чайку не къ берегамъ Крыма, а въ открытое море.

Не успѣло еще солнце погрузиться въ море, какъ Богданъ замѣтилъ на концѣ горизонта не чайку, а настоящее морское судно, по всей вѣроятности, турецкую галеру. Богданъ, указалъ на нее рукой и приказалъ ударить во всѣ весла; чайки понеслись на перерѣзъ судну. Богданъ зналъ, что къ галерѣ съ подсолнечной стороны можно приблизиться чайками совсѣмъ незамѣтно на до-

вольно близкое разстояніе,—запорожскія ладьи сидѣли такъ низко въ водѣ, что ихъ можно было замѣтить только вблизи, а потому Богданъ и ускорялъ бѣгъ безъ всякаго риску, желая до полныхъ сумерокъ опередить непріятельское судно, разглядѣть его, сообразить силу защиты и приготовиться къ нападенію въ полной тьмѣ, въ самые „обляги“, т. е. во время перваго сна, около полуночи.

Парусное судно лавировало противъ вѣтра и туго подвигалось впередъ, а чайки на дружныхъ веслахъ неслись стрѣлою и вскорѣ, еще далеко до полныхъ сумерекъ, были впереди судна; теперь оно передъ ихъ глазами качалось безпечно на волнахъ въ разстояніи полуверсты, не больше; по типу это была хорошо вооруженная галера среднихъ размѣровъ; она направлялась, повидимому, отъ Крыма къ Босфору.

Созвавъ чайки вокругъ, Богданъ далъ слѣдующій приказъ: держаться полукругомъ впереди галеры въ одинаковомъ разстояніи мертво,—чтобы ни шороха, ни звука, ни одной искры, а не то что „люльки“. Осмотрѣть хорошо оружіе и порохъ: если отсырѣлъ и подмочился, набить пороховницы и мушкеты сухимъ, оправить кремни и пановки; приладить крючья и лѣстницы; на чайкахъ оставлять лишь рулевого и десять гребцовъ,—остальные всѣ въ бой. Нападеніе по первому крику пѣтуха; окруживъ галеру со всѣхъ сторонъ, дать залпъ изъ мушкетовъ и сразу цѣпляться баграми да крючьями и лѣзть на галеру; что-бы у каждаго были набитые „пистоли“, въ рукахъ сабли, въ зубахъ запасные ножи.

— Объ отвагѣ и упоминать нечего,—закончилъ Богданъ.— У каждаго изъ васъ ея въ волю, а для успѣха дѣла нужна только „осторога“ для нападенія и дружный натискъ. Галера—очевидно купеческое судно, а потому насъ ждетъ тамъ богатая и пышная добыча. Ну, съ Богомъ, мои друзи, хорошей удачи!—поклонился всѣмъ Богданъ.

— Спасибо, атамане! — тихо загудѣло съ чаекъ, — и онѣ разъѣхались широкою дугой подъ пологомъ упавшей уже на море ночи. Вскорѣ ничего не стало видно кругомъ, кромѣ загоравшихся на небѣ звѣздъ, да тусклыхъ огоньковъ на ворожьей галерѣ.

Тишина и темень; вѣтеръ къ ночи совершенно упалъ, только по временамъ слышатся тихіе вздохи еще не улегшагося моря; усталыя волны уже не мчатся въ погоню одна за другой, а лѣниво подымаются, растутъ и падаютъ тутъ же на мѣстѣ отяжелѣвшею зыбью; на темныхъ, вздымающихся массахъ, мелькаютъ и дрожатъ вблизи блѣдныя искорки отраженныхъ звѣздъ; все однообразно и мрачно, время ползетъ незамѣтно.

Стоитъ на своей чайкѣ Сулима, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ смотритъ по сторонамъ, не двигаются ли сосѣдскія чайки? Но сосѣднихъ чаекъ не видно по сторонамъ, а только фонари на галерѣ стали яснѣе и больше: или это отъ темноты, или галера надвигается... Это бы и на руку, меньше работы для гребцовъ, да „дидько" его знаетъ, когда нападать? У него, какъ на зло, пѣтухъ на чайкѣ во время бури пропалъ,—вотъ ты и угадай!

— И какъ таки,—обращается съ укоризной Сулима къ своему кашевару,—не доглядѣть было „пивня"?

— Да что же съ нимъ, пане-атамане, сдѣлаешь, коли взялъ, да и сдохъ?... Мы его привязали за ногу, а волна какъ начала хлестать его да головою о перекладину бить, ну, и вытянулся...

— Эхъ-ма, а теперь безъ „пивня" хоть плачь,—чесалъ затылокъ Сулима.—Ты прислушивайся, може, услышишь крикъ „пивня" съ сосѣдней какой-нибудь чайки.

— Да я прислушиваюсь.

— Стой, тихо!—схватилъ его за руку Сулима и занѣмѣлъ.

Въ тишинѣ между всплесками моря слышался не то отдаленный хриплый крикъ пѣтуха, не то носовой храпъ съ присвистомъ.

— Пивень?—спросилъ дрожавшій отъ волненія и подступившаго азарта Сулима.

— Сдается, онъ,—отвѣтилъ таинственно кашеваръ.—О, слышь атамане, какъ ловко выводитъ ку-ка-ре-ку!

Но Сулима уже не могъ ничего ни слышать, ни соображать, иначе онъ бы легко узналъ въ этомъ „пивнѣ" сладкій храпъ козака Запрыдуха; сердце его забилось дикой отвагой, глаза налились кровью, и онъ крикнулъ не своимъ голосомъ:

— За весла! На галеру, гайда!

— На сосѣдней чайкѣ крикъ его поднялъ такую же тревогу, и она понеслась за Сулимою, другія же чайки, ничего не подозрѣвая, ждали пѣтуховъ.

Стоя на носу своего байдака, Богданъ также услыхалъ какіе то возгласы и неясный шумъ веселъ; но, будучи глубоко увѣренъ, что никто не нарушитъ его приказа, подумалъ, что это просто почудилось ему; но торопливо мелькнувшій одинъ-другой огонекъ на палубѣ вражьей галеры заставили и его встрепенуться. Вдругъ на ней вспыхнули молніи и разразился грохотъ десятка орудій.

Само собою, что ядра прогудѣли въ темнотѣ безцѣльно надъ головами, но послѣдовавшій за ними залпъ изъ мушкетовъ у самой галеры показалъ, что атаку уже кто то началъ, а это заставило Богдана крикнуть зычно:

— За мною впередъ!

Сулима же очутившись съ другой чайкой у самаго борта и недоумѣвая, почему опоздали другіе, не рѣшился самъ, съ горстью удальцовъ лѣзть на абордажъ, а поджидалъ товарищей; а чтобы обмануть и устрашить проснувшагося врага, начали „крутить веремію", т. е. давать залпъ, убѣгать лодкой, появляться неожиданно съ другой стороны, осыпать палубу пулями, налетать съ третьей и т. д. Эти маневры онъ продѣлывалъ такъ искусно съ другимъ атаманомъ, что галера, увидавъ въ этихъ двухъ чайкахъ цѣлую флотилію, начала отступать. Когда же на помощь подоспѣли еще три чайки, то Сулима рискнулъ уже смѣло аттаковать съ носу судно. Поднялись багры, вцѣпились крючьями въ ребра галеры, взвились на борты воревочныя лѣстницы и полѣзли по нимъ, подъ прикрытіемъ непрерывнаго огня изъ мушкетовъ, отчаянные головорѣзы. Но непрошенныхъ гостей галера встрѣтила съ остервененіемъ: первые смѣльчаки полетѣли всѣ трупами въ море; Сулима раненый повисъ безвладно на рукахъ у своего товарища; разъяренные за своего куреннаго атамана козаки бросились съ отчаяннымъ мужествомъ на галеру, но встрѣтили на палубѣ жестокій отпоръ. Отчаянье и ужасъ придавали отвагу скучившемуся на носу непріятелю, превышавшему численностью горсть нападающихъ и господствующему своимъ положеніемъ.

Много уже полегло удальцовъ, много полетѣло козачьихъ душъ къ темному небу; наконецъ, между аттакующими кто-то крикнулъ „Огня! жарь ихъ!"—и запылавшіе факелы вонзились въ деревянные осмоленные бока галеры. Между тѣмъ къ кормѣ подлетѣла атаманская чайка, и Богданъ безъ выстрѣловъ уцѣпился желѣзными когтями за галеру; забросивъ веревочную лѣстницу, онъ первый взлѣзъ на палубу; за нимъ вслѣдъ вскочилъ Разсоха, а потомъ и другіе. Татары, смятенные поднявшимся чернымъ дымомъ, шарахнулись было назадъ и увидѣли въ тылу у себя на палубѣ черныхъ шайтановъ; съ развѣвающимися чупринами, съ кровавыми, широкон раскрытыми глазами, съ оскаленными зубами, съ саблями и бердышами въ рукахъ, съ дикимъ визгомъ и хохотомъ, напоминали они собою дѣйствительно выходцевъ изъ самаго пекла; они стремительно ринулись на ошеломленныхъ враговъ; послѣдніе, не зная, отъ кого защищаться, стѣснились посреди палубы и давили другъ друга отступая. Раздались стоны, проклятія, полилась кровь... Оставленные безъ защиты борты были атакованы всѣми силами чаекъ. И вскорѣ вся палуба наполнялась запорожцами; они налетели со всѣхъ сторонъ на враговъ и съ крикомъ—„бей невиру!", умерщвляли безпощадно татаръ и турокъ; послѣдніе и не защищались уже, а, побросавши оружіе, молили лишь о пощадѣ; но ожесточенные запорожцы, особенно сулимовцы, не внимали ничему и истребляли всѣхъ поголовно.

А въ черныхъ клубахъ подымавшагося дыма уже начали взлетать змѣйками блестящіе язычки; они обвивались вокругъ рей, скользили по парусамъ и сливались въ пряди яркаго пламени, которое не замедлило освѣтить адскую картину людскаго насилія и жестокости.

Освѣщенные кровавымъ отблескомъ разгорѣвшагося пожара, окровавленные, закоптѣлые въ пороховомъ дыму, словно адскіе тѣни, носились запорожцы по палубѣ, настигая и ища своихъ жертвъ, а жертвы метались безнадежно, бросаясь съ отчаянья въ море, но и тамъ настигала ихъ неумолимая смерть. Когда палуба была очищена отъ непріятеля, запорожцы бросились за добычей въ каюты и трюмъ. Богданъ нѣсколько разъ пытался остановить эту рѣзню, но за сатанинскимъ гвалтомъ не было слышно и его зычнаго голоса.

— Не всѣхъ бейте!—Оставьте языковъ!—кричалъ онъ, побагровѣвъ отъ натуги, но никто не слышалъ его приказа. Наконецъ, Богданъ поднялъ высоко булаву и рявкнулъ страшно:—Стой! Згода!

На этотъ разъ атаманскій крикъ былъ услышанъ, и всѣ остановились, окаменѣли.

— Довольно убійствъ,—возвысилъ еще голосъ атаманъ—обыскать галеру и доставить мнѣ живыхъ языковъ, а можетъ тутъ спрятаны гдѣ и невольники-братья? Торопитесь: огонь скоро выгонитъ насъ!

— Слухаемъ, батьку,—отозвались козаки и гурьбою бросились въ каюту и трюмъ.

Вскорѣ палуба у кормы начала наполняться сносимою козаками добычей; появились тюки съ дорогою „габою“, „одамашкомъ“ и другими матеріями, выкатились цѣлыя бочки дорогого вина, грудою легло оружіе, въ одну кучу свалили и золотые кубки, серебряную посуду и ларцы, наполненные червонцами. Все, подъ наблюденіемъ дѣда, переносилось отсюда на атаманскую и на другія сподручныя чайки, чтобы потомъ раздѣлить по товарищески добычу. Торопливѣе и торопливѣе бѣгали по всѣмъ закоулкамъ козаки, отыскивая новыя помѣщенія, но живаго товара не находили нигдѣ, только и вытащены были изъ подъ опрокинутой бочки два молодыхъ татарченка; но они не могли сообщить отъ страха, кто они и куда ихъ везли. Перебранка, топотъ и стукъ не умолкали кругомъ и покрывались лишь шумомъ гоготавшаго пламени, охватившаго всю переднюю часть галеры и взлетавшаго огненными крыльями съ пылавшихъ рей и парусовъ къ кровавому небу.

— Гей, хлопцы, живѣе,—кричалъ дѣдъ въ трюмѣ.—Того и гляди, до пороха доскочитъ огонь!

— Назадъ, на чайки! — крикнулъ повелительно Богданъ, стукнувъ раздражительно булавою.

Многіе со скрытою досадой начали вылѣзать на палубу и, ужаснувшись картины пожара, спѣшили на свои чайки.

Вдругъ гдѣ-то подъ палубой раздался женскій крикъ; онъ звонко пронзилъ возрастающій гулъ огня и впился Богдану въ самое сердце... Что-то, словно знакомое, родное почуялось ему въ звукѣ этого голоса.

— Кто тамъ? Остановитесь!—бросился онъ было на помощь, но въ это время на палубѣ появился запорожецъ, съ звѣрскимъ выраженіемъ лица; на рукахъ у него билась какая-то молодая красавица-турчанка.

— Вотъ такъ штучка!—рычалъ осатанѣлый козакъ.—Потѣшимся, братцы!

Яркое зарево бушующаго огня эффектно освѣщало поблѣднѣвшее отъ ужаса личико, полное чарующей юной красоты и наклоненное надъ нимъ, разъяренное обличье звѣря.

Богданъ взглянулъ и вскрикнулъ невольно: въ этомъ прелестномъ личикѣ онъ узналъ неземное видѣнье, явившееся ему когда-то во снѣ, въ занесенной снѣгомъ степи и оставившее неизгладимый слѣдъ въ его сердцѣ. Кромѣ сего и описаніе Грабиной своей дочери почему-то блеснуло передъ нимъ молніей въ эту минуту. Золотистые волосы дѣвушки спускались волнами съ рукъ козака до самой земли, синіе глаза глядѣли съ какимъ-то безумнымъ ужасомъ; все ея стройное, гибкое тѣло билось и извивалось на его рукахъ.

И жалость къ невинному существу, и восторгъ передъ необычайной красотой дѣвушки охватили сразу сердце Богдана. Спасти, во что бы то ни стало, рѣшилъ онъ въ одно мгновенье и бросился къ Разсохѣ.

— Ни съ мѣста!—крикнулъ онъ, грозно подымая булаву,— ты нарушилъ главнѣйшій запорожскій законъ,—за женщину и въ мирное время полагается въ Сѣчи смертная казнь, а кольми паче въ походѣ...

— Ну, нѣтъ, пане-атамане,—возразилъ дерзко петвердымъ голосомъ Разсоха,—только въ самой Сѣчи не вольно намъ возиться съ бабьемъ, а за межой... никто мнѣ не укащикъ!—и онъ нагнулся поднять дѣвушку.

— Только „порушься!“ — навелъ ему Богданъ въ голову пистолетъ.

— Что-жь это, „панове-товарыство?“ — отшатнулся Разсоха и повелъ вокругъ мутными глазами.—Не вольно козаку со своей добычей потѣшиться?—покачнулся онъ,—какой-нибудь... Богъ знаетъ кто...

и вяжетъ волю козачью. Да коли такъ, коли не мнѣ, такъ и никому! Въ огонь ее, эту турчанку-поганку!

Богданъ спустилъ курокъ. Порохъ на пановкѣ вспыхнулъ, но подмоченный зарядъ не выпалилъ. Бросивъ въ сторону пистолетъ, Богданъ схватился было за другой, а Разсоха обнажилъ саблю, но дѣдъ заслонилъ собою Богдана и крикнулъ громко;

— Вяжите, братцы, Разсоху; онъ пьянъ и поднялъ на батька-атамана руку!

Толпа бросилась, и, послѣ недолгаго сопротивленія, Разсоха былъ поваленъ и связанъ.

— Отнести его на Лопухову чайку—сказалъ уже, овладѣвъ собою, Богданъ, — такъ связаннымъ и доставить въ Сѣчь на раду.

— Не такое дѣло, пане-атамане, чтобы вражьяго сына до самой Сѣчи харчевать, не такое, братцы-товарищи, не такое! — отозвался дѣдъ.—Слыхано ли, братья, чтобы честный козакъ, не то въ походѣ, а въ самой битвѣ могъ нализаться такъ, какъ свинья, набраться смердючей горилки до того, что на батька-атамана осмѣлился руку поднять? Да было ли когда, панове-товарыство, такое „падло“ межь нами?! Да кто захочетъ быть вмѣстѣ съ такимъ Іудою?

— Никто! Никто!—заревѣли кругомъ козаки.—Погибель ему!

— Смерть! — поднялъ дѣдъ руку. — Онъ уже и на Сѣчи былъ наказанъ за бабъ и за пьянство; нѣтъ другого приговора, какъ смерть!

— Въ море его!—подхватили голоса въ заднихъ рядахъ, и, прежде чѣмъ Богданъ успѣлъ запротестовать, десятки рукъ подняли обезумѣвшаго Разсоху и выбросили въ море,—только брызги разлетѣлись кругомъ огненными каплями.

— Ахъ, братцы!—вскрикнулъ, поднявши руку Богданъ.

— Стоитъ-ли, сынку, о такомъ жалѣть?—отвѣтилъ за другихъ дѣдъ.—Наша сила только стоитъ и держится на нашемъ законѣ, а коли мы будемъ его подъ ноги топтать, то, значитъ, пропадать товариству святому. Собакѣ собачья и смерть!

— Правда, диду, правда!—загудѣли вокругъ козаки.

— Вотъ только въ придачу кинуть бы ему и эту туркеню!—предложилъ кто-то въ заднихъ рядахъ.

— Кинуть, кинуть!—загалдѣли другіе.

Богданъ поблѣднѣлъ какъ полотно, и ринулся къ несчастной дѣвушкѣ, что лежала безъ чувствъ на полу.

— Стойте, братцы!—поднялъ онъ булаву. — Пальцемъ не троньте! Разъ, если она жива,—намъ нуженъ языкъ; вѣдь вы

постарались всѣхъ „вылущить“ и теперь намъ неизвѣстно, отъ кого и куда уходить; а другое, развѣ вы не видите, что это и не туркеня и не татарка, а плѣнница, и, быть можетъ, даже нашей грецкой вѣры? быть можетъ даже дочка погибшаго, ради насъ товарища нашего Грабины.

— Справедливо, сынку,—замѣтилъ дѣдъ,—за что убивать невинное дитя?

Козаки почесали затылки и молча поспѣшили на свои чайки, такъ какъ бушевавшій огонь съ каждою минутой захватывалъ судно и не давалъ уже возможности оставаться на немъ.

Богданъ приказалъ козакамъ снять бережно панну и помѣстить ее въ своей каютѣ, а дѣда попросилъ, чтобъ онъ помогъ привести ее въ себя. и самъ уже послѣднимъ слѣзъ въ чайку.

— Гей! отчаливать отъ галеры подальше!—крикнулъ онъ, и освѣщенныя кровавымъ заревомъ чайки, словно сказочныя Жаръ-птицы, разсыпались вереницей по морю.

М. Старицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О. АЛИПІЙ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Село Выры.

Тамъ, гдѣ Стырь и Стоходъ свободно и безъ шума прокладываютъ себѣ широкую дорогу по полѣсскимъ топямъ, болотамъ и ежегодно весной заливаютъ своими обильными водами все почти образующееся между ними луговое пространство, гдѣ буйный сосновый боръ, при чуть-чуть замѣтномъ вѣткѣ, глухо шумитъ и застилаетъ передъ глазами свѣтъ Божій, гдѣ солнце свѣтитъ сквозь густые верхи могучихъ дубовъ и вѣковыхъ сосенъ,—на полянѣ въ безпорядкѣ раскинулось бѣдное, глухое село Выры. Природа собрала много условій, чтобы оторвать это село отъ людей, поставить его совершенно особнякомъ, создать изъ его обитателей какъ бы особый мірокъ съ своеобразною жизнью. Зимой большіе снѣжные заносы со всѣхъ сторонъ плотно окутываютъ Выры бѣлымъ покровомъ и въ рѣдкую зиму не заметаютъ слѣдовъ дороги; весною и осенью сообщенію мѣшаютъ разливы рѣкъ и болотъ, превращающіе значительное пространство кругомъ въ безконечную водную равнину, по которой только опытный полѣшукъ можетъ распознать настоящую дорогу по расположенію значныхъ хвой и извѣстныхъ ему стволовъ сосенъ.

Небольшая поляна, на которой раскинулось село, представляетъ, сравнительно съ окрестными болотами, нѣкоторую едва замѣтную возвышенность. Но это не служитъ, впрочемъ, защитой отъ разливовъ. Въ иную весну вода была такъ обильна, что захватывала и выровскія околицы. Тогда къ селу совершенно не было колесной дороги, и выровцамъ приходилось сообщаться съ окрестными селами на „човнахъ“. Какая тишина, какое царственное безмолвіе стояло кругомъ села въ это время! Ни крика, ни стука, ни стона... Вода скрывала видимую жизнь. Лишь рыба плескалась гдѣ либо, или сухая вѣтвь иногда ломалась и падала въ воду... Раздавался на минуту шумъ... Взлетала вспуганная на деревѣ ворона... пересаживалась на другое мѣсто... И чрезъ минуту опять все стихало въ лѣсу.

Село Выры представляло собою печальную картину. Нѣсколько десятковъ крестьянскихъ маленькихъ избъ неприхотливо были расположены въ одну прямую широкую улицу на лѣсной полянѣ. Низенькія, однооконныя, безъ трубъ, съ сильно закоптѣлыми краями, избы чернѣли издали своими соломенными крышами, поросшими сочнымъ мохомъ. Рѣдкая изба не вошла въ землю и не искривилась на бокъ. Полуразвалившіяся клуни и плотно примыкавшіе къ избамъ сѣновалы выходили неуклюже углами во всѣ стороны на задворки изъ группы скученныхъ построекъ. Грязь въ селѣ высыхала только жаркимъ лѣтомъ. Высокіе „журавли“ съ привѣшенными на концахъ грузами обозначали мѣста колодцевъ, которыхъ на улицѣ было нѣсколько. Выровецъ не скупился на колодцы. Это ему ничего не стоило вода-была такъ не глубоко. Садовъ почти не было въ селѣ. Полѣшуку и безъ того надоѣло дерево, торчавшее въ глазу, куда ни поглядишь. Лишь нѣсколько голыхъ сосенъ съ сухими сучьями высилось надъ этой нескладной кучей бѣдныхъ построекъ. Словно угрюмые сторожа, торчали онѣ надъ селомъ и своими вѣчно-зелеными верхами навѣвали думы про другіе края, гдѣ солнце веселѣе всходитъ, выкатывается изъ-за горизонта не въ туманѣ, и гдѣ человѣку можно привольно глядѣть на нѣсколько верстъ кругомъ себя... Но выровецъ былъ глухъ къ этимъ думамъ. Онъ не зналъ такихъ мѣстъ. Въ самомъ концѣ села, не-

множко въ сторонѣ отъ дороги, группа широко-разросшихся садовыхъ деревьевъ обозначала мѣсто „дзѣдинца“ или „плебаніи“. Сразу было видно, что это усадьба священника. Она была обнесена высокимъ частоколомъ, изъ-за котораго выглядывалъ крытый тесомъ домъ священника съ хозяйственными постройками. Передъ домомъ, у самаго крыльца, двѣ большія клумбы,—плоды досуга панидобродзійки и ея дѣтей,—предназначались для „квитокъ“. Весной тутъ сильно пахло жасминомъ и сиренью. Молодыци и ребятишки на селѣ, возвращаясь вечеромъ съ полевыхъ работъ, подолгу останавливались тутъ, у калитки, любовались цвѣтникомъ и просили у пани или у паненокъ „яку-небудь квитку“. Это было лучшее мѣсто въ селѣ.

Замѣчательнѣе всего была церковь въ Вырахъ. Старая стоитъ церковь въ Хилявкѣ, очень старыя церкви въ Полужьи и Накотахъ, но такой ветхой, какъ въ Вырахъ, кажется, нигдѣ въ окрестностяхъ не было. Богъ одинъ знаетъ, кто и когда её „ставывъ“. Пятьдесятъ лѣтъ служилъ въ ней старый батюшка, тутъ схоронили и его отца, который тоже не одинъ десятокъ лѣтъ былъ выровскимъ священникомъ, но и онъ не помнилъ, кѣмъ выстроена церковь въ Вырахъ. По внѣшнему своему виду она мало даже напоминала храмъ Божій. Если-бы не крестъ на крышѣ, то можно было-бы сказать, что это большая высокая изба, сложенная въ срубъ изъ огромныхъ балокъ, какія еще и до сихъ поръ даетъ припетское полѣсье. Темныя полусгнившія стѣны церкви, казалось, чуть-чуть держались. Мѣстами онѣ давали большія щели. Щели, по мѣрѣ своего появленія, тщательно забивались клиньями и разными тряпками. Въ небольшихъ окнахъ были вдѣланы тонкія желѣзныя рѣшетки, концы которыхъ, при самомъ маломъ вѣтрѣ, дребезжали. Обыкновенная четырехскатная крыша, соломенная и массивная, грузно осѣла на своихъ хилыхъ стропилахъ. Внутри крыши давнымъ давно поселились голуби и вывели не одно поколѣніе голубятъ... И не одни голуби, впрочемъ, находили тутъ пріютъ. На самомъ концѣ церковной крыши давно свили себѣ большое гнѣздо аисты. Солома на крышѣ превратилась отъ времени въ рыхлый гной, на которомъ лѣтомъ выросталъ, неизвѣстно откуда взявшись, колосъ ржи или стебель

мака. Крыша вѣнчалась тремя маленькими луковицами на трехъ небольшихъ колонкахъ. На луковицахъ утверждались кресты. Кресты были несоразмѣрно крупные и массивные. Словно этимъ выровцы хотѣли точно обозначить свою невзрачную церковь, чтобы кто-либо не принялъ ихъ храма Божьяго за какое нибудь другое строеніе. Отъ своей массивности и ветхости своихъ поставокъ всѣ кресты разошлись въ разныя стороны. Одинъ боковой крестъ съѣхалъ и ушелъ внизъ, въ прогнившую луковицу; другой,—хоть и стоялъ на своемъ мѣстѣ, но сильно наклонился назадъ; а средній—подался впередъ. Каждую минуту можно было опасаться, что вотъ-вотъ колонки рушатся съ своими крестами на крышу, крыша—на стѣны, а стѣны—на землю. Но опасенія не оправдывались,—ничто не падало. Окруженная старыми кленами и липами, нависшими надъ церковью и какъ бы охранявшими ея бренное существованіе, церковь хотя и скрипѣла въ бурю, хотя и раздавался во всѣхъ ея щеляхъ порою свистъ, хотя и наносило зимой въ неё чрезъ щели снѣгу, но всё-таки не падала.

— Э, ще колы буцько живе на крыши, то не мусыть вона впасты,—говорили крестьяне, глядя на гнѣздо аистовъ. Бо якобы тее... то буцько давно выбрався бы зъ кубла. Буцько завше чуе, колы що мае буты... чи крыша повалыцця, чи, бороны Боже, огня...

Аистъ дѣйствительно не выселялся, и крестьяне были вполнѣ увѣрены, что церковь простоитъ еще многіе годы.

Около церкви пріютилась у самыхъ входныхъ воротъ, на погостѣ такая-же ветхая, убогая и незатѣйливая по своему виду колокольня. Если бы не три небольшихъ колокола, что висѣли на перекладинѣ и выглядывали сквозь трехъугольныя оконца,—выровскую колокольню легко можно было-бы принять за птичникъ.

— Наша церква ще за унiята поставлена,—говорилъ не безъ гордости выровецъ,—ще тоди, якъ людей продавалы, мовъ те быдло...

II.

Полѣшукъ молится.

„...Думу тяжкую мою
Нимымъ спинамъ передаю".
Т. Г. Шевченко.

Каждое воскресенье и каждый праздникъ раннимъ утромъ, „якъ пивни зорю спивалы", староста Авдій, осторожно сида на балкѣ „въ дзвонныци", свѣсивъ ноги, на которыя намотана была веревка самаго большаго колокола, оглашалъ окрестность звономъ, „будывъ святу недилю"—„Помылуй мене, святый Боже, по велыкій милости твоей и по премножеству щедротъ твоихъ, очисти беззаконіе мое",—привычно шепталъ онъ слова знакомой молитвы, зѣвалъ и въ то же время обыскивалъ себя за пазухой. Одно другому не мѣшало. А нога въ это время привычно дергала поводъ, и звукъ колокола шелъ на цвинтарь, проходилъ чрезъ село и тонулъ въ сосѣднемъ болотѣ.

— Господы благословы, говорили мужики и бабы, заслышавъ звонъ, и набожно крестились.

Въ новыхъ холстинныхъ рубахахъ съ громадными отворотами у шеи и въ жупанахъ, покрытыхъ паутиной, соломой и Богъ знаетъ еще чѣмъ, шли выровцы въ церковь Богу молиться. Жупаны у всѣхъ были толстые и преимущественно бѣлаго цвѣта. Если у кого воротъ рубахи стягивался не деревяшкой, а запонкой изъ зеленаго или краснаго стекла величиною въ добрую троячку, то жупанъ у груди обыкновенно не застегивался. У самыхъ богатыхъ выровцевъ подъ жупаномъ была шабета съ кресаломъ и огнивомъ, украшенная осьмаками. Она же называлась иногда и калитой. У шабеты небрежно болтался на шнуркѣ съ боку ножикъ-козолупъ. Признакомъ достатка среди крестьянъ въ Вырахъ считалось также употребленіе ремешковъ,—вмѣсто обыкновенныхъ бичевокъ, симметрически обтягивавшихъ бѣлыя онучи крестьянина, выходившія изъ новыхъ его лаптей. Бабы надѣвали свои кунтуши, обвязывали головы намитками или серпанкой (тонкій и длинный кусокъ полотна), свѣшивавшейся сзади концами до таліи... Дивчата обвязывали головы платками и въ оде-

жѣ отличались отъ молодыць лишь коралами на шеѣ и пестротой цвѣтовъ...

Еще издали, не доходя церковной ограды, выровецъ снимаетъ шапку изъ сѣрыхъ барановъ и всей пятерней расчесываетъ свои волосы, въ которыхъ всегда можно увидѣть стебли соломы или сѣна. Замѣчательно, что не всѣ идутъ въ церковь. Многіе изъ стариковъ и старухъ остаются на цвинтарѣ и молятся внѣ церкви.

Тому, кто бывалъ въ центральномъ полѣсьи волынской губерніи, безъ сомнѣнія приходилось замѣчать рядъ богомольцевъ-крестьянъ, плотно обступившихъ собою всѣ наружныя стѣны и углы церкви въ то время, когда внутри ея совершается богослуженіе. Можно подумать, что въ церкви не хватаетъ мѣстъ... Но мѣстъ много. Въ церкви только и посѣтителей иногда, что бабы у порога и въ углахъ, дивчата среди церкви, да рѣдкія группы парней у клиросовъ. Странно, что полѣшукъ предпочитаетъ слушать службу Божію чрезъ наружныя стѣны. Этотъ обычай освященъ глубокимъ завѣтомъ старины. Выбравъ мѣсто поудобнѣе около церковной стѣны на погостѣ, меланхолично положитъ онъ вначалѣ крестъ на себѣ, засунетъ обѣ руки въ карманы своего жупана, опуститъ глаза и начнетъ шептать свои безконечныя молитвы, быстро шевеля губами и сохраняя неподвижное выраженіе лица. Словно пробудившись отъ глубокаго сна, иной начнетъ кивать въ тактъ головой, какъ бы для внутренняго одобренія или нагляднаго удостовѣренія своего молитвеннаго состоянія... Позывъ къ зѣвотѣ часто перерываетъ молитву полѣшука въ самомъ главномъ ея мѣстѣ; тогда онъ креститъ обѣими руками свой ротъ, вкладываетъ въ раздвинутыя челюсти свой мускулистый кулакъ, громко сплевываетъ, оправляется и снова принимаетъ прежнее молитвенное положеніе, продолжая молитву въ прерванномъ мѣстѣ. Крестное знаменіе полѣшукъ полагаетъ на себѣ очень рѣдко, только при кололольномъ звонѣ. Если раздается звонъ,—значитъ въ церкви совершается что-нибудь особенное... и въ это время всѣ, словно подчиняясь внутреннему наитію внезапно озарившаго молящихся невидимаго духа, закрестятся, замашутъ руками и оживленнѣе

зашепчутъ губами. Но Авдій отзвонилъ, звуки утихли—и стало все по прежнему тихо. Полѣшукъ терпѣливо ждетъ конца службы и готовъ стоять въ принятомъ положеніи хоть до вечера. Иной такъ и замретъ въ одной и той же позѣ, угрюмо склонивъ голову на грудь, какъ будто дремля и видя чудные сны. Другой вперитъ свой тусклый взоръ въ пространство и, кажется, думаетъ, но едва ли о грѣхахъ и прегрѣшеніяхъ, должно быть о чемъ нибудь совершенно постороннемъ, а уста перебираютъ въ это время усвоенныя слова родной молитвы. Третій ничего не шепчетъ, ничего не думаетъ; быть можетъ, онъ про себя молится, а быть можетъ смотритъ, какъ на сосѣдней липѣ сидитъ воронъ съ какой-то падалью во рту... Полѣшукъ нисколько не тяготится своимъ молитвеннымъ, безучастнымъ положеніемъ на погостѣ. Стояніе въ эти часы сдѣлалось для него завѣщаніемъ прошлаго, привычкою, необходимостью. На этомъ мѣстѣ, въ это время всегда стояли его батько, дѣдъ, а можетъ быть и прадѣдъ. Онъ уже молится тѣмъ, что стоитъ. Самое стояніе есть нѣчто богоугодное. Это въ своемъ родѣ молитва. Одинъ—шепчетъ, другой—зѣваетъ, третій—слушаетъ, четвертый—стоитъ... но всѣ молятся. И одинъ лишь правосудный Богъ знаетъ настоящее содержаніе и качество этихъ удивительныхъ молитвъ.

Сколько разъ, глядя на эти истомленныя, мускулистыя лица, собравшіяся въ урочный часъ на молитву, я пытался разгадать дѣйствительный смыслъ ихъ настроенія! Сколько разъ мнѣ хотѣлось уловить присутствіе живой мысли и одушевленнаго чувства на этихъ равнодушно-омертвѣлыхъ, забитыхъ физіономіяхъ, на которыхъ въ теченіе часа не дрогнетъ ни одинъ мускулъ! И напрасно. Хоть бы одно какое-нибудь внутреннее волненіе, хоть бы какой признакъ чувства! Никакой психологъ не можетъ, кажется, разгадать сущность этого безжизненно-окаменѣлаго состоянія, въ которое входитъ полѣшукъ, соединяясь молитвенною мыслью съ своимъ Творцомъ.

III.

Новый батюшка.

Дружно жили выровцы съ своимъ старенькимъ батюшкою. И не удивительно. Болѣе сорока лѣтъ безсмѣнно прожилъ въ Вырахъ о. Павелъ. Было когда сжиться. Батюшка зналъ всѣхъ своихъ прихожанъ поименно и во всякое время могъ безошибочно даже перечислить, сколько у каждаго изъ его прихожанъ имѣлось и имѣется свиней, куръ, ягнятъ, телятъ и пр. Но время брало свое. Сталъ недомогать старый. Вернувшись однажды изъ церкви, послѣ литургіи о. Павелъ почувствовалъ себя дурно... Нашла на него дремота... заболѣло въ груди... и глаза стали потухать... Едва успѣли съѣздить въ сосѣднее сего за священникомъ отсоборовать... Смерть старенькаго отца вызвала въ выровцахъ искреннее, хотя и невысказанное горе.

— Поклыкавъ Богъ старенького... Дай Боже ему... за все, що винъ...

И крестьяне не договаривали; но мысль ихъ была ясна. Похоронили о. Павла на цвинтари, черный крестъ на его могилѣ обвѣсили,—какъ выраженіе любви,—рубахами, фартухами, коралами, цвѣтами, и скоро сотскій, вернувшійся „зъ миста“, привезъ „чутку, що йиде новый панъ-отець“.

Дѣйствительно, въ Выры назначили новаго священника о. Алипія Маевича. Это былъ еще человѣкъ очень молодой, недавно кончившій семинарію. Ему было всего лишь 27 лѣтъ. Но не смотря на свою молодость, о. Алипій давно уже жаждалъ пастырской дѣятельности. Онъ всегда имѣлъ призваніе къ священству. Его отецъ былъ священникомъ, дѣдъ и прадѣдъ тоже служили алтарю. Священство было его фамильнымъ преданіемъ.

О. Алипій Маевичъ росъ и воспитывался въ той спеціальной обстановкѣ, которая незамѣтно, но систематически послѣдовательно предрасполагаетъ человѣка къ извѣстнымъ мыслямъ и убѣжденіямъ. Еще будучи ребенкомъ, шестилѣтнимъ мальчикомъ, онъ строилъ въ „запичку“ изъ лучины церкви, колокольни.

Съ затаеннымъ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣлъ, бывало, Липуша, какъ по субботамъ его отецъ стоялъ на колѣнахъ предъ домашнимъ кіотомъ и билъ поклоны до глубокой ночи, приготовляясь къ очередной службѣ. Эти воспоминанія глубоко запали ему въ душу и всю жизнь неотразимо стояли въ его памяти, предъуказывая ему его прямое назначеніе въ жизни. А когда однажды, прибѣжавъ изъ церкви, маленькій Алипій сталъ бѣгать по всѣмъ комнатамъ, размахивая рукой и крича ежеминутно во все горло—„подай, подай, подай“, никто не могъ объяснить, что это значитъ... Но отецъ внимательно посмотрѣлъ на сына, погладилъ его по головкѣ, сказалъ „молодецъ“ и сообщилъ выводы своихъ семейныхъ наблюденій женѣ въ такой формѣ: „а изъ нашего Липуши, якъ я бачу, повыненъ выйты колысь добрый пипъ“...

И отецъ не ошибся. Липуша имѣлъ сильную привязанность къ храму Божію. Семи лѣтъ онъ подавалъ уже своему отцу постоянно кадило въ алтарѣ, а девяти лѣтъ бойко читалъ на клиросѣ часы и „Благословлю Господа на всякое время“... Для этого его ставили обыкновенно у клироса на стульчикъ, и маленькій Липушка выходилъ цѣлой головой выше всѣхъ въ церкви. „Ось подывысь но ты, яке мале, а яке розумне“, говорили въ одинъ голосъ крестьяне прихода, въ которомъ служилъ отецъ Алипія, указывая на курчавую головку поповскаго сынка, громко на всю церковь отхватывавшаго въ это время своимъ звонкимъ голоскомъ—„отъ стрѣлы, летящія во дни, отъ вещи во тьмѣ приходящія, отъ сряща и бѣса полуденнаго“...—Ось-же-жъ и тяе „якъ на барабани“, не могли скрыть своего впечатлѣнія крестьяне.

Еще прошло нѣсколько лѣтъ и настало время, когда отецъ, благоговѣйно отслуживъ молебенъ на преуспѣяніе „ученія пророкомъ“, отвезъ своего сына въ дерманское духовное училище. Въ училищѣ Липуша учился посредственно. Его съ трудомъ переводили изъ класса въ классъ, и то только потому, что отецъ Алипія, отвозя въ урочное время „виктъ“ на содержаніе своего сына, не забывалъ въ тоже время прихватить лишній мѣшокъ кой чего и на долю инспектора...

Не смотря даже на это, Алипій Маевичъ долженъ былъ въ третьемъ классѣ всё таки остаться на повторительный курсъ. Вообще, первоначальная наука туго давалась Алипію Маевичу. Но за то мальчикъ былъ очень скромнаго поведенія, никогда не замѣчался начальствомъ ни въ какихъ проказахъ, неопустительно снималъ фуражку предъ учителями и даже предъ училишнымъ экономомъ, посѣщалъ исправно службу церковную и звонко читалъ на клиросѣ. Въ семинарію онъ перешелъ предпослѣднимъ... „Ничого, винъ выправыцця“, говорилъ про своего сына отецъ, не падая духомъ отъ первыхъ далеко не блестящихъ успѣховъ Липуши и вспоминая первые годы своего школьнаго ученія.

И дѣйствительно, Липуша оправдалъ ожиданія своего отца. Въ первыхъ трехъ классахъ семинаріи, гдѣ была математика, которая никакъ не давалась Липушѣ, онъ шелъ посредственно, но затѣмъ когда перешелъ въ IV классъ и сбылъ математику,— дѣйствительно сталъ „выправляться“... Наклонность къ метафизикѣ ясно сказалась въ усвоеніи имъ всѣхъ богословскихъ и философскихъ тонкостей. Не было такого вопроса въ семинарскомъ курсѣ по философіи и богословію, на который не нашелся бы отвѣтить Алипій Маевичъ. Бывало не успѣетъ еще учитель окончить фразу: „въ какомъ разумѣ сіе изъяснить должно?“, а у Маевича уже готовъ отвѣтъ. Всѣ философы—и древніе, и новые— находили въ православно-богословскихъ познаніяхъ Маевича быстрое и рѣшительное опроверженіе. Но особенно преуспѣвалъ Маевичъ въ гомилетикѣ,—въ схоластическомъ искусствѣ произносить классныя поученія. Въ классѣ не было болѣе выразительнаго декламатора и проповѣдника... „Выровнялся малый... а былъ—такъ себѣ“, говорили учителя старшихъ классовъ про Маевича и ставили ему высшіе баллы. На торжественномъ выпускномъ актѣ подъ нумеромъ десятымъ въ первомъ разрядѣ прочитали—Алипія Маевича. Труды Алипія Маевича не пропали даромъ. Кончить семинарію въ первомъ десяткѣ всегда представлялось ему такимъ обаятельнымъ вознагражденіемъ за свои ученическіе труды.

Алипій Маевичъ еще въ семинаріи мечталъ о священствѣ. Гуляя по тѣнистой аллеѣ семинарскаго кременецкаго парка, онъ не безъ внутренняго волненія воображалъ, какъ въ близкомъ будущемъ на Пасху онъ будетъ читать поученіе Іоанна Златоуста, и то и дѣло распѣвалъ возвышенный пасхальный канонъ. Мечталъ онъ, конечно, и о благоустройствѣ прихода. Да и то сказать: кто въ его годы не мечталъ о какомъ нибудь благоустройствѣ? Въ головѣ Маевича носились разные планы еще тогда, когда онъ не зналъ, куда, по выходѣ изъ семинаріи, направятъ его обстоятельства. Онъ не зналъ, что за приходъ достанется ему и кто составитъ его будущее духовное стадо... но онъ зналъ, что многое нужно будетъ въ приходѣ измѣнить и направить по новому... Это былъ реформаторъ, одинъ изъ тѣхъ многихъ, у которыхъ всегда въ запасѣ больше плановъ и мечтаній, чѣмъ силы воли и умѣнья провести хоть одинъ планъ въ дѣйствительность, у которыхъ охоты дѣйствовать много, но за то не хватаетъ умѣнья... Надъ Алипіемъ Маевичемъ тяготѣла, безспорно, общая особенность людей, выпускаемыхъ изъ бурсы...

Обстоятельства благопріятствовали исполненію плановъ Маевича. Еще когда онъ былъ въ VI классѣ, благодѣтельныя тетушки и родственницы подъискали ему невѣсту въ лицѣ довольно энергичной, хотя и нѣсколько пожилой особы Аниссы Элпидифоровны. Къ этому же времени открылась свободная священническая вакансія въ с. Вырахъ. Послѣ свадьбы ахріерей безпрепятственно рукоположилъ его въ Выры священникомъ. Такъ какъ это былъ очень бѣдный и очень раскинутый приходъ (къ нему приписано было въ разныхъ мѣстахъ пять деревень), то архіерей, отпуская Маевича въ с. Выры, обѣщалъ впослѣдствіи, при первомъ удобномъ случаѣ, перевести его въ лучшій приходъ; на что о. Алипій находчиво однако отвѣтилъ, что „его долгъ идти туда, куда указуетъ ему Провидѣніе, что онъ, напротивъ, хочетъ служить, гдѣ путь тернистъ“... Архіерей внимательно посмотрѣлъ на молодаго ставленника, ничего не сказалъ... и, благословивъ, отпустилъ его...

Новаго батюшку привезъ въ Выры благочинный, старенькій о. Якимъ Гловацкій. Крестьяне увидѣли за однимъ разомъ

двѣ новинки: своего новаго батюшку и „панъ-отця“ благочиннаго, который никогда не бывалъ въ Вырахъ.

Крестьяне, вообще, не помнили, чтобы за послѣдніе годы кто либо изъ начальства пріѣзжалъ въ ихъ село. Только старики могли припомнить, какъ приблизительно лѣтъ двадцать пять тому назадъ, однажды лѣтомъ пріѣхалъ въ ихъ село становой приставъ и распорядился поставить на концѣ деревни столбъ, на которомъ приказано было повѣсить доску съ надписями. На доскѣ предполагалось написать названіе села, количество душъ и направленіе пролегающей дороги. По выѣздѣ изъ села станового, крестьяне пришли въ смущеніе.

— Нащо стовбъ? Для чого? Душу личыты? Га?... Якъ-то?... Хиба-жъ то можна?

— Звисне, що не можна. Зъ чоловикомъ що хочъ робы, а души ёго не чепай... бо душа—Божая. Не хочемо стовба, тай годи!...

Таково было единодушное мнѣніе. Такъ и не поставили столба. На слѣдующее лѣто опять пріѣхалъ становой и на этотъ разъ привезъ свой дубовый столбъ, который въ его присутствіи былъ поставленъ у коловоротка на Вакулиномъ огородѣ. Но лишь только становой выѣхалъ изъ села, крестьяне опять загуторили и больше всѣхъ, конечно, протестовалъ Вакула. Онъ ни за что не хотѣлъ имѣть у себя на огородѣ такую пакость. Столбъ былъ отнесенъ въ болото. Тамъ онъ и сгнилъ...

Выровцы такъ привыкли къ своему старенькому батюшкѣ, что въ ихъ представленіи всякій новый священникъ, назначенный въ ихъ село, непремѣнно долженъ быть пожилымъ. Поэтому крестьяне были нѣсколько удивлены, когда увидѣли, что пріѣхавшій батюшка совершенно не походилъ своей наружностью на стараго. О. Алипій былъ высокъ, худъ. Волосы на головѣ не успѣли еще у него отрости до іерейскихъ размѣровъ, бороды почти не было... Ходилъ онъ безъ палки и быстро. Онъ былъ близорукъ и носилъ очки.

Еще большее недоумѣніе наводилъ на прихожанъ о. Алипій своей первой церковной службой. Онъ началъ утреню и ли-

тургію позже, чѣмъ это издавна было принято въ Вырахъ, и когда окончилъ её, солнце стояло уже высоко надъ лѣсами.

— При старенькому давно-бъ вже пойилы й забулы-бъ... говорили съ разочарованіемъ крестьяне.

— Бо покійныкъ бувало зъ пивнями вставалы,—пытался объяснить кто либо изъ прихожанъ медлительность новаго батюшки,—а молодому звистно и на зори сныцця добре...

Въ такомъ родѣ шли разговоры крестьянъ, дожидавшихся окончанія литургіи. Даже арендаторъ Ароль нѣсколько разъ выходилъ на порогъ своей корчмы и тоже недоумѣвалъ,—скоро ли кончится служба? Въ прежнее время къ этому часу выборцы уже были въ корчмѣ, успѣли переговорить обо всемъ и смотрѣли на пустыя бутылки. Первую литургію о. Алипій дѣйствительно служилъ, какъ это и слѣдовало ожидать, необыкновенно торжественно, съ увлеченіемъ и силой. Онъ самъ любовался своимъ служеніемъ—произношеніемъ молитвъ, своими дѣйствіями и эффектною поступью. Такъ, должно быть, чиновникъ-новичекъ, только что поступившій въ канцелярію, на первыхъ порахъ своей службы тщательно выводитъ буквы въ заголовкѣ листа для его превосходительства, любуясь начертаніемъ буквъ. Это ему вначалѣ нравится. Потомъ онъ понемногу привыкаетъ и перестаетъ обращать вниманіе на собственную каллиграфію. Служба о. Алипія впослѣдствіи тоже пошла сама по себѣ...

Но, какъ ни увлекался о. Алипій своей первой службой, отъ него однако не могло скрыться томленіе крестьянъ... Прихожане тяготились литургіей, которая необыкновенно растянулась и которую для рабочаго люда, чувствовалось, должно бы кончить раньше. Эти трудовыя, истомленныя лица давно уже перешептали всѣ молитвы, какія знали, и то и дѣло чесали затылки да сплевывали предъ собою на полъ набѣгавшую слюну. На всѣхъ лицахъ было выраженіе тупого равнодушія. Въ одномъ только мѣстѣ оживились выровцы, стоявшіе въ церкви. Когда о. Алипій началъ читать просительную эктенію, вся церковь однимъ голосомъ повторяла вслѣдъ за священникомъ—„у Господа просымо“... Слова произносились такъ шумно и такъ громко, что прошеній священника совершенно не было слышно. О. Али-

пій сначала немного смутился... Но потомъ, слыша этотъ съ каждой минутой все возраставшій единодушный гулъ молящейся толпы, расчувствовался и поднялъ даже голосъ, сталъ громче читать... Въ толпѣ послѣ нѣкоторыхъ прошеній явственно слышался счётъ: „разъ", „два", „три"... А когда эктенія кончилась нѣкоторые изъ крестьянъ, сбившіеся съ счета, все продолжали повторять—„у Господа просымо", чѣмъ вызывали со стороны болѣе внимательныхъ слушателей дружныя замѣчанія: „мовчить", „буде" и т. п. Тишины въ церкви собственно не было. Всегда что нибудь обращало общее вниманіе и было причиною нѣкотораго движенія среди молящихся: то чье нибудь дитя кричало на всю церковь и бабы сообща спѣшили унимать его; то падала гдѣ нибудь свѣча и ее поддерживали; то наконецъ, кто нибудь зѣвалъ такъ, что трещали челюсти, и зѣвота распространялась и по всѣмъ ртамъ... А то еще иногда староста Авдій выбиралъ себѣ самое удобное время для обметанія пыли въ церкви во время богослуженія и ходилъ съ метлой въ бабынцѣ и притворѣ. Ему громко указывали, гдѣ больше пыли и паутины. Вообще, крестьяне не стѣснялись и иногда довольно громко разговаривали, дѣлая разныя замѣчанія, касавшіяся то священника и церкви, то постороннихъ вещей. Къ этому нужно еще прибавить сильно вкоренившійся, старинный обычай крестьянъ возжигать и тушить по нѣскольку разъ такъ называемыя братскія свѣчи. Это были ручныя свѣчи вышиною въ аршина два, иногда и болѣе, которыя крестьяне, стоя въ церкви, единовременно зажигали и въ самыхъ главныхъ частяхъ литургіи высоко держали обѣими руками предъ собой, упирая о животъ нижній конецъ свѣчи, а верхній—держа наклоненнымъ. Въ другихъ частяхъ службы свѣчи опускались нѣсколько пониже; а въ нѣкоторыхъ и совершенно ставились на землю. Моменты божественныхъ службъ были точно разграничены положеніемъ свѣчей. Лишь только приближается, напр., апостолъ и евангеліе и староста собирается идти на колокольню, въ церкви начинается движеніе. Крестьяне толкаются группами въ углахъ, гдѣ сложены свѣчи, разбираютъ ихъ и становятся въ два параллельные ряда отъ царскихъ дверей до выхода, зажигаютъ свѣчи

и ждутъ... Впереди всѣхъ стоитъ братчикъ, который знаетъ, когда и до какой высоты нужно подымать свѣчи въ томъ или другомъ случаѣ. Началъ дьякъ читать апостолъ—и всѣ, словно по командѣ, подняли свѣчи до половины. Раздался колоколъ на колокольнѣ, началось евангеліе—и свѣчи поднялись еще выше. Свѣчи были сдѣланы изъ темнаго, уже нѣсколько разъ перетопленнаго воска и во время горѣнія издавали трескъ, обливали воскомъ бѣлые кунтуши. У рѣдкаго братчика на спинѣ не было восковыхъ полосъ и пятенъ. Но это, конечно, не считалось порчей костюма. Хуже, разумѣется, бывало, если горячая капля воска иногда падалала на лысину какого нибудь братчика. Тогда раздавались въ полъ-голоса нѣкоторыя болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія, не имѣвшія, конечно, ничего общаго ни со свѣчей, ни съ службой... Бабы въ бабынци дѣлали тоже, подражая во всемъ чоловикамъ, съ тою разницею, что разговоры при разборѣ свѣчей на женской половинѣ происходили оживленнѣе и бабы становились не параллельными рядами, а вопоперекъ церкви. Каждая баба знала свою свѣчу, намѣченную какимъ нибудь знакомъ на воскѣ или „стѣнжкой“... И если какой нибудь сестричкѣ попадала по ошибкѣ не ея свѣча, начиналось пререканіе, которое, впрочемъ, скоро останавливали чоловики, оборачиваясь назадъ и говоря: „та цытьте принамне хочь въ церквы“...

Кромѣ ручныхъ свѣчей, въ разныхъ мѣстахъ выровской церкви стояли еще саженныя, десятипудовыя, толстыя свѣчи на особыхъ подставкахъ... Это были цеховыя свѣчи. Ихъ было нѣсколько по числу цеховъ [1]).

Многое обратило на себя вниманіе о. Алипія въ первые дни его пребыванія въ Вырахъ. „Все это нужно будетъ искоренить, со всѣми этими обычаями предстоитъ борьба“, думалъ о. Алипій, не безъ удовольствія ставя себя мысленно въ ряды тѣхъ борцовъ за идею, о которыхъ онъ нѣкогда слышалъ въ

---

[1]) Желающіе ознакомиться съ полѣсскими своеобразными братствами найдутъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ учрежденіяхъ въ моей статьѣ „цеховыя братства въ м. Степани, ровенскаго уѣзда, волынской губерніи“, („Кіев. Стар.“ м. іюль 1890 г.).—Степанскія братства наиболѣе типичныя и цѣльнѣе сохранившіяся.—Авт.

училищахъ и о подвигахъ которыхъ читалъ въ свое время. Батюшка быстро обдумалъ планъ борьбы съ предразсудками и суевѣріями. Оставляя разспросы о цеховыхъ обычаяхъ на будущее время, онъ задумалъ начать сразу борьбу противъ равнодушія крестьянъ къ церкви Божіей. Количество молившихся и присутствовавшихъ въ церкви удивило о. Алипія. По метрикѣ и росписямъ въ с. Вырахъ числилось до 400 душъ, а въ церкви за его первой литургіей присутствовавшихъ было не болѣе тридцати человѣкъ и въ томъ числѣ большинство—бабы.

IV.

Первые шаги.

Выходя изъ церкви по окончаніи службы, батюшка спросилъ старосту, отчего такъ мало было людей въ церкви?

— Такъ завше було, услышалъ онъ краткій, но ясный отвѣтъ,—скильки ходыло, стильки и ходыть.

— Якъ-то? Невже-жъ больше не бувае?

— Чому не бувае? Якъ велыке свято, то трапыцця часами и бильше, а якъ мале, то и меньше.

— Язычники вы! Къ храму Божію надлежащаго радѣнія не имѣете,—слегка вспылилъ о. Алипій, слыша такой отвѣтъ.

Крестьяне молчали.

— „Домъ мой—домъ молитвы нарецеся“, говоритъ священное писаніе,—продолжалъ батюшка,—вспомните, какъ еще въ ветхомъ завѣтѣ и т. д.

Поученіе батюшки экспромптомъ длилось нѣсколько минутъ. Крестьяне слушали и молчали. О. Алипій высказалъ много глубокомысленныхъ идей и кончилъ сожалѣніемъ, что даже „почтенные“ изъ его прихожанъ не бываютъ въ церкви.

— Де, наприкладъ, Иванъ Берестець и Павло Корыто?—спросилъ онъ.

— Та жъ мы тутъ,—отозвались Иванъ и Павло. Мы стоялы биля церквы.

— Якъ то биля церквы?

Батюшкѣ объяснили, что многіе изъ сельчанъ не идутъ въ церковь, а молятся, стоя у наружной стѣны церкви.

— Це що таке?

— Такъ завше було, такій звычай,—слышалось все тоже въ отвѣтъ.

Это было очень странно, такъ странно, что о. Алипій не зналъ, что и предпринять въ настоящемъ случаѣ. А предпринять, конечно, нужно что нибудь. Такъ ни въ какомъ случаѣ оставить нельзя. Долгъ пастыря—искоренять всѣ предразсудки, ибо еще пророкъ Іезекіиль сказалъ: „сыне человѣчь, аще не возвѣстиши“... что-то такое помнилось о. Алипію изъ семинаріи.

У калитки, при выходѣ изъ церковной ограды, толпилось нѣсколько старцевъ и старухъ, просившихъ подаянія. Всѣ они громко выкрикивали слова молитвъ. Въ общемъ хаосѣ голосовъ выдѣлялись лишь нѣкоторые, болѣе голосистые.

— Милостивыи христіяне, православныи честныи люде, майте мылость Божу, майте упованіе Христове... выкрикивалъ толстый, совершенно плѣшивый „дидъ“ съ бѣльмомъ въ одномъ глазу, протягивая руку.

Въ унисонъ ему вторила сзади тонкимъ голосомъ старая горбатая баба, опиравшаяся на клюку и державшаяся за спину „дида“.

— Пожертвуйте мылостыню за спокой родытѐливъ вашихъ и за здравіе, за вику продолженіе. Господь и Богъ послухае и помылуе, отворыть душамъ память вичную и пренепорочную, спомяне вмершихъ въ раи...

Крестьяне проходили мимо „дидивъ“, обнаживъ головы. Кой-кто давалъ что нибудь. Особенно сострадательны были бабы, одѣлявшія всѣхъ нищихъ „блынцями“. Дѣти судорожно жались къ своимъ матерямъ, проходя мимо „старцивъ“, которыми запугано было ихъ дѣтское воображеніе... Иному крикливому ребенку мать наставительно указывала на старцевъ.

— Бачишь?... Отъ, якъ будешь кричаты, то заразъ водамъ... Хочешь? Такъ въ торбу и всадыть. Оно пысны мени, хоть разъ...

Ребенокъ умолкалъ и конвульсивно жался къ шеѣ матери, широко раскрывъ испуганные глазки, при видѣ толпы нищихъ, о которыхъ ему много, много разъ говорили всѣ окружающіе, когда онъ кричалъ.

На улицѣ, прислонившись спиной къ самому забору, сидѣлъ не совсѣмъ еще старый, но совершенно лишившійся ногъ нищій. У забора лежали его костыли. Держа межъ колѣней шапку, онъ сидѣлъ прямо и громче другихъ отчеканивалъ слова своего прошенія,—и не даромъ... Ему больше другихъ попадало въ шапку. Крестьяне очень участливо относились къ положенію калѣки-москаля.

— Господу помолимося за рабовъ твоихъ: матку Марію, еще помолымося за Иванцёву душу, за Опанасову, за Кондратову... Забувся, якъ дали?

— За Хвещину, подсказывала, стоя около него молодыця съ крупными, „якъ лопата“, блынцями въ рукахъ.

— За Хвещыну душу... Еще молымося за Мелащину душу, Тетянину, за всихъ и вся.

Новое подаяніе—новый перечень именъ. Податель стоялъ тутъ же около произносившаго и ждалъ, когда нищій кончитъ положенный перечень.

— Еще молымося Господу Богу за Евдощину душу, выкрикивалъ солдатъ дальше, за Ярынчину, Костеву душу, и прочихъ сродныковъ рабовъ Божіихъ знающихъ и не знающихъ, видомыхъ и не видомыхъ.

Если подаянія не было, нищій продолжалъ моленіе безъ указанія именъ.

— Еще молымося за старыхъ и малыхъ, за блыжнихъ и далекыхъ, и за всихъ родыteливъ и родычивъ, котри одъ вика повмиралы, одъ Бога подмоги потрибувалы. Господы Боже нашъ, услыши моленіе и примы ихъ до царствія небесного, до упокою блаженнаго, до раю превосвѣтлаго, де вси праведныи заспокоиваюцця: у мисци свитлому, у мисци златому, въ мисци превосвѣтлому, въ мисци прикладнему, до упокою присіятельного. Господы, упыши ихъ души у грамоти церковній, въ псалтыри суботній, у письма духовны; и спомяны Ты ихъ всихъ при чи-

таніи и при пысаніи, и при гласи Божому страшному при вангельскому испиванію, при молебствіяхъ и при окапыстяхъ, при утрепихъ службахъ, при вечернихъ и павечерняхъ, при всенощняхъ, при обидахъ и при перастатахъ; испомяны ихъ до девятаго поколинья, до десятаго почитанья, до одынанцатого второго пришествія, до двенанцатого престолу херувимского. Донесы ихъ до предка Адама, до градъ Ерусалыма, до пресвитлого Твого пришествія...

Эта молитва[1]), произносимая старымъ нищимъ речитативно съ особой аффектаціей въ голосѣ, особенно нравилась выровцамъ, и крестьяне обильно давали подаяніе молельщику, который каждое воскресенье уходилъ изъ своего мѣста съ торбой, полной всякой провизіи. Набиралось и деньгами до „злотого“.

О. Алипій, выйдя за ограду, долго и внимательно слушалъ москаля, который, замѣтивъ, что обратилъ на себя вниманіе батюшки, сталъ выкрикивать имена еще громче.

— Це звиткиль нищій? спросилъ батюшка старосту.

— А тутейшій, проше-татуня. Це Богданко... Такъ ёго клепають у насъ. Видь чимало литъ вже озьде седыть. Богданко...

— Хто тебе навчивъ такъ молытыся? обратился батюшка, подходя ближе къ Богданкѣ.

— Не памятаю... Давно навчився, давно...

Не нравились батюшкѣ такіе отвѣты. Въ нихъ слышался его врагъ—то давнишнее неписанное преданіе, которое, по его мнѣнію, держало крестьянина во тьмѣ и искоренять которое онъ считалъ себя призваннымъ,

— А ты грамотенъ?

— Эге.

— Значицця, ты знаешь церковныи молитвы, напрыкладъ, „со святыми упокой“?

— „Со святыми за упокой?“ Звистно-розумію.

— А ну, скажи?

---

[1]) Не кончена... Всѣ молитвы, приводимыя въ разсказѣ, записаны изъ устъ произносившихъ.—Авт.

Солдатъ произнесъ молитву съ нѣкоторыми искаженіями.

— Чому-жъ ты не читаешь церковну молитву, а свою?

— Бо моя довгша...

— Нащо-жъ тоби довгша?

— Треба... Такъ вси на свити моляцця...

— Такъ не можна молыцця,—наставительно замѣтилъ о. Алипій, такая молитва грѣховная... Нужно молиться, какъ въ церкви... Москаль глядѣлъ на о. Алипія, прямо уставивши на него свои глаза, и, казалось, внимательно слушалъ. О. Алипій думалъ разойтись...

Но въ это время одна молодыця положила въ шапку Богданки два блынця.

— Господу помолымося за Ахримову душу, за Панкратову и зъ роднёю его, запѣлъ опять свое моленіе Ботданко, по прежнему оживляясь и не обращая болѣе никакого вниманія на наставленіе батюшки.

— Скажитъ вы мени, спросилъ о. Алипій у подошедшихъ къ нему крестьянъ,—якъ винъ знае, за кого треба молыцця? Ось, напрыкладъ, винъ помынае заразъ Охрима, Панкрата. Почимъ винъ знае, що Охрима та Панкрата треба помынаты?

— А якъ-же жъ? То-жъ ёму Марья Римка дала два блынци?

— Ну, то що-жъ зъ того?

— Якъ-то що? А у Марьи Рымки батько бувъ Охримъ, а чоловикъ зновъ Панкратъ. А якъ дастъ ёму Грипа Кендюхова, то винъ почне молытыся за Ивана и Олену...

— Винъ, значицця, знае, яка ридня у кого?

— Запевне, що знае. Богданко у всихъ знае, хто въ кого вмеръ и хто живе ще. Винъ давно всихъ знае... Та и не тильки въ насъ. Якъ пиде на отпустъ до Казимирки, то и тамъ знае, бо винъ и тамъ часто бувае. А якъ трапыцця, кого де забуде, то заразъ и роспытае, тай зновъ знае, бо ему нагадають...

— Этъ, захтилы вы одъ ныхъ толку добыцця, дернулъ о. Алипія за рукавъ псаломщикъ.

Дѣйствительно,—разспросы были ни къ чему. Все видѣнное и слышанное навело о. Алипія на раздумье. Странна была мо-

литва Богданки, но еще было страннѣе, что крестьяне не всѣ идутъ въ церковь.

О. Алипій постоялъ еще минуту и пошелъ домой пить чай.

Только что кончилъ о. Алипій пить чай, какъ дверь изъ „пикареньки“ отворилась, оттуда выглянула рябая кухарка Палашка и, закрывая лицо фартукомъ, таинственно сообщила:

— Аже-жъ чоловики пришлы й бабы...

— Що тамъ таке? Чого имъ треба?

— Курей нанеслы и збожа, смѣясь, доложила Палашка, спрятавшись опять за дверь.

О. Алипій вышелъ въ кухню. Въ кухнѣ толпилось много народу,—крестьянъ и крестьянокъ. У каждаго и у каждой было что нибудь въ рукахъ. У однихъ лежали на рукахъ пивни и куры, у другихъ небольшіе мѣшки съ зерномъ, съ картофелемъ и пр. Впереди всѣхъ стояли почетнѣйшіе изъ прихожанъ въ селѣ.

— Оце, проше татуня,—сказали они кланяясь,—благословить приняты одъ насъ що Господь Богъ пославъ... Подарунки...

— Яки подарунки?

— Звычайно яки: ось куры и пивни, есть и качки, зновъже и мука, и гречка, и жито... А Вакула гусака прынисъ... Гусакъ, дѣйствительно, громко гоготалъ на всю кухню.

— Нащо-жъ це воно?

— Якъ-то нащо? А на спочатокъ хозяйства, на росплидъ, якъ той казавъ... Эге, проше татуня. Зновъ-же и Марья Рымка дви качки принесла... Де що Богъ пославъ... То воно одно до друго йде, якъ той казавъ.

— Дякую вамъ, православные, за вашу добрость, сказалъ о. Алипій, але пробачайте, я не можу взяты, бо негодыцця... Це грихъ, щобъ нибы браты зъ прихожанъ...

— Не може цёго буты, щобъ грихъ... То-жъ завше чоловикъ потрибуе соби на росплидъ. Звычайне.

— Ни, ни, православные... Я обязанъ буты вамъ всимъ за слугу... Не повыненъ ничого браты, бо то корысть.

— Этъ Богъ знаты, що говорыте, проше татуня. Яку тамъ слугу... Чи-жъ мы не послухаемо васъ, якъ колы треба, або що?.. И старенького панъ-отця мы слухалы,—дай ёму Боже святе царство, и васъ будемо слухаты. И слугу вамъ найдемо, колы потребна буде... тай годи...

Но батюшка отрицательно покачалъ головой.

— Ниякъ цёму не можна... бо апостолъ Петръ въ свому святому письми говорыть:—„да не господствуеши надъ стадомъ Христовымъ", ибо пастырь стада Христова и т. д.

Рѣчь священника была не особенно удобовразумительна для выровцевъ, быть можетъ, отъ того, что ея ясности мѣшало кудахтанье куръ, крикъ пѣтуховъ, утокъ,—принесенныхъ крестьянами.

Въ это время незамѣтно, подъ шумъ, происходившій въ кухнѣ, вышла изъ покоевъ Анисья Элпидифоровна и освѣдомившись, почемъ теперь гречка, принялась безъ дальнѣйшихъ разсужденій щупать у Вакулы гусака. Гусакъ былъ хорошъ...

Увидѣвъ попадью, крестьяне всѣ обратились къ ней. Поцѣловавъ по обыкновенію руку и у нея, они начали ту-же просьбу.

— Змылуйтеся, пани добродзійко, примить подарунки... бо батюшка щось все гниваюцця на насъ, кажуть, що все не такъ у насъ выходыть, якъ треба...

— Этъ, слухаете вы его. Ось складайте все, що принеслы на лави, тай годи, распорядилась хозяйка.

— Анисья! сказалъ о. Алипій, развѣ такъ можно?

Но тутъ поднялся въ кухнѣ такой шумъ, что распорядительная Анисья Элпидифоровна имѣла полное основаніе не слышать словъ своего мужа.

— Отъ сюды, сюды... командовала она, указывая мѣсто на лавкѣ, куда слѣдовало посадить гусака.

— Дякуваты вамъ, говорили крестьяне, складывая подаяніе... А мы думалы, що вы гниваетеся на насъ.

V.

О. Алипій проповѣдуетъ.

Обѣдня 29 іюня, на св. Петра и Павла шла необыкновенно торжественно. О. Алипій священнодѣйствовалъ безукоризненно. Въ городѣ такая служба, должно быть, привлекла бы немало слушателей. Всѣ священныя дѣйствія о. Алипія были строго обдуманы и нѣсколько медлительны. Онъ отчеканивалъ слово за словомъ. Выходило, правда, нѣсколько важно, но за то очень внятно; а когда ему пришлось подымать на „Херувимской“ руки горѣ, онъ поднялъ ихъ такъ необыкновенно въ растяжку. Но увы, ни его речитативная рѣчь, ни его торжественныя дѣйствія не производили на выровцевъ должнаго впечатлѣнія. Крестьянамъ все это было какъ-то непривычно и потому—безразлично. Между ними и о. Алипіемъ стояла незримая преграда—недоразумѣніе: крестьяне не были подготовлены къ такой службѣ... Никто почти не глядѣлъ въ сторону алтаря, не смотря на то, что алтарь былъ предъ глазами. Однѣ бабы смотрѣли на батюшку, но онѣ не могли даже слышать его словъ, потому что ихъ уши были плотно закрыты „намиткой“ и платками. А всякій, кто видѣлъ выровскую бабу въ наминкѣ и разговаривалъ съ ней, хорошо, конечно, знаетъ, какъ ей нужно кричать, чтобы она что либо-услыхала. Едва-ли не одинъ только староста Авдій замѣтилъ необычайное возбужденіе батюшки и, стоя у клироса, толкнулъ подъ бокъ своего сосѣда Парѳена:

— Чи бачишь, якъ батюшка тее... дуже щось голосно...

— Эге, равнодушно отвѣчалъ тотъ, облокотившись о перила рѣшетки и снова погружаясь въ свою полудремоту.

Въ концѣ литургіи о. Алипій произнесъ проповѣдь... Онъ говорилъ... Боже мой, какъ онъ говорилъ!.. Что нибудь подобное трудно даже представить себѣ въ селѣ Вырахъ, на припетскихъ лугахъ! Никогда еще, какъ Выры на болотѣ стоятъ, крестьяне не слышали такого „казанья“... Это была не рѣчь, а бурный, одушевленный потокъ витійственнаго славословія въ

честь св. апостоловъ Петра и Павла, которыхъ увлекавшійся ораторъ сравнивалъ съ двумя столбами церкви, двумя звѣздами на немерцающемъ небосклонѣ, двумя работниками на нивѣ Божіей... однимъ словомъ, со всѣмъ тѣмъ, чему научилъ его въ волынской семинаріи замѣчательный въ свое время ораторъ-гомилетъ. Это было такъ необыкновенно и такъ хорошо... о. Алипій самъ внутренно восхищался своею рѣчью и на паузахъ не безъ внутренняго самодовольства смотрѣлъ по сторонамъ. Онъ пожалѣлъ, что у него такіе слушатели, которые, пожалуй, не поймутъ еще его. Вотъ онъ подходитъ къ самому главному, къ самому патетическому мѣсту, въ которомъ называетъ ап. Павла „цѣвницею и щуромъ“ и гдѣ сказано, что онъ былъ „величайшій и боговдохновеннѣйшій миссіонеръ царства Божія и что онъ былъ даже восхищенъ на третье небо“... Хорошо, очень хорошо!

Дремавшій до той поры Парѳенъ, пробужденный необыкновенно сильнымъ голосомъ, раздавшимся надъ самымъ его ухомъ, не безъ удивленія посмотрѣлъ на батюшку и потомъ обернулся назадъ и окинулъ общимъ взоромъ слушателей. Замѣтивъ, однако, что тѣ спокойно стоятъ на своихъ мѣстахъ и что ничего особеннаго въ церкви не случилось, онъ разсудилъ, что это „нещо“ и, вздохнувши, принялъ свое прежнее положеніе.

Послѣ службы толпа мужиковъ собралась на погостѣ и, очевидно, ждала выхода батюшки изъ церкви. Отъ о. Алипія не скрылось, что крестьяне о чемъ-то шумно разговариваютъ. Безспорно, это проповѣдь произвела на нихъ впечатлѣніе. Они хотятъ поговорить... Твердой, самоувѣренной походкой вышелъ о. Алипій изъ церкви и направился къ группѣ. Крестьяне, при появленіи батюшки, обнажили головы.

— Ну что, православные, скажете? спросилъ о. Алипій, искусственно усиливая нѣжность своего тона. Ему почему-то всегда казалось, что эта трогательность тона особенно должна была свидѣтельствовать о его сердечныхъ отношеніяхъ къ паствѣ. Впередъ выдались два-три крестьянина и, перебивая другъ друга, передали въ простыхъ словахъ свое желаніе построить въ селѣ своемъ новую церковь.

— Мы хочемо поставыты нову церкву... бо якъ булы у насъ, проше татуня, старенькій батюшка, то и церква була старенька... А теперь молодый, то треба, щобъ и церква була нова.

„Только-то“... подумалъ не безъ огорченія о. Алипій и вздохнулъ. Такая проповѣдь, повидимому, канула для выровцевъ въ вѣчность... Впрочемъ, ему самому со дня въѣзда въ Выры тоже приходила мысль о новой церкви.

— А хорошо, хорошо, православные! Дѣло доброе, необходимое!—говорилъ онъ. Крестьяне еще разъ высказали свое желаніе... Батюшка еще разъ ихъ похвалилъ. И хоть бы слово о проповѣди... Это немножко досадно... Пастырское самолюбіе о. Алипія не то чтобы было сильно задѣто, а такъ чувствовалось что-то такое непріятное. Очевидно, они еще не сознаютъ пользы отъ пастырскаго безкорыстнаго проповѣдничества. И о. Алипій возвелъ даже глаза на небо, какъ бы оттуда ожидая награды за свое самоотверженное пастырское служеніе, такъ краснорѣчиво сегодня проявившееся.

— А что васъ такъ мало въ церковь ходитъ? спросилъ онъ, считая вопросъ о церкви достаточно исчерпаннымъ.

— Зачимъ мало? Мы вси ходымо. Де хто въ церкви стоить, а решта, проше татуня, ось тутечки стоялы. Значицця—на цвинтари тай молылыся соби нищечкомъ—эге.

О. Алипію указали на нѣкоторыхъ очень почтенныхъ въ приходѣ стариковъ, которые, стоя безъ шапокъ у наружныхъ стѣнъ церкви, еще доканчивали свою молитву и набожно били себя въ грудь. Онъ не упустилъ случая и тутъ-же обратился съ пространной рѣчью импровизаціей о необходимости посѣщенія храма Божія *въ собственномъ смыслѣ* и о нечестіи обычая стоять у наружныхъ стѣнъ. Этотъ обычай онъ называлъ языческимъ и сравнивалъ его послѣдователей съ идолопоклонниками и жрецами Ваала, которые прыгали около жертвенника. Безъ сомнѣнія, все это было убѣдительно. При томъ-же, о. Алипій говорилъ такъ хорошо... (Не даромъ въ семинаріи томилетъ ставилъ Алипію Маевичу „пять“!). Въ своемъ увлеченіи ораторъ не замѣтилъ, что, начавши рѣчь объ обычаѣ, скоро перескочилъ къ другой темѣ—невнимательности слушателей къ проповѣди и слову Божію,

а отъ невнимательности къ слову Божію вдругъ перешелъ къ обличенію предразсудковъ и суевѣрія, вообще живущихъ въ народѣ. Такъ какъ день былъ къ тому-же очень жаркій и показывало на грозу, то о. Алипій нашелъ вполнѣ соотвѣтствующимъ случаю кстати остановиться въ концѣ рѣчи на той мысли, что дождь даетъ Богъ, а громъ и молнія происходятъ отъ электричества, а вовсе не отъ того, что Илія ѣздитъ по небу и гоняется за чортомъ. Не замѣтилъ о. Алипій также и того, что число его слушателей, по мѣрѣ усиленія его проповѣдническаго жара, постепенно все уменьшалось и уменьшалось, такъ что, когда онъ кончилъ, его сопровождали съ погоста только пять-шесть мужиковъ, да десятокъ богомольныхъ бабъ, которыя, по окончаніи рѣчи, одобрительно сказали:

— Такъ, такъ, татуню! що правда, то правда! Дякуемо вамъ на доброму слови.

О. Алипій таки разозлился. Да какъ было не разозлиться? Въ самомъ дѣлѣ, кто другой на его мѣстѣ сохранилъ бы хладнокровіе? Онъ такъ увлекательно служилъ; онъ говоритъ такія проповѣди; онъ столько готовится къ слову... и его не только не слушаютъ, но не желаютъ слушать и даже, странно сказать,—какъ будто издѣваются... Лучшіе прихожане молятся гдѣ-то тамъ на цвинтари, подъ открытымъ небомъ... Развѣ это не обида? Даже дома, куда о. Алипій пришелъ послѣ службы, онъ не остылъ въ своемъ негодованіи, и такъ какъ на другой день было воскресенье, то онъ рѣшилъ завтра же сказать еще лучшую проповѣдь, чѣмъ сегодня.

Взявши бѣлый листъ бумаги, онъ, не задумываясь, написалъ сверху: „О предосудительности нехожденія въ храмъ Божій"... Потомъ, съ легкой руки написавши текстъ: „Вниду въ домъ Твой и поклонюся храму Твоему святому", пошелъ и пошелъ писать... Перо такъ и бѣгало по бумагѣ. Казалось, оно не уставало слѣдить за мыслями. О. Алипій писалъ проповѣди не хуже, чѣмъ говорилъ ихъ. Трудно даже рѣшить, что у него выходило лучше. Но когда проповѣдь была близка уже къ концу и оставалось написать только конклюзію, о. Алипій вдругъ широко раскрылъ глаза и взялъ себя за лобъ. Совершенно непредви-

дѣнная мысль перевернула вверхъ дномъ всю его работу: „для кого онъ будетъ говорить написанное?“. Въ вихрѣ новыхъ мыслей, охватившихъ о. Алипія, безспорнымъ оставалось лишь то, что проповѣдь назначалась тѣмъ, которые не ходятъ въ церковь и которыхъ, слѣдовательно, не будетъ въ церкви во время ея произношенія... А тѣ, которые будутъ ее слышать, тѣ и безъ того ходятъ въ церковь“... О. Алипій задумался. „Этакое въ самомъ дѣлѣ обстоятельство! Если велѣть старостѣ позвать въ церковь... Но опять же это, такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ насильственная мѣра, негуманная...“ А о. Алипій далъ себѣ обѣтъ всегда и во всемъ поступать гуманно. „Выйти развѣ на погостъ?! Положимъ Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ въ горахъ, но... „что скажетъ благочинный?“.

Говорилъ о. Алипій на погостѣ, говорилъ и въ церкви, говорилъ по тетрадкѣ и безъ тетрадки,—ничего не помогало: посѣтителей церкви не прибавлялось... Нѣкоторые крестьяне остались вѣрными обычаю и предпочитали молиться на свѣжемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Слова и убѣжденія батюшки словно не ихъ касались. Въ дождливую-ли погоду, въ бурю-ли, или снѣжную метель—полѣшукъ упорно стоялъ на своемъ завѣтномъ мѣстѣ, словно прикованный къ нему незримою силой. Только въ сильное ненастье лишь малодушные убѣгали въ „звонницу“ или церковь, а остальные выворачивали на изнанку свои кожухи и свитки, накрывали ими головы и стояли... Было что-то до крайности равнодушно-смиренное, безжизненно-трогательное и въ тоже время суровое въ этихъ отупѣлыхъ позахъ молящихся, разбросанныхъ кругомъ церкви. И во всякомъ случаѣ не молодому, неопытному слову о. Алипія сокрушать эти позы, не съ его рѣзвой семинарской прытью бороться противъ этихъ застарѣлыхъ обломковъ глубокой старины, противъ этихъ болѣзненныхъ побѣговъ религіознаго, простодушнаго чувства.

Но выровскій батюшка этого не сознавалъ. Въ оригинальной формѣ своеобразной молитвы простого человѣка онъ видѣлъ лишь прямое отступленіе отъ установленныхъ обрядовъ и назвалъ эту форму нечестіемъ, съ которымъ нужно бороться. О.

Алипію это было ясно, какъ ясенъ солнечный день,—хотя бы и въ лѣсахъ...

„Борьба, борьба!—вотъ мой девизъ", размышлялъ о. Алипій, а „девизъ есть рычагъ воли человѣка", сказалъ одинъ мыслитель... Сколько тьмы, сколько нечестивыхъ заблужденій... И все это, конечно, отъ невѣжества, ибо „заблужденіе есть дитя невѣжества"—сказалъ кто-то. Это ясно. Сколько потребуется энергіи и мужества для уничтоженія этихъ плевелъ... Главное непониманіе, отсутствіе умственнаго развитія. „Непониманіе людей есть слѣдствіе ихъ предразсудковъ", говорится въ одной книжкѣ. Все дѣло въ предразсудкахъ, а душа тутъ не при чемъ, ибо душа по природѣ своей склонна къ истинѣ... „Душа по природѣ христіанка", сказалъ Тертулліанъ... Да, да... А другой учитель церкви сказалъ, „coge, impelle in ecclesia"... Безспорно, что нѣкоторая доля принудительности, такъ сказать... Ибо съ предразсудками бороться трудно. „Предразсудокъ обломокъ старины глубокой", сказалъ какой то философъ... „Обломокъ старины глубокой"... Гмъ... съ одной стороны... Однако какъ же это понимать нужно? Гм... странно... Опять же, съ другой стороны, Контъ, Кантъ, Кондильякъ и Спиноза... Локкъ и „tabula rasa... У всѣхъ идеалъ истина. „Азъ есмь истина, путь и животъ"... „Истина по одну сторону Пиринеевъ—является ложью по другую", сказалъ кто-то...

Мысли пошли на перебой, одна другой быстрѣе, и ураганомъ понеслись въ головѣ о. Алипія. Все, что въ это время приходило ему въ голову, было имъ нѣкогда усвоено въ семинаріи и представляло образцы глубокомыслія ученыхъ авторитетовъ. Много идей изъ разныхъ философовъ выписано было имъ въ его записной книжечкѣ. Вотъ они теперь и пригодились въ практической жизни. А то все бывало говорили, что семинарское образованіе страдаетъ теоретичностью и не пригодно для жизни. Ни одна идея не пропадаетъ даромъ, ибо „идеи суть органическія созданія", сказалъ Лермонтовъ... Съ другой стороны, Лермонтовъ... Что такое собственно Лермонтовъ? Представитель байронизма, такъ сказать... А байронизмъ есть отрицательное теченіе въ человѣческой мысли... „увеличительное стекло искус-

ственнаго равнодушія", сказалъ какой-то критикъ про Байрона... Гм... Да, конечно, не авторитетъ... А вотъ съ другой стороны, „Борьба съ лгущею ученостью" Потулова... Вотъ это, такъ сказать, замѣчательная книжка... Какіе тамъ глубокомысленные вопросы рѣшаются... Однако какое отношеніе все это имѣетъ къ данному случаю?".

И о. Алипій долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и раздумывалъ, разбираясь въ своихъ мысляхъ.

VI.

Въ лѣсу.

Два крестьянина приписной сосѣдней деревни—Деркачи—возвращались въ воскресенье домой и медленно шли по лѣсу. Это были уже пожилые крестьяне, крѣпкаго сложенія, „трезвые хозяи". Въ Вырахъ такъ назывались крестьяне, не особенно много пившіе, или, вѣрнѣе, пившіе меньше, чѣмъ сколько было принято пить по праздникамъ въ корчмѣ. Одного звали Степанъ Деркачъ, другого—Грыцько Деркачъ. Въ ихъ деревнѣ всѣ назывались Деркачами. Они ходили въ Выры къ службѣ Божіей и отчасти по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ. Степанъ несъ на спинѣ кадку для огурцовъ, Грыцько—ведро, свитку и чоботы. Большую часть дороги они шли почти не подымая головъ и молча, не потому, чтобы не было о чемъ поговорить, а потому, что они не привыкли много говорить. Люди труда обыкновенно мало говорятъ. Нужда сковываетъ языкъ. Развязываетъ его лишь водка или какое нибудь выдающееся обстоятельство. Нужно изъ ряда вонъ выходящее событіе, чтобы крестьянинъ-полѣшукъ пошелъ говорить.

— Чувъ?—спросилъ Степанъ, споткнувшись о корень на дорогѣ.

Грыцько процѣдилъ „гмъ" и утвердительно кивнулъ головой, поправивши шапку на головѣ.

— Гарно розсказуе, лыхо-ма.

— „Гм..."—сказалъ еле слышно Грыцько.

— Вченый, въ окулярахъ...—продолжалъ Степанъ.

— Гм... та вжежъ... А яка въ его попадя? Гмъ... Бачивъ?

— Эге... Молоды ще обое.

— Хто ще его знае, якій-то винъ буде. А дитей въ его ще не мае.

— Мусять хутко буты.

Они говорили безъ опредѣленнаго содержанія. Въ ихъ рѣчи не было, казалось, смысла, но они хорошо однако понимали другъ друга.

— Его семинарія выучила, замѣтилъ на этотъ разъ Грыцько.

— Гм... утвердительно кивнулъ на этотъ разъ Степанъ.

— Кажуть, нибы его архирей поставывъ, бо розумный дуже.—Грыцько переложилъ ведро съ праваго плеча на лѣвое и громко крякнулъ, какъ бы для того, чтобы оттѣнить всю особенность этого факта.

— А я такъ чувъ,—сказалъ Степанъ, поправляя тоже на спинѣ свою ношу,—що нибы винъ самъ напросывся на нашу парахвію; такъ нибы и сказавъ архирею: я хочу въ Выры.

— Бре-ше-ешь?.. удивленно растянулъ Грицько, не потому, чтобы сомнѣвался въ сообщаемомъ извѣстіи, а скорѣе по привычкѣ, для красоты слога.

— Та вжежъ...

— М... А таке ще молоде, та прытке...

— Та голосно такъ щось розсказуе, щой розибраты ничого не можна... Дывно!

— М... согласился Грыцько.

— Старый батюшка такъ не казавъ.—Грыцько отрицательно закачалъ головой.

— Куды-жъ такъ старенькому... Дай ёму, Боже, легку землю... Молчаніе.

— Все навчае.. щось таке,—снова сказалъ какъ бы про себя Степанъ, у котораго проповѣдь о. Алипія не выходила изъ головы. Прошло десять минутъ или болѣе.

— Тай не розберешь ничого, що винъ тамъ говорыть.

— Певне то воно такъ и треба,—сказалъ Грыцько.

— И ще гнивается.

— Бре-ешешь?! тѣмъ-же тономъ удивленія возразилъ Грыцько.

— Дальби! гнивается, бачь, що люде въ церкву не идуть, що молятся соби на цвинтари, якъ-же звычайно у насъ.. Новы порядки заводыть.

— А чому-жъ старенькій батюшка не гнивалыся?

— У старенького и окуляривъ не було, а у молодого— окуляры.

— Тай що-жъ зъ того, що винъ и въ окулярахъ. Потимъ степенецця.

— И я такъ думаю, бо едному чоловику, скажемо, можна въ свято войты въ церкву, а другому не можна; въ едного совисть чистая, а въ другого нечистая.

— М... запевне...

— Наветь одинъ и той-же чоловикъ часомъ може войты, а часомъ и не може, душа не пускае.

— Бо таки такъ. Ще винъ мало на свити живъ, то не знае цёго...

— Эге... А ты знавъ старого Іовхима?

— Чому?.. хто ёго не знавъ?

— Скильки разъ винъ хотивъ въ святу церкву питы и кажный разъ ёго щось не пускало. Отъ такъ якъ бачишь, не пустыть тай годи... Але, кажуть, одного разу пересылковавъ винъ себе, тай пишовъ въ церкву; то якъ стыснуло ёго щось въ грудяхъ, якъ стыснуло въ грудяхъ... не прыведы Маты Божая... Отъже-жъ и малыся тоди зъ нымъ, кричавъ на всю церкву! А де котора баба-то ни защо, лыхо ма, ни за якіи гроши не стане въ церкви... Ей-Богу! Пиде липше въ закутокъ пирье скубты, а въ церкву не пиде. Есть таки.

— Кажуть, якъ отстояты двенанцять службъ на цвинтари, то писля двенанцятои вже можна и питы въ саму церкву.

— Бре-еш-ешь?

— Ей Богу!.. Немира Чоботокъ стоявъ до двенанцяти... а потимъ вже и въ церкву пришовъ.

— М—м...

— А знаешь що?—возразилъ неожиданно Грыцько, направляя рѣчь совершенно въ другую сторону,—визьмы-но ты мое видро да всады въ кадку, а я въ видро вложу чоботы и свытку... А потымъ и я понесу, то буде зподручнійшъ, бо хоть то и кажуть свое добро шіи не мне, а все-жъ воно тяжкенько... Зновъже гаряче дуже, пече...

Такъ было дѣйствительно удобнѣе. Одинъ несъ вещи, другой шелъ свободный. Они чередовались. Это внесло разнообразіе въ ихъ скучное путешествіе. Обоимъ было хорошо.

Надвигалась гроза. Надъ лѣсомъ сначала гдѣ-то далеко-далеко раздавались тихіе отдаленные раскаты грома, потомъ все ближе и ближе... Небо съ одной стороны постепенно заволакивалось темными тучами. Крестьяне не обращали на это вниманія и продолжали идти, глядя внизъ подъ ноги. Степанъ замѣтилъ было, что „буде добрый дощъ“, но Грыцько ничего на это не сказалъ. Черезъ нѣкоторое время яркая молнія зигзагами ослѣпительно пролетѣла надъ лѣсомъ по небу, а черезъ нѣсколько секундъ затишья явственно раздался рѣзкій ударъ грома.

Степанъ и Грыцько сняли шапки и перекрестились.

Въ лѣсу стояла замѣчательная тишина. Отовсюду вѣяло теплomъ. Листья чуть-чуть шевелились на осинѣ и словно нѣжились легкимъ трепетаньемъ въ тепломъ воздухѣ. Высокія сосны не шевелились. Все замерло, лишь въ корчахъ гдѣ-то рѣзко, „пивикнула“ какая-то пташка да по временамъ раздавался трескъ „сухого ломачья“ подъ ногами путниковъ.

— Гра-ра-ра-рахъ!—раздался громъ надъ самымъ ухомъ путниковъ, словно часть неба оборвалась съ своихъ основаній, сразу ринулась и разбилась о землю. Путники инстинктивно съежились и моментально заговорили скороговоркою въ одинъ голосъ: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ! Архангелъ Михаилъ, стережи душу и тило, на вѣки вичныи, до суда безконечного, христову душу не чепай, а въ врага Христова попадай, и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь, аминь, аминь!“

Вторичный ударъ молніи и вторично крестьяне, словно сговорясь, въ одинъ голосъ повторили свою молитву.

Верхи сосенъ гулко зашумѣли. Крупныя, сочныя капли дождя, задѣвая листья и вѣтки, упали въ разныхъ мѣстахъ на песокъ. Вотъ онѣ пошли чаще, чаще...

Громъ изъ отрывочныхъ и рѣзкихъ ударовъ перешелъ въ раскатистое частое громыханье въ облакахъ.

— Перегоняюцця, замѣтилъ Грыцько. Спутникъ ничего не сказалъ, онъ только поглядѣлъ вверхъ. Дождь усиливался. Крестьяне вывернули кунтуши, напнули ими свои головы и продолжали шествіе.

„Святъ, святъ, святъ“... раздавалось изъ-подъ зипуновъ при каждомъ близкомъ ударѣ грома.

Такъ дошли они до села.

VII.

„Дурный Ясь“.

Нехожденіе прихожанъ въ церковь было главнымъ пунктомъ, на который направились обличительныя рѣчи о. Алипія. Батюшка рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы искоренить языческій обычай, и—нужно таки отдать ему справедливость—рѣдкій проповѣдникъ могъ подобрать съ такимъ искусствомъ всѣ библейскія данныя противъ нечестиваго обычая. Въ одинъ изъ присвятковъ, пользуясь собраніемъ празднаго народа на погостѣ, онъ завелъ длинное собесѣдованіе на эту тему. Батюшка сидѣлъ на табуреткѣ на погостѣ и то говорилъ, то читалъ по книжкѣ, которая лежала у него на колѣняхъ. Десятокъ мужиковъ и бабъ размѣстились на бревнахъ, которыя тутъ-же лежали, и не то слушали, не то тяготились своимъ неопредѣленнымъ, непривычнымъ положеніемъ. Старенькій батюшка никогда ничего подобнаго имъ не читалъ. Они рѣшительно не понимали ни того, *что* имъ читалъ о Алипій, ни тѣмъ болѣе того, *зачѣмъ* онъ имъ читалъ ... Они только слѣпо вѣрили въ цѣлесообразность всего, что дѣлалъ батюшка. „Певне такъ треба... певне ему такъ архирей наказавъ“, думали крестьяне и терпѣливо ждали вечера.

Солнце постепенно шло къ западу. Еще должно быть не долго будетъ говорить батюшка.

— Молиться должно въ храмѣ! Общественная молитва все можетъ,—говорилъ энергически пастырь,—церковная молитва утѣшаетъ... молитва помогаетъ, открываетъ царствіе...

— Дурный Ясько иде! дурный Ясько! Ясько! закричали въ одинъ голосъ дѣти, игравшіе на погостѣ. Клычь его сюды!. Гей Ясь! Сюды! сюды иды!.. Ясь!.. Яську, дурный Яську!

Слушатели о. Алипія повернули головы въ сторону голосовъ. Собесѣдованіе было прервано. Батюшка поглядѣлъ на улицу. Къ погосту съ улицы приближалась небольшая, тощая фигурка съ сильно взъерошенными волосами на маленькой головкѣ. На лицѣ значительно выдѣлялся большой непропорціональный носъ и безсмысленно выпяченныя впередъ глаза, которыми Ясько поворачивалъ такъ странно изъ стороны въ сторону, что можно было подумать, они вотъ-вотъ вывалятся совсѣмъ изъ орбитъ. На немъ было грязное лохмотье, сквозь которое виднѣлись обнаженныя части тѣла. Въ рукахъ онъ держалъ палку, которою судорожно по временамъ стучалъ передъ собой, причемъ ноги его въ это время конвульсивно подергивались и весь его корпусъ трясся, словно въ лихорадкѣ... Припадки конвульсій находили на него періодически. Идетъ Ясько по дорогѣ, затрясется, начнетъ стучать палкою до изнеможенія, устанетъ такъ, что все тѣло потомъ покроется, потомъ тяжело отдышется, отдохнетъ и пойдетъ дальше... Конвульсіи были у него непроизвольной органической потребностью. Пробовали было остановить пляску Яська, но ничего изъ этого не выходило. Внутренняя, незримая сила подергивала тѣло Яська... и когда его держали за руки, онъ уставалъ сильнѣе и кричалъ.

Ясько въ Вырахъ былъ существомъ безобиднымъ. Зла онъ никому не дѣлалъ,—этого было достаточно, чтобы его поочередно кормили въ каждой хатѣ; при томъ-же онъ былъ несчастенъ, и это возбуждало къ нему общую симпатію. Съ нимъ сжились, его любили. Ясько смѣшилъ иногда улицу своими несообразными разсказами. Онъ былъ необходимостью улицы. Безъ него выровская жизнь была-бы неполной. Когда Ясько уходилъ иногда

въ Деркачи или еще куда нибудь на время, на улицѣ въ Вырахъ чего-то не доставало, словно умеръ общій родственникъ всей деревни. Многіе безпокоились: „де-то нашъ Ясь пропадае?..“ Но за то, когда сопровождаемый всѣми дѣтьми, завидѣвшими возвращавшагося Яська, онъ, по истеченіи нѣкотораго времени, опять вступалъ въ деревню, при оглушительномъ лаѣ собакъ,—всѣ лица просіявали... „Ясь вже вернувся...“

О. Алипій хотѣлъ еще о многомъ говорить, не смотря на приближавшееся вечернее время, но появленіе Яська отвлекло вниманіе его слушателей, спутало всѣ его мысли и произвело сумбуръ въ дальнѣйшемъ планѣ... Съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ, но не безъ любопытства, смотрѣлъ онъ на приближавшагося эпилептика, о которомъ раньше слышалъ.

Ясько вошелъ на цвинтарь, дико глядя по сторонамъ и поднявъ палку, словно ожидая нападенія собакъ. Кто-то сказалъ, что нужно у батюшки ручку поцѣловать. Ясько моментально спряталъ палку подъ мышку и, весь какъ-то сгорбившись, неуклюже подошелъ къ о. Алипію и поцѣловалъ у него руку. Батюшка благословилъ его... „Це дурный Ясь“, сказалъ кто-то, какъ бы рекомендуя. Ясько совершенно не придалъ никакого значенія этой нелестной для него рекомендаціи или, вѣроятно, онъ слишкомъ привыкъ къ ней... Выпрямившись и глядя съ презрительнымъ выраженіемъ на толпу, онъ замахалъ рукой, какъ бы крестясь, затѣмъ подошелъ къ лежавшему невдалекѣ бревну и сталъ перепрыгивать чрезъ него то одной ногой, то другой.—Когда Ясь дѣлалъ прыжокъ одной ногой—въ одну сторону, то говорилъ—„оце тоби, Боже“, а когда вслѣдъ за тѣмъ прыгалъ другой ногой—на другую сторону, то говорилъ—„а це мени, Боже“ и т. д. Начавши довольно спокойно свои прыжки, Ясько постепенно увлекался и прыгалъ все нервнѣе и нервнѣе. Нельзя было спокойно глядѣть на эту странную, оборванную фигурку съ длиннымъ носомъ, которая, трясясь, судорожно вертѣлась надъ бревномъ съ самымъ серьезнымъ, дѣловымъ выраженіемъ лица. Кругомъ громче всѣхъ смѣялись дѣти. Улыбались и взрослые. О. Алипій тоже много смѣялся.

Но въ это время изъ толпы выступилъ самый почтенный изъ крестьянъ, бѣлобрысый старикъ съ трясшеюся головой отъ дряхлости и наставительно сказалъ:

— Чого сміетеся? не бачилы, чи що? То винъ такъ Богу молыцця. Дарма, що дурный, а всежъ молыцця. Бо хто ёму може заказать молытыся такъ, якъ винъ хоче? Бо хоть винъ и дурный, але его Богъ почуе за ёго несчастне житте...

Эти слова сразу сняли улыбку съ лицъ. Всѣмъ стало какъ-то неловко, и фигурка дурного Яська вовсе не представлялась уже такой смѣшной, какъ вначалѣ.

— Оце Тоби, Боже! оце мини, Боже! твердилъ между тѣмъ Ясько, усиливая прыжки.

Отцу Алипію было очень не по себѣ... Онъ, который столько разъ внушалъ почтеніе ко всѣмъ, и особенно къ старшимъ, и наставительно запрещалъ малолѣтнимъ смѣяться надъ кѣмъ бы то ни было, онъ самъ увлекся...

А между тѣмъ Ясько все прыгалъ и прыгалъ... Вглядѣвшись въ его физіономію, о. Алипій замѣтилъ въ ней черты глубокой серьезности и сосредоточенности, которыя раньше ускользали отъ его вниманія. Ясько не просто прыгалъ, а какъ будто священнодѣйствовалъ... Охваченный какимъ-то мистическимъ экстазомъ, онъ подкидывалъ ноги все выше и выше, глаза его горѣли и, страшно выпяченные, смотрѣли вверхъ въ одну точку; на лбу показались морщины, мокрые волосы въ безпорядкѣ падали на лобъ и тряслись. Палки онъ не выпускалъ изъ рукъ,— онъ крѣпко сжалъ ее по срединѣ. „Оце тоби, Боже! А це мени, Боже!“—хрипѣлъ онъ, задыхаясь и наливаясь кровью.

— Упаде, упаде, розибьецця.. заговорили въ толпѣ. Треба вытащиты зъ пидъ него колодку...

Одинъ крестьянинъ подошелъ къ Яську сзади, взялъ конецъ бревна, надъ которымъ прыгалъ Ясько, и, не приподымая его, осторожно вынулъ его изъ-подъ ногъ. Ясько продолжалъ прыгать, не замѣчая отсутствія бревна, и, наконецъ, страшно измученный, весь мокрый отъ пота, повалился на землю, бормоча что-то такое про себя безсвязное. Его окружила толпа. О. Алипій смотрѣлъ вмѣстѣ съ другими.

Ясько тяжело дышалъ, закрывши глаза. Эпилептическій припадокъ кончился. На него страшно было глядѣть. Можно было подумать, что его только что вытянули изъ воды.

— Батюшка, скажить-но вы намъ: чи то винъ и направди молыцця, чи ни? Бо винъ хоть и дурный, а всежъ въ ему есть Божья душа...—обратились нѣкоторые крестьяне къ о. Алипію. Съ этимъ же вопросомъ обращались они и прежде къ покойному батюшкѣ, но тотъ бывало все говорилъ: „запытайте его... Ему липше знаты, що винъ робыть. А въ решти, Богъ насъ всихъ розсудыть на тому свити“.. Хотѣлось узнать мнѣніе новаго батюшки.

Отцу Алипію вопросъ сначала казался непредставлявшимъ никакихъ особенныхъ затрудненій для рѣшенія, и онъ даже началъ было говорить, что „тутъ никакой молитвы нѣтъ, что это беззаконіе одно, въ нѣкоторомъ родѣ пляска Ваала“. Но когда ему замѣтили, что Ясь иначе не можетъ молиться, онъ спутался въ объясненіи и очень былъ радъ, когда къ нему опять подошелъ псаломщикъ и сказалъ:

— Этъ, захотилы вы зъ нымы балакаты про сего дурня... Дурный бувъ—дурный и буде. Винъ—варьятъ...

О. Алипій такъ и ушелъ съ погоста, не разъяснивъ окончательно крестьянамъ предложеннаго ими вопроса и какъ бы не обративъ на него вниманія. Но, оставшись наединѣ, самъ съ собою, онъ не могъ отвязаться отъ многихъ мыслей, на которыя его невольно наталкивало видѣнное и слышанное. Какъ человѣкъ еще молодой, свѣжій, не втянувшійся въ тину тѣхъ опредѣленныхъ преданій, которыми такъ неприступно бываетъ окутана жизнь иного деревенскаго батюшки, о. Алипій отзывался на всякое живое впечатлѣніе и, по семинарской привычкѣ,—„анализировалъ“ свои впечатлѣнія

„Въ самомъ дѣлѣ, раздумывалъ смущенный о. Алипій, молился онъ или не молился? Если предположить, что онъ молился хотя-бы и по своему, по дурацки, но все-же молился,—какъ думаютъ крестьяне, и если его молитву слышитъ Богъ, то выйдетъ, что всякій имѣетъ право молиться какъ хочетъ и, конечно, тогда нужно будетъ признать, что и крестьяне, стоящіе „на цвинтари“, у стѣнки, тоже молятся. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же об-

щественное богослуженіе? Зачѣмъ онъ такъ возстаетъ противъ обычая, издавна укоренившагося? Нѣтъ, нѣтъ!.. Нужно ставить вопросъ принципіально: можетъ ли сумасшедшій молиться или нѣтъ?“

О. Алипій рѣшалъ вопросъ и такъ и сякъ, и путался въ своихъ мысляхъ... Не было человѣка, съ которымъ онъ могъ бы посовѣтоваться, поговорить, обмѣняться мыслями. И тутъ только вспомнилъ онъ, какъ бывало въ семинаріи онъ рѣшалъ „метафизическія проблемы бытія“ съ одной стороны и съ другой стороны... И не было вопроса, котораго онъ тогда не рѣшилъ бы по принципу. Не было еще на землѣ философа, котораго онъ не могъ бы раскритиковать съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. О, тогда онъ вырабатывалъ „міросозерцаніе“... Но это все было, прошло. Случись тогда Ясько съ его эпилептической пляской, онъ, конечно, „освѣтилъ бы этотъ феноменъ съ субстанціально-раціональной точки знѣнія“ и сомнѣній не было-бы; но теперь, въ Вырахъ, среди болотъ пинскаго полѣсья, онъ почему-то былъ нѣсколько смущенъ. Чуялось ему, что „дурный Ясь и отношеніе къ его пляскѣ крестьянъ“ не такъ-то легко укладываются въ „формы категорическаго мышленія, что тутъ— что-то этакое... другое, такъ сказать новое“... Что именно?—о. Алипій не могъ себѣ скоро уяснить. „Крестьяне... тѣ по крайней мѣрѣ прямолинейнѣе: они увѣрены, что Ясь молится, хотя его молитва не какъ у всѣхъ, а свойская молитва... А онъ не можетъ ничего сказать...“

И почувствовалъ себя впервые о. Алипій безпомощнымъ и внутренне попенялъ на себя, что онъ не успѣлъ еще выработать себѣ такое міросозерцаніе, на основаніи котораго онъ могъ бы рѣшать всѣ недоумѣнные вопросы своей пастырской практики. Но онъ не падалъ духомъ. Даже въ лѣсахъ, на болотѣ онъ все таки не терялъ еще надежды „выработать міросозерцаніе“, потому что, какъ сказалъ какой-то мыслитель, „выработать міросозерцаніе—никогда не поздно“... И бывали дѣйствительно случаи, что люди пожилые учились, напр. Франклинъ, Игнатій Лойола... Много, много припомнилъ о. Алипій разныхъ именъ по этому случаю. Онъ пересмотрѣлъ всѣ свои книги, какія случайно до-

стались ему. Ихъ было не много: „Догматика“ Макарія, проповѣдническіе сборники разныхъ авторовъ, „Теорія словесности“ Бѣлорусова, греческая и латинская грамматики, „Самодѣятельность“ Смайльса,—неизвѣстно, какимъ образомъ очутившаяся въ библіотекѣ о. Алипія, „Обзоръ философскихъ ученій“ Остроумова, „Основное Богословіе“ Августина. и др. На послѣднее онъ надѣялся, какъ на камень. Оно всегда ему нравилось убѣдительностью доводовъ противъ отрицательной критики: Ренанъ, Штраусъ, Фейербахъ, Шиллеръ и Гете побивались у Августина безпощадно и рѣшительно во имя семинарскаго догматическаго мышленія.

Но увы, ни одинъ учебникъ, ни одна изъ извѣстныхъ ему книгъ, не затрогивали вопросовъ о молитвахъ выровскаго полѣшука и дурного Яська.

Однажды, встрѣтивъ Яська наединѣ, о. Алипій нарочно подозвалъ его, завелъ въ палисадникъ и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Пока разспросы касались его жизни, мѣста, гдѣ онъ живетъ, родныхъ, рода занятій и пр., Яська не обнаруживалъ никакихъ безпокойныхъ движеній. Его отвѣты не всегда были удачны,—онъ иногда отвѣчалъ невпопадъ, путаясь и повторяя вопросы батюшки. Но когда рѣчь заходила о молитвѣ и вѣрѣ, Яська начинало постепенно подергивать.

— Ты вѣруешь въ Бога? спросилъ его о. Алипій.

Яська сталъ переминаться съ ноги на ногу.

— Ты знаешь, хто такій Богъ?

— Хто такій Богъ...—меланхолично и вяло повторилъ Яська робкимъ, какъ бы не своимъ голосомъ и перевелъ глаза съ батюшки въ пространство. Взглядъ его остановился на одной точкѣ въ пустомъ пространствѣ. Казалось, будто онъ припоминалъ что-то. Батюшка ждалъ.

— Що-жъ ты мовчишь? Говори, Яську, знаешь? О. Алипій самъ робѣлъ, замѣтивъ у Яська слишкомъ явный переходъ отъ нормальнаго состоянія въ ненормальное.

— ...Говори, знаешь... тѣмъ-же автоматическимъ голосомъ повторилъ Яcько послѣднія слова батюшки. Тутъ о. Алипій окончательно убѣдился, что его вопросы не представляли болѣе для Яська никакихъ мыслей, что они, какъ эхо, только отражались въ его ухѣ и безсознательно повторялись языкомъ. Очевидно было, что его умъ виталъ въ той спеціальной сферѣ идей, которая и осталась загадкою для батюшки.

— Ты молишься? спросилъ тогда прямо о. Алипій.

— ...Молишься... Вдругъ все существо несчастнаго задрожало, словно по нему пробѣжала электрическая искра... и передъ глазами батюшки повторилась знакомая уже намъ сцена молитвеннаго экстаза. Но была, впрочемъ, маленькая разница между пляской тогда и теперь. Тогда Яcько прямо бѣжалъ на церковь съ цѣлью молиться... А теперь онъ началъ молитву правильно. Но съ „Царю небесный“ перескочилъ на „Отче“, потомъ сбился и перешелъ на „Вѣрую“ и, заговоривъ въ концѣ что-то такое безсвязное, кончилъ восклицаніями—„оце Тоби, Боже! оце мени, Боже!“

Сомнѣній больше не оставалось. Яcько дѣйствительно молился и самые сильные эпилептическіе припадки у него были тѣ, которые вызывались его молитвеннымъ настроеніемъ.

Изъ разспросовъ о Яcькѣ батюшка узналъ, что онъ въ молодости былъ совершенно здоровъ, набоженъ, постоянно посѣщалъ церковь и любилъ путешествовать по святымъ мѣстамъ. Онъ не опускалъ ни одного богослуженія, ни католическаго отпуста. Признаки помѣшательства обнаружились на пожарѣ... Горѣла Яcькова хата. Отецъ и мать съ дѣтьми выскочили изъ огня, а Яcько спалъ на чердакѣ. Его не успѣли разбудить. Всѣ думали, что онъ погибъ. Въ толпѣ, окружавшей горѣвшій домъ, только и слышно было: „Яcько, Яcько!“ Отвѣта долго не было. Когда огонь обхватилъ все строеніе, вдругъ въ дверяхъ, словно привидѣніе, показалась фигура какъ-бы горѣвшаго человѣка. Съ раздирающимъ душу крикомъ онъ бросился впередъ чрезъ огонь... Полумертваго его вытащили изъ обгорѣвшихъ бревенъ. Цѣлый день лежалъ онъ въ забытьи, словно мертвый, безъ признаковъ жизни. Никто не думалъ, что Ясь возвратится къ жизни. Онъ

возвратился, но для иной жизни: своихъ знакомыхъ уже не узнавалъ болѣе и совершенно не понималъ, о чемъ его спрашивали. Потомъ онъ немножко отошелъ, но здраваго разсудка совершенно лишился. Съ тѣхъ поръ видъ зарева отъ пожара приводилъ его въ оцѣпенѣніе: онъ ревѣлъ не своимъ голосомъ и хватался, дико глядя глазами, за голову. Отъ него старались скрыть видъ зарева, но не всегда это удавалось...

Знакомство съ Яськомъ было не безполезно для батюшки. Оно пробудило его любознательность и заставило поближе присмотрѣться, какъ молится полѣшукъ. О. Алипій узналъ много интереснаго, чего не говорилъ ему ни одинъ учитель въ волынской семинаріи. Онъ узналъ, что молитвой его паствы управляетъ не православный катехизисъ, а народное преданіе, и что, слѣдуя этому преданію, полѣшукъ молится „сонейку," щобъ вышло та засвитыло на счастье людямъ", молится „мисяцю"и его „кватырамъ: старику, молодыку, подсіому и пивдню, щобъ Господь Богъ далъ старому-старость, молодому—молодость и всѣмъ хлибъ и спуръ", молится звѣздамъ и особенно „свитовой зорѣ", „щобъ свитыла свитло, та дорогу сонейку показовала"... Особыя молитвы говоритъ полѣшукъ въ снѣжную „мрю", въ „шквырюзавійныцю", когда пурга заноситъ его убогую хату, и особыя—въ ясную, тихую, звѣздную ночь при видѣ млечнаго пути, который возбуждаетъ въ полѣшукѣ много суевѣрныхъ представленій. Есть у него особыя молитвы на „навьскій великдень", на „Юрка и Палыкопу" и на такихъ святыхъ, о которыхъ и помину нѣтъ въ православныхъ святцахъ.О. Алипій въ ужасъ пришелъ, когда узналъ объ этихъ святыхъ и молитвахъ, посвященныхъ ихъ памяти. Онъ узналъ, что существуютъ на полѣсьи „попивскіи свята и непопивськіи" и что на ряду съ священникомъ, читающимъ молитвы въ церкви, народъ уважаетъ одинаково и знахаровъ, знающихъ не меньше молитвъ, чѣмъ батюшка.

— И чого це ты причепывся до того Яська, мовъ та слѣта?— пилила не разъ своего мужа Анисья Элпидифоровна. Яке тоби до него дило? Подумаешь, другого дила немае? Ось жито пора

возыты... перележить въ поли... и пшеныця до спиху иде... На току ничого не приготовляно. Лежню ты! Тай зновъ-же и про мене треба де-що загадаты...

И она выступила передъ нимъ своей ясно говорившей за самое себя фигурой...

— Оце хто...

Но далѣе мысли Анисьи Элпидифоровны и безъ того были, кажется, слишкомъ ясны для о. Алипія.

О. Алипій вздыхалъ. Тяжеленько ему таки пришлось въ началѣ пастырской дѣятельности; что и говорить... Хуже всего было то, что эта дѣятельность, представлявшаяся за школьной скамьей въ такомъ отрадно-идеальномъ свѣтѣ, такъ нѣкогда подымавшая энергію въ его мечтательной натурѣ, въ дѣйствительности оказалась такой обыденно-сѣрой, непривлекательной, что о. Алипію подогрѣвшему свое воображеніе идеалами,—становилось положительно горько въ душѣ. Но это было только начало. Чуялось молодому батюшкѣ, что впереди еще очень много... что пока ничего особеннаго еще не случилось.

О. Алипій не ошибся въ своихъ предчувствіяхъ.

Ѳ. А. Кудринскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГРОМОВЫЯ СТРѢЛКИ.

ОЧЕРКЪ ПО ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКАГО ФОЛЬКЛОРА.

I.

Въ богатой и разнообразной области южно-русскихъ народныхъ повѣрій занимаетъ важное мѣсто извѣстное повѣріе о такъ называемыхъ „громовыхъ стрѣлкахъ“. Белемниты, куски расплавленнаго электричествомъ молніи песка или камня, считаетъ народное воображеніе за самое существо молніи, за тѣ огненные зигзаги, которые появляются отъ поры до времени на небосводѣ, гоняясь по велѣнію управляющаго ими бога-громовника за всякими нечистыми духами и чудовищами. Исполнивъ свое карательное назначеніе или преслѣдуя укрывшагося подъ землей противника, падаетъ эта стрѣлка глубоко—обыкновенно на 7 локтей или сажень—въ землю; послѣ постепенно подымается она все выше и наконецъ послѣ 7 дней, 7 мѣсяцевъ или 7 лѣтъ выходитъ совсѣмъ наружу [1]).

[1]) См. П. П. Чубинскій „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край“, Спб. 1872, I, 21; В. Н. Ястребовъ, Матеріалы по этнографіи новороссійскаго края, Одесса, 1894, 6; В. М. Козарищукъ, Изъ буковинскихъ карпатскихъ горъ, въ журналѣ „Наука“, Вѣна, 1890, 24; Зоря, лит. журналъ, Львовъ, 1887, 44; Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej, IX, 60, X, 86; Е. Р. Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, Витебскъ, 1891, IV, 156; А. Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, Москва, 1865—69, I, 245—8, II, 367; Dr. Hanuš Máchal, Nákres slovanského bájeslovi, Прага, 1891, 65, и др.—По инымъ варіантамъ стрѣлка выходитъ изъ земли каждый годъ однимъ сажнемъ выше (Ястребовъ, ibid.; Zbiór wiadomości, ib.).

Стрѣлки принимаютъ на землѣ разнообразныя формы; обыкновенно это тонкіе прутики или круглыя пули [1]). Также становятся онѣ порою желтыми, какъ свѣча [2]).

На томъ мѣстѣ, гдѣ находилась громовая стрѣлка, нельзя ставить никакой постройки, такъ какъ послѣ 7-ми лѣтъ громъ опять ударитъ въ то-же самое мѣсто [3]).

Съ другой стороны, однако, громовая стрѣлка считается вліятельнымъ амулетомъ противъ удара грома и сохраняется по домамъ въ защиту отъ него [4]).

И вообще счастливъ тотъ, кто найдетъ громовую стрѣлку, такъ какъ она обладаетъ разными чудесными свойствами. Она приноситъ счастье и богатство дому, въ которомъ сохраняется, отводитъ отъ него всякія бѣдствія, чары и злыя силы, и наконецъ лечитъ нѣкоторыя болѣзни людей и скота. Потому стрѣлки пользуются повсемѣстно уваженіемъ народа и сохраняются въ домахъ, какъ амулетъ изъ рода въ родъ [5]).

Представленіе о чудесномъ существѣ громовыхъ стрѣлокъ свойственно не однимъ только русскимъ повѣріямъ, но распространено широко у всѣхъ другихъ славянъ и западно-европейскихъ народовъ; оно извѣстно также многимъ первобытнымъ

---

[1]) У латышей стрѣлка имѣетъ видъ куринаго яйца (Ѳ. Я. Трейландъ, Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, въ Извѣстіяхъ имп. общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ, Труды этнографическаго отдѣла, VI, 195.); въ сицилійскихъ повѣріяхъ имѣетъ видъ мраморныхъ яицъ (Wisła, miesiącznik geograficzno-etnograficzny, Варшава, III, 821.); въ Норвегіи это круглые камни (Edward B. Tylor, Die Anfänge der Cultur, übers. von Spengel-Foske, Лейпцигъ, 1873, II, 167).

[2]) Ястребовъ, Матеріалы. l. c.—У латышей стрѣлка черна (Трейландъ, l. c.).

[3]) Máchal, Nákres slov. baj. l. c; Zbiór, ibid.—У моравскихъ славянъ на томъ мѣстѣ находятъ кладъ (Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien, XII, 159).

[4]) Аѳанасьевъ, op. cit. I, 245—8; Романовъ, Бѣлор. сб. l. c. и др.

[5]) Чубинскій, Труды, I, 21; Зоря, 1887, 44; Lud, organ towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, II, 39; Zbiór wiadomości, l. c.; Романовъ, Бѣлор. сборн. l. c. и др.—У бѣлоруссовъ кладутъ также стрѣлку на нѣкоторое время подъ престолъ въ церкви, послѣ чего она становится хорошей „на пчелы“; освященная на пасху отгоняетъ вѣдьмъ (Романовъ, ibid., примѣчаніе 1 и 2).—У моравскихъ чеховъ стрѣлка открываетъ въ страстную недѣлю клады (Mittheilungen der anthropol. Gesellschaft. XII, 160).

народамъ Азіи, Африки, Америки, и Полинезіи. Характеристическія черты повѣрія вездѣ болѣе или менѣе однѣ и тѣ-же; громовая стрѣлка падаетъ глубоко въ землю и въ продолженіи нѣкотораго времени вылазитъ постепенно назадъ на верхъ земли; кто ее найдетъ, сохраняетъ ее старательно, какъ могущественный амулетъ или фетишъ; она даетъ счастье, лѣчитъ болѣзни и хранитъ домъ отъ огня и грома [1]).

Отдѣльныя мѣстныя измѣненія въ этомъ повѣріи въ общемъ незначительны и несущественны. Напр., поляки закапываютъ стрѣлку, чтобы сохранить домъ отъ грома, подъ порогъ [2]); южные славяне носятъ ее всегда съ собою, какъ личный амулетъ [3]); въ Норвегіи, въ прошломъ столѣтіи въ каждый четвергъ вечеромъ стрѣлку мыли, помазывали масломъ и клали на свѣжую солому [4]). Другія отмѣны указаны выше, въ подстрочныхъ параллеляхъ къ русскому повѣрію.

---

[1]) Máchal, Nákres, l. c.; Вукъ С. Караджичъ, Живот и обичаји народа српскога, Вѣна, 1867, 66; Mittheilungen der anthr. Ges. XII, 159—160, XVI, 151—2; Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, Загребъ, 1863, VII, 244; Jacob Grimm, Deutsche Mythologie, изд. 4-е, Берлинъ, 1875—8, I, 149, II, 1021—2, III, 67; E. H. Meyer, Germanische Mythologie, Берлинъ, 1891, 91; Mittheilungen der Gesellschaft für Salzburger Landeskunde, XXXV (1895), 202; Tylor, Die Anfänge der Cultur, II, 263—5; Am Urquell, Monatsschrift für Volkskunde, Вѣна-Лейпцигъ, IV, 89; наибольше, однако, международнаго матерьяла собрано въ цѣнной книгѣ Rich. Andree, Ethnographische Parallelen und Vergleiche, Neue Folge, Лейпцигъ, 1889, 30—41.

[2]) Andree, op. c. 34.

[3]) Mittheilungen d. anthrop. Ges. XVI, 151—2; Караджичъ, Живот и обичаји, 66.

[4]) Tylor, Anf. d. Cultur, II, 167.—Четвергъ былъ у многихъ европейскихъ народовъ посвященъ божеству грома и плодородія, а послѣ—другимъ возникшимъ изъ его отпрысковъ миѳическимъ существамъ, какъ напр.: долѣ, домовому и др. Ср. A. Brückner, Mythologische Studien, въ Archiv für slavische Philologie, XIV, 187, 191; тотъ-же, Kazania średniowieczne, въ Rozprawy akademji, umjejętności w Krakowie, wydział filologiczny, серія II, т. IX, 321—3; Dr. Čeněk Zibrt, Seznam pověr a zvyklosti polanskych z VIII věku, Прага, 1894, 104—9, тотъ-же, Skřitek v lidovem podáni staročeském, Прага, 1891, 20—21; Grimm, Deutsche Mythologie, I, 159, III, 70—71 и др.; Meyer, Germ. Myth. 140—41, и мн. др.

II.

Въ русской литературѣ сообщенія о громовыхъ стрѣлкахъ начали появляться очень рано. Они зашли на Русь впервые въ XII—XIII вв. въ Толкованіи Аѳанасія александрійскаго на Псалтырь, которое было вообще однимъ изъ первыхъ извѣстныхъ на Руси византійскихъ источниковъ свѣдѣній о мірѣ и природѣ[1]). Съ тѣхъ поръ сдѣлались „Правила Аѳанасія мніха іерусалимского о наоузѣхъ и о стрелѣ громнѣй" одной изъ постоянныхъ статей древне-русскихъ алфавитовъ, палей и другихъ сборниковъ. Эти „правила" объясняютъ существо и значеніе громовыхъ стрѣлокъ слѣдующимъ образомъ: „стрѣлки и топори громніи нечⷭ҇твая и бⷭ҇гомерьзъская вещь, аще недоучы и подсыванія и ѡгненныя болести лѣчить, аще и бѣсы изгонитъ и знаменія творитъ"[2])... Эти сообщенія Аѳанасія ходили въ русской литературѣ вплоть до XVI—XVII вв. Съ этого времени, однако, когда широкая волна западно-европейской культуры принесла съ собою на Русь также пеструю массу новыхъ космографическихъ теорій, вытѣсняя прежніе византійскіе устои, тогда, между прочимъ, должны были и правила Аѳанасія о громныхъ стрѣлкахъ уступить мѣсто аналогическимъ сообщеніямъ западныхъ космографій и люцидаріевъ[3]).

Западныя описанія стрѣлокъ были двоякаго рода. Одни утверждаютъ, что стрѣлки происходятъ изъ какого-то острова, находящагося вблизи Сциллы и Харибды, на которомъ ихъ куютъ кузнецы-циклопы: „близ прилѣжит островъ, въ немже

---

[1]) В. Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, Кіевъ, 1869, 62.

[2]) А. Востоковъ, Описаніе русскихъ и словенскихъ рукописей румянцовскаго Музеума, Спб. 1842, с. 3, 283, 306, 325 и др. Памятники древней письменности, Спб. 1879, IV, 142; Лѣтопись занятій археографической коммиссіи, Спб. 1865, III, 97; Матеріалы для археографическаго словаря, въ Древностяхъ, Трудахъ московскаго археолог. общества, IV, 51—2; А. Галаховъ, Исторія русской словесности. древней и новой, Спб. 1863, I, 143, и др.

[3]) Н. Петровъ, О вліяніи западно-европейской литературы на древне-русскую, въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи, 1872, II, 714; Галаховъ, Ист. р. слов., I, 142—3.

суть ковачы, якоже повѣдаютъ намъ языческія книги, еже они куютъ громовыя стрѣлки..., нарицают-же-ся тѣ кузнецы циклопесъ“ [1])...

Другія сообщенія люцидаріевъ стараются принять уже больше физіологическій, псевдо-научный характеръ: „егда убо воздухъ и огнь вкупе смесится, тогда бываетъ на воздусе стукъ столь великъ, еже мы слышимъ и на земли, і то есть громъ: і егда убо воздухъ растерзается отъ огня, сице стреляетъ тои огнь долу, еже то есть громовыя стрелы; и егда те стрелы пріидутъ на землю, обретаются видомъ серы, приемлюще отъ воздуха дебѣлость свою“ [2]).

Въ люцидаріи Тихонравова выражена мысль о сущности стрѣлокъ немного иначе: „и исходятъ на землю падающе стрѣлки громныя и топорки сереведны и сіе бываетъ на оустрашеніе дѣмономъ“ [3]).

Кромѣ византійскихъ „правилъ“ и сообщеній западно-европейскихъ люцидаріевъ, не находимъ въ древне-русской литературѣ никакихъ другихъ упоминаній о громныхъ стрѣлкахъ; объ оригинальныхъ чертахъ народнаго повѣрія нѣтъ въ ней, конечно, ни помину.

III.

Изъ приведенныхъ выше аналогій повѣрія о громовыхъ стрѣлкахъ у разныхъ народовъ міра, убѣждаемся наглядно въ

---

[1]) Н. Тихонравовъ, Лѣтописи русской литературы и древности, Москва, 1859, I, отд. 2-е, 52; И. Я. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ соловецкой библіотеки, Спб. 1890, 438.—Также въ нѣмецкомъ люцидаріи изъ 1491 г. Ср. Karl Simrock, Die deutscher Volksbücher, Франкфуртъ н. М., 1867, XIII, 395: „Dabei liegt eine Insel, darin sind Schmiede: die heidnischen Bücher sagen, sie schmieden Donnerstralen..., die Schmiede heissen Cyklopen“.

[2]) Порфирьевъ, Апокриф. сказанія о новозав. лицахъ и пр., 447.—Такъ-же въ нѣмецкомъ люцидаріи Симрока: „wenn die Donnerstralen auf die Erde kommen, so werden sie eisengrau: die Farbe nehmen sie von der Luft, wo sie hindurchschiessen (Die deut. Volksbücher, XIII, 405).

[3]) Лѣтописи русской литературы и древности, I, отд. 2-е, 57—8).

томъ, что его нельзя считать принадлежностью одного или другого народа или какой-либо опредѣленной эпохи, что о заимствованіи или бродячемъ характерѣ повѣрія отъ одного народа къ другому въ этомъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ; оно принадлежитъ къ тѣмъ культурнымъ мотивамъ, которые возникаютъ вездѣ самостоятельно и непосредственно изъ общей сокровищницы человѣческаго духа и, слѣдовательно, общи всему человѣчеству. Такимъ-же образомъ, должно быть, это повѣріе возникло и на Руси.

Невѣроятнымъ кажется также предположеніе, не повліяли-ли на образованіе народнаго повѣрія о громовыхъ стрѣлкахъ, или по крайней мѣрѣ на его отдѣльныя черты и краски, книжныя, зашедшія извнѣ сообщенія русской литературы, которыя во многомъ сходны и тождественны съ ними. Мы видимъ, однако, что отмѣченныя въ литературѣ черты повѣрія находятся не въ одномъ только русскомъ преданіи, но и въ преданіи самыхъ отдаленныхъ и первобытныхъ народовъ. Спеціальныхъ-же мотивовъ, общихъ только народному повѣрію и литературной традиціи на Руси, которые могли-бы указывать на какую-либо генетическую связь между ними, найти нельзя; напротивъ, тѣхъ чертъ книжныхъ сообщеній, которыя не встрѣчаются въ живомъ преданіи другихъ народовъ, какъ напр. о кованіи стрѣлокъ циклопами, не находимъ и въ русскомъ преданіи.

Въ виду этого нельзя предполагать, чтобы эти книжныя сообщенія произвели на народное воображеніе какое-либо впечатлѣніе, подобно другимъ средневѣковымъ космографическимъ или религіознымъ новинкамъ; они являлись только простымъ повтореніемъ или блѣднымъ снимкомъ съ представленія, вышедшаго изъ древнихъ основъ народной миѳологіи.

IV.

Первыя начала каждой миѳологіи основываются на обожествленіи природныхъ и атмосферическихъ явленій; наибольше-же поражаютъ примитивное воображеніе явленія грома и молніи.

И у древнихъ славянъ, по единодушному признанію изслѣдователей, были громъ и молнія центромъ религіозныхъ вѣрованій и культовъ. Богъ Перунъ, олицетворявшій въ себѣ эти физическія явленія, какъ тоже животворную небесную влагу, располагалъ властью надъ цѣлою жизнью земли. Онъ соединялъ въ себѣ оба зиждущія міръ начала—доброе и злое, свѣтлое и темное. Какъ распорядитель небесной влаги, онъ сѣялъ и напитывалъ благодатными соками земную жизнь; управляя громомъ и молніей, онъ могъ карать и уничтожать ими своихъ противниковъ [1]).

Христіанство не скоро успѣло низвергнуть и вытѣснить могущественнаго языческаго бога. Вплоть до конца среднихъ вѣковъ поклонялся ему неизмѣнно двоевѣрный народъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя церковныя поученія и наставленія XIII—XV вв., исполненныя порицаній и проклятій на вѣрующихъ въ Перуна и приносящихъ „трѣбокладенія грому".

Мало-по-малу поблекло и затерялось однако грозное имя бога-громовника, а самое существо его, подъ настойчивымъ вліяніемъ христіанства и внесеннаго имъ міровоззрѣнія, раздробилось на нѣсколько отдѣльныхъ стихійныхъ существъ [2]). Со вре-

---

[1]) Ср. А. С. Фаминцынъ, Божества древнихъ славянъ, Спб. 1884, I, 32—3, 35—7, 141—8; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. славянъ, I, 90—1, 278—сл., 562—сл., и др.; С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Москва, 1874, I, 74, 299—301; Gregor Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, изд. 2-е, Грацъ, 1887, 383—6; Máchal, Nákres slov. bájeslovi, 20—4; I. Jireček, Studia v oboru mythologie české, въ Časopis Musea Král. česk. 1863, 154—6; W. A. Maciejowski, Pierwotne dzieje Polski i Litwy, Варшава, 1846, 136—сл., и мн. др.

[2]) Представленіе объ особыхъ управляющихъ отдѣльными стихійными явленіями духахъ или ангелахъ зашло на Русь въ писаніяхъ греческихъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства, которые получили его опять изъ древне-іудейскихъ апокрифовъ, изъ книги Эноха, Малаго Бытія, Завѣта Адама и др. (И. Порфирьевъ, Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, Казань, 1872, 134, 171—2, 233—4; тотъ-же, Апокриф. сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ по рукописямъ соловецкой библіотеки, Спб. 1877, 21—9; В. Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи, 542; Gustav Roskoff, Geschichte des Teufels, Лейпцигъ, 1869, I, 218—9; A. Graf, Naturgeschichte des Teufels, Iena, 70—83, и др.—Въ позднѣйшихъ памятникахъ древне-русской литературы, происходившихъ изъ Византіи, приписывается управленіе громомъ также нѣсколькимъ или

менемъ эти миѳическія существа получили имена разныхъ христіанскихъ святыхъ; главнымъ-же заступникомъ языческаго Перуна и преемникомъ его аттрибутовъ сдѣлался пророкъ Илія [1]).

Вліянію богумильскаго дуализма слѣдуетъ приписать встрѣчающееся мѣстами представленіе о томъ, что управленіе атмосферическими явленіями перенялъ отъ Перуна также діяволъ и его служители, колдуны и вѣдьмы [2]).

даже цѣлому вѣдомству ангеловъ. Въ русскомъ спискѣ Пренія Панагіота съ Азимитомъ выражена эта мысль такъ: „Триста англъ держитъ молніа и громъ и два облака оударяются ветром силнымъ, отъ силы оударенія трѣснетъ и молнии пущаются отъ силы ан̃гльска“... (Памятники древней письменности, IV, 60). Болѣе непосредственно слѣдующее сообщеніе одного сборника XVI вѣка: „отъ чего громъ сотворенъ есть?—два ангела громная есть, и елеонъскыи старець Іероунь есть, а хоръ есть жидовинъ“. (Извѣстія имп. Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, Спб. 1855, IV, 134, подстроч.). Въ этихъ словахъ видимъ, между прочимъ, интересное отраженіе ломки древняго языческаго міровоззрѣнія съ наступающими христіанско-апокрифическими началами.

[1]) А. Н. Веселовскій, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, II, 85—слл., VIII, 321—слл.; Фаминцынъ, Божества древ. слав. 125, 312—3; Аѳанасьевъ, Поэт. воззр. I, 261—слл., 469—73; Н. Петровъ, О народныхъ праздникахъ въ юго-западной Россіи, въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи, 1871, IV, 355—слл.; Máchal, Nákres slov. báj. 24—6, и т. д.— Кромѣ Иліи, считаются частичными или случайными замѣстителями Перуна св. Георгій, Петръ, Михаилъ и Марія Магдалина (Огненная Марія), также Богородица и самъ богъ. Однако мнѣніе Аѳанасьева (op. c. III, 465) и слѣдующаго за нимъ Петрова (op. cit. 5ъ8—9), будто принадлежитъ къ нимъ также св. Андрей, ничѣмъ не доказано и основывается на однѣхъ только фантастическихъ догадкахъ и произвольныхъ заключеніяхъ.—На ангеловъ и христіанскихъ святыхъ перешло отъ Перуна также храненіе дождя, небесной влаги. Объ этомъ упоминается еще въ волынско-галицкой лѣтописи конца XIII в., „посла богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя“ (изд. А. С. Петрушевича, Львовъ, 1871, 46). Въ Пренія Панагіота съ Азимитомъ „отъ силы англьска разгибаютца облацы и пущаютъ дождь якожъ и градъ на землю“. (Памятники древн. письм. IV, 60).

[2]) Аѳанасьевъ, op. c. III. 1—15; Graf, Naturgesch. des Teufels, 70—87; Dr. R. F. Kaindl. Die Wetterzauberei bei der Rutenen und Huzulen, Черновцы, 1895.—Въ Буковинѣ вѣрятъ, что въ молніи скрывается нечистая сила (Казаріщукъ, l. c. 22). На Украйнѣ называются громовыя стрѣлки потому также чортовыми пальцами или пазурами (Lud, organ towarz. ludozn., II, 39).—Интересную комбинацію находимъ въ одномъ польскомъ сочиненіи XVIII в. п. з. Seym piekielnij, въ которомъ чортъ-домовой жалуется, что „czasem drudzy bracia na mnie narzekaią,

V.

Наблюдая за произвольными и повидимому безцѣльными движеніями молніи и признавая ее оружіемъ въ рукахъ божества, примитивное воображеніе должно было додуматься и до вопроса, куда и зачѣмъ летаютъ ея огненныя стрѣлы? Вѣря, что земля и воздухъ наполнены массой невидимыхъ духовъ и демоновъ, народное воображеніе остановилось на нихъ и сюда направило удары небеснаго оружія; богъ-громовникъ, Перунъ-ли или Илія, какъ защитникъ правды и добра [1]), ведетъ вѣчную

Piorunem y Lyskawicami y ogniem ciskają" (библіотека Оссолинскихъ во Львовѣ, н-ръ 15, 260, листъ 15). Въ южно-русскихъ преданіяхъ разсказывается о томъ, что первоначально богъ отдалъ громъ и молнію въ распоряженіе діявола; когда тотъ однако сталъ злоупотреблять своей властью, богъ послалъ своего ангела или Илію, отнять у него это страшное оружіе. Тотъ побѣдилъ діявола и отнялъ у него громъ такимъ способомъ, что надъ спавшимъ въ водѣ или нырнувшимъ въ воду діяволомъ сотворилъ ледяное вѣко 24 сажней толщины, такъ что пока онъ пробился сквозь ледъ, Илія или Гавріилъ успѣлъ бѣжать съ громомъ на небо. (Ястребовъ, Матеріалы по этнографіи новорос. края, 119—120; Kaindl. Die Wetterzauberei, 17—18; тотъ-же Kosmogonische Sagen der Rutenen und Huzulen, въ Wissenschaftliche Beilage der Leipziger Zeitung, 1894, Nr. 130, c. 518; Kaindl-Manastyrskij, Die Rutenen in der Bukowina, Черновцы, 1889—90, II, 14, 36—7).—Такимъ-же способомъ добываетъ у сербовъ ангелъ похищенное діяволомъ солнце. (Караджичъ, Српске народне приповијетке, изд. 2-е, Вѣна, 1870, 91—2; N. Nodilo, Religija Srbâ i Hrvatâ, въ Rad jugoslavenske Akademije, т. 81, с. 194; Wissenschaftliche Mittheilungen aus Bosnien und der Hercegovina, Вѣна, 1893, I, 483); Такъ-же отнялъ у него архангелъ Михаилъ ризу или рубаху, въ которой заключалась вся его сила (Кіевская Старина, XVII, 195—7; A. Nowosielski, Lud ukraiński, Вильна, 1857, II, 4—5; Этнографическое обозрѣніе, Москва, 1892, Nr. 2—3, с. 253, и др.).

[1]) Во время борьбы язычества съ наступающимъ христіанствомъ древніе язычники призывали Перуна въ защиту отъ чужого бога (Máchal, op. c. 24).—Даже еще южно-русы XVII вѣка призывали въ борьбѣ съ уніей христіанскаго громовника Михаила: „але надѣемся на бога, иж през Михаила архістратига запрѣтит діяволу покуси и напасти от латинников на Русь". (Е. І. Калужняцкій, Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ Львовскихъ, Кіевъ, 1877, 55).—Въ сербской пѣсни сходитъ съ неба Илія, чтобы громомъ уничтожить зло (кривду) на землѣ (Nodilo Religija Srbâ i Hrvatâ, въ Rad-ѣ, т. 94, с. 114).—Въ вѣрованіяхъ евреевъ Илія считается наилучшимъ небеснымъ другомъ и защитникомъ людей (Am Urquell, IV, 11—14, 42—3, 120—1).—Латыши призываютъ въ заговорахъ и понынѣ Перуна въ защиту отъ болѣзней, домашнихъ и общественныхъ бѣдствій и т. п. (Фаминцынъ, op. c. 101—2).

борьбу съ демонами, чертями, драконами и другими злыми духами. Какъ во многихъ космогоническихъ сказаніяхъ, онъ молніями низвергъ взбунтовавшагося Сатанаила и его чинъ, такъ и послѣ гоняется постоянно за ними и разитъ ихъ своими огненными стрѣлами [1]).

Представленіе объ убиваніи громомъ злыхъ духовъ и демоновъ одно изъ древнѣйшихъ и наибольше распространенныхъ въ цѣломъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно, какъ мы отмѣтили выше, принадлежитъ къ наиболѣе натуральнымъ и непосредственнымъ психологическимъ представленіямъ и основывается на первоначальныхъ атмосферическихъ миѳахъ, на самомъ первичномъ понятіи существа бога-громовника.

Потому едва-ли можно выводить его изъ какихъ-либо другихъ мотивовъ, напр.—изъ сказаній о борьбѣ Зевса съ гигантами (Schmidt l. cit.), изъ предполагаемаго дуализма славянской миѳологіи (Krek, Einleitung, 799—800), или-же изъ позднѣйшихъ богумильскихъ апокрифовъ (Калужняцкій, Обзоръ, 23).

Представленіе это происходитъ прямо изъ миѳологическаго понятія божества грома и молніи, есть его ближайшее слѣдствіе и является связующимъ звеномъ между нимъ и занимающимъ насъ повѣріемъ о громовыхъ стрѣлкахъ.

---

[1]) Ср. Tylor, Auf. d. Cultur, II, 263—7; Аѳанасьевъ, Поэт. поэзр. I, 262—8, 469—73 и др.; Веселовскій, Разысканія, l. c.; Н. Ѳ. Сумцовъ, Культурныя переживанія, Кіевъ, 1890, 400; М. Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и разсказы, Кіевъ, 1876, 16, 42—4, Nowosielski, Lud ukr. II, 165; Чубинскій, Труды, I, 19—24; O Kolberg, Pokucie, obraz etnograficzny, Краковъ, 1882—9, III, 91; Житье и слово, вістник літератури історіи и фольклору, Львовъ, II, 180, III, 137, 218—9, 372, IV 218; В. Д. Гринченко, Этнографическіе матеріалы и прч., Черниговъ, 1895, I, 282; Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, IV, 8, 155—8; Wisła VII, 114; Э. А. Вольтеръ, Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди, Спб. 1887, 8—11; Караджичъ, Живот и обычаји, 66; Meyer, Germ. Myth., 98, 202—сл.; Grimm, D. Myth. I, 144—5, III, 490; Bernhardt Schmidt, Das Volksleben der Neugriechen und das hellenische Alterthum, Лейпцигъ, 1871, I, 33, и мн. др.

VI.

Въ развитіи анимистическихъ миѳовъ, населяющихъ вселенную несмѣтнымъ множествомъ духовъ и демоновъ, замѣчаемъ правильно повторяющееся явленіе, а именно, что этотъ воздушный паръ дѣтской народной фантазіи съ теченіемъ времени все больше застываетъ, становится все опредѣленнѣе и плотнѣе и получаетъ наконецъ органическое тѣло и отвѣчающія ему свойства [1]). Понятно, что съ измѣненіемъ существа духовъ и демоновъ должно было также соотвѣтственно измѣниться и понятіе о карающемъ его оружіи. Безплотнаго, воздушнаго духа могъ убить такой-же лучъ молніи, но въ виду органическаго существа онъ становился уже—въ понятіи народа—безсильнымъ. Такимъ образомъ получили и громовыя стрѣлки свою плотность и „дебѣлость“, но не отъ воздуха, какъ сказано въ приведенномъ выше сообщеніи соловецкаго люцидарія, а отъ самого-же вѣчно развивающагося народнаго воображенія. Съ другой стороны повліяло на развитіе представленія о громовыхъ стрѣлкахъ также непосредственное наблюденіе природнаго явленія, т. е. белемнитовъ, которые такъ и подсказываютъ примитивному уму заключеніе, что это именно и есть роковыя стрѣлы бога-громовника.

Но громовыя стрѣлки обязаны понятію о богѣ-громовникѣ не однимъ только своимъ происхожденіемъ и внѣшнимъ видомъ, онѣ основываются не на одной только воинственной и темной сторонѣ его существа. На нихъ, какъ на отпрыскѣ существа бога плодородія и защитника правды и добра на землѣ, отразился также отблескъ свѣтлыхъ и благотворныхъ чертъ его характера; такъ онѣ сдѣлались благодатнымъ амулетомъ, прино-

[1]) Такіе воплощенные духи вошли уже въ писанія отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства, вполнѣ-же приняли и признали ихъ наконецъ средніе вѣка, когда существо ихъ стало уже до той степени органическимъ, что они не только вліяли и дѣятельно вмѣшивались въ каждое человѣческое дѣло, но могли даже сообщаться съ земными женщинами и производить съ ними нормальныхъ дѣтей. (Ср Graf, Naturgesch. d. Teufels, 9—10, 39—сл.; Roskoff, Gesch. d. Teufels, I, главы X—XI; Л. Шепелевичъ, Очерки изъ исторіи средневѣковой литературы и культуры. Харьковъ, 1890, I, 13—сл., и др.).

сящимъ счастье и богатство въ домъ и защищающимъ его отъ несправедливаго удара грома или отъ колдовства и разной нечистой силы. Можетъ быть, что этотъ послѣдній процессъ произошелъ также на основаніи первобытнаго фетишизма, одухотворяющаго камни и другіе предметы и приписывающаго имъ послѣ сверхъ-естественныя силы.

На всякій случай, однако, громовыя стрѣлки представляютъ собою въ миніатюрѣ полное отраженіе сложнаго существа благодатнаго и грознаго, свѣтлаго и темнаго бога-громовника.

Юльянъ Яворскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Этнографическій музей въ Варшавѣ. Однимъ изъ необходимѣйшихъ условій для правильной постановки у насъ дѣла изученія народной жизни является въ настоящее время устройство этнографическихъ музеевъ. Конечно, условіе это существовало всегда, съ тѣхъ поръ какъ началось это дѣло, но именно въ настоящее время оно требуетъ къ себѣ особеннаго вниманія. Народная жизнь находится теперь въ періодѣ броженія: въ старомъ, вѣками установившемся строѣ пробита брешь; черезъ нее новыя вліянія все съ большей и большей силой вливаются въ застоявшееся сѣрое море, охватываютъ всѣ стороны народной жизни, несутъ съ собой смѣну старыхъ воззрѣній, привычекъ, обычаевъ...

Это движеніе расширяясь и углубляясь, придаетъ народной жизни совершенно новую окраску, одинаково касаясь какъ духовной, такъ и матеріальной сферъ жизни. Послѣдняя матеріальная сторона, обыкновенно первая и подчиняется новымъ вліяніямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, она-то и является наименѣе затронутой научными изслѣдованіями. Нивелирующее вліяніе культуры, хотя бы только внѣшней, сказывается все больше и больше; пройдетъ еще немного времени,—и матеріалъ для такого рода изслѣдованій съузится до minimum'a. Вотъ почему именно теперь, пока еще не поздно, слѣдуетъ серьезно заняться этой стороной дѣла; наряду съ изслѣдованіями, какъ необходимое подспорье для нихъ, должно быть поставлено на очередь и устройство этнографическихъ музеевъ. Болѣе подробный разборъ этого вопроса слишкомъ отвлекъ-бы насъ отъ темы настоящей замѣтки, а потому, отмѣтивъ лишь, что наиболѣе пригодная и удобоисполнимая форма этнографическихъ музеевъ—это музеи областные, обратимся къ варшавскому музею; о немъ мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣ-

сколько словъ, такъ какъ онъ является учрежденіемъ, поставившимъ цѣлью по мѣрѣ силъ пополнять тотъ пробѣлъ, о которомъ упомянулось выше; въ частности на этотъ музей намъ слѣдуетъ обратить вниманіе и потому, что среди его коллекцій есть довольно много предметовъ и южно-русскаго происхожденія.

Поднимаясь по широкой лѣстницѣ Промышленнаго и Сельскохозяйственнаго музея (на Краковскомъ предмѣстьи), на третьемъ этажѣ вы встрѣчаете дверь съ надписью: «Этнографическія коллекціи»; входите, уплачиваете 15 коп. и можете на свободѣ осмотрѣть тотъ этнографическій матеріалъ, который удалось собрать за нѣсколько лѣтъ существованія музея; осматривать можете спокойно, мѣшать вамъ никто не будетъ:—варшавская публика очень рѣдко сюда заглядываетъ [1]). Однимъ неудобствомъ является тѣснота помѣщенія:—коллекціи нагромождены въ 3-хъ небольшихъ комнатахъ; эта тѣснота служитъ помѣхой и для систематическаго распредѣленія коллекцій, а это очень важное обстоятельство для всякаго рода музеевъ—безъ него очень затрудняется знакомство съ содержаніемъ.

Но, прежде чѣмъ приступимъ къ осмотру, обратимся на время къ прошлому музея, прошлому, если и не длинному по времени, то, во всякомъ случаѣ, богатому разными превратностями судьбы, очень сильно вліявшими на развитіе музея и лишній разъ показавшими, какъ туго вообще двигается у насъ всякое дѣло, носящее общественный интересъ [2]).

Въ Варшавѣ существовалъ одно время Зоологическій садъ, устроенный на акціонерныхъ началахъ; среди лицъ, близко стоявшихъ къ этому дѣлу, явилась мысль образовать при садѣ этнографическій музей, который служилъ бы дополненіемъ и продолженіемъ естественно-историческихъ собраній сада. Мысль получила осуществленіе и уже въ началѣ 1888 г. были собраны различные предметы, частью путемъ покупки, частью въ видѣ подарковъ отъ людей, сочувствовавшихъ дѣлу. Помѣщая объ этомъ извѣщеніе въ журналѣ «Wisla», иниціаторы музея добавляютъ, что дальнѣйшее развитіе музея будетъ зависѣть отъ помощи интеллигентной публики, что каждый, хотя-бы и мелкій предметъ, такъ или иначе относящійся къ оригинальнымъ народнымъ издѣліямъ, особенно мѣстнымъ, будь это часть костюма,

---

[1]) Среднее число ежедневныхъ посѣщеній музея—2—3.

[2]) Свѣдѣнія о возникновеніи музея и дальнѣйшее устройство его мы заимствуемъ изъ небольшихъ замѣтокъ объ этомъ, помѣщавшихся въ журналѣ „Wisla“

орудіе, оружіе, рисунки и фотографіи народныхъ типовъ и т. п.— будетъ принятъ новонарождающимся музеемъ съ благодарностью. Съ своей стороны редакція «Wisły», прекрасно поставленнаго этнографическаго журнала, приняла вполнѣ сочувственно мысль о музеѣ и предложила свое посредничество. Воззваніе это не осталось безъ послѣдствій, публика откликнулась и коллекціи начали понемногу пополняться. Такъ хорошо начатое дѣло, продолжалось однако недолго: въ 1890 г. Зоологическій садъ прекращаетъ свое существованіе, остановился и музей, и только благодаря тому, что нѣсколько частныхъ лицъ приняли близко къ сердцу заботу о дальнѣйшемъ его существованіи, это полезное учрежденіе, превратившись въ «постоянную этнографическую выставку», не погибло совсѣмъ, хотя и потеряло прежнюю устойчивость. Съ этого времени начинается странствованіе музея изъ одного частнаго помѣщенія въ другое, пока, наконецъ, въ прошломъ году онъ не нашелъ пріюта въ стѣнахъ Промышленнаго Музея. Это неопредѣленное положеніе, тянувшееся нѣсколько лѣтъ, отразилось и на составѣ коллекцій музея: эти послѣднія не переставали пополняться, но пополнялись очень медленно, хотя, быть можетъ, причиной этого были и нѣкоторыя обстоятельства болѣе общаго характера, о которыхъ скажемъ ниже.

Есть цѣлая группа общественныхъ музеевъ, цѣль которыхъ по существу самого дѣла, получаетъ какъ-бы раздвоеніе: съ одной стороны музеи должны служить для цѣлей образовательныхъ, имѣя въ виду массу, съ другой—должны давать и хранить матеріалъ для научной работы. Что касается этнографическихъ музеевъ, то первая цѣль достигается путемъ подбора коллекцій, характеризующихъ жизнь различныхъ народностей, различныхъ частей свѣта; тутъ важно имѣть болѣе типичныя вещи, не гонялись за мелочами, но стараясь представить возможно большее число народностей; другое дѣло—научныя цѣли: вопросъ здѣсь сводится къ тому, чтобы дать возможно полную картину *мѣстной* народной жизни, насколько она выражается въ различныхъ предметахъ матеріальной культуры; близость раіона, изъ котораго поступаетъ матеріалъ, можетъ дать возможность собрать его въ подробностяхъ, не пренебрегая и мелочами, такъ какъ и послѣднія, будучи собраны воедино, служатъ средствомъ уловить различія, на первый взглядъ и мало замѣтныя.

Варшавскому музею трудно было держаться какой нибудь опредѣленной системы: составлялся онъ главнымъ образомъ путемъ пожертвованій, выбирать тутъ не приходилось, но, не смотря на это,

уже самъ естественный ходъ дѣла способствовалъ тому, что въ настоящее время коллекціи музея распадаются на мѣстныя, характеризующія польскій народъ и на доставленныя изъ другихъ мѣстъ, даже другихъ частей свѣта. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что эти послѣднія, чужеродныя коллекціи, преобладаютъ надъ мѣстными; этотъ, собственно непормальный фактъ, былъ уже отмѣченъ еще при самомъ началѣ устройства музея и былъ даже поставленъ вопросъ, почему поляки изъ дальнихъ мѣстъ идутъ впереди мѣстныхъ [1]). По нашему мнѣнію въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ общимъ у насъ явленіемъ, что свое, ближе лежащее къ намъ, мы менѣе знаемъ, менѣе обращаемъ на него вниманія, интересуемся имъ, чѣмъ чужимъ, далекимъ.

Дѣйствительно, предметы, относящіеся къ быту польскаго крестьянина, тонутъ въ массѣ другихъ и ни одна сторона этого быта не представлена въ надлежащей полнотѣ; обстоятельство это является, по нашему мнѣнію, главнымъ недостаткомъ музея, хотя недостатокъ этотъ и нельзя относить на счетъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу.

Предметы не польскаго происхожденія стекались и стекаются въ музей изъ различныхъ мѣстъ. Есть тутъ цѣлая этнографическая коллекція, вывезенная Л. Янковскимъ изъ Африки, изъ Камеруна, есть предметы изъ Аргентины, Восточной Сибири, Средней Азіи, Кавказа, Лапландіи, есть вещи литовскія, великорусскія, бѣлорусскія и наконецъ—малорусскія. Предметовъ малорусскаго происхожденія сравнительно много и собраны они изъ различныхъ угловъ того громаднаго пространства, которое занимаетъ малорусское племя. На нихъ мы теперь и остановимся; въ подробности входить не будемъ, постараемся дать только бѣглый перечень.

По количеству предметовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ Забужная Русь, затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ: Галиція, Подолія, Волынь, Кіевская губ.; кое-что есть также изъ Пинщины, лѣвобережная Украина представлена слабѣе всего.

Начнемъ съ жилища. Въ музеѣ есть нѣсколько моделей, изготовленныхъ въ довольно большомъ масштабѣ, такъ что представленіе о жилищѣ получается полное. Отмѣтимъ здѣсь хату изъ окрестностей Пинска—типичный образецъ полѣсской постройки. Вся она изъ кругляковъ, видно, что лѣса не жалѣли. Другая модель изображаетъ хату изъ Подлянья. Еще большихъ размѣровъ—модель еврейскаго жилища

[1]) См. „Wisła“, т. III, стр. 983—5.

изъ посада Лащавъ, Томашевск. у. Люблинск. губ. Здѣсь вы наглядно видите, въ какой тѣснотѣ ютится бѣднѣйшее еврейское населеніе нашихъ мѣстечекъ. Весь домъ продольно разлѣленъ проходомъ: по одной сторонѣ идутъ жилыя помѣщенія, лавки, хедеръ, по другой—склады, сарай и также жилыя конуры. Домъ этотъ представленъ со всей внутренней обстановкой жилищъ и даже съ миніатюрными фигурками обитателей; тутъ же находятся и таблички, на которыхъ обозначено количество воздуха, заключающагося въ жилищахъ и, само собой разумѣется, что количество это поразительно мало.

Очень много вещей въ музеѣ относится къ мужскому и женскому костюму. Здѣсь есть какъ цѣлые, оригинальные костюмы, такъ и отдѣльныя принадлежности костюмовъ, кромѣ того, довольно точное понятіе о костюмахъ даютъ большія и малыя куклы, одѣтыя по всѣмъ правиламъ деревенской моды. Изъ Владавскаго у. Сѣдлецкой губ. мы находимъ здѣсь два полныхъ костюма крестьянина и крестьянки: у обоихъ одинаковыя черныя свитки до колѣнъ съ красными выпушками, у крестьянки—юбка и фартукъ бѣлые, съ широкой каймой внизу, кайма—темно-краснаго цвѣта. Другой характеръ носитъ женскій костюмъ изъ с. Ражапки Владавскаго-же у.; состоитъ онъ изъ кофты, сшитой въ талію изъ толстаго чернаго сукна и обшитой синими каймами; юбка, фартукъ и накинутый на плечи плащъ—полосатые, съ преобладаніемъ краснаго цвѣта. Очень оригинальную принадлежность свадебнаго ритуала представляетъ головной уборъ «старостины» изъ того же Владавск. у.; величиной онъ чуть-ли не въ аршинъ, образуетъ собой какъ-бы деревцо, утыканное цвѣтами, сдѣланными изъ цвѣтной бумаги и перьевъ, верхъ заканчивается павлиньими перьями, а отъ ободка, надѣваемаго на голову, спускаются ленты. Но мы начинаемъ вдаваться въ подробности, а потому упомянемъ лишь, что кромѣ вышеописанныхъ, есть костюмы изъ Люблинской, Подольской, Кіевской губер., Галиціи, масса различныхъ частей костюмовъ: свитокъ, шапокъ, плахтъ, намѣтокъ, сорочекъ, поясовъ и т. п.; по мѣсту происхожденія—изъ владавскаго, радинскаго, грубешовскаго, ховенскаго, замостьскаго, яновскаго, ковельскаго, заславльскаго, виницкаго, сквирскаго, васильковскаго и др. уѣздовъ.

Гораздо меньше предметовъ домашняго обихода, орудій и инструментовъ, употребляемыхъ въ крестьянскомъ быту; лучше всего здѣсь представлена посуда.

Закончимъ нашу замѣтку указаніемъ на нѣсколько спеціальныхъ коллекцій, вошедшихъ въ составъ музея. Такъ, мы видимъ здѣсь цѣ-

лый подборъ тѣхъ народныхъ средствъ, которыя пускаются въ ходъ при разнаго рода болѣзняхъ; коллекція собрана д-ромъ Высокинскимъ въ Межирѣчьи, радинск. у. сѣдлецк. губ.; чего-чего только тутъ нѣтъ: и засушенное волчье горло, черезъ которое пьютъ воду во время болѣзни горла, и лисій языкъ, носимый на груди противъ рожи, и куриная косточка отъ дурного глаза, толстая палка, которой натираютъ животъ, положивши предварительно подъ ноги желѣзную сѣкиру—отъ порчи, семь небольшихъ куколокъ, связанныхъ вмѣстѣ,—семь плаксъ, ихъ забрасываютъ, чтобы ребенокъ не плакалъ; вотъ цѣлый подборъ предметовъ отъ эпилепсіи—браслеты на руку и на ногу, кольцо, крестъ; вотъ пучки травъ, камушки, порошки, и т. д., и т. д. Отъ христіанскаго населенія не отстаютъ и евреи: напр., противъ конвульсій имъ носится мѣшочекъ, въ которомъ помѣщены ртуть, янтарь, шерсть съ собачьяго хвоста и др.; какъ предохраненіе отъ холеры—доска съ надписью, къ доскѣ на ниткѣ привязана головка чеснока; противъ той-же холеры—мѣдный широкій поясъ, и т. д. Коллекція д-ра Высокинскаго является однимъ изъ цѣнныхъ пріобрѣтеній музея.

Громадна по числу коллекція писемъ г. Вольскаго, ихъ около 3-хъ тысячъ, это единственное въ своемъ родѣ собраніе.

Рисунки и фотографіи видовъ мѣстностей, построекъ, костюмовъ, типовъ, является необходимымъ добавленіемъ къ собраніямъ предметовъ; въ музеѣ имѣется превосходный такого рода альбомъ, составленный г. Греймомъ фотографомъ изъ Каменецъ-Подольска; заключаетъ онъ въ себѣ 129 фотографій, касающихся главнымъ образомъ Подольской губ. и отчасти Бессарабской; мы тутъ находимъ типы крестьянъ, мѣщанъ, интеллигенціи, нищихъ, евреевъ; подборъ сдѣланъ съ знаніемъ дѣла, выполненіе артистическое; еслибы побольше нашлось у насъ такихъ фотографовъ!

По первоначальному плану программа даннаго музея была широка: тутъ должны были найти мѣсто и этнографія, и антропологія, и географія. Но вотъ скоро пройдетъ 10 лѣтъ, какъ существуетъ музей, и результаты получились сравнительно незначительные,—энергія небольшого кружка лицъ, отдающихъ свои силы на изученіе народной жизни, разбивается о равнодушіе публики. Равнодушіе у насъ—фактъ общеизвѣстный, но въ данномъ случаѣ нужно прилагать особую мѣрку: мы имѣемъ дѣло съ польскимъ народомъ, который такъ чутко относится ко всему, что касается его національности; благодаря этой отзывчивости много дѣлалось и дѣлается, какъ въ области науки,

такъ и въ области общественной жизни; почему-же въ данномъ случаѣ отзывчивость отсутствуетъ? Неужели только потому, что настоящее учрежденіе посвящено главнымъ образомъ «хлопу» и все, что такъ или иначе касается сего послѣдняго, можетъ вызвать лишь презрительное или, въ лучшемъ случаѣ, безучастное отношеніе? Если это такъ, то станетъ понятнымъ, почему такое, во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающее полнаго сочувствія, учрежденіе, какъ варшавскій этнографическій музей, развивается такъ туго.

Н. Бѣляшевскій.

Преданія, связанныя съ Лебединомъ и его окрестностями.

I.

Въ лебединскомъ уѣздѣ есть большое селеніе Мижирічъ или Мижирічи; расположено оно подъ горами, идущими съ сѣверо-востока на юго-западъ по надъ рѣчкою Псломъ. Поселились тамъ украинцы во время преслѣдованія православія и притѣсненія польскими панами народа.

Въ тѣ времена селились по Сейму, Сулѣ, Пслу и Ворсклѣ.

Что это за край былъ въ тѣ времена, какая роскошь природы! Лѣса, луга, вода, земля—какихъ лучше найти трудно. Но изъ всѣхъ мѣстностей самая живописная была по р. Пслу. Дремучіе, тянувшіеся на сотни верстъ, дѣвственные лѣса; сколько птицы, сколько всякаго звѣря водилось въ нихъ!

Многоводная красавица рѣка кишмя кишѣла рыбою.

Такова была въ тѣ времена Украина въ этихъ мѣстахъ! Теперь отъ лѣсовъ и слѣдовъ не осталось,—только кое-гдѣ небольшіе перелѣски да кустарникъ; птица и звѣри исчезли; изъ многоводной красавицы рѣки и десятой части не осталось, озера высохли,—только около Лебедина осталось еще озеро Лебединъ, но это небольшое подобіе прежняго озера, когда то очень глубокаго и рыбнаго; оно мелѣетъ и заносится пескомъ съ каждымъ годомъ. Я еще помню въ дѣтствѣ разсказывали рыбалки, что на срединѣ озера была глубина до десяти саженъ.

О Лебединѣ озерѣ существуетъ легенда, что когда то давно, очень давно былъ тамъ городъ, и этотъ городъ провалился съ людьми, домами и церквами. Одинъ рыбалка, когда то ловившій подъ Свѣт-

лый праздникъ рыбу, слышалъ, какъ подъ водой звонили въ церкви и пѣли Христосъ воскресъ, а нѣкоторые рыбалки слышали позднимъ вечеромъ подъ водой, какъ бабы зовутъ свиней до корыта.

Я въ дѣтствѣ по поводу этихъ разсказовъ спрашивалъ, отъ чего городъ провалился.

— Богъ его знаетъ! должно быть люди много нагрѣшили, такъ Богъ ихъ наказалъ.— «Какъ же они живутъ подъ водой и вода ихъ не зальетъ?»

— А это уже такъ Богу угодно; Богъ какъ захочетъ, такъ и сдѣлаетъ.

Я отъ всей души вѣрилъ этому и боялся, какъ бы и мнѣ не нагрѣшить столько, чтобы не провалиться на тотъ свѣтъ. Есть около Лебедина озера мѣстность, называемая *Царина*; лѣтъ 50 тому назадъ или больше я спросилъ одного лебединскаго старожила Федора Акимовича Воскобойника, 70 лѣтняго старика, не знаетъ ли онъ, отчего мѣстность та называется *царина*. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Потому, что тамъ росъ царь дубъ, такой что его пять человѣкъ не могли обнять, такой былъ исполинъ. Кто его срубилъ и когда, онъ не знаетъ и за его памяти уже не было того дуба; но когда онъ былъ очень молодымъ человѣкомъ и ѣхалъ мимо пня того дуба съ своимъ отцомъ, то отецъ остановилъ лошадь, приказалъ ему встать и самъ всталъ съ воза, подошли они къ тому пню, и отецъ, показывая на пень, сказалъ ему.— «Смотри, Федоръ, это пень царь дуба; смѣряй его кнутовищемъ вповперекъ». Когда я смѣрилъ, то онъ приказалъ мнѣ смѣрить длину воза съ лошадью, запряженною въ оглобли, и оказалось, что на этомъ пнѣ могли помѣститься въ длину возъ съ запряженною лошадью и еще мѣсто оставалось.

«Вотъ видишь, Федоръ, какой былъ царь дубъ и какіе были у насъ лѣса. Это я тебѣ сдѣлалъ на памятку. Если ты доживешь до старости и будешь говорить объ этомъ, то тебѣ не повѣрятъ, а ты вотъ мѣрялъ самъ своими руками, значитъ—будешь говорить правду».

Людская жадность и неразсчетливость все уничтожили. Въ старину по этимъ лѣсамъ, кромѣ всякаго лѣсного звѣря водилось множество бобровъ; до сихъ поръ уцѣлѣли названія мѣстностей, гдѣ они водились по рѣкѣ Пслу, и по мѣстностямъ названы села: Бобровое, Бобрыкъ Лебединскій, Бобрыкъ Литовскій.

Въ Лебединѣ была небольшая деревянная церковь, въ которой Петръ Великій читалъ апостола и пѣлъ на криросѣ. Въ дѣтствѣ я не разъ былъ въ этой церкви и видѣлъ домъ, гдѣ онъ останавли-

вался во время своихъ переѣздовъ. Это былъ обыкновенный малороссійскій домъ, посреднѣ сѣни, большая свѣтлица направо, налѣво кухня и комната или спальня. Въ этой свѣтлицѣ на сволокѣ вырѣзано было очень красивыми славянскими буквами: «Благословеніемъ Отца, изволеніемъ Сына и напгіемъ Святого Духа создася домъ сей въ лѣто отъ воплощенія Іисуса Христа такойто годъ и мѣсяцъ и кто строилъ». Домъ этотъ былъ выстроенъ изъ толстаго стараго соснового лѣса безъ фундамента, покрытъ соломой и осѣлъ въ землю такъ, что окошка были низко отъ земли.

Въ Лебединѣ сохранилась до настоящаго времени Николаевская церковь. Это самый древній храмъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ церковь, былъ лѣсъ; изъ этого лѣса строилась и церковь. Еще въ сороковыхъ годахъ на колокольнѣ былъ колоколъ, привезенный выѣхавшими изъ за Днѣпра поселенцами; они же и церковь строили. На томъ колоколѣ была надпись: «отлитъ сей звонъ при королѣ польскомъ Владиславѣ IV». Во все долгое время его существованія онъ былъ цѣлъ и крѣпокъ, но въ сороковыхъ годахъ разжалованный за пьянство въ пономари дьячокъ Хамайко, на Свѣтлый праздникъ съ такимъ свирѣпымъ усердіемъ звонилъ въ нетрезвомъ видѣ, что разбилъ этотъ колоколъ. Гдѣ онъ теперь—не знаю.

Въ сороковыхъ годахъ была у меня грамота царя Алексѣя Михайловича, подписанная имъ съ приложеніемъ сургучной большой печати. Это была грамота сотнику Лебединскому Коваленку за вѣрность его, что онъ не присталъ съ своею сотнею къ измѣнникуу Брюховецкому. Грамота эта сохранялась въ думѣ; гдѣ она теперь и существуетъ ли—не знаю.

II.

Въ первой четверти этого столѣтія жилъ въ Мижиричахъ войсковой обыватель Ивашко. Тогда еще не было названія государственныхъ крестьянъ, а всѣ свободные люди, не панскіе и не крѣпостные, назывались *войсковыми обывателями*. Имя и отчество Ивашка я забылъ, человѣкъ онъ былъ отъ природы разумный, свѣдущій въ духовныхъ книгахъ, зналъ не хуже дьяка церковные уставы, любилъ читать апостола и пѣть на крилосѣ; былъ сначала волостнымъ писаремъ и головою, пользовался большимъ почетомъ и авторитетомъ между своими односельчанами. Былъ также дока по бумажной части:

написать прошеніе со всѣми изворотами и клаузами того времени— это его дѣло. Съ духовенствомъ у него случались нерѣдко пререканія: почему то онъ съ ними не ладилъ и не пропускалъ случая учинить имъ какую нибудь пакость. Хоть духовенство не любило его и побаивалось, но охотно посѣщало, когда у него была пирушка: ни у кого изъ небогатыхъ пановъ (а о мужикахъ уже и говорить нечего) не было такихъ прекрасныхъ настоекъ и вкусныхъ наливокъ, а равно и яствъ всякихъ, какъ у Ивашка: колбасы малороссійскія, съ чеснокомъ и безъ чесноку, гусь, индюкъ съ подливою, поросятина до холоднаго съ хрѣномъ и сметаною, жаренная съ приправою... а поверхъ всего варенушка такая, что губы слипаются и по животу пойдетъ какъ бальзамъ чудесный.

Ивашко, угощая радушно и не жалѣя кошту, не пропускалъ случая учинить какую нибудь смѣшную шутку, но за это на него не очень сердились, т. к. по тѣмъ временамъ духъ украинскій и простота нравовъ и обычаевъ еще сильно держались между малороссами: то и не пирушка и не компанія веселая, если какой нибудь веселый затѣйникъ не выдумаетъ чего нибудь такого, что всѣ за боки берутся, та смѣются. Но объ этомъ когда нибудь разскажу особо, а теперь передамъ, какъ мнѣ разсказывалъ уже лѣтъ 50, а можетъ больше, одинъ Мижирицкій старожилъ. «Благочинный тамошней церкви (въ Мижиричи три церкви) получилъ съ почты письмо такого содержанія».

Ваше высокопреподобіе Отецъ Протсіерей!

Я родомъ изъ Мижирича. Много лѣтъ тому назадъ хотѣли меня взять въ солдаты; я бѣжалъ изъ Мижирича, былъ въ донщинѣ, на Кубани и наконецъ забрался въ Черноморію, присталъ до Черноморцовъ, перемѣнилъ имя и прозвище, записался въ Черноморцы, женился, нажилъ себѣ худобы достаточно; были дѣти, но иные померли а двохъ сыновъ на войнѣ черкесы убили. Теперь уже я старъ и жена старуха,—такъ я хочу открыть вамъ, батюшка, что на нашей землѣ, въ Мижирицкихъ дачахъ, на лугу зарытъ кладъ. Этотъ кладъ закопалъ мой дѣдъ. Дѣдъ мой былъ запорожецъ и когда рунновали польскихъ пановъ и жидовъ на украинѣ за Днѣпромъ, онъ добылъ себѣ не мало всякого добра: грошей золотыхъ и серебряныхъ, кубковъ и мисокъ панскихъ серебряныхъ и другой худобы; награбивши такого добра, закопалъ въ землю. Сталъ онъ себѣ думать, что это такъ не пройдетъ, и ляхи за такія дѣла будутъ казнить и мучить и не воспользуешься этой худобой. Вотъ онъ, надумавшись, далъ тягу изъ-за Днѣпра. Гдѣ онъ былъ сначала—Богъ его знаетъ, а потомъ

пришелъ въ Мижирячъ, купилъ себѣ хату и лугъ, женился, завелся худобою. Прошло не мало времени, когда за Днѣпромъ уже давно все утихло, и тѣхъ, кто грабилъ польскихъ пановъ и жидовъ, замучили въ лютыхъ казняхъ. Почти всѣ товарищи моего дѣда пропали замученными, остались живы только тѣ, кто догадался, также какъ и мой дѣдъ, да подальше утекъ.

Поѣхалъ дѣдъ туда отыскать свою худобу, закопанную въ землѣ, но за это время тамъ такъ все перемѣнилось, что и узнать нельзя.— Гдѣ было село, тамъ все зруйновано, спалено,—только кой гдѣ печи стоятъ развалепныя. Такъ мой дѣдъ и не нашелъ тогда своего кладу, а послѣ опять ѣздилъ, пока таки нашелъ, привезъ въ Мижирячъ и закопалъ у себя на лугу.

Когда дѣдъ былъ старымъ и почувствовалъ, что скоро умретъ, онъ велѣлъ запречь коня въ возъ, самъ сѣлъ на возъ и моему отцу велѣлъ сѣсть; поѣхалъ съ нимъ на лугъ, показалъ, гдѣ закопалъ кладъ, и сказалъ моему батьку: «вотъ на этомъ тѣстѣ я закопалъ кладъ»,— но наложилъ на него заклятіе, что ни онъ, ни его дѣти не будутъ имъ пользоваться, а только внуки; когда дойдутъ возраста и розуму, то половина внукамъ, а другую половину на церковь, чтобы отмолили его грѣхи, ибо кладъ этотъ добытый не трудомъ честнымъ, а грабежомъ. Багато я жидивъ на той свитъ отправивъ, та и лихамъ не було спуску; великій грихъ на мени за ти дила лежить. Забожись передо мною, що ты зробишь такъ, какъ я тоби приказую.

Батько мій поклявся, що такъ зробыть, какъ приказываетъ дѣдъ, Отецъ мой исполнилъ клятву: кладу онъ не трогалъ. Когда я выросъ и пришлось *утикать* отъ рекрутчины, оставался живъ отецъ и меньшій мой братъ; послѣ я слышалъ, что братъ умеръ а за нимъ вскорѣ и мой отецъ, мать еще раньше померла. Теперь я одинъ наслѣдникъ остался, мнѣ этотъ кладъ не нуженъ ни для чего, такъ я, батюшка отецъ протоіерей, предоставляю вамъ право выкопать его и половину отдать на церковь, а другую половину возьмите себѣ съ причтомъ и поминайте моего дѣда и батька и меня грѣшнаго.

Кладъ этотъ зарытъ въ такихъ-то и такихъ-то мѣстахъ на нашому лугу. Можетъ, лугъ той теперъ уже перейшовъ кому другому, но вы такъ выкопайте, чтобы кромѣ васъ никто не зналъ. О моемъ дѣдѣ, батькѣ и обо мнѣ не роспитуйте,—вамъ до этого нѣтъ дѣла.

Когда батюшка прочиталъ письмо это, отъ неожиданно привалившаго счастья ему душно стало, мысли заролились въ его головѣ; приходило въ голову выкопать кладъ, раздѣлить какъ сказано въ

письмѣ на церковь и причту, а съ остальною частью распорядиться такъ: купить земли, устроить хуторъ, завести всякаго добра—скота, птицы, пасѣку.

Приходила мысль и о томъ, что кладъ должно быть не малый,—можно удѣлить и на поѣздку въ консисторію, похлопотать, чтобы камилавку получить, а тамъ дальше Богъ дастъ и наперсный крестъ за службу въ награду дадутъ.

Чтобы скорѣе получить камилавку и наперсный крестъ, кладъ нужно превратить въ деньги и часть ихъ пожертвовать на украшеніе и благолѣпіе церкви.

Думалось и такъ:—какъ же давать часть причту? вѣдь если причтъ узнаетъ, то на другой же день всему Мижирічу будетъ извѣстно, а тогда хозяинъ того мѣста, гдѣ закопанъ кладъ, потребуетъ себѣ часть, казнѣ часть, причту отдать часть, а мнѣ что останется? Можетъ быть, такой пустякъ, что, какъ говорится, ни попу ни найму. Лучше такъ сдѣлать:—выкопать кладъ, а о письмѣ и что тамъ написано, чтобы никто не зналъ, да и завѣщатель такъ пишетъ; потомъ, смотря какія тамъ сокровища зарыты и на сколько ихъ,—перевести секретно все на деньги; удѣлить малую толику на церковь и причту.

Но тутъ затрудненіе явилось—съ кѣмъ ѣхать копать кладъ, кому можно довѣриться, чтобы не разболталъ?

Взять работника, но это дѣло невозможное: при первомъ удобномъ случаѣ онъ напьется въ шинкѣ и разскажетъ подъ секретомъ всей пьяной компаніи. Ѣхать самому нельзя,—нужно ѣхать ночью и дожидать тамъ полуночи, а кладъ, какъ извѣстно, охраняетъ нечистая сила; можетъ учинить такую пакость, что съ испугу и живота лишиться можно, а этотъ кладъ добытъ на крови человѣческой, то и сугубое будетъ учинено врагомъ рода человѣческаго злоключеніе.

Съ кѣмъ посовѣтоваться, кому можно довѣриться, открыть секретъ? «Человѣка не имамъ» —ходивши по горницѣ, повторялъ батюшка. Посовѣтоваться съ матушкой (женой) опасно. Не утерпитъ она, чтобы не сказать кумѣ или другой пріятельницѣ. Мысли эти обуревали его всю ночь и не дали заснуть.

Утромъ вставши, матушка замѣтила, что съ батюшкою творится что то необычайное; приступила она къ нему съ вопросами: что съ нимъ случилось, не боленъ ли онъ? Не получилъ ли изъ консисторіи или отъ Владыки какой нибудь непріятной бумаги? Можетъ до

носъ какой былъ, что батюшка дорого беретъ за вѣнчанье, или за другіе какіе непохвальные поступки?

Долго крѣпился батюшка, наконецъ признался, что получилъ письмо, и тутъ же прочиталъ его и объяснилъ, что онъ занятъ мыслями и никакъ не можетъ рѣшить, какъ ему поступить съ этой худобою.

«Подывлюсь я на тебе, попе, такъ показуешься мовъ и розумный, а у тебе нема толку и за яку небудь базарну бабу. Ну чого тутъ голову морочить? Тебѣ человѣкъ пишетъ, чтобы ты выкопалъ кладъ и чтобы никто объ этомъ не зналъ.—Ну, выкопай, а послѣ какъ съ нимъ распорядиться—тогда уже видно будетъ! А по моему такъ на церковь давать не стоитъ. Стояла церковь безъ этого кладу и будетъ стоять, ее прихожане обязаны содержать и поправлять,—они и содержутъ и поправляютъ; а причту тоже никому ничего не слѣдуетъ давать,—гараздъ имъ и такъ будетъ; вѣдь ты главный и старшій богомолецъ. Будешь отмаливать грѣхи того, кто закопалъ кладъ, а письмо тебѣ написано. Ну, сдѣлай помоему: выкопай кладъ, забери себѣ увесь и молчи; у насъ дочки есть, будетъ имъ приданое, да и сыновей не мало и имъ пригодится. Дурень ты, попе, тебѣ Богъ счастье даетъ въ руки, а ты и этого не понимаешь, да еще и голову свою крутишь.

Такъ какъ рѣшеніе матушки пришлось въ ладъ, ибо и батюшка къ концу мыслей своихъ пришелъ къ такому же заключенію, то такъ на томъ и порѣшили.

Но съ кѣмъ ѣхать копать кладъ? Вѣдь одному нельзя! Можетъ, ты, матушка, поѣдешь? вдвоемъ все таки не такъ опасно:—«Боже меня сохрани, чтобы я поѣхала,—я отъ одного страху тамъ же умру».

Порѣшили взять дьячка изъ своей церкви; онъ человѣкъ уже не молодой, степенный и подначальный, такъ если съ него взять клятву, чтобы онъ никому не говорилъ да и удѣлить изъ клада хотя малую толику, то онъ будетъ молчать.

Позвали дьячка, батюшка объяснилъ ему, что онъ видѣлъ дивный сонъ:—три раза являлся ему во снѣ дивный и благообразный старецъ, и сказалъ, что въ такомъ то мѣстѣ закопалъ онъ кладъ и приказывалъ мнѣ выкопать тотъ кладъ, взять себѣ и молиться за его грѣшную душу. Такъ какъ онъ считаетъ его за человѣка благоразумнаго и надежнаго, поэтому приглашаетъ ѣхать вмѣстѣ выкопать кладъ, за это удѣлитъ малую толику и ему, но только онъ долженъ дать клятву, что никому никогда не скажетъ.

Дьячокъ охотно и безпрекословно далъ клятву, какъ предложилъ отецъ протоіерей, и зѣло возрадовался и возвеселился душевно и сердечно, что и ему, человѣку бѣдному, будетъ удѣлена хотя малая мзда изъ сокрытыхъ сокровищъ.

Когда батюшка объяснилъ приблизительно, въ какихъ мѣстахъ чудный старецъ указывалъ ему кладъ, оказалось, что это мѣсто дьячокъ знаетъ; поэтому, не откладывая въ долгій ящикъ, порѣшили ѣхать эту же ночь искать сокровища.

Наступила ночь.—Забравши заступы и лопаты, поѣхали, по указанію дьячка, нашли мѣсто, сходное съ написаннымъ въ письмѣ. Нужно было ждать полуночи, чтобы начать копать, да кромѣ того, по преданіямъ и по разсказамъ стариковъ, въ полночь на томъ мѣстѣ, гдѣ зарытъ кладъ, покажется огонекъ, но не каждому онъ показывается, а только тому, кому суждено его выкопать.

Въ ожиданіи полуночи и появленія свѣчки или, чего добраго, такого чудища, отъ котораго можетъ смерть приключиться, страхъ и трепетъ обуялъ ихъ; время, казалось, тянется безъ конца; уже они нѣсколько разъ табачку понюхали, а знаменія все нѣтъ.—Какъ вдругъ недалеко за кустомъ дьячокъ увидѣлъ огонекъ.—«Батюшка, гляньте налѣво! Мнѣ показался огонь». Посмотрѣлъ батюшка—ничего не видно.—То тебѣ вѣрно со страху показалось.—«Нѣтъ, видѣлъ огонь ей-Богу видѣлъ!». Начали всматриваться. Дѣйствительно, видѣнъ огонь, какъ бы отъ небольшой свѣчи. Въ первое время они обмерли со страху, но пока оправились и пришли въ себя, свѣчки опять невидно стало.

— «Замѣтилъ ты, дяче, гдѣ горѣла звѣчка?»

— Замѣтилъ, батюшка.—Бери заступъ и лопату, пойдемъ копать! Взявшись за заступы, принялись копать съ напряженнымъ усердіемъ, чтобы добраться скорѣй до сокровищъ; уже потъ съ нихъ въ три ручья льется, уже яма выкопана аршина на два глубины, а клада нѣтъ. Сѣли они отдохнуть и стали бесѣдовать, что пора бы уже быть кладу, и на этомъ ли мѣстѣ былъ видѣнъ огонекъ, а можетъ правѣе или лѣвѣе, или не много дальше, а имъ со страху показалось на этомъ мѣстѣ.

«Богъ его знаетъ—согласился дьячокъ: можетъ и такъ».

Прошло нѣсколько времени. Видитъ батюшка, что огонекъ горитъ опять невдалекѣ «Гляди, дяче, вонъ гдѣ огонекъ, да замѣчай получше.

— Замѣтилъ? — спросилъ батюшка. — «Замѣтилъ» — отвѣтилъ дьячокъ.

Огонька опять невидно стало; свѣчка опять пропала. Отправились на то мѣсто; начали опять копать. Выкопали яму, по ихнему убѣжденію достаточную для того, чтобы докопаться до клада, а клада нѣтъ да и только. Начало свѣтать. Порѣшили ѣхать домой, а въ слѣдующую ночь пріѣхать опять, и такъ какъ мѣсто уже извѣстно, то не ожидая полуночи, начать копать раньше.

На слѣдующую ночь повторилась та же исторія: Свѣчка показывалась въ разныхъ мѣстахъ и рылись ямы по указанію свѣчки. Въ самую глухую полночь вдругъ слышатъ они, что сычъ закричалъ на деревѣ или въ кустѣ, но такимъ адскимъ не птичьимъ крикомъ— Сховавъ! Сховавъ! Сховавъ! а затѣмъ какъ бы смѣхъ.—Ха! ха ха ха! и удары какъ будто руками человѣческими рука объ руку.

Обмерли искатели клада; языкъ прилипъ къ гортани и ничесоже можаху глаголати!

Долго они сидѣли, стучали зубами и била ихъ лихорадка. Но опамятовавшись и осмотрѣвшись, что начинается разсвѣтъ, да и руки и ноги не служатъ послѣ такого дьявольскаго навожденія, порѣшили ѣхать домой. Ѣхавши дорогой, вели бесѣду о томъ, что кладъ есть,— это видно изъ тѣхъ знаменій, какія они видѣли, а особенно послѣдняя выходка сатаны: крикъ, сховавъ! хохотъ и лискапье въ ладоши. Но видно, что врагу рода человѣческаго жалко разстаться съ сокровищами.

— Должно быть, великія сокровища, закопаны, или, можетъ быть, заклятію не наступило еще время,—разсуждалъ дьячокъ.

— Богъ его знаетъ!—говорилъ батюшка:—прискорбно будетъ, если кладъ достанется кому другому. Возвратились домой они совсѣмъ измученными, но порѣшили еще одну ночь потрудиться, ибо по сказанію знающихъ людей нужно до трехъ разъ пробовать, а за третьимъ только разомъ будетъ успѣхъ.

На третью ночь начали копать еще съ большимъ усердіемъ, не щадя животовъ, и еще больше ямъ выкопали, но кладъ не давался. На разсвѣтѣ уже съ сокрушеннымъ сердцемъ собрались ѣхать домой, какъ увидѣли они ѣдущихъ къ нимъ трехъ человѣкъ. Сначала копатели приняли ихъ за привидѣнія, но когда подошли ближе, то разсмотрѣли, что идетъ Ивашко и два постороннихъ человѣка. Подошелъ Ивашко и говоритъ: здравствуйте батюшка! Боже помогай трудитьея. А для чего это вы ямъ понакопали на моемъ лугу, и попортили мнѣ сѣнокосъ? Какъ же при вашемъ санѣ такими дѣлами заниматься? Это прилично какому нибудь недостойному человѣку, а не

священнику! У кого вы спрашивались? Прошу васъ, братцы, обратился онъ къ постороннимъ людямъ быть свидѣтелями; видите, что батюшка съ дьячкомъ надѣлали у меня на лугу; вотъ вамъ доказательства—заступы и лопаты.

Когда мнѣ сказали, что уже третью ночь кто то копаетъ ямы и портитъ мой лугъ, я думалъ, что какой нибудь мой врагъ, а ни какъ не могъ думать на духовную особу. Я этого такъ не оставлю и подамъ преосвященному жалобу и убытки за испорченный лугъ буду искать.

На этомъ я и закончу пока мое повѣствованіе объ Ивашкѣ. Письмо вѣдь было его сочиненія, и свѣчу ночью онъ имъ показывалъ, и водилъ ихъ по лугу, и сычомъ кричалъ, и хохоталъ,—все это были его изобрѣтенія.

Василій Гильченко.

Закляти гроши. (*Сказка, записан. въ екатерин. губ.*) За Днипромъ широкимъ, де колысь запорожци гуляли, стояла хатына; а въ тій хатыни живъ соби старый дидъ; а у дида була дочка: Оленою звалы. Моторна вона була та розумна! А хлопци, мовъ тіи чмели, вылысь билля неи, бо дуже гарна була: высока, билолыця, чорнобрыва и кароока, а коса—пошты до пьятъ. Якъ заквичается въ недиллю та выйде въ леваду, такъ вси парубки за животы берутся: такъ ихъ и тягне до неи. Тилько-жъ Олена, опричъ Остапа, никого не любила. Тай Остапъ бувъ козакъ жвавый: велыкій, дебелый, мовъ той дубъ молодый. Хочъ винъ бувъ соби трошки руденькій, але-жъ выдомъ хорошій. Любився винъ зъ Оленою вже третій рикъ и ждавъ, поки ій года выйдуть, щобъ послать до неи старостивъ. Отъ захотилось Олени въ Днипри скупатысь; а се якъ разъ було пидъ Ивана Купала... Отъ, пійшла Олена до Днипра тай почала роздягатысь недалечко видъ берега. Скинула спидныцю, сорочку и намысто добре зняла тай положила все гарненько пидъ вербою. Отъ, стоить вона гола тай сама дывуется на свою вроду. Дывувалась, дывувалась, а далп—якъ розбигнется та прямо шубовсть въ воду, не перехрестившись! А вона вмила добре плаваты, мовъ та рыба. Отъ, плавала вона по надъ берегомъ довго-довго, а потимъ кинулася до порогивъ тай нырнула до самисинького дна! Бачe: на днп Днипра сыдыть якась стара баба, ныби-то на ій титку Явдоху похожа... «Що-жъ се таке?» думае соби Олена: «аже-жъ титка Явдоха ще позаторикъ вмерла?»

Злякалась сердешна дивчина, хотила мерщій тикать, а титка Явдоха уздрила ій тай каже: «чого ты, дочко, тикаешь? Хиба не пизнала мене?! Постій, дытыно моя, я тоби гостынчикивъ дамъ!» А Олена дуже любыла гостынци ще зъ-малечку.

«Ну», каже, «титусю, давайте!»

— «Заразъ, заразъ, дочко!» каже титка Явдоха та якъ зиркне на Олену билыми очима, такъ у сердешнои дивчины серденько тёхнуло! Згадала Олена про людській поговиръ: люды казалы, що покійна Явдоха була видьмою и зъ зміемъ въ ночи воловодылася. Люды, бачъ, казалы, що той змій носывъ ій черезъ дымарь червонци и гулявъ зъ нею до самыхъ пивнивъ; а якъ тылько пивни заспивають, винъ вильне хвостыщемъ тай бувъ такій! Казалы ще люды, що якъ титка Явдоха вмирала, такъ стелю въ ій хати розибралы, бо ни одна видьма не вмре, поки стеля цила! Отъ згадала се Олена тай злякалася дуже. Треба було-бъ заразъ перехрестытысь трычи та вырынать мерщій, а Олена сего не зробыла: гостынцивъ шкода було! А тимъ часомъ титка Явдоха почала изъ пазухи вытягать гостынци... И чого-чого не було въ тій пазуси: и стёжки, и стрички, и перстни золоти, и мыло печатне, и всяка всячина! «На, дочко, на!» каже титка: «на ще, на ще!» Забула Олена все на свити, якъ побачила ти гостынци... «Спасыби, титусю, спасыби: я ще зроду такихъ стёжокъ не бачила!»

«Беры, дочко, беры, скилько хочешь!» Поначиплювала на себе Олена ти стрички, стежки, понадывала перстни, схопыла те мыло пахуче тай тикае мерщій, а титка крычить: «постій, Олено, постій: на ще тоби и червонцивъ жменьку!» — «Отъ, спасыби, титусю: се буде мени на горишки тай Остапови на тютюнъ!» «На ще тоби, дочко!» каже титка тай насыпала ще прыгиршъ тихъ червонцивъ»... «Ну, прощавайте, титусю! Я вже завтра за те спечу мнякеньку перепичку та прынесу вамъ на снидання!» — «Добре, добре, дочко: иды до дому та не показуй своему батькови сихъ гостынцивъ, бо винъ на мене сердытый... Винъ такій, що не звелыть тоби брать у мене ничого... бо ему, бачъ, опричъ люльки та кресала, ничого не треба! А ты молоденька: тоби всего треба... Иды, иды! Ось побаче тебе Остапъ въ сихъ стричкахъ та стежкахъ, тоди ще дужче любытыме тебе! Почала Олена пидниматысь—важко! Що не выныpне—упьять тягне ій до дна, що не выныpне—упьять иде до дна! Що тутъ казаты? Кинуть гостынци—шкода, а зъ нымы пиднятысь—нема мочи! Полюскалась вона, полюскалась пидъ хвылею, вже и воды въ ротъ набрала, а выныpнуты не може тай годи! «Ой, титусю, ратуйте, втопаю! крычить

сердешна дивчина. А титка и каже: «ке лышень сюды гостынци: бачу, що ты не вынырнешь. Краще прышлы сюды Остапа, винъ дужчій видъ тебе, винъ тоби все чисто вынесе на берегъ».— «Ото добре, титусю: заразъ прышлю Остапа. Тылько вы, титусю, все чисто видайте ему!» Виддамъ, виддамъ!» Якъ тылько Олена поскидала зъ себе перстни та стежки тай червонци виддала титци въ руки, такъ заразъ вода пидняла ій и вынесла на самисинькій берегъ. Отъ, одяглась Олена швыденько тай побигла черезъ леваду до Остапа; а винъ въ ту годыну горохъ молотывъ на току. Побачивши Олену, кинувъ геть той ципъ тай почавъ ій цилуваты. А вона и каже: «стривай, Остапе, стривай!» — «А що таке?» пытае. «Такъ и такъ! Бижи», каже, «достань мени ти гостынци, поки титка ще не роздумала виддаты ихъ!» «Та нехай имъ всячина!» обизвався Остапъ: «на що тоби ти стежки? Хиба я тебе и такъ не люблю? Тай грошей намъ не треба... На що воны намъ здалыся? Тай те сказать: може то не титка Явдоха, а нечиста сыла тебе пидманюе?» А Олена — ни, тай ни! Бижи тай бижи! Сказано дивка: якъ забажае чого, такъ ты тутъ хочъ роды та дай! Не хотилося дуже сердешному Остапови йты за тымы гостынцямы: сердце его замлило, мовъ чуло, що йде на лыху годыноньку. А Олена и каже: «якъ не пійдешь за гостынцямы, не засылай сю осинь до мене старостивъ, бо не подамъ рушныкивъ!» Злякався Остапъ дуже, бо щыро любывъ Олену. «Ну, не сердься», каже, «Олесю: для тебе не те що на дно Днипра, а и въ саме пекло пійду!» — «Отъ, любый!» — Олена и перше любыла свого Остапа, а теперь ій здавалось, що краще видъ его на всему свити нема. Обнявъ Остапъ свою дивчину, заглянувъ ій у вичи тай почавъ ій цилуваты. Отъ, цилувалысь воны, мылувалысь, поки сонечко вже сило за гаемъ. Хотивъ вже Остапъ йты, а Олена такъ и высыть у его на шіи та лестыться, мовъ та кышечка. Остапъ ще одынъ разъ глянувъ ій въ кари очи тай побигъ геть до Днипра. «Для такихъ», каже, «очинятокъ я у самого чорта изъ рота выдеру гостынци!» Якъ тылько, значить, згадавъ винъ чорта, такъ заразъ и почувъ, що хтось его штовхае до Днипра... Побигъ Остапъ, не оглядаючись тай зупынывся, де треба... Отъ, роздягся швыденько та не перехрестывшись плыгнувъ въ Днипръ... Та такъ плыгнувъ, що вода надъ нымъ тылько забулькотила и почала обручамы розбигатысь далеко—далеко!

Подывылась Олена на той Днипръ тай заплакала!... Сердце у неи захолонуло, нибы то вона того Остапа на вики втеряла. Колы

ни: незабаромъ Остапъ вырынае... Изъ чуба вода тече, а въ рукахъ — цилый жмутъ всякого добра!

Выйшовъ на берегъ, виддавъ Олени стежки та перстни, а червонци высыпавъ до долу тай почавъ личыты. Олена кынулася ему на шыю, радіе, що винъ не втопывся; а Остапъ, нибы то не баче Олены та пыльно дывытся на гроши; а червонци, якъ той жаръ горять! «Остапе, друже!» каже Олена: «я жъ тутечки трохи не здурила, думала, що вже не побачу тебе... Голубе мій сызесенькій! Теперъ бы вже зроду не пустыла бъ тебе!» А Остапъ и каже: «геть пійды, бо розсыплешъ мои гроши!» — «Яки жъ воны твои? Хиба ты ихъ найшовъ?» — «Авжежъ!» — «Та брешешь, це я найшла: це мени титка Явдоха дала». — «Чомъ же ты сама не вынесла сёго добра на берегъ, а мене послала?». — «Та мало чого!» «Э, мало чого!». Олена хочъ и любыла гроши, але жъ сварытыся зъ Остапомъ за ныхъ не хотила. — «Ну», каже, «хай воны будуть твои, а ты мене поцилуй за те!» А Остапъ въ ту годыну упьять почавъ личыты ти гроши тай згубывъ ликъ и розсердився на Олену: «и чого ты мени вишаешся на шыю? Хиба ты не бачишъ, що я личу гроши?» Заплакала тутъ Олена... Стоить, слизоньки попереднычкомъ втырае та жде, поки Остапъ гляне на неи... А винъ одягся, сховавъ гроши въ кешеню тай побигъ до дому, не глянувши на дивчину! Занудыло у Олены биля сердця ще дужче... Побигла вона за мылымъ, догнала его тай каже: «чи вже жъ то, Остапе, ты мене вже не любышь?!» — «Та цыть!» обизвався Остапъ: «перше, сховаймо гроши, а то колы бъ хто не почувъ...» «Дежъ мы ихъ сховаемо?» пытае Олена. — «А пидъ коморою!» — «Ни, давай пидъ вербою!». — «Ну, добре!». Вернулыся воны до вербы. Выкопавъ Остапъ ямку, высыпавъ ти гроши тай закидавъ ямку сырою землею, щобъ нихто ін не прымитывъ. Отъ, сховавши гроши, розійшлысь воны въ першій разъ, мовъ чужи, не сказавши одынъ другому доброго слова... На другій день Олена, взявши видра, пійшла по воду. Ажъ зиркъ—Остапъ стоитъ навколюшкахъ пидъ вербою та щось копае... Пидійшла Олена до его тай пытае: «що се ты робышь, Остапе?» — «А-а-а-а!» обизвався винъ: «се ты, гадюка выкопала та вкрала мои гроши!?» — «Я?!?» жахнулась дивчина. — «А тожъ хто?» «Та я ихъ и не бачила!» — «Бодай тоби повылазыло!» — «Остапе!» — «Видлай гроши, чортова видьма, а то задушу!». Заплакала Олена проклынаючи той часъ и годыну, колы схотила купатысь та зъ титкою побачилась. «Остапе, схаменысь!» — каже Олена плачучи. А Остапъ на неи зиркнувъ страшнымы очима тай зареготався... Олена

вся побилила, мовъ та глына. А у Остапа тымъ часомъ пина изъ рота потикла... «Остапе!» — крыкнула дивчина не своимъ голосомъ.— «Хо-хо-хо-хо-хо-хо!» — зареготався винъ упьять. А верба почала на Олену гилкамы махать, мовъ рукамы, та шепотиты: шшъ-шшъ-шшъ! Покидала Олена ти видра тай зъ переляку хотила втикты, але жъ ноги не слухають ii... А тымъ часомъ и Днипръ зареготався, мовъ той жеребець, та якъ шпурне хвылею на Олену, такъ та сердешна дивчина впала на землю неживою!... Лежить Олена вся била-била! Чорна коса розплилася та наче гадюкою обвылась кругомъ билои шiи... Тоди Остапъ пидiйшовъ до своеи дивчины... Стоявъ винъ, стоявъ биля неи, дывився, дывився на ii вроду, а дали якъ зарегочится!... Реготався, реготався, а писля того вытягнувъ изъ штанивъ очкуръ тай повисывся на верби!

Позбигалыся хрещени люды, поховалы (безъ попа) Остапа въ одній ями зъ Оленою... И насыпалы надъ нымы могылу высоку-превысоку, тилько маячить вона въ поли безъ святого хреста...

Съ того часу, въ ночи пидъ вербою, поки пивни не заспиваютъ, наче гречана солома горыть... То нечыста сыла заманюе людей до червонцивъ, котри Остапови не далысь. Та нихто, бачъ, не пидходыть до тiеи вербы, бо якъ пидiйдешъ, заразъ почуешъ Остапивъ регитъ: хо-хо-хо-хо-хо! И Днипръ тежъ зарегочется, запинытся та почне хвылею шпурляты до самисенькои вербы! А верба тымъ часомъ зашумыть: шшъ-шшъ-шшъ-шшъ, та страшно, страшно гилкамы замахае, нибы то хоче вымовыть: «не пидходьте сюды, не пидходьте! тутъ заклати гроши!».

(Записала Ольга Л—ье).

Село Сахновка каневскаго уѣзда и кн. П. П. Лопухинъ. (*Отрывокъ изъ моихъ воспоминаній*). Сорокъ лѣтъ минуло, какъ я перешелъ на другой приходъ, но пріятныя воспоминанія о прежнемъ навсегда сохранятся въ душѣ моей: такъ воспріимчива и впечатлительна молодость!

Ясно представляется мнѣ живописное мѣстоположеніе села Сахновки, каневск. уѣзда, дремучіе лѣса, рѣка Рось, тихо катящая свои волны, горы, какія рѣдко гдѣ можно встрѣтить, высокія, конусообразныя, съ оригинальными названіями—Пастушка, Дѣвица и проч.— О первой сохранилось такое преданіе. Во время татарскихъ набѣговъ,

у мѣстнаго пастуха похищена была единственная дочь-красавица; но такъ-какъ увозившій её татаринъ наскочилъ на засаду, то, не имѣя возможности уйти, закололъ свою добычу въ глазахъ аттаковавшихъ его людей, чѣмъ и отвлекъ ихъ отъ преслѣдованія.—Горестный пастухъ, оплакавъ свое любимое дѣтище, тутъ же похоронилъ его, завѣщавъ своимъ односельцамъ, чтобы каждая хозяйка, желающая имѣть побольше молока отъ своей коровы, выгоняя ее въ поле и принимая отъ пастуха, насыпала на могилу его дочери полу земли, а какъ могила та у самаго лѣса, гдѣ невозбранно пасли скотъ, то ребята отъ нечего дѣлать, такъ усердствовали въ исполненіи воли завѣщателя, что чрезъ столѣтіе насыпали гору съ усѣченнымъ конусомъ.—Насколько вѣроятна такая легенда—Богъ вѣсть, но что она далеко распространена, доказывается тѣмъ, что одинъ московскій этнографъ, нарочно заходилъ ко мнѣ съ цѣлію убѣдиться, насколько живо въ народѣ это преданіе. Видъ съ той горы очаровательный, простымъ глазомъ можно видѣть за 30 верстъ; колонна, сооруженная кн. Воронцовымъ яко-бы на мѣстѣ убіенія князя Святослава, на отрогѣ Мошенскихъ горъ, видна какъ на ладони. Вообще мѣстность та восхитительна и очень здоровая.—Съ сѣвера и востока лѣса были дремучіе, луга неисходимые, травы такія рослыя, какихъ нигдѣ не приходилось болѣе встрѣчать.

Весной, въ разлитіе воды, представлялась картина, не поддающаяся описанію.—За Росью боръ, гдѣ гнали смолу, деготь, жгли уголь, дѣлали поташъ и прочее; ночью, словно огненныя змѣи, изъ среды деревъ вылетаютъ, то вспыхивая, то разсыпаясь снопами искръ, то превращаясь въ огнедышащее жерло; а на рѣкѣ, раздвинувшей свои берега чуть не на версту, охотятся за рыбой; на челнахъ ярко горятъ костры, отражаясь въ водѣ; любопытная рыба, интересуясь такимъ зрѣлищемъ, высовываетъ голову и попадаетъ на острогу.—Слышно, что все сказанное уже былью поросло: лѣса истреблены, смоляные и другіе заводы прекратили свое существованіе, рыбы значительно уменьшилось, и только лишь горы—вѣчны.

Церковь въ томъ приходѣ засталъ я убогую, ветхую, о 5-ти куполахъ, съ пошатнувшейся колокольней и другою на столбахъ для большого колокола.

Какъ то село, такъ и окружныя верстъ на 30 принадлежали свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину, который и обращеніемъ, и жизнію, и всею обстановкой вполнѣ оправдывалъ свой титулъ.—Въ м. Корсуни была его резиденція. На островѣ, въ прекрас-

номъ саду, домъ великолѣпный барскій со всѣми аттрибутами роскоши и богатства. Когда въ первый разъ пришлось мнѣ представляться его свѣтлости, то я удивленъ и пораженъ былъ такимъ великолѣпіемъ.—Залъ громадный въ два свѣта, съ хорами и мраморными вокругъ статуями знаменитѣйшихъ скульпторовъ; южная стѣна обрамлена стеклами, за которыми въ тропическихъ растеніяхъ порхаютъ и поютъ рѣдкія птицы; мебель дорогая, у стѣнъ нѣсколько штукъ піанино, между коими сидятъ не то гости, не то статуи, но во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, весьма похожіе одинъ на другаго; когда же они задвигались, то я догадался, что это лакеи.

Простите, читатель, моей наивности; но развѣ мнѣ приходилось до того видѣть что нибудь подобное? Но вотъ выходитъ князь и—верхъ изумленія!—проситъ моего благословенія, а проводивъ меня чрезъ амфиладу комнатъ, предлагаетъ въ кабинетѣ кресло.—Затѣмъ послѣ обычныхъ вопросовъ: давно-ли я здѣсь и какъ живется?—полилась рѣчь его живой струей, умная, увлекательная до того, что часъ времени, словно минута, прошелъ незамѣтно.—Въ заключеніе знакомства великодушный князь сказалъ, чтобы я во всѣхъ нуждахъ смѣло адресовался къ его управляющему, коему онъ дастъ распоряженіе ни въ чемъ мнѣ не отказывать. Такъ это и было: выдали мнѣ хлѣба на продовольствіе и посѣвъ, травы на 15 косарей и дровъ сколько нужно.—Убѣдившись чрезъ немалое время въ его расположенности, я задумалъ строить церковь въ своемъ приходѣ при самыхъ скудныхъ средствахъ (имѣлось въ наличности всего 800 рублей); я все упованіе возложилъ на Бога, да на добрѣйшаго князя; и надежда моя «не тща бысть».—Князь сочувственно отнесся къ моему предпріятію, обѣщалъ дерева, камня, извести,—а деньги расходуйте сперва церковныя, а потомъ и я не откажу въ помощи.—А планъ у васъ есть? спросилъ князь.—Никакъ нѣтъ, ваша свѣтлость.—«Ну, такъ обратитесь къ моему архитектору,—онъ для васъ сдѣлаетъ даромъ и по выбору вашему.»—Прихожу. Молодой человѣкъ съ полной готовностію раскрываетъ передо мной фоліанты плановъ богатѣйшихъ церквей; выбирайте—говоритъ мнѣ—какой больше нравится. Да они всѣ хороши, отвѣчалъ я, но не по нашимъ средствамъ.—Ну, такъ я скопирую для васъ планъ одной сельской церкви, недавно построенной.—Сказалъ и сдѣлалъ. По предъявленіи того плана въ Бозѣ почившему митрополиту Филарету, святитель одобрилъ оный и, разспросивъ подробно, на какія средства имѣетъ производиться постройка, сказалъ: счастливъ ты, что имѣешь такого добраго помѣщика, угождай ему и слушайся во всемъ—онъ

выручитъ тебя. Передай ему благословеніе мое и поклонъ; скажи, что я надѣюсь въ семъ дѣлѣ на его помощь.—Слова эти вполнѣ оправдались: князь много пожертвовалъ, хотя и со стороны прихожанъ обнаружено было не мало участія.

Но не только въ постройкѣ церквей князь Лопухинъ усердствовалъ,—много помогалъ онъ бѣднымъ безпріютнымъ: воспитывалъ на свой счетъ сиротъ благороднаго происхожденія, а крестьянскихъ собиралъ въ корсунскую школу, гдѣ они сперва обучались грамотѣ, а потомъ, смотря по способностямъ, распредѣлялись въ пѣвчіе, музыканты, а иные поступали въ мастерскія, откуда не мало изъ нихъ вышло замѣчательныхъ художниковъ, живописцевъ, позолотчиковъ и проч.—Насколько князь былъ щедръ и доступенъ, можно заключить изъ того, что никому не отказывалъ въ воспріятіи дѣтей отъ св. купели; всѣхъ бывало наградитъ, какъ родительницу и около нея находившихся, такъ равно и причтъ. Былъ и такой случай: прихожанка моя родила тройней и затужила, что она будетъ дѣлать съ ними, когда и безъ того у нея шесть душъ дѣтей малъ мала меньше, да притомъ они люди бѣдные. Кто-то посовѣтовалъ мужу ея обратиться къ князю, который такъ рѣшилъ: для одного дитяти нанять кормилицу, для чего и выдать просителю 30 рублей, для вскормленія другого подарилъ корову, а третьяго пусть сама мать кормитъ. Въ продолженіе одной недѣли, всѣ трое дѣтей умерли, но деньги и корова остались у родителей.

Въ м. Корсуни, резиденціи князя, Спасская церковь, каменная великолѣпная, построена его отцомъ кн. Петромъ Лопухинымъ, а имъ украшенная и снабженная богатою ризницею и утварью.—Не говоря о весьма изящномъ иконостасѣ, писанномъ академикомъ Шебуевымъ, стѣнные фрески замѣчательно хороши, особенно призваніе апостола Павла высоко цѣнится знатоками. Такую церковь, какъ по зодчеству, такъ и по украшеніямъ, и на такомъ видномъ мѣстѣ, не въ каждомъ уѣздномъ городѣ можно встрѣтить.—Когда блаженной памяти митрополитъ Евгеній далъ привилегію студентамъ семинаріи занимать мѣста неученыхъ священниковъ и къ сей церкви назначенъ былъ священникъ Левъ Артемовскій, малаго роста, тщедушный, совсѣмъ неподходящій, то князь протестовалъ противъ такого распоряженія, написавъ Владыкѣ, что не станетъ же онъ передѣлывать богатой ризницы своей на такого малорослаго священника, и потому если Владыка не отмѣнитъ своего рѣшенія, то онъ вынужденъ будетъ отправить ризницу въ другое свое имѣніе, с. Красный Лѣсъ, петербургской губерніи, а церкви не станетъ посѣщать. Святитель снисходи-

тельно отнесся къ справедливой претензіи князя: священника Артемовскаго перевелъ въ м. Мліевъ, а къ Спасской церкви возвратилъ удаленнаго отсюда священника Тимоѳея Стрижевскаго, который до смерти здѣсь священствовалъ, бывъ любимъ и уважаемъ княземъ и прихожанами. Священникъ этотъ хотя изъ неученыхъ, но съ здравымъ смысломъ, представительный и съ хорошимъ голосомъ.—Вообще причтъ той церкви былъ отборный, какъ по виду, такъ и по голосовымъ способностямъ; даже пономарь—и тотъ пѣлъ басомъ.

Другая церковь въ м. Корсуни, Св. Пр. Иліи, деревянная бѣдная.—Преосвященный Аполинарій, посѣтивъ оную, предложилъ князю построить новую. Будьте покойны, ваше преосвященство! обновится она «яко орля юность». И дѣйствительно, князь такъ реставрировалъ ее, что она стала неузнаваема, даже купола позолотилъ.

Князь, какъ истый христіанинъ, говѣлъ въ первую и послѣднюю недѣли великаго поста, и причтъ Спасской церкви обязанъ былъ отправлять всѣ службы (кромѣ, разумѣется, обѣдни) въ домѣ княжескомъ, а въ церкви своимъ порядкомъ, трудъ весьма тяжелый, но и вознагражденіе за оный выдавалось довлѣющее—по-княжески. Для комплекта причта князь содержалъ на свой счетъ діакона, и очень благоволилъ къ нему за его тактъ и могучій голосъ октаву.

Но при всей добротѣ князя Лопухина и желаніи всѣмъ благодѣтельствовать, имѣлъ и онъ враговъ и недоброжелателей, о чемъ даже и не вѣдалъ, пока не разразилась катастрофа, омрачившая послѣдующую жизнь его глубокою скорбію.

Въ 1855 году началось волненіе крестьянъ, по поводу возникшихъ въ средѣ ихъ слуховъ, будто они давно уволены отъ крѣпостной зависимости и указы о томъ разосланы священникамъ, но послѣдніе изъ-за выгодъ, доставляемыхъ имъ помѣщиками, хранятъ таковые въ церквахъ и не объявляютъ народу.—Принялись за священниковъ.—Ни добрыя отношенія пастырей къ пасомымъ, ни лѣта, ни семейное положеніе—ничто не спасало отъ ихъ ярости: били, истязали священниковъ, волочили по репейникамъ и раздѣтыхъ, босыхъ, безъ шапокъ водили изъ села въ село съ самыми позорными издѣвательствами (см. «Кіев. Стар.» посмертныя записки свящ. А. Ковальскаго, янв. 1882 г.), всячески домогаясь несуществующаго указа. Три дня аттаковали и меня и—разумѣется—безуспѣшно: соберется ихъ человѣкъ 200—300 на моемъ подворьи и галдятъ, сами не зная о чемъ; но каждый разъ расходились, успокоенные моимъ обѣщаніемъ, что какъ только получится тотъ указъ, то немедля будетъ предъяв-

ленъ имъ, но только чтобы они вели себя смирно, молились Богу, безъ воли Коего ничто въ мірѣ не совершается, а главное были бы трезвы, въ чемъ они и послушались меня, закрывъ кабакъ. Кромѣ всего этого, спросилъ я: чѣмъ они обижены со стороны князя? вѣдь это отецъ, а не помѣщикъ. Украли у кого нибудь лошадей—князь велитъ выдать деньги, по стоимости оныхъ, безвозвратно; пала скотина—идешь къ нему за пособіемъ и получаешь; погорѣлъ—дерева не покупаешь: выдаютъ сколько нужно (какъ недавно въ с. Кичинцахъ отпущено таковаго для 28 домохозяевъ—шутка-ли!),—словомъ, я не знаю примѣра, чтобы просившій у него не былъ удовлетворенъ—такого благодѣтеля и за сотни верстъ не найти.—Правда! крикнула во весь голосъ громада; но мы обижены выпасомъ для скота; прежде бывало въ лѣсу, гдѣ любо, скотъ ходилъ, а теперь лишь въ опредѣленномъ мѣстѣ, а перешелъ на поросли—и штрафъ.—Въ томъ то и дѣло, отвѣчалъ я, что прежде рубки лѣса не производились, и вѣковому дереву скотина вреда не причиняла, а теперь, когда на мѣстѣ стараго засѣялся молодой лѣсъ, то беречь оный отъ потравы—необходимо.—Вѣдь подумайте, еслибы этотъ самый лѣсъ да не охраняли, когда онъ былъ засѣянъ, то какъ бы онъ выросъ въ такого гиганта, что здѣсь выбирали дубы на корабельныя постройки, о чемъ вы сами мнѣ говорили.—Впрочемъ, за этимъ дѣло не стало: я готовъ ходатайствовать о расширеніи пастбищъ и надѣюсь на успѣхъ, только бы вы не обезславили себя какими нибудь худыми поступками, вродѣ того какъ ваши сосѣди сдѣлали: забрали ни въ чемъ неповинныхъ священниковъ и мучатъ ихъ, сами не зная за что и про что.

Такими и подобными доводами я урезонивалъ ихъ, сколько могъ; но наконецъ и краснорѣчіе мое истощилось, и терпѣніе ихъ изсякло: рѣшено взять меня на истязаніе, такъ какъ просьба не дѣйствуетъ. Узнавъ объ этомъ отъ одного старика подъ секретомъ, я съ женой уѣхалъ въ Корсунь подъ защиту пришедшихъ туда солдатъ, а двоихъ малютокъ своихъ оставилъ дома на волю Божію.—Собралось насъ священниковъ въ Корсуни болѣе десяти; въ какой тревогѣ всѣ были—легко представить: слѣды вчерашняго побоища были на лицо.—Кромѣ того, военное положеніе пѣхоты, пріѣздъ кавалеріи и административныхъ лицъ, частые звонки, тревожные слухи и многое другое—все наводило страхъ и ужасъ.—Въ той сторонѣ, гдѣ свѣжо преданіе о коліивщинѣ, всего можно было ожидать. Разсказывали, что когда найденъ былъ списокъ предводителей возстанія и во главѣ ихъ значился главный камердинеръ князя, то послѣдній въ слезахъ воскли-

нулъ: «и ты Брутъ противъ меня»! А этотъ Брутъ взысканъ былъ великими милостями князя, изъ ничтожества выведенъ въ люди обезпеченъ и настолько образованъ, что свободно объяснялся на иностранныхъ языкахъ. Раздавая придворнымъ своимъ оружіе, для защиты на случай нападенія, князь и не подозрѣвалъ, что первой намѣченной жертвой—былъ онъ. Впрочемъ, изъ моихъ бывшихъ прихожанъ, его-же крестьянъ, въ свалкѣ Корсунской никто не участвовалъ—опоздали! Но какъ потомъ они были довольны и благодарны мнѣ за недопущеніе ихъ къ тому.

Священникъ **Н. Подвысоцкій.**

Днѣпровскій перевозъ въ Кіевѣ. —Для перевоза черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ «изъ давнихъ временъ» содержала К.-Печерская Лавра свои паромы на Неводницкой пристани, а кіевскій магистратъ имѣлъ свой перевозъ «близь Подола у крещатицкихъ воротъ». Составляя значительную статью дохода, перевозы эти порождали нескончаемые ссоры и споры между Лаврою и магистратомъ. Въ просьбѣ архимандрита Иннокентія Гизеля, поданной въ Приказъ Малыя Россіи въ 1680 году [1]), встрѣчаемъ уже жалобу на кіевскихъ мѣщанъ, которые своею

---

[1]) „Описаніе К.-Печерской Лавры“ изд. 2-е (1831 г.) стр. 210. п. 3-й: „О грамотѣ противъ кіевлянъ съ жестокимъ приказомъ и денежнымъ запрещеніемъ, чтобъ кіевляне не дерзали помѣшекъ и обидъ святой обители Печерской творити въ стародавнихъ ея земляхъ, въ перевозахъ паромовыхъ на Днѣпрѣ и въ лѣсахъ, въ борахъ и въ сѣнныхъ покосахъ и въ рыбныхъ ловляхъ, которыхъ чтобъ и сами не разоряли и ратныхъ государевыхъ людей разорати не наводили, и своими паромами кіевскими къ паромному берегу Печерскія обители издавна надлежащему не приставали, людей съ обѣихъ сторонъ Днѣпра пріѣзжихъ торговыхъ съ пристани Печерской на кіевскіе паромы сильно бъ не загоняли, ниже, взявъ себѣ на помощь ратныхъ государевыхъ людей, по дорогамъ перенимали, и на свои кіевскіе паромы насиліемъ не заворачивали; а тотъ найбольшій убытокъ, что на берегу Печерскомъ въ прошломъ году не дѣломъ приставая паромами своими съ четверть года всякихъ торговыхъ людей перевозили, заплатили бъ деньгами, понеже за ту четверть года учинили себѣ корысти кіевляне съ тысячу рублевъ, а Печерской обители убытку столько жъ, потому что въ ту пору наипаче многіе торговые люди перевозились на кіевскихъ многихъ паромахъ; а что по указу Е. И. В. здѣланный мостъ на Днѣпрѣ: всѣмъ намъ вельми есть по великой государевой милости погребенъ и мы всячески благодарны есьмы толикой Е. Ц. П. В. милости, но яко нашъ монастырскій паромъ никакой уже прибыли намъ на прокормленіе не дѣлаетъ, бью челомъ Е. Ц. П. В. о милостивомъ разсмотрѣніи, какъ ему великому государю Богъ на сердцѣ о томъ извѣститъ.

конкуренціею причиняли убытки К.-Печерской Лаврѣ, то приставая своими паромами къ той же Неводницкой лаврской пристани, то силою перенимая людей по дорогамъ и привлекая ихъ на свои паромы. Согласно этой жалобѣ и дана была въ томъ же 1680 году высочайшая грамота, въ которой, между прочимъ, повелѣвалось, «чтобъ кіевскіе мѣщане и Наши Великаго Государя ратные всякихъ чиновъ люди, будучіе въ Кіевѣ, въ стародавные ихъ Печерской Обители земли и въ перевозы и въ лѣси и въ сѣнные покосы и въ рыбныя ловли не въѣзжали и обидъ не чинили и не разоряли, и на обѣихъ сторонахъ рѣки Днѣпра своими паромами къ берегу ихъ монастырскому, издавна надлежащему, не приставали и пріѣзжихъ торговыхъ людей на обѣихъ сторонахъ съ Печерской пристани на свои паромы силою не загоняли и по дорогамъ не перенимали и на кіевскій паромъ не приводили».

Съ учрежденіемъ «государева перевоза» на средства казны и магистрата, въ доходахъ съ перевоза была заинтересована и казна, и потому жалобы К.-Печерской Лавры относились и къ блюстителямъ этихъ интересовъ «государевымъ ратнымъ людямъ». Устроенъ же былъ «государевъ перевозъ», по всей вѣроятности, въ тотъ же годъ, когда впервые былъ наведенъ въ Кіевѣ черезъ Днѣпръ мостъ на байдакахъ, т. е. въ 1679 мъ [1]).

Въ 1713 году, по распоряженію князя Голицына, наведенъ былъ казенный мостъ не на обычномъ мѣстѣ, а близъ Печерской крѣпости у Неводницкаго взвоза, гдѣ былъ Лаврскій перевозъ. Здѣсь же стали приставать и паромы казенные и мѣщанскіе въ осеннее время, когда была малая вода, что и возбудило рядъ жалобъ со стороны К.-Печерской Лавры [2]) Въ 1720-мъ году послѣдовала изъ Кол. Ин. Д. на имя кн. Голицына грамота о томъ, чтобы городской перевозъ былъ переведенъ на другое мѣсто и не мѣшалъ бы сборамъ монастырскихъ паромовъ. Но въ 1724 году вновь встрѣчаемъ жалобу архим. Іоанникія на то, что кіевскій магистратъ «нагло, безъ указу, у той ихъ Неводницкой пристани сдѣлалъ свои четыре парома, гдѣ напередъ сего никогда ничьихъ, кромѣ монастырскихъ, паромовъ не бывало, и такою своею наглостію оной магистратъ всѣмъ належимымъ до оби-

---

[1]) Сборникъ лѣтописей, изд. Ком. для разб. др. акт. стр. 32 подъ 1679 г. „тогда жъ первый мостъ на байдакахъ подъ Кіевомъ устроенъ на Днѣпри".

[2]) „Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр." вып. 7, стр. 14—18.

тели ихъ обоихъ береговъ сборомъ завладѣлъ напрасно, отчего К.-Печерская Лавра не малую пріемлетъ себѣ обиду».

Жалобѣ этой однако губернаторъ кн. Трубецкой ходу не далъ, такъ какъ никакого «утѣсненія и обиды» монастырю отъ городского перевоза не нашелъ.

Тѣмъ не менѣе въ 1728 году на имя вице-губернатора Штока послѣдовалъ изъ Кол. Ин. Д. указъ отъ 1-го августа, въ которомъ, между прочимъ, предписывалось: «а что войтъ кіевскій съ мѣщаны, не довольствуяся своими отъ перевозовъ прибытки, присылаютъ свои перевозные паромы на монастырскіе берега, и въ томъ имъ, мѣщанамъ, запретить и въ перевозахъ ихъ монастырскихъ никакихъ обидъ и убытковъ чинить не допускать».

Изъ имѣвшихся въ моихъ рукахъ документовъ видно, что до конца 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія К.-Печерская Лавра добивалась отъ казны вознагражденія за отошедшую отъ нея подъ крѣпость землю за доходы съ нея (съ «мѣстечка Печерского») и при этомъ всегда упоминала и о вознагражденіи за «бывшій на Днѣпрѣ монастырскій перевозъ». Когда же въ 1742-мъ году потребованы были отъ Лавры свѣдѣнія о размѣрѣ тѣхъ доходовъ, которыхъ она лишилась и за которые требуетъ вознагражденія, то архимандритъ Тимофей, обстоятельно показавъ всѣ другіе доходы, относительно перевоза заявилъ, что хотя де Лавра и лишилась прежде по этой статьѣ значительныхъ доходовъ, но теперь, «когда оной наводимой у той ихъ пристани казенной мостъ скасованъ и впредь оной не будетъ, то за оные перевозные доходы они, архимандритъ съ братіею, никакова вознагражденія не требуютъ, чего для и число доходовъ съ оного перевозу въ вѣдомости не показано».

Въ свѣдѣніи же, поданномъ въ К. Губ. Канц. въ 1720-мъ году отъ архимандрита, показанъ доходъ съ перевоза вмѣстѣ съ «арендой напитковъ» общею суммой—1333 р. 33½ к. въ годъ, такъ что судить по этой суммѣ о доходѣ собственно съ перевоза трудно.

Въ вышеприведенномъ заявленіи архимандрита Тимофея слова относительно моста, что онъ «скасованъ и впредь оной не будетъ» надо, конечно, понимать такъ, что онъ «скасованъ» былъ на томъ мѣстѣ, которое Лавра считала своимъ, т. е. на Неводницкой пристани, а сталъ наводиться, какъ и до 1713 г. было, близъ Подола.

Мостъ черезъ Днѣпръ наводился казенными средствами. Какъ видно изъ указовъ Пр. Сената 1742 и 1753 годовъ, для заготовленія матеріаловъ къ строенію и починкѣ моста ежегодно командировались

отъ кіевскаго гарнизона особыя команды и на довольствіе ихъ отпускалось отъ 300 до 500 рублей [1]). Мостомъ и перевозомъ завѣдывали особые офицеры изъ кіевскаго гарнизона. Надо думать, что казна тяготилась содержаніемъ этого моста и перевоза; въ 1754 году генваря 17-го изъ Ком. Кол. послѣдовалъ запросъ, не пожелаетъ ли кто взять перевозъ и мостъ на откупъ, и 2 мая того же года послѣдовалъ указъ объ отдачѣ ихъ въ содержаніе кіевскому магистрату, но онъ отъ этого отказался [2]),

Такъ какъ на «государевомъ перевозѣ» половина паромовъ была казенныхъ, а половина мѣщанскихъ, то и сборъ за перевозъ дѣлился поровну между казной и магистратомъ; сборъ же за проѣздъ по мосту поступалъ полностію въ казну [3]). Магистратскіе чиновники ежемѣсячно являлись въ Губ. Канц. за полученіемъ слѣдуемой магистрату половины поступившаго за перевозъ сбора. Къ сожалѣнію, въ рукахъ моихъ имѣлось слишкомъ мало документовъ объ этихъ выдачахъ, такъ что свѣдѣнія о сборѣ за перевозъ слишкомъ недостаточны.

Въ 1734-мъ г. за апрѣль мѣсяцъ получено было 57 р. 70 к., за май—140 р. 86 к., за сентябрьскую треть—283 р. 53 к.

Въ 1746 г. за мартъ—13 р. 57 к., за апрѣль—77 р. 25 к., за май—300 р. 40 к., за іюнь—117 р. 55 к., за ноябрь 36 р. 21 к. и за декабрь 44 р. 31 к.

Въ 1752 году поступило: въ мартѣ—26 р. 59 к., въ апрѣлѣ—86 р. 34 к., въ маѣ—259 р. 20 к., іюнѣ—27 р. 81 к. и въ декабрѣ—10 руб.

О размѣрахъ же мостоваго сбора никакихъ свѣдѣній мнѣ не встрѣчалось [4]). Относительно же расходовъ по содержанію моста хотя

---

[1]) Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр. вып. 8 стр. 200.

[2]) Тоже вып. 1 стр. 180.

[3]) Въ грамотѣ Петра В. на имя кн. Голицына отъ 4-го марта 1710 г. говорится: „въ которое время бываетъ подъ Кіевомъ на Днѣпрѣ перевозъ судами, и тогда перевозныя деньги въ казну Е. И. В. брать половину, а другую половину давать кіевскимъ мѣщанамъ въ ратушу; а когда будетъ наведенъ мостъ, то мостовыя деньги всѣ сбирать въ казну, а имъ мѣщанамъ до того дѣла нѣтъ, и для того тотъ мостъ и мостовые припасы строены были Е. И. В. казною и работными людьми, и мостовщину на томъ мосту платить имъ мѣщанамъ по прежнему.

[4]) Въ дневникѣ Патрикія Гордона („Кіевъ въ 1684—85 г. пер. Терновскаго) находимъ свѣдѣніе, что въ августѣ мѣсяцѣ 1684 г. получено дохода съ моста 177 руб. 13 алт. 4 деньги. На стр. 26 того же дневника находимъ слѣдующія замѣтки о мостѣ, относящіяся къ 1685 году: „Апрѣля 9 всѣ плоты для моста были готовы. 10—Плоты были выведены. 11—Они сплочены и *мостъ надъ Чертороемъ наведенъ*. 13—Мостъ былъ готовъ, такъ что по нему могли ѣздить экипажами".

и встрѣчалось множество документовъ, но по нимъ невозможно составить понятія о ежегодномъ бюджетѣ. Только за одинъ 1777 годъ попалось мнѣ свѣдѣніе, что на содержаніе въ этомъ году моста и перевоза употреблено изъ слѣдующихъ до старой конторы доходовъ 1776 р. 27 к. Встрѣчавшіеся же мнѣ документы по содержанію моста и перевоза указываютъ только на то, что расходы самые мелочные производились по особымъ докладамъ завѣдывавшихъ офицеровъ и по опредѣленіямъ Кіев. Губ. Канцеляріи и обставлены были довольно сложной канцелярской процедурой.

Какъ примѣръ обычныхъ проволочекъ въ дѣлѣ, требовавшемъ своевременныхъ затратъ, можетъ служить такой случай. Въ генварѣ м-цѣ 1781 г. бывшій «въ смотрѣніи днѣпровскаго моста и перевоза» подпоручикъ Тростениковъ заявилъ Губ. Канц., что принятый имъ отъ предмѣстника его поручика Леухина канатъ пришелъ въ совершенную негодность, а потому необходимо купить такое то количество и такихъ то размѣровъ каната. Губ. Канцелярія предписала содержавшему на подолѣ караулъ секундъ-маіору Шултицу освидѣтельствовать старый канатъ. Шултицъ подтверждалъ заявленіе Тростеникова, которому тогда предписано было пріискать для покупки новый канатъ и пригласить торговцевъ въ Губ. Канц. для торгу. Въ перепискѣ проходилъ третій мѣсяцъ. 29 марта Тростениковъ, сообщая, что послѣднюю цѣну торговцы назначаютъ за канатъ на бичевые по 85 к. за пудъ, а за боевой канатъ въ 3 верш. по 1 рублю, доносилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что де «для торгу жъ и въ цѣнѣ договору, какъ оной Котляръ, такъ и другіе продавцы являться не желаютъ, потому что въ лавкахъ торгъ производятъ и отъ оныхъ лавокъ отлучиться не могутъ». Только 19 апрѣля состоялось опредѣленіе Губ. Канц. о покупкѣ каната у мѣщанина Котляра. И такой переписки масса встрѣчалось мнѣ въ дѣлахъ Губ. Канц.

Конечно, она не могла не обременять администраціи. Но въ дѣлахъ съ 1782 г. такой переписки о мостѣ и перевозѣ я уже не встрѣчалъ, почему и думаю, что съ открытіемъ въ Кіевѣ намѣстничества содержаніе моста и перевоза перешло въ вѣдѣніе города. Въ магистратской вѣдомости за послѣдній годъ прошлаго столѣтія (1799) находимъ статью расхода на содержаніе моста и перевоза и по ней значится 4543 р. 88 к. и въ слѣдующемъ 1800 году на тотъ же предметъ израсходовано 3506 р. 13 к. [1]), въ 1806 г.—2360 р. [2]).

[1]) Ист. мат. изъ арх. Кіев. Губ. Пр. вып. 10 стр. 120.

[2]) Ibid. вып. 3 стр. 167.

Гарнизонные солдаты, привлекаемые къ работамъ на перевозѣ, получали по 2 к. въ день. Такъ, въ декабрѣ 1775 года съ 1 по 6 число работало на паромахъ и дубахъ 50 человѣкъ, а съ 7 по 13-е, когда Днѣпръ покрылся уже льдомъ, «по неутвердѣлости оного» тѣ же солдаты работали «при *переводѣ* по льду проѣзжавшихъ людей», за что и выдано имъ по 2 к. въ день на человѣка, всего 11 р.[1]).

Въ репортахъ завѣдывавшихъ мостомъ и перевозомъ офицеровъ нерѣдко встрѣчаются описанія разореній моста, происходившихъ отъ несвоевременнаго командированія рабочихъ, отъ недостатка необходимыхъ орудій и матеріаловъ.

Нѣсколько репортовъ порутчика Новогородцева сообщаютъ о такомъ разореніи моста въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1771 года. «Съ 10 противъ 11 числа въ 11 часу ночи, по происходящей великой бури, а напослѣдокъ учинившагося не малого мороза, на рѣкѣ отъ оказавшагося сала по сильному упору днѣпровской мостъ по ту сторону къ берегу въ четырехъ плотахъ разорвало». Новгородцевъ еще за 4 дня до этого просилъ плацъ-маіора прислать рабочихъ людей для разводки моста, но «за раскомандированіемъ въ казенныя работы» солдаты присланы не были, а когда 11-го числа ихъ явилось 84 человѣка, тогда уже, «сколько силъ ни прилагали, никакого успѣху не получили»; на другой день прислано было уже 167 человѣкъ, «но и тѣми при всемѣрномъ стараніи ничего въ разводкѣ мосту сдѣлать не могли».

Такъ, не разведенный во время и не убранный мостъ совершенно былъ разоренъ. Въ ночь съ 14 противъ 15 ноября, какъ доносилъ Новогородцевъ, «оставшійся отъ прежняго разрыву на своемъ мѣстѣ мостъ въ 15-ти плотахъ отъ идущей сверху рѣки пресильной крыги весь безъ остатку сломавъ внизъ унесло».

У моста было 74 сваи и изъ нихъ «по разнесеніи моста сыскано 5, а 69 не отыскано».

Наводился мостъ всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ, въ 1777 году въ генварѣ мѣсяцѣ поручикъ Леухинъ въ репортѣ своемъ писалъ, что представленное имъ къ покупкѣ количество матеріаловъ необходимо въ такомъ только случаѣ, «когда на прежнемъ мѣстѣ будетъ мостъ, когда жъ противъ самой Неводницкой пристани *или въ*

---

[1]) О такомъ же *переводѣ* людей черезъ р. Днѣпръ „по опасности и крайней слабости льда" встрѣтилось мнѣ свѣдѣніе въ документахъ 1781 года, когда этимъ перевозомъ занимались съ 17 по 27 марта 6 человѣкъ гарниз. солдатъ.

другомъ какомъ мѣстѣ, то за широтою р. Днѣпра предписанныхъ всѣхъ лѣсныхъ матеріаловъ стать не можетъ». Перевозъ тоже устраивался не на одномъ и томъ же мѣстѣ и приближеніе его къ Неводницкой пристани вызывало, оказывается, всегда жалобы со стороны Лавры. Такъ, въ томъ же 1777 году въ апрѣлѣ м-цѣ архим. Зосима, ссылаясь на указъ Пр. Сената отъ 15 іюля 1758 года, просилъ об.-ком. Ельчанинова, чтобы «дозволеннымъ въ силу оного указу для перевозу черезъ р. Днѣпръ лаврскимъ паромамъ никакого препятствія чинено не было».

Перевозъ на Неводницкой пристани, какъ видно, признавался особенно удобнымъ раннею весною. Въ 1781 году Губ. Канцелярія, получивъ репортъ подпор. Тростеникова отъ 27 марта, что де ледъ «весьма рѣдко проходитъ, почему на дубахъ безнужно, а на паромахъ весьма особливо нужныхъ въ обѣ стороны рѣкою перевозить будетъ можно», предписала ему перевозить народъ на Неводницкой пристани, въ другихъ же мѣстахъ, «какъ казенными, такъ и партикулярными судами перевозу не имѣть».

О строгомъ наблюденіи за этимъ предписывалось и секундъ-майору Шултицу: «ежели К. Г. К. усмотрѣно будетъ, что таковой перевозъ состоять будетъ гдѣ либо въ нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ и отъ того отвращенія учинено не будетъ, то и за оное не иной кто, какъ онъ, майоръ Шултицъ, отвѣтствовать будетъ». Но 26 апрѣля Тростениковъ, донося о томъ, что отъ прибывшей воды «на той сторонѣ Днѣпра луги и лежащія къ Кіеву для проѣздовъ дороги нѣкоторымъ образомъ полою водою поняло, почему пріѣзжающимъ вѣдомства его на той сторонѣ Днѣпра къ караулу проѣздъ сдѣлался нужной», спрашивалъ губ. канц., «не повелѣно-ль будетъ для проѣзжающихъ народовъ, гдѣ прежде въ полую воду перевозъ находился, по способности переправъ перевозные суда на крещатицкую пристань перевесть». Губ. Канцелярія приказала перевести всѣ перевозные суда на крещатицкую пристань и поручить ихъ прапорщику Бѣлышеву, которому «велѣть въ перевозѣ народа на судахъ поступать безъ всякаго упущенія по имѣющимся у онаго подпор. Тростеникова наставленіямъ, наблюдая при томъ, чтобъ отнюдь при томъ перевозѣ никому никакихъ обидъ и притѣсненій не было... имѣющіеся при мостовомъ исправленіи отосланные изъ канцеляріи сей о неиманіи съ проѣзжающихъ никакихъ взятковъ и подарковъ указные листы для знанія проѣзжающему народу, какъ на крещатикѣ, такъ и на той сторонѣ р. Днѣпра на столбахъ въ пристойныхъ мѣстахъ прибить».

Уже это одно напоминаніе о «неманіи взятковъ» указываетъ на то, что безъ такого «иманія» дѣло при перевозѣ черезъ Днѣпръ не обходилось и едва ли могли его останавливать «указные листы», прибитые на столбахъ у пристаней.

Изъ вышеприведеннаго же предписанія Губ. Канц. о недопущеніи перевоза «партикулярными судами» очевидно, что, помимо существовавшихъ на опредѣленныхъ мѣстахъ «государева» и монастырскаго перевозовъ, кіевскіе обыватели перевозили людей черезъ Днѣпръ и въ другихъ «не указныхъ» мѣстахъ своими «партикулярными судами»; но такъ какъ это все таки строго преслѣдовалось, то и не могло практиковаться слишкомъ широко, не могло образовать особаго промысла.

А. А.

Полугодовая панихида по П. А. Кулишу. 2-го августа окончилось полгода со дня кончины извѣстнаго писателя и ученаго П. А. Кулиша. Вдова покойнаго, тоже писательница подъ псевдонимомъ *Ганна Барвинокъ*, рѣшила въ этотъ день отслужить панихиду на его могилѣ, о чемъ и были извѣщены его близкіе родные, знакомые и почитатели таланта. Но по нѣкоторымъ, совершенно случайнымъ, обстоятельствамъ срокъ панихиды перенесенъ былъ на 29-е іюля, чего своевременно не могли узнать всѣ желавшіе побывать на панихидѣ, чѣмъ и объясняется не особенно большое количество присутствовавшихъ. Поминовеніе началось обѣдней и панихидой въ церкви ближайшаго къ хутору Кулишей села Аленовки, а закончилось панихидой на могилѣ покойнаго и затѣмъ обѣдомъ у вдовы. Могила П. А. Кулиша, находящаяся въ саду ихъ усадьбы въ х. Мотроновкѣ, къ этому дню была почти окончательно уже устроена. Она представляетъ большую земляную надгробную насыпь, находящуюся на полянкѣ въ кругу большихъ, вѣковыхъ деревьевъ и украшенную вѣнками и цвѣтами; на ней поставленъ очень изящной работы металлическій крестъ, сдѣланный подъ дубъ, но рѣшетка вокругъ могилы еще не установлена, хотя она находится тутъ-же. На краю полянки высится громадный, въ нѣсколько саженъ вышины, простой дубовый крестъ, къ которому, по козацкому обычаю, прикрѣплена пика съ *хустиною*. Въ сооруженіи этого креста, тоже поставленнаго за нѣсколько дней до панихиды, принимали участіе нѣкоторые изъ окрестныхъ козаковъ, почитателей покойнаго, изъ которыхъ одинъ воспѣлъ этотъ

печальный день украинскимъ стихомъ. Во время обѣда сказаны были слова: свящ. о. Захаріемъ, г-номъ Коваленкомъ, О. М. Бѣлозерскимъ—роднымъ братомъ г-жи Кулишъ; прочитаны были привѣтствія, присланныя вдовѣ покойнаго г.г. Полюемъ, Шенрокомъ, а также стихотворенія, написанныя къ этому дню Надеждой Б., г. Троцкимъ, козакомъ П. Безлюднымъ. Хотя на поминовеніи присутствовало не много, но поминки носили задушевный характеръ.

Изъ бесѣдъ съ г-жей Кулишъ намъ пришлось узнать, что проникшій было въ печать слухъ о передачѣ большинства рукописей покойнаго въ Галицію лишенъ всякаго основанія: всѣ рукописи, которыхъ, надо замѣтить, довольно много, тщательно и любовно сохраняются вдовою; она только о томъ и думаетъ, какъ-бы при жизни своей успѣть ихъ опубликовать, выполнивъ этимъ свой долгъ передъ памятью мужа. Ее смущаетъ то, что въ писаніяхъ П. А. Кулиша было много такого, что вызывало споры и даже, очень часто, сильныя раздраженія, а потому едва-ли найдется теперь кто-нибудь, кто согласился-бы отпечатать эти рукописи безъ перемѣнъ и сокращеній. Намъ кажется, что пока самъ авторъ живъ, издатели, конечно, вправѣ не соглашаться печатать тѣ его взгляды, которые противорѣчатъ ихъ убѣжденіямъ; но разъ автора нѣтъ въ живыхъ,—всякое его слово становится, такъ сказать, историческимъ документомъ, который публикуется дословно и дѣлается съ этого момента предметомъ исторической критики, спокойно оцѣнивающей и разъясняющей какъ сильныя, такъ и слабыя стороны его. Будемъ поэтому надѣяться, что г-жа Кулишъ найдетъ еще въ себѣ силы и энергію привести въ порядокъ все сохранившееся изъ рукописей покойнаго мужа, а за издателями остановки не будетъ.

В. Н—ко.

Письмо въ редакцію.—Мы получили отъ приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета В. Н. Перетца просьбу опубликовать нижеслѣдующее письмо его, обращенное къ лицамъ, могущимъ оказать ему свое просвѣщенное содѣйствіе въ предполагаемомъ его трудѣ.

М. Г.

Всестороннее изученіе народности подвигается въ Россіи быстрыми шагами; но до сихъ поръ изслѣдователи наименѣе удѣляли вниманіе народному театру. Лишь въ послѣднее время наблюдается

нѣкоторое оживленіе интереса къ этому виду народнаго творчества. Что до театра маріонетокъ въ Россіи, то единственными въ своемъ родѣ являются работы: г. Алферова («Петрушка и его предки») и моя (Кукольный театръ на Руси». Историческій очеркъ). Предпринимая работу по изслѣдованію развитія кукольнаго народнаго театра и нуждаясь въ русскихъ и другихъ матеріалахъ по интересующему меня вопросу, покорнѣйше прошу васъ, м. г., не отказать въ сообщеніи отвѣтовъ на нижеслѣдующіе пункты:

I. Существуетъ ли въ той мѣстности, гдѣ вы живете постоянно или временно, кукольный театръ: а) религіозный (вертепъ, бетлейка, шопка) или б) *свѣтскій* («Петрушка» или что нибудь въ этомъ родѣ). (Мѣстность обозначать точно).

II. Каково отношеніе а) мѣстныхъ жителей и б) главнымъ образомъ—полиціи къ показывателямъ кукольнаго театра? Если существуютъ какія либо циркулярныя или мѣстныя распоряженія полиціи, запрещающія кукольныя представленія, прошу не отказать въ собщеніи ихъ (въ точныхъ копіяхъ).

III. Кто обыкновенно занимается устройствомъ и показываніемъ куколъ? а) національность, вѣроисповѣданіе, возрастъ, имена и фамиліи показывателей и музыканта (если таковой сопровождаетъ кукольника и участвуетъ въ представленіи); б) отъ кого усвоили это искусство показыватели кукольной комедіи и почему избрали это занятіе? Вознагражденіе, получаемое ими?

IV. Каково устройство кукольнаго театра: сцены и куколъ? (если возможно — прошу сообщить планъ, рисунокъ или хотя набросокъ).

V. На какомъ языкѣ происходятъ представленія? Содержаніе ихъ? Прошу *записать текстъ* представляемой куклами пьесы; а если представленіе ведется по печатной книжкѣ (рѣдко), то сообщить точное заглавіе этой книжки (списать титульный листъ ея). Записывать устный текстъ слѣдуетъ съ соблюденіемъ особенностей произношенія показывателя, не стѣсняясь современной принятой орѳографіей. Такъ какъ существуетъ два рода пьесъ:—однѣ удобныя для смѣшанной публики, другія неудобныя,—то прошу обратить особенное вниманіе на послѣднія: эти пьесы кукольники остерегаются показывать кому попало или когда заподозрятъ присутствіе полицейскаго надзора. Особенно тщательно прошу отмѣтить имена дѣйствующихъ въ пьесахъ лицъ.

VI. Существуетъ ли въ вашей мѣстности панорама (раекъ?) Сообщите устройство его (планъ, рисунокъ, списокъ картинъ), а также текстъ? Нѣтъ ли текста на самыхъ картинахъ. Гдѣ послѣднія обрѣтаются и часто ли мѣняются? У кого учатся раешники?

Отвѣты прошу адресовать.

С.-Петербургъ. Екатериногофскій проспектъ, д. 59. кв. 19, приватъ-доценту Императорскаго С.-Петербурскаго Университета *Владиміру Николаевичу Перетцу.*

Библіографія.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львови під редакцією Михайла Грушевського. Томы XVI и XVII (1897, кн. II и III). Стр. 194+194*[1]).

Основанное въ 1873 году въ Львовѣ «Общество имени Тараса Шевченка» для развитія украинско-русской науки и литературы преобразовалось въ 1893 году въ научное общество того же имени, съ секціями филологической, историко-философской и математическо-естественно-медицинской. Изъ года въ годъ расширялась научно-издательская дѣятельность преобразованнаго общества, которое нынѣ выпускаетъ въ свѣтъ слѣдующіе труды: «Записки», двухмѣсячный журналъ литературно-научнаго содержанія (вышло 17 томовъ); источники для исторіи Украины-Руси (съ 1895 г.); памятники украинско-русскаго языка и литературы (съ 1896 г.); этнографическій сборникъ (съ 1895 г.); матеріалы этнологическіе (съ 1897 г.); юридическій журналъ (съ 1897 г.); сборникъ мат.-ест.-медицинской секціи (съ 1897 года); предполагаются такіе же сборники прочихъ двухъ секцій «Общества»; историческая библіотека (переводы лучшихъ монографій по исторіи Украины, вышло 16 т.) и литературно-научный журналъ «Зоря» (18-й годъ). Въ 1896 году вышло 41 изданіе «Общества». Такое развитіе дѣятельности сравнительно молодого научнаго учрежденія, безъ сомнѣнія, лишь потому стало возможнымъ, что вызвано дѣйствительною жизненною потребностью, и поистинѣ заслуживаетъ удивленія энергія, съ которою наши сосѣди-галичане безостановочно продолжаютъ свою работу на пользу родного языка и словесности, не-

[1]) Отчетъ о прежнихъ 15 т. „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г. №№ 11 и 12, 1896 г. №№ 2, 5 и 10 и 1897 г. № 1 и 5.

смотря на матеріальныя затрудненія. Правда, общество получаетъ субсидію отъ австр. министерства просвѣщенія и галицкаго областного сейма, но, напр., на текущій 1897 годъ субсидія эта не превышаетъ 4500 гульденовъ. Между тѣмъ, въ 1896 году расходы по изданіямъ составляли не менѣе 10.000 гульденовъ, бюджетъ на нынѣшній годъ увеличился на 3000 гульденовъ и конечно будетъ расти и далѣе, съ развитіемъ научно-издательской дѣятельности общества.

Ближайшею цѣлью дѣятелей этого общества является основаніе галицкой украинско-русской академіи наукъ, по примѣру чеховъ, сербовъ и хорватъ. Для устроенія этого насущнаго дѣла члены «Общества» рѣшили образовать научный фондъ украинско-русской академіи наукъ и печатно приглашаютъ сочувствующихъ этой мысли къ пожертвованіямъ, которыя могутъ быть высылаемы прямо въ Общество или головѣ его, проф. университета М. Грушевскому, или кассиру общества К. Паньковскому.

Отчеты о пожертвованіяхъ будутъ печататься съ указаніемъ или безъ указанія именъ жертвователей, по желанію послѣднихъ.

Въ настоящихъ двухъ томахъ записокъ находимъ заключительныя статьи г. А. Конискаго по жизнеописанію Т. Шевченка: «Т. Шевченко въ послѣдніе часы жизни» (7 сент. 1859 г.—26 февраля 1861 г.) и «Опытъ упорядоченія хронологіи произведеній Т. Ш.» (XVI, 1—70 и XVII, 1—22). Съ необыкновенною тщательностью біографъ подобралъ всѣ доступныя извѣстія о послѣднихъ сумрачныхъ годинахъ жизни знаменитаго поэта, о его неудачныхъ попыткахъ пріобрѣсти осѣдлость на Украинѣ, неудавшихся поискахъ жены, о намѣреніяхъ выкупить родственниковъ поэта у помѣщика Фліорковскаго и пр. Чтеніе этой монографіи г. Конискаго оставляетъ тяжелое впечатлѣніе въ душѣ. Авторъ видимо старается сохранить лѣтописный тонъ, ограничиваясь ролью разсказчика, но положеніе его въ этомъ случаѣ крайне затруднительно. Съ какимъ бы уваженіемъ ни относиться къ личности поэта, разсказъ о его поискахъ за женою, о его сватаньи на дѣвушкахъ, которыхъ никогда не видѣлъ, оставляетъ въ душѣ читателя чувство отвратительнаго моральнаго диссонанса, но конечно въ этомъ надо винить не біографа, а суровые факты, свидѣтельствующіе о многихъ недостаткахъ въ развитіи поэта. Что касается опыта хронологіи съ мая 1847 года (продолженіе статьи, напечатанной въ VII—VIII т. «Записокъ»), то намъ показался излишнимъ нѣсколько запальчивый полемическій тонъ автора, опровергающаго догадки нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, тѣмъ болѣе, что

хронологія произведеній Ш., написанныхъ на русскомъ языкѣ, и послѣ этой статьи представляется невполнѣ разъясненной. Удивительны и жалобы автора на затруднительность изученія рукописей Ш., оставшихся неарестованными. Въ свое время рукописи эти были выставлены на Пражской выставкѣ. Ознакомиться съ ними не трудно и теперь, если же это было затруднительно для автора, то это не основаніе для столь горькихъ жалобъ. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать великое трудолюбіе, съ которымъ г. К. изслѣдуетъ спорные вопросы хронологіи и устанавливаетъ заключенія, почти всегда кажущіяся безспорными благодаря приведеннымъ имъ даннымъ. Изъ заключительныхъ словъ автора съ сожалѣніемъ узнаемъ, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ онъ долженъ былъ отказаться отъ выполненія первоначальнаго своего плана дать, кромѣ біографіи поэта, исторію его творчества и критическое обозрѣніе его произведеній. Не подлежитъ сомнѣнію, что и то, что слѣлано г. К. для біографіи Ш., составляетъ крупный вкладъ въ исторію малорусской письменности и значительно облегчитъ работу будущихъ изслѣдователей, на которыхъ возлагаетъ свои надежды почтенный авторъ.

Редакторъ «Записокъ», проф. Грушевскій, въ XVI т. даетъ очень обстоятельный сводъ мнѣній и фактическихъ данныхъ о козацкомъ гетманѣ Богданкѣ (посл. четверть XVI ст.), а г. С. Рудницкій—такой же сводъ данныхъ для исторіи козацко-польской войны 1625 г. (XVII, 1—42). Статьи г. Рудницкаго, какъ и статьи г. Терлецкаго въ XIV т. «Записокъ» представляютъ рефераты, читанные въ семинаріумѣ г. Грушевскаго во Львовѣ, и свидѣтельствуютъ о хорошей исторической школѣ, которая постепенно создается въ этомъ университетскомъ городѣ благодаря умѣлому руководству молодого кіевскаго ученаго.

Цѣль ихъ—критическій пересмотръ спорныхъ или маловыясненныхъ вопросовъ малорусской исторіи и строго фактическое возсозданіе того, что можетъ представляться въ данномъ случаѣ не подлежащимъ спору или наиболѣе правдоподобнымъ.

Въ т. XVII г. Грушевскій оканчиваетъ изданіе духовнаго пѣсенника начала XVIII в. (стр. 49—98) и снабжаетъ его пояснительными замѣчаніями, а г. В. Гнатюкъ приводитъ, также съ примѣчаніями, девять неизданныхъ легендъ изъ хитарскаго сборника, описаннаго въ X т. «Записокъ»: о королі, который ходивъ со злодѣемъ въ ночи красти; слово отъ патерика о локутѣ; о томъ же; про рицаря и смерть; о цесари Іовланѣ; о Давидѣ разбойнику; о Флавіанѣ разбой-

нику; о пустельнику и аггелѣ; о патріархѣ Терентіи, выпившемъ лютую трутизну изъ рукъ жида (XVI, 1—38).

В. Б. Антоновичъ въ XVI т. даетъ интересную выписку изъ ватиканскаго архива о сектѣ субботниковъ въ Перемышлѣ въ 1648 году, именно реляцію папскаго нунція въ Варшавѣ Джіованни Ари чини къ кардиналу Пансироло, президента коллегіи de propaganda fide. По словамъ нунція, эти сектанты празднуютъ субботу, не потребляютъ свиного мяса, не крестятъ дѣтей, но обрѣзываютъ. Король заявилъ, что секта появилась за шесть лѣтъ до 1648 года, что онъ приметъ мѣры для искорененія ея, какъ секты опасной; еретиковъ считалось до 400 чел. (отд. miscellanea, 1—2).

Въ отдѣлахъ научной хроники и библіографіи находимъ обстоятельныя рецензіи и обзоры 60 журналовъ, книгъ и брошюръ по исторіи и литературѣ южнорусскаго народа. Особеннаго вниманія заслуживаютъ рецензіи г. Грушевскаго на XXII т. капитальнаго изданія г. Яблоновскаго Źródła dziejowe и г. Рудницкаго на недавнія статьи покойнаго Кулиша въ «Русскомъ Обозрѣніи»: «Украинскіе козаки и паны» и пр.

Н. М.

Быль и легенды о могилѣ Аскольда съ приложеніемъ древнихъ плановъ Кіева (1638 г.) и Печерской его части (1695 г.).—И. Т—а. *Кіевъ. 1897 г. Стр. VII+57.*

Едва ли найдется въ Россіи другой городъ, подобный Кіеву, который бы при своей столь глубокой древности, такъ мало сохранилъ памятниковъ прошлой жизни; поэтому большое количество вопросовъ по древней топографіи его остается до сихъ поръ неразъясненнымъ, подавая поводъ къ многочисленнымъ догадкамъ и безконечнымъ спорамъ, изъ которыхъ если и не рождается истина сейчасъ же, то въ будущемъ даетъ все-таки надежду получить наиболѣе вѣроятное рѣшеніе. Съ этой точки зрѣнія всякое новое мнѣніе, касающееся той или другой мѣстности Кіева, возбуждаетъ большой интересъ, который въ настоящее время увеличивается еще оттого, что въ близкомъ будущемъ въ Кіевѣ соберется XI-й археологическій съѣздъ; послѣдній, само собой разумѣется, кромѣ общихъ вопросовъ исторической науки, займется и мѣстными. Попытку рѣшить одинъ изъ такихъ мѣстныхъ старыхъ,

спорныхъ историческихъ вопросовъ представляетъ собою вышеназванная брошюра, именно—вопросъ о мѣстѣ нахожденія могилы Аскольда, а также и два другіе тѣсносвязанные съ этимъ послѣднимъ вопроса: о мѣстѣ нахожденія такъ называемаго «Угорьскаго» урочища и времени возникновенія Пустынно-Николаевскаго монастыря. Авторъ этой брошюры, г. И. Т—а, разсматриваетъ названные вопросы въ двухъ главахъ и предисловіи. Въ послѣднемъ цитуетъ онъ основной источникъ сказанія объ Аскольдѣ и Дирѣ, приводитъ мнѣніе о нихъ Карамзина и позднѣйшихъ историковъ и отмѣчаетъ вопросы, возникающіе при критическомъ разборѣ этихъ мнѣній. Первую главу своего труда г. И. Т—а удѣляетъ оспариванію мнѣній проф. Н. И. Петрова и, возражая противъ нихъ, приходитъ къ заключенію, что урочище Угорьское, на которомъ помѣщается обыкновенно Аскольдова могила, «находилось, какъ нужно полагать, на основаніи имѣющихся данныхъ и мѣстныхъ условій, противъ устья Почайны и расположено было на покатостяхъ горы, на вершинѣ которой стоялъ городокъ. Этимъ Угорскимъ съ городкомъ Кіи завладѣли Аскольдъ и Диръ въ 862 году; къ этому Угорскому явился въ 882 году Олегъ; подъ этимъ Угорскимъ должно быть послѣдовала и казнь Аскольда и Дира» (стр. 27). Разобравъ далѣе сообщеніе Новгородцева 1784 г. о мѣстѣ нахожденія Дировой могилы близъ церкви Андрея Первозваннаго и имѣя въ виду показаніе лѣтописи, что Дирова могила расположена за монастыремъ св. Ирины, авторъ полагаетъ, что Новгородцевъ указалъ могилу Аскольда, которую впослѣдствіи раскопалъ К. Лохвицкій и нашелъ въ ней остатки христіанскаго погребенія или быта. Вторую главу г. И. Т—а посвящаетъ разбору мнѣнія протоіерея П. Троцкаго о древности и времени основанія Пустынно-Николаевскаго монастыря и думаетъ, что «на монастырскомъ кладбищѣ съ большою вѣроятностью можно предполагать тотъ Николаевскій женскій монастырь (онъ упоминается въ житіи пр. Ѳеодосія, написанномъ пр. Несторомъ), въ которомъ жила и скончалась мать пр. Ѳеодосія, а тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ военный соборъ, находился, вѣроятно, древній монастырь Германичъ, который, по сожженіи его Половцами въ 1096 году, занялъ упомянутый женскій, принявъ названіе Николаевскаго» (стр. 55). Таковы мнѣнія г. И. Т—а, на которыя мы и обращаемъ вниманіе любителей и изслѣдователей кіевской старины; подвергать же эти мнѣнія теперь разбору значило бы дѣлать пересмотръ вопроса во всемъ его объемѣ и со всѣми накопившимися мнѣніями, чего, конечно, исполнить въ предѣлахъ краткой рецензіи невозможно.

Приложенные къ брошюрѣ видъ Аскольдовой могилы, планъ Кіева Ав. Кальнофойскаго 1638 г. и часть плана Кіева 1695 г., изданнаго Кіевской археографической коммиссіей, сдѣланы отчетливо и даны здѣсь весьма кстати, позволяя читателю яснѣе представить себѣ ту мѣстность, изъ-за которой ломятся стальныя перья археологовъ въ безкровной, но обѣщающей плодъ борьбѣ.

И. Каманинъ.

Матеріалы къ изученію Кубанскаго козачьяго войска. Пѣсни Кубанскихъ козаковъ. Выпускъ 1—3: Пісні чорноморскі. Выпускъ 4-й. Пісні линейскіе. Для одного голоса и хора съ акомпаниментомъ фортепіано. Собраны А. Бігдаемъ, дѣйствительнымъ членомъ Кубанскаго статистическаго комитета. Изданіе Кубанскаго статистическаго комитета къ 200-лѣтнему юбилею войска. *Москва. Печатня В. Гроссе. 8°, 65+72+91+75 стран.*

Обязанное своимъ появленіемъ празднованію 200-лѣтняго юбилея Кубанского козачьяго войска, собраніе пѣсенъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ заключаетъ въ первыхъ трехъ выпускахъ малорусскія пѣсни («чорноморскі») и въ четвертомъ—великорусскія («линейскіи»). Въ каждомъ выпускѣ помѣщено по 40 пѣсенъ съ мотивами для одного голоса, или для хора, и съ акомпаниментомъ фортепіано. Относительно семнадцати пѣсенъ, помѣщенныхъ во второмъ выпускѣ (№№ 1—8, 10, 13—18, 20 и 22), сдѣлано указаніе: «уклад М. Лисенко», а кѣмъ положены на музыку всѣ остальныя пѣсни—не обозначено. Къ сожалѣнію въ сборникѣ также не имѣется ни предисловія, изъ котораго было-бы видно, какъ именно сборникъ составлялся, ни указанія, въ какихъ именно мѣстностяхъ пѣсни записаны: обозначено только, отъ кого онѣ были записаны или получены (напр. отъ Васильева, отъ Маши Близнюкъ, отъ Маши Изюмской и др.), но безъ указанія мѣстностей. И только подъ двумя варіантами одной пѣсни (выпускъ II, №№ 1 и 6) есть отмѣтка: «записано въ околиці Борцегівки, Київъ, причемъ надо разумѣть с. Борщаговку кіевской губерніи. Обстоятельство это можетъ повергнуть наивнаго читателя въ недоумѣніе (которое уже и было высказано въ газетѣ «Кавказъ»), ставя для него вопросъ: развѣ кіевская губернія находится въ предѣлахъ земли кубанскаго козачьяго войска? Но, обра-

тивъ вниманіе на содержаніе пѣсни, догадливый читатель пойметъ, почему она могла быть внесена въ сборникъ: въ обоихъ варіантахъ этой пѣсни (названной: «Про Чепигу и Головатого») разсказывается о томъ, какъ запорожцы прощались съ Днѣпромъ и съ своими куренями и переселялись на Кубань. Повѣствуя такимъ образомъ о прошломъ Кубанскаго войска, эта пѣсня, очевидно, занесена въ кіевскую губернію изъ другихъ мѣстъ и, будучи по происхожденію своему черноморскою, подлежала внесенію въ сборникъ независимо отъ того, какъ далеко она распространилась. Кромѣ упомянутой пѣсни, къ пѣснямъ, имѣющимъ мѣстный характеръ, т. е. изображающимъ прошлое черноморскихъ козаковъ или ихъ современный бытъ, относятся очень немногія (помѣщенныя преимущественно во второмъ выпускѣ); значительное же большинство остальныхъ пѣсенъ принадлежитъ къ пѣснямъ общеизвѣстнымъ и распространеннымъ въ разныхъ мѣстахъ южно-русскаго края (въ родѣ, напримѣръ: «Ой не ходы Грицю на ті вечерниці», «Сонце низенько, вечір близенько», «Полюбила Петруся та й сказать боюся», «Дівчина моя переяславка» и пр.). Отсутствіе точныхъ указаній мѣстъ собиранія пѣсенъ лишаетъ возможности съ точностью опредѣлить, отличаются ли чѣмъ либо пѣсни черноморскихъ козаковъ отъ пѣсенъ другихъ мѣстъ южнорусскаго края. Но, увеличивая количество малорусскихъ пѣсенъ, записанныхъ и положенныхъ на музыку, изданный сборникъ во всякомъ случаѣ составляетъ полезное пріобрѣтеніе. Можетъ быть, въ Черноморьѣ онъ будетъ имѣть и практическое значеніе, если поможетъ существующимъ тамъ войсковымъ хорамъ какъ удержать въ памяти исполняемыя ими малорусскія пѣсни, такъ и увеличить запасъ таковыхъ.

Н. Ш.

Приходская Библіотека. Русская земля (природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народнаго чтенія. Томъ V. Очерки Малороссіи. Редакція В. И. Шемякина. *Спб. Типографія В. Комарова 1896, малая 8°, 244+VI стран. и 1 карта.*

Отправляясь отъ той мысли, что естественною бытовою и духовно-просвѣтительною единицей земли русской является приходъ, въ которомъ, подъ сѣнью церкви, созидается школа, а рядомъ съ нею должна стоять приходская читальня и библіотека, редакція на-

стоящаго изданія подъ общимъ заглавіемъ «Приходской Библіотеки, выпустила рядъ книгъ, предназначенныхъ ею для учительскихъ библіотекъ начальныхъ школъ, для сельскихъ и церковныхъ читаленъ и библіотекъ и вообще для чтенія грамотныхъ людей прихода, и подраздѣляемыхъ на шесть отдѣловъ: «церковный, историческій (очерки русской и славянской исторіи—церковной и гражданской, жизнеописаніе замѣчательнѣйшихъ историческихъ дѣятелей русско-славянскаго міра, описаніе историческихъ памятниковъ и мѣстностей), литературный (*лучшія*, доступныя грамотнымъ людямъ произведенія русской, славянской и иностранныхъ литературъ—въ цѣломъ видѣ, отрывкахъ и сокращеніяхъ, съ жизнеописаніями авторовъ и примѣчаніями), географическій (очерки природы, быта и промышленности Россіи и земель, населенныхъ славянами, съ приложеніемъ географическихъ картъ), сельско-хозяйственный и пѣвческо-музыкальный. До настоящаго времени вышло болѣе 40 томиковъ этой «Библіотеки», при чемъ по географическому отдѣлу выпущенъ сборникъ подъ заглавіемъ «Русская земля», пятый томъ котораго посвященъ Малороссіи.

Относительно плана и состава своихъ изданій редакція въ помѣщенной въ книгѣ замѣткѣ говоритъ: «Мы далеки отъ мысли что либо сочинять для народа; наша скромная цѣль—*выбирать* изъ области нашей богатой литературы все полезное и доступное для грамотнаго читателя; редакторомъ и его сотрудниками руководитъ мысль, кѣмъ то давно высказанная, но рѣдко осуществляемая на дѣлѣ, что народу впору только самое лучшее. Согласно съ этимъ, настоящая книга представляетъ собою расположенный въ систематическомъ порядкѣ сборникъ статей, которыя частію составлены по сочиненіямъ извѣстныхъ авторовъ, а частію выписаны изъ нихъ. Чтобъ ознакомить читателей съ содержаніемъ сборника, приводимъ его вполнѣ: а) Природа Малороссіи: 1) Устройство поверхности и почва Малороссіи. 2) Малороссійскія степи (Пассека). 3) Днѣпръ и Днѣпровскіе пороги (изъ Афанасьева-Чужбинскаго). 4) Климатъ Малороссіи. Растенія и животныя. 5) Украинская ночь (изъ Гоголя). 6) Лѣтній день въ Малороссіи (изъ Гоголя). б) Малороссы и ихъ бытъ: 1) Особенности тѣлеснаго и духовнаго склада малороссовъ. 2) Лѣто въ Малороссійской деревнѣ (по Л. Ставровскому). 3) Малороссійскія села и хутора. Хаты и хозяйственныя постройки. Домашняя утварь. 4) Одежда и пища. 5) Набожность малороссовъ. Повѣрья и суевѣрія. 6) Народные обычаи при крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ. Народная словесность: сказки, думы и пѣсни. в) Занятія и промыслы малороссовъ: 1) Земледѣліе и

его враги. 2) Разведеніе свекловицы и табака. Садоводство. Скотоводство. Пчеловодство. 3) Отхожіе и домашніе промыслы. г) Достопримѣчательные города и мѣстности Малороссіи: 1) Кіевъ и его святыни. 2) Святая Почаевская Успенская лавра (по разсказу Ѳ. Четыркина). 3) Полтава.

Уже изъ одного перечня этихъ статей видно, что редакція хотѣла познакомить своихъ читателей съ Малороссіей въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. И хотя нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ въ этихъ статьяхъ свѣдѣнія (какъ напримѣръ о минеральныхъ богатствахъ южнорусскаго края) являются неполными или устарѣлыми, но въ общемъ книга составлена обстоятельно и представляетъ довольно удачную попытку въ достиженіи той симпатичной цѣли, которую редакція себѣ намѣтила.

Къ книгѣ приложена небольшая карта Малороссіи и нѣсколько рисунковъ (преимущественно снимки съ произведеній Трутовскаго). По количеству напечатаннаго матеріала назначенная за книгу цѣна (30 коп.) представляется очень умѣренною.

Н. Ш.

Отъ Кіева до Бриндизи. Путевые очерки Е. Л. Маркова. *Гл. I—II. Русское Обозрѣніе. 1897 г., февраль.*

Извѣстный авторъ «Очерковъ Крыма», «Очерковъ Кавказа», публицистъ и романистъ Е. Л. Марковъ обрушивается на современниковъ за «безраздумно-табунное влеченіе» къ европейскимъ городамъ и курортамъ и за непростительное пренебреженіе «природными членами семьи нашей», т. е. славянами, которыхъ мы знаемъ «чуть ли не такъ же мало, какъ какой нибудь Афганистанъ или Пенджабъ», между тѣмъ какъ «нѣмцы, австрійцы, французы, англичане, даже американцы интересуются гораздо болѣе насъ этими странами и настойчиво изучаютъ ихъ». Отсюда г. Марковъ пришелъ къ рѣшенію предпринять путешествіе по славянскимъ землямъ, присоединивъ къ нимъ одну не славянскую, Грецію, вслѣдствіе того, что она служила для насъ колыбелью православія (что, собственно, для Греціи—историческая натяжка) и вслѣдствіе ея рѣдкихъ красотъ природы, и исключивъ одну славянскую, Болгарію, потому что въ ней, по его словамъ, было тогда еще много болѣзненныхъ явленій, съ которыми

непріятно было бы сталкиваться, и на которыя не хотѣлось бы глядѣть».

Г. Марковъ, начинаетъ свой маршрутъ Кіевомъ, потому что: «Кіевъ дряхлый, златоглавый, сей пращуръ русскихъ городовъ; иначе говоря, это колыбель русскихъ славянъ, народная святыня, заслуживающая перваго посѣщенія и благоговѣйнаго вниманія русскаго туриста. И авторъ, дѣйствительно, въ лирическомъ духѣ передаетъ свои впечатлѣнія отъ города, которыя, впрочемъ, не въ состояніи нарисовать внѣшняго вида города. Вотъ мы у главной святыни Кіева—св. Софіи и прежде всего слышимъ неосновательный укоръ ей въ томъ, что она «черезчуръ слабое подражаніе Византійской Софіи»... Но она и не была вовсе подражаніемъ константинопольской Софіи, а всего болѣе напоминаетъ церковь Вседержителя въ Константинополѣ. Читаемъ дальше: «Она также мало похожа на нее, какъ маленькая олеографическая картинка (sic!) на огромное полотно знаменитаго художника». Такія репортерскія выраженія о русской святынѣ религіозной и художественной по меньшей мѣрѣ странно было встрѣтить въ путешествіи лица съ такими понятіями, какъ г. Марковъ. Описывая далѣе наружный видъ собора, онъ находитъ какое-то сходство теперешнихъ куполовъ собора, какъ извѣстно каждому—новѣйшаго времени, съ индійскими пагодами, и не находитъ сходства въ нихъ съ византійскими куполами. Но какое же сравненіе между вещами несравнимыми?! Далѣе: «Наши предки, хотя и приняли отъ византійцевъ вѣру и образованіе, не даромъ, однако, были соплеменниками по крови (sic!) и съ арійцами Индіи. Они незамѣтно преобразили по своему архитектуру Византіи и создали самобытный русскій стиль, даже силясь рабски(!) копировать своихъ учителей». Это все сказано о кіевской Софіи, какъ извѣстно всякому, построенной греческими мастерами!.. Общее заключеніе автора о кіевской Софіи таково: «Софійскій храмъ Кіева, въ свое время казавшійся чудомъ свѣта своего рода нашимъ простодушнымъ предкамъ, теперь интересенъ только(!) своей оригинальностью. Архитектура его дѣтски-наивна. Золотыя шапки его, сильно таки облѣзлыя, продолжаетъ свой критическій анализъ г. Марковъ, поматы, какъ плохо спеченный артосъ; окошечки грубы и просты, какъ въ деревенской избѣ; колокольня, сквозь ворота которой входятъ во дворъ храма,—какой то уродливой формы, словно обрѣзанная снизу, и росписана во вкусѣ варварскаго великолѣпія бѣлыми алебастровыми арабесками,

травами, цвѣтами и чуть ли не птицами, по свѣтло-зеленому фону»... По всему видно, что не смотря на оговорку, что Софійскій соборъ теперь далеко не тотъ, что при Ярославѣ, г. Марковъ и купола, и колокольню относитъ, во всякомъ случаѣ, къ варварской древности... Но, при варварской наружности, внутренность собора, по экспертизѣ г. Маркова, «типически византійская». Послѣ краткаго и неяснаго описанія внутренняго устройства его, авторъ дѣлаетъ свое замѣчаніе: «въ храмѣ вездѣ царитъ полутьма, переходящая кое-гдѣ въ настоящій мракъ»; и даетъ свое объясненіе: «Строители, очевидно (sic) больше всего хлопотали о прочности сооруженія, мало заботясь объ удобствѣ молящихся». Извѣсто, однако, что, напротивъ, въ древности Софійскій соборъ отличался яркимъ освѣщеніемъ, а что если нынѣ онъ дѣйствительно темноватъ, то это потому, что нѣкоторыя изъ оконныхъ отверстій впослѣдствіи задѣланы были. Авторъ самъ могъ убѣдиться, какъ туристъ, бывшій и въ Константинополѣ, что тѣ же византійскіе мастера съумѣли отлично освѣтить тамошнюю Софію безъ вреда для прочности. Но ему все кажется, что Софійскій соборъ построенъ въ варварскомъ вкусѣ: «русская древность, говоритъ онъ, и въ храмахъ своихъ, и въ теремахъ, даже царскихъ, повидимому, любила тѣсноту и полумракъ. Можетъ быть, въ этомъ сказывались вкусы лѣсного жителя, привыкшаго къ тѣнямъ лѣса и густотѣ его стволовъ»... И такъ, выходитъ, что колонны въ Софійскомъ соборѣ— это подобіе древесныхъ стволовъ...

Покончивъ съ архитектурной частью храма, авторъ переходитъ къ описанію его живописныхъ украшеній, при чемъ замѣчаетъ, что «общая идея византійскаго храма проникаетъ въ немъ всякую подробность». А идея «творца храма» была «создать изъ камня искусственное небо своего рода(!), съ престоломъ Божіимъ на верху, съ роями ангеловъ, Его славословящихъ, съ полчищами святыхъ, Ему молящихся, повсюду кругомъ». Обозрѣніе мозаикъ св. Софіи, которыя причисляются къ самымъ совершеннымъ по рисунку, по композиціи, по типичности лицъ среди византійскихъ мозаикъ того времени, нашъ путешественникъ ограничиваетъ простымъ упоминаніемъ о Нерушимой Стѣнѣ, очистку которой ошибочно приписываетъ проф. Прахову, о Тайной Вечери и о другихъ, о содержаніи которыхъ умалчиваетъ. Относительно фресковыхъ изображеній г. Марковъ находитъ, что ихъ слишкомъ уже много. «Но мозаикъ уцѣлѣло, говоритъ онъ, все таки немного сравнительно съ множествомъ изображеній святыхъ, писанныхъ al fresco, и сплошь покрывающихъ внут-

ренность собора, его стѣны, столбы, паруса, арки, купола и своды, одиночками, парами, группами, цѣлыми полчищами. Религіозная ревность наивнаго художника, повидимому, жаждала населить Божій храмъ ликами всѣхъ святыхъ людей, которыхъ имена можно было отыскать въ лѣтописяхъ церкви. Тутъ и библейскіе патріархи, и пророки, и апостолы, и благочестивые цари, и великіе святители, мученики и подвижники, кажется, всѣ безъ исключенія, словомъ, цѣлая торжествующая небесная церковь, наглядно предстательствующая за своихъ грѣшныхъ земныхъ братьевъ передъ Ликомъ Вседержителя, властительно простершаго надъ ними, въ глубинѣ центральнаго купола, среди облаковъ и ангеловъ, Свою Десницу». Напрасно г. Марковъ думаетъ, что религіозная ревность (вѣроятно, по его мнѣнію, неразумная) наивнаго (почему?) художника безъ разбора написала изображенія всевозможныхъ святыхъ парами, десятками, дюжинами и т. п., съ цѣлью изобразить ихъ предстательство передъ Вседержителемъ. Если бы онъ потрудился разсмотрѣть внимательнѣй расположеніе фресковыхъ изображеній, то могъ бы замѣтить въ сюжетахъ ихъ опредѣленный выборъ. Во первыхъ, придѣлы расписаны соотвѣтственными изображеніями, затѣмъ слѣдуютъ изображенія литургико-символическаго характера, изображенія страстей Христовыхъ, сошествія Его во адъ, воскресеніе и сошествіе св. Духа; изъ ветхаго завѣта символическія дополненія къ евангельскимъ сюжетамъ.

Посвятивъ нѣсколько строкъ значенію, которое имѣютъ въ архіерейскомъ служеніи протодіаконскій басъ, громій звонъ колоколовъ и громкіе возгласы хора, г. Марковъ возвращается еще разъ къ Софійскому собору и удѣляетъ нѣсколько строкъ изображеніямъ на лѣстницахъ, ведущихъ на хоры. Здѣсь находимъ невѣрное предположеніе о томъ, что во времена Ярослава этими лѣстницами сообщался съ храмомъ построенный рядомъ съ нимъ дворецъ великаго князя. Въ изображеніяхъ г. Марковъ видитъ и охоту за дикими лошадьми въ южно-русскихъ степяхъ, и битвы, и пиршества, словомъ сцены древне-русской жизни, и опять неправильно приписываетъ открытіе ихъ проф. Прахову. Объясненіе этихъ рисунковъ давно отвергнуто въ научной литературѣ: содержаніе ихъ взято исключительно изъ византійской жизни, и къ древне-русскому быту не имѣютъ никакого отношенія. Роспись лѣстницъ представляетъ два празднества: сатурналіи съ охотами и играми въ циркѣ и празднованіе Каландъ (Календъ) [1]), при чемъ изображены императоръ и императрица.

[1]) Гр. Толстой и Кондаковъ, Рус. др. IV, 153

О Михайловскомъ монастырѣ авторъ говоритъ небрежно, что монастырскій соборъ-рабскій сколокъ съ Ярославова храма, съ незначительными отступленіями въ куполахъ; колокольня ему не понравилась и здѣсь; внутренность не производитъ цѣльнаго впечатлѣнія, тамъ тѣсно и темно, около мощей—толкотня и давка; мозаикъ мало; профессору Прахову удалось найти подъ слоемъ извести только очень немногія мозаики въ аркѣ алтаря; за то, по словамъ г. Маркова, въ монастырѣ уцѣлѣло нѣсколько историческихъ сокровищъ болѣе новаго времени, есть даже икона чистаго золота, цѣнимая свыше 50.000 р. По поводу проф. Прахова, котораго нѣсколько разъ упоминаетъ авторъ, мы можемъ добавить, что изображеніямъ Михайловскаго монастыря, напр. Тайной Вечерѣ, онъ отдаетъ предпочтеніе передъ мозаиками Софійскими по большей естественности и что здѣсь, въ славянскихъ надписяхъ надъ изображеніями Михайловскаго монастыря мы видимъ указанія на появленіе мѣстнаго русскаго искусства въ XII вѣкѣ [1]). Полагаемъ, что это заслуживаетъ вниманія просвѣщеннаго путешественника.

Затѣмъ для полноты ознакомленія читателей съ Кіевомъ, г. Марковъ удѣляетъ страницу наружному описанію Владимірскаго, собора который ему вообще не понравился, описанію памятника Хмельницкому и тѣмъ покачиваетъ съ матерью городовъ русскихъ.

Общее впечатлѣніе по прочтеніи первой главы путешествія г. Маркова въ вышей степени неблагопріятно по безучастному небрежному отношенію къ родной старинѣ, для него остающейся чужою, и даже по оскорбительному третированію ея въ неподходящихъ сравненіяхъ съ олеографіей и артосомъ. Все это свидѣтельствуетъ, что свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ и искусствѣ у г. Маркова столь не высокаго достоинства, что безъ всякаго сомнѣнія, онъ многому могъ бы научиться хотя бы и у тѣхъ нѣмцевъ, и у австрійцевъ, и у французовъ, къ которымъ относится съ такимъ патріотическимъ негодованіемъ.

Чего же ожидать русскому читателю отъ дальнѣйшаго описанія русскаго путешественника? Вотъ вторая глава его въ той же книжкѣ журнала, подъ заглавіемъ «Чрезъ «Забранную» Русь»—разумѣется черезъ Галицію: бѣглыя впечатлѣнія изъ окна вагона, вродѣ, напр., слѣдующаго краснорѣчиваго описанія галицкой деревни: Въ стадѣ этихъ бѣлыхъ смиренныхъ овечекъ (разумѣй хатъ), разбросанныхъ,

[1]) „Древности" Моск. Арх. Общ. XI, вып. 3-й, стр. 24-25,

какъ и малороссійскія хаты, среди цвѣтущихъ сливныхъ и вишневыхъ садочковъ, и похожихъ другъ на друга, какъ разомъ окотившіяся двоешки,—стоитъ затерянный между ними, такой же смиренный и такой же бѣдный пастырь—маленькая бревенчатая церковочка, вся почернѣвшая отъ старости, нерѣдко покосившаяся на бокъ, съ робкимъ (sic!) темнымъ крестикомъ на темной драничной кровлѣ,—точь въ точь старикъ пастухъ въ своей грязной и дырявой свитѣ»... Содержаніе всей этой небольшой главы занято неновыми разсужденіями на темы о политическомъ, и экономическомъ угнетеніи галицкихъ русинъ, о монархіи Габсбурговъ, о раздѣлѣ Польши и пр. Все это ничего не прибавляетъ къ давно извѣстному изъ газетныхъ фельетоновъ и передовицъ. О достоинствѣ же стиля политическихъ разсужденій г. Маркова можетъ дать понятіе слѣдующій отрывокъ: «Жидъ—неизбѣжный роковой спутникъ польскаго владычества, всегда присасывавшійся къ нему, какъ паразитъ къ разлагающемуся трупу, прежде всего густо засѣлъ по всѣмъ уголкамъ обезсилѣвшей страны,-и скоро задавилъ въ ней собою всякую другую поросль. Жидъ цвѣтетъ, обсѣменяется и плодится въ Галичинѣ, какъ нигдѣ!!. В. Я.

Изъ Малороссіи. Задушевне слово дорогой памяти Любому Царю Освободителю Александру II. На 1-е марта 1897 года. Сочиненіе П. В. Карнаушенка. *Одесса 1897 г., стр. 1—20.*

Эта книжечка, представляющая въ своемъ родѣ fin de siècle, лишній разъ доказываетъ, что добрыя намѣренія и ихъ исполненіе далеко не всегда согласуются другъ съ другомъ. Авторъ въ предисловіи говоритъ, что на языкѣ малороссійскаго народа ничего еще не было сказано въ память Царя-освободителя, а потому онъ «написалъ здѣсь не какъ плодъ своей фантазіи, а какъ истину, живущую въ душахъ Малороссійскаго народа». Цѣль, какъ видите, читатель, очень почтенная, но бѣда въ томъ, что у автора нѣтъ ни намека не только на талантъ, но даже на простое умѣніе излагать свои мысли, особенно-же въ стихахъ. Хотя въ стихѣ «До Музы» онъ и проситъ ее надѣлить его силами, и притомъ въ довольно скромныхъ размѣрахъ: «*Въ половыну хоть якъ Квитци,*

Й Тарасу Шевченко,
Нехай же й я заспиваю
Про Россію Неньку,—

но Муза очевидно осталась глуха къ его просьбамъ, и авторъ оказался въ положеніи тѣхъ поэтовъ, которые, по словамъ Дмитріева, «едва лишь вывѣски надписывать способны».

Не стоитъ, конечно, и останавливаться на указаніи перловъ этой поэзіи, т. к. нѣтъ ни одной строчки въ ней, которую можно было-бы отмѣтить, какъ *сносную*. Да и по поводу всей книжечки не стоило-бы говорить совсѣмъ, если-бы не бьющее на эффектъ заглавіе (которое, впрочемъ, содержаніемъ нисколько не оправдывается), да не одинъ куплетъ въ стих. «До Музы»:

Та якимъ-же словомъ
Такъ тягне писаты?
Словомъ малоруськимъ,
Що вже мертвымъ
Нови люды
Его сталы звaты.

Какъ видно, авторъ есть другъ малорусскаго слова, а если такъ, то, любя его, пусть онъ помнитъ извѣстное изреченіе: «избави, Боже, *отъ друзей*, а съ врагами я какъ-нибудь еще справлюсь».

В. Н—ко.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина 1897 № 4—6.

Мировой судъ Захарьина (Якунина) въ Подоліи. Гл. VI—XIII. Продолжается характеристика дѣятельности литинскаго мирового съѣзда, вызвавшей ревизію съѣзда товарищемъ оберъ-прокурора Ж.; результатомъ ревизіи была отставка всѣхъ судей, кромѣ автора статьи, и замѣна ихъ новыми (нисколько не лучшими). Въ статьяхъ г. Я сообщается много бытовыхъ подробностей по поводу различныхъ, процессовъ о ростовщичествѣ, сокрытій имуществъ, лутыхъ взысканіяхъ, банкротствахъ и т. п., героями которыхъ являются большую часть евреи, но также—и нѣкоторые представители мѣстнаго духовенства. Интересенъ отзывъ автора о евреяхъ: «еврей въ массѣ своей народъ невыносимый, но въ частности и въ отдѣльности я встрѣчалъ между ними прекрасныя и свѣтлыя личности. Главную отличительную добрую черту еврейской расы составляетъ чистота ихъ семейной жизни, любовь къ семьѣ, отсутствіе разгуловъ и пьянства... они, какъ и поляки, никогда не забываютъ малѣйшаго добра, имъ оказаннаго». И тѣмъ не менѣе, по мнѣнію г. Я. «еврейскій вопросъ въ Россіи есть роковой вопросъ», и «радикальныя потребны тутъ лекарства». Интересенъ также слѣдующій отзывъ г. Я. объ отношеніи поляковъ-помѣщиковъ къ мировому суду въ Подоліи: «къ нашему мировому суду—или какъ они называли, москевскому суду»—они относились крайне недружелюбно, ос-

корбленные конечно прежде всего тѣмъ, что судъ этотъ назначенъ былъ «отъ короны»... между тѣмъ какъ на содержаніе мировой юстиціи деньги брали съ нихъ же, т. е. съ землевладѣльцевъ (№ 4—6).

Къ вопросу о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ и А. О. Россетъ. Ф. Витбергъ. Статьи написаны въ отвѣтъ на статью Авенаріуса, помѣщенную въ февральской книжкѣ «Р. Ст.» Авторъ опровергаетъ положеніе г. А. и полагаетъ, что знакомство Г. съ П. и Р. произошло не въ маѣ, а когда всѣ дѣйствующія лица сошлись въ одномъ мѣстѣ и имѣли больше досуга, т. е. послѣ переѣзда двора изъ Петергофа въ Царское Село,—значитъ послѣ 24 іюля 1831 г. (№ 6).

Продолжалось печатаніе *записокъ М. Чайковскаго* (№ 5).

Изъ воспоминаній Михайловскаго Данилевскаго 1817 годъ. Описывая большое путешествіе имп. Александра I по Россіи авторъ, состоявшій въ императорской свитѣ, говоритъ между прочимъ о посѣщеніи Кіева, Бѣлой-Церкви, Полтавы, Харькова и др. городовъ южной Россіи. Сообщаемые факты имѣютъ большее значеніе для характеристики императора, чѣмъ для изображенія страны или общества (особенный интересъ представляетъ посѣщеніе имп. incognito схимника Вассіана, въ К. П. лаврѣ; разговоръ объ отреченіи отъ престола, имѣвшій мѣсто въ Бѣлой Церкви (несочувственное принятіе отъ Каразина проэкта университета въ Харьковѣ (№ 6).

Историческій Вѣстникъ 1897 № 4—6.

Заокеанская Русь. Графа Леливы (Е. Н. Матросова). Гл. Ш. Русь съ западной стороны съверо-американскаго материка. Статья начинается историческимъ очеркомъ (велико) русской колонизаціи на Аляскѣ и дѣятельности россійско-американской компаніи. Произведенная въ 1861 г. ревизія обнаружила совершенно неудовлетворительное состояніе колоній, вслѣдствіе чего особый комитетъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ имп. Александра II постановилъ продать территорію правительству С. А. Соед. Штатовъ. Продажа состоялась въ 1877 г. за 7 милліоновъ долларовъ. Результатомъ столѣтняго владычества русскихъ осталось ничтожное количество русскихъ переселенцевъ (менѣе 500 чел.), изъ которыхъ нѣкоторые послѣ продажи колоній возвратились въ Россію, и православная епархія, основанная знаменитымъ миссіонеромъ Іоанномъ Веніаминовымъ, (впослѣдствіи Иннокентій, епископъ алеутскій, съ 1877 митрополитъ московскій). Епархія эта въ настоящее время въ территоріальномъ отношеніи обнимаетъ всю Америку, но количественно очень невелика: всѣ 24 прихода-миссіи, на которыя она раздѣляется заключаютъ въ себѣ около 20 тысячъ человѣкъ, но русскихъ между ними не болѣе 1000, а остальныя 19000 состоятъ изъ т. наз. русскихъ креоловъ, алеутовъ, колотей,

ненайцевъ, грековъ и сирійскихъ арабовъ. Поэтому она не имѣетъ національнаго характера Братства, основанныя при приходахъ, по образцу галицко и угро-русскихъ уніатскихъ, не заключаютъ въ себѣ ничего не только народнаго, но даже и церковно-народнаго, не говоря уже о томъ, что они не объединены въ какую-либо болѣе крупную организацію, хотя бы и церковнаго характера». Со времени удаленія пр. Иннокентія (1867) и до назначенія нынѣ занимающаго каѳедру еп. Николая (1891) православная епархія находилась въ самомъ плачевномъ состояніи: тамъ происходила «безконечная борьба между епископскими любимцами фаворитами, злоупотребленіе епископскими слабостями, церковными суммами, натравливаніе епископовъ на русскихъ людей прогрессивнаго закала, заканчивавшееся иногда проклятіями, отмѣненными святѣйшимъ синодомъ, физическія насилія и даже покушенія на убійства». При такихъ условіяхъ православная миссія даже не замѣтила приближенія къ ея территоріальнымъ предѣламъ галицко-и угро-русской уніатской церкви. Между тѣмъ среди послѣдней возникло само собою движеніе въ пользу возсоединенія съ православіемъ. Началомъ этого движенія было возсоединеніе въ 1891 г. угро-русскаго населенія г. Миннеаполиса (въ штатѣ Миннесота), вызванное преслѣдованіемъ мѣстнаго уніатскаго священника о. Алексія Товта католическимъ епископомъ. Товтъ вступилъ въ сношенія съ епископомъ Николаемъ, и Маннеапольскій приходъ былъ присоединенъ къ Аляскинской епархіи. Послѣ этого въ теченіе пяти лѣтъ (1891—1895) возсоединено было еще шесть приходовъ; въ г. Вилькъс-Бэррѣ (Пенсильванія), Стритарѣ (Иллинойсъ), Питсбургѣ (Пенсильванія), Осцеалѣ (Огайо), Бруклинѣ (Нью-Іоркъ) и Бриджпартѣ (Нью-Іоркъ). Но эти возсоединенія «были достигнуты средствами и путями не вполнѣ церковными и не совсѣмъ добросовѣстными».

Кромѣ великорусскихъ поселенцевъ, на Аляскѣ есть довольно значительная малорусская община. Это—потомки запорожцевъ, переселившихся послѣ разоренія Сѣчи на Амуръ и оттуда на своихъ чайкахъ добравшіеся до Американскаго материка. До послѣдняго времени американское правительство считало ихъ индійцами и только въ семидесятыхъ годахъ священникъ Агапій Гончаренко добился признанія ихъ «русскими козаками». Гончаренко уроженецъ Кіева и воспитанникъ кіевской семинаріи, въ 1857 назначенъ іеродіакономъ въ русскую церковь въ Аѳинахъ, за сотрудничество въ «Колоколѣ» арестованъ, но бѣжалъ въ Лондонъ; въ 1862 рукоположенъ въ священники на Аѳонѣ (гдѣ устроилъ малорусскій скитъ пр. Иліи); въ 1864 переселился въ Америку, гдѣ организовалъ малорусскую общину, издавалъ газеты «Alaska Herold» и «Свобода», а теперь доживаетъ свой вѣкъ на своей фермѣ въ Калифорніи. Организованная имъ козацкая община представляется «самымъ значительнымъ средоточіемъ русскаго населенія на всемъ материкѣ Америки и заключаетъ приблизительно 20 т. человѣкъ» (№ 4).

Гл. IV Общее современное положеніе Руси въ С. Америкѣ. Въ этой главѣ подводятся итоги современнаго положенія американской Руси со стороны церковной, народной и экономической. Въ *церковномъ* отношеніи пре-

обладающую роль играетъ церковь уніатская: къ двумъ православнымъ приходамъ принадлежитъ 20 т. чел., большею частью инородцевъ (русскихъ всего 1 т.); къ 30 уніатскимъ приходамъ — около 200 т. чел. малорусскаго племени; т. обр. православная церковь въ Америкѣ имѣетъ характеръ космополитическій, а уніатская національный; но эта національная церковь не имѣетъ правильной организаціи. Въ *національномъ* отношеніи преобладаетъ племя малорусское. Русь «россійская» такъ немногочисленна, что о національномъ значеніи ея не можетъ быть рѣчи. Русь угорская слабо проявляетъ національное самосознаніе и легко поддается то мадьяризаціи, то своеобразному «аристократическому великоруссофильству». Галицкая Русь, наиболѣе многочисленная, въ наибольшей степени проявляетъ свое національное самосознаніе («Русскій Народный Союзъ») и стоитъ довольно высоко въ культурномъ отношеніи. Это сознаютъ и американцы, и въ то время какъ представители угорской руси «носятъ у американскаго общества презрительную кличку «hungarian» (гунгеріэнъ), члены «Русск. Нар. Союза» именуются среди того же общества именемъ «russian» (рошіанъ) и полнымъ симпатіи и уваженія. Въ *экономическомъ* отношеніи положеніе американской Руси все еще очень тяжело. Большинство работаетъ въ майнахъ (каменноуглеломнѣ) и только немногіе счастливцы переходятъ къ торговлѣ. Главная причина тяжелаго экономическаго положенія — отсутствіе экономической организаціи. (№ 5).

Воспоминаніе о С. А. Бершадскомъ А. В. Жиркевича. Очень тепло составленная поминка о покойномъ профессорѣ одного изъ его слушателей по военно юридической академіи. Къ статьѣ приложенъ портретъ (№ 5).

Памяти И. И. Малышевскаго св. Титова. Прочувствованный некрологъ покойнаго, составленный бывшимъ его слушателемъ, а нынѣ — преемникомъ по каѳедрѣ. Къ статьѣ приложенъ портретъ (№ 6).

Раздвоившаяся редакція «Москвитянина» Глинскаго. Между прочимъ, сообщаются свѣдѣнія объ участіи въ старой редакціи Максимовича, Бодянскаго, Квитки, Каразина, Иннокентія и объ отношеніяхъ Гоголя къ Погодину. (№ 4).

Герцогъ Ришельё и Одесская дума 1812 г. В. А. Тимирязева. (№ 5).

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» помѣщены отзывы о слѣд. книгахъ: 1) Маркграфскій Сборникъ статей по польскому вопросу. Вып. I. 2) Современное политическое положеніе Галиціи. 2) Тайны латино-польской пропаганды въ «Русскомъ Забужьѣ» Варшава 1896 (№ 4). 2) Бѣлозерская. «В. Т. Нарѣжный, историко-литературный очеркъ; 3) Лопухинъ «Изъ поѣздки въ Червоную Русь» и по ея окрестностямъ Путевыя впечатлѣнія во время проѣзда черезъ Галицію лѣтомъ 1895 (№ 6).

Въ отдѣлѣ «*Смѣсь*» — отчетъ о засѣданіи кіевскаго церковно-археологическаго общества (рефератъ г. Эртеля. «О стѣнописѣ въ великой церкви К.-П. Лавры») и «Некрологъ П. А. Кулиша».

Ланкастерское училище въ Кіевѣ (ок. 1820 г.). Записка Ивана Романовича Мартоса.

Любопытство, соединенное съ чувствомъ благоговѣнія, привело меня въ городъ Кіевъ, знаменитый своею древностію какъ въ духовномъ мірѣ, такъ и въ гражданскомъ. Я не стану описывать здѣшнихъ древностей, заключающихся въ церквахъ, въ монастыряхъ, въ мощахъ и въ прочихъ достопамятностяхъ, составляющихъ исключительно священную принадлежность Кіева. Для сего нужно имѣть досужество и отличныя дарованія, дабы въ достойныхъ чертахъ изобразить картину первобытныхъ временъ христіанства нашего, совокупно съ обожаемыми сподвижниками онаго; но признаюсь чистосердечно, что потребныхъ для таковаго произведенія качествъ у меня недостаетъ. Я коснусь перомъ моимъ нѣкотораго новаго предмета, обворожившаго меня при первомъ его обозрѣніи: это есть кіевское военно-сиротское отдѣленіе, или, лучше сказать, введенный въ оное *порядокъ взаимнаго ученія*, Ланкастеромъ изобрѣтенный, приспособленный весьма удачно нетокмо къ чтенію и письму, но и къ ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, катехизису и священной исторіи. Смотря на сей превосходнѣйшій способъ, въ нашъ вѣкъ юношеству доставленный, переходить скорыми шагами изъ тьмы во свѣтъ, открывающій великолѣпные виды къ дальнѣйшему просвѣщенію, нельзя несказать: вотъ наступили послѣднія времена невѣжества, которое стремглавъ падетъ въ бездну, какъ Луциферъ, со всѣми темными легіонами своими; а божественный Свѣтъ ума, коего всѣ желаютъ съ несытостію, взыдетъ на верхъ круга народныхъ смысловъ и будетъ озарять всѣхъ и вся, такъ удобно и легко, какъ озаряетъ вселенную благотворный свѣтъ солнца.

Пріятно было бы мнѣ служить читателямъ подробнымъ описаніемъ порядка сего въ самомъ его выполненіи, переходя отъ первой степени, въ которой начинается ученіе, до послѣдней, въ которой приготовляются избранные къ учительскимъ должностямъ; какія

важныя дѣйствія совершаютъ въ ономъ самыя простыя вещи, какъ-то: песокъ, свистокъ, прутикъ, колокольчикъ, походъ и хлопанье въ ладоши; но сверхъ того, что все сіе описано уже предварительно, частію въ прежнихъ листахъ русскаго инвалида, а частію въ особыхъ сочиненіяхъ, изданныхъ для распространенія порядка взаимнаго ученія,—человѣкъ, пріѣхавшій въ Кіевъ на короткое время для богомоленія, столько имѣетъ развлеченій, что долженъ довольствоваться однимъ поверхностнымъ обозрѣніемъ предметовъ, не углубляясь въ сокровенныя подробности оныхъ.

Съ перваго взгляду показывается, будто видишь предъ собою большое число машинъ, движущихся по звукамъ свистковъ, колокольчиковъ и прочаго, а не собраніе школьниковъ, приходящихъ въ учебный домъ для продолженія своихъ наукъ, числомъ до 1800 человѣкъ. Но когда по опытамъ я замѣтилъ, что лучшій ученикъ, примѣрно въ 11 лѣтъ, каковыхъ тамъ есть очень много, управляетъ другими, гораздо большій возрастъ имѣющими, тогда легко мнѣ было увѣриться, что сей образъ ученія, машинальнымъ кажущійся, никакъ нестѣсняетъ врожденныхъ дарованій; а вмѣсто того, чрезъ соревнованіе, награжденіемъ и постыдѣніемъ возбуждаемое, споспѣшествуетъ развитію оныхъ по всей возможности. Учащійся пользуется купно и наукою и движеніемъ, обращая вниманіе на разные предметы, кои взаимно помогаютъ ему вскрывать свои душевныя способности. Отличный ученикъ можетъ пройти въ нѣсколько мѣсяцовъ всѣ восемь классовъ, оставляя прочихъ на половинѣ пути своего, и сіи не въ состояніи препятствовать ему въ его преспѣяніи. Не безъ удовольствія можно видѣть въ этой школѣ нѣсколько человѣкъ служивыхъ, пожилыхъ уже лѣтъ, чертящихъ на пѣскѣ буквы на ряду съ прочими школьниками, по изъявленному ими желанія пріобрѣсти искусство читать и писать: они хотятъ оправдать собственнымъ опытомъ извѣстное мнѣніе, что никогда не поздно начинать хорошее дѣло, сколь скоро надобно приводить его въ дѣйствіе. Удобность, съ каковою мальчикъ, вступающій въ школу сію, начинаетъ пріучаться къ правильнымъ оборотамъ и прочимъ тѣлеснымъ движеніямъ, успѣвая въ оныхъ свободно, безъ принужденія, нечувствительнымъ образомъ, играючи, позволяетъ сказать, что едва-ли другая какая либо наука можетъ съ большею удачею приспособлять молодыхъ людей къ военному строю, какъ наука взаимнаго ученія. А поспѣшность, съ каковою здѣсь научаются читать, писать, считать и рисовать, также играючи, также безъ большихъ пожертвованій, представляетъ способъ взаимнаго ученія

самымъ выгоднымъ для преподаванія начальныхъ наукъ въ народныхъ школахъ, по казеннымъ и владѣльческимъ селеніямъ. Дѣйствительно теперъ наступило благопріятное время для благонамѣренныхъ помѣщиковъ, кои расположены доставить своимъ крестьянамъ образованіе, приличное состоянію землѣпахарей, бывъ удостовѣряемы ежедневными опытами, что съ образованнымъ селяниномъ несравненно спокойнѣе и выгоднѣе имѣть всякое хозяйственное дѣло, нежели съ неполучившимъ онаго. Кажется, медленной ходъ ученія, по селеніямъ нынѣ преподаваемаго приходскимъ причтомъ, съ одной стороны можетъ содѣлывать всякое расположеніе, къ образованію поселянъ относящееся, недѣйствительнымъ; а съ другой, допускаетъ признавать Ланкастеровъ порядокъ быстротекущимъ источникомъ народнаго просвѣщенія, которое весьма много требовало пожертвованій въ обширныхъ нашихъ провинціяхъ.

Обратимся къ виновникамъ сего новаго введенія. Ежели справедливо, что *порядокъ взаимнаго ученія*, принятой въ Россіи въ 1817 году, первоначально показался въ Кіевѣ, потомъ уже въ С:П:бургѣ и въ другихъ губерніяхъ, какъ русскій инвалидъ въ № 85-мъ увѣряетъ насъ, то сіе можно брать въ разсужденіе съ весьма выгодной стороны. Кому неизвѣстно, что христіанское ученіе, равномѣрно заимствованное изъ внѣ, также получило свое начало въ Кіевѣ при великомъ Владимірѣ, который разліялъ сей свѣтъ отъ береговъ Днѣпра до береговъ Волхова, нелишая спасительныхъ лучей онаго ни малыхъ, ни большихъ областей своея великія державы? Подобно тому въ наши дни разлилось обильными струями народное просвѣщеніе при Александрѣ, который далъ ему чрезвычайное превосходство противу прежняго, содѣлавъ его всеобщимъ для своихъ подданныхъ, неисключая ни рода, ни пола, ни состоянія, ни возраста. Самое введеніе Ланкастерова порядка никогда не могло бы быть допущено, ежели бы непослѣдовало на сіе высочайшаго соизволенія. И такъ, да будетъ успѣхъ народнаго просвѣщенія столь же счастливъ при Александрѣ, сколь счастливъ былъ успѣхъ христіанскаго просвѣщенія при Владимірѣ!

При таковыхъ желаніяхъ очевидцы достойную честь приписуютъ корпусному генералу Н. Н. Раевскому и начальнику генеральнаго штаба генералъ-маіору М. Ф. Орлову, яко главнымъ основателямъ здѣсь новыхъ правилъ взаимнаго ученія. Поводомъ къ тому служило, говорятъ, жалостное состояніе, въ какомъ нашли они сіе отдѣленіе по принятіи начальства, гдѣ солдатскія дѣти, въ наукахъ своихъ упражнявшіеся по нѣсколько лѣтъ, неумѣли ни читать, ни писать поря-

дочно. До чувствительности тронутый таковою оплошностію генералъ Раевскій, какъ человѣкъ, одушевляемый и въ мирныхъ упражненіяхъ по службѣ тою же любовію къ отечеству, каковою пламенѣлъ и въ сраженіяхъ противъ непріятеля, призналъ онъ удобнымъ случаемъ найденную неисправность обратить въ пользу учащихся такимъ образомъ, чтобы тотъ же часъ ввести въ употребленіе *порядокъ взаимнаю ученія*, вывезенный изъ Франціи. Наука сія съ начала заключалась въ однихъ рукописныхъ переводахъ, а послѣ того получены изъ корпуса генерала графа Воронцова новыя книги со всѣми таблицами, на руской языкъ переложенными и напечатанными въ крѣпости Мобежъ въ 1817 году. Недовольно сего: надобно было хлопотать о людяхъ, кои могли бы вмѣстить новыя впечатлѣнія, для преподаванія наукъ по новымъ правиламъ. Все сіе составляло чрезвычайную заботу для начальника генеральнаго штаба, наипаче при недостаткѣ способныхъ людей, въ которыхъ настояла необходимая надобность. Но какъ начинаніе добрыхъ дѣлъ никогда неостается безъ увѣнчанія хорошимъ успѣхомъ, то подобнымъ образомъ и генералъ-маіоръ Орловъ, послѣ многихъ пожертвованій своими трудами, своимъ просвѣщеніемъ и самымъ иждивеніемъ своимъ, достигъ наконецъ до той вожделѣнной цѣли, что возвелъ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе на желанную степень совершенства. Кто не повѣритъ, что безъ таковыхъ усилій новый порядокъ взаимнаго ученія могъ бы существовать здѣсь въ одномъ только умозрѣніи? Но кто-жъ и не порадуется, когда узнаетъ что по поводу сему кіевское военно-сиротское отдѣленіе выиграло найлучшее положеніе, составляя нынѣ въ Россіи, такъ сказать, матку взаимнаго ученія, сколь скоро взять во вниманіе нижеслѣдующія причины: 1-е, что правила сей науки здѣсь показались прежде, нежели въ другихъ нашихъ провинціяхъ, 2-е, что сюда присылаются изъ разныхъ казенныхъ мѣстъ ученики, для приготовленія ихъ къ новымъ таковымъ же заведеніямъ и 3-е, что здѣсь же приготовленные учители открыли уже классы по новому порядку взаимнаго ученія въ Москвѣ, въ Могилевѣ и въ Херсонѣ. Какъ пріятны должны быть таковыя разспространенія для трудившихся въ первомъ начинаніи!.. При семъ случаѣ слѣдуетъ отдать справедливость инженерному штабсъ-капитану Прасолову, надъ всѣми классами дирекцію имѣющему, который столько благопріятствуетъ посѣтителямъ въ наблюденіяхъ, что совершенно удовлетворяетъ ихъ любопытству; да и прочіе учители, кажется, преисполнены ревнованіемъ содѣйствовать благодѣтельному

намѣренію высшей власти, въ разсужденіи просвѣщенія своихъ учениковъ, яко будущей, несомнѣнной надежды отечества.

Надѣюсь подобные мнѣ посѣтители города Кіева, послѣ поклоненія святымъ мѣстамъ, увлекаемы будучи силою своего любопытства, придутъ въ здѣшнее военно-сиротское отдѣленіе, находящееся въ Печерской крѣпости, дабы видѣть въ самомъ дѣйствіи тотъ быстрый потокъ ученія, который въ оном разливается по новымъ правиламъ. Они могутъ видѣть его и заимствовать нужное. Но да не помыслятъ, чтобы я предложилъ изъясненіе сіе по какимъ либо личнымъ видамъ. Одно чувство признательности къ виновникамъ сей общеполезной новости, свойственное всякому сыну отечества, управляло слабымъ перомъ моимъ. Да съ умноженіемъ добрыхъ дѣлъ въ наши достопамятныя времена, пусть умножается въ нѣжныхъ сердцахъ и чувства живѣйшей благодарности къ тѣмъ отличнымъ особамъ, которые того достойны бываютъ.

Драматическое произведеніе XVIII-го вѣка, найденное въ рукописяхъ Смоленской духовной семинаріи.

Занимаясь составленіемъ систематическаго описанія небогатой коллекціи рукописей, принадлежащихъ фундаментальной библіотекѣ Смоленской духовной семинаріи, мы нашли въ двухъ изъ нихъ одно и тоже помѣщаемое ниже драматическое произведеніе XVIII-го столѣтія.

Произведеніе это озаглавлено лишь общимъ именемъ *Declamatio*, и въ одной рукописи, именно въ піитикѣ, преподанной въ Смоленской коллегіи въ 1752—53 учебномъ году (Structura artis poëticae, in duas classes, scilicet ligatam et solutam orationem, divisa, in almo Smoleno Wiszpowsciano Collegio generosae juventuti Roxolanae anno Supremi Regis regum 1752 in annum 1753 ad habitandum aedificata) [1]), помѣщено въ самомъ концѣ ея (л. л. 109—117), а въ другой,—тоже піитикѣ, носящей такое же названіе, какъ и первая, и тоже преподанной въ Смоленской коллегіи, только нѣсколько позже, въ 1754—55 учебномъ году [2]),—оно находится непосредственно послѣ текста піитическихъ правилъ de poësi tragica et comica (л. л. 67—75 на обор.). Declamatio состоитъ изъ пролога, пяти небольшихъ частей (дѣйствій) [3]) и эпилога.

Прологъ заключаетъ въ себѣ обращеніе къ слушателямъ съ просьбою ихъ вниманія, и указываетъ общій сюжетъ пьесы, говорящей о *цѣломудріи*, *чистотѣ*, попираемой нечистотою; объ удивительно широкомъ *господствѣ пьянства* и о происходящемъ отсюда *киченіи Бахусова пьянства*.

---

[1]) По каталогу семинарской библіотеки, составленному въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, она числится подъ значкомъ Б. 867. О. 2.

[2]) По тому же каталогу, подъ значкомъ В. 868.

[3]) Въ самой Declamatio нѣтъ дѣленія на дѣйствія, и ихъ можно, пожалуй, признать менѣе пяти, до двухъ всего.

Первую часть составляетъ продолжительный монологъ *Цѣломудрія*, въ которомъ оно изливаетъ свою печаль и свое горе, причиняемыя ему гордостью.

Во *второй* части на сцену выходитъ *Чистота* и тоже изливаетъ свое горе, дѣлясь имъ съ Цѣломудріемъ. Она сѣтуетъ о тѣхъ, которые готовятъ себѣ участь, подобную Содомлянамъ...

Въ *третьей* части лице *Отрады*, являющееся на сценѣ въ сопровожденіи увѣнчанныхъ ангеловъ, утѣшаетъ Цѣломудріе и Чистоту въ ихъ скорбяхъ, говоря, что Всевидящій и Вездѣсущій зритъ ихъ дѣла и вновь возвратитъ имъ ихъ прежнюю славу, а попирающихъ ихъ осудитъ на вѣчную муку.

Въ *четвертой* части на сценѣ *старикъ* удивляется временной и вѣчной гибели пьяницъ. Онъ развертываетъ картину широкаго пьянства.

Какъ бы къ большему огорченію старика, въ *пятой* части на сцену выступаетъ Бахусъ, торжествуя и хвалясь, что онъ владычествуетъ надъ всѣмъ міромъ, а присутствующіе здѣсь представители Азіи, Африки, Америки и Европы изъявляютъ предъ нимъ свое полное рабство. Бахусъ, польщенный такимъ всесвѣтнымъ преклоненіемъ предъ нимъ, съ паѳосомъ перечисляетъ свои услуги человѣчеству, и особенно распространяется о своемъ превеликомъ праздникѣ-маслинѣ, во время которой его наиболѣе почитаютъ и величаютъ многіе изъ его подданныхъ.

Эпилогъ составляетъ просьба къ слушателямъ простить недостатки исполнителей пьесы.

Изъ представленнаго краткаго содержанія видно, что основная мысль этого произведенія—несомнѣнность будущаго всеобщаго суда и воздаянія, выставляемая въ противовѣсъ какъ теоретическому, такъ и практическому отрицанію ея.

Мысль эта была излюбленной темой нашихъ, собственно южнорусскихъ, драматическихъ произведеній XVII и XVIII в. в., особенно выдвигаясь въ нихъ въ XVIII столѣтіи, въ виду поверхностнаго отраженія у насъ западно-европейскаго деизма и атеизма, и въ виду того практическаго невѣрія и распущенности нравовъ, какія были его слѣдствіемъ. Такъ «трагедокомедія о тщетѣ міра сего, составленная (около 1741—2 г.) Варлаамомъ Лящевскимъ и репрезентованная въ академіи Кіевской», или «о награжденіи въ семъ свѣтѣ пріисканныхъ дѣлъ мзды въ будущей жизни вѣчной», съ одной стороны, старается доказать личное безсмертіе человѣка и отвѣтственность его въ за-

гробной жизни, съ другой—обличить распущенность современныхъ нравовъ и сдержать ее угрозами наказаній въ загробной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поощрить праведниковъ въ ихъ бѣдствіяхъ[1]). Тоже цѣль имѣетъ и весьма распространенная въ спискахъ пьеса Георгія Конисскаго, подъ заглавіемъ—«Воскресеніе мертвыхъ, обще убо всѣмъ будущее, но страждущимъ всѣмъ неповинно въ вѣцѣ сѣмъ блаженно, а обидящимъ гибельно, въ пяти дѣйствіяхъ въ пользу чающихъ онаго показанное Георгіемъ Конѣцкимъ 1746 года»[2]). Обѣ эти пьесы въ исторіи южно-русской искусственной (драматической) литературы XVIII вѣка имѣютъ то особенное значеніе, что въ нихъ кіевская драма, при вѣрности своему духовно-религіозному, мистеріальному направленію, обнаружила довольно сильное стремленіе сблизиться съ народною жизнью[3]).

Въ непосредственную связь съ ними должна быть поставлена и найденная нами Declamatio, сюжетъ и драматическіе пріемы которой тѣ-же, что и въ нихъ. Мало того, Declamatio стоитъ даже въ прямой зависимости отъ нихъ, являясь иногда буквальнымъ повтореніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ пьесы Конисскаго (напр., кантъ Declamatio буквально сходенъ съ кантомъ послѣ второго дѣйствія въ трагедокомедіи Конисскаго; жалоба Цѣломудрія въ нашей пьесѣ на лихоимство суда есть повтореніе 11-ти строкъ рѣчи Діолита во 2 явленіи 2-го дѣйствія у Конисскаго и наконецъ Лице Отрады въ нашей пьесѣ и въ пьесѣ Каниссаго одинаково, въ 12 строкахъ, объясняетъ причину нескораго воздаянія грѣшникамъ и праведникамъ[4]).

Такая зависимость не умаляетъ значенія найденной нами пьесы; напротивъ, она дѣлаетъ ее памятникомъ непосредственнаго продолженія и развитія драматическихъ традицій, какимъ слѣдовала южно-русская драма въ лицѣ Лящевскаго и Конисскаго, и, такимъ образомъ, ставитъ ее въ исторіи южно-русской драмы звѣномъ, соединяющимъ собою драматическую дѣятельность Лящевскаго и Конисскаго съ послѣдующею,—и тѣмъ болѣе дорогимъ звѣномъ, что авторомъ

---

[1]) Свѣдѣнія о ней см. въ „Украинской Старинѣ“ Гр. Данилевскаго, Харьковъ, 1866 г., стр. 96.

[2]) Издана проф. Тихонравовымъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы“, т. III, отд. II, с. 39—58.

[3]) Н. И. Петровъ. Очерки изъ украинской литературы XVIII в. Кіевъ, 1880, стр. 27, 92, 98, 113 и др.

[4]) См. въ „Лѣтоп. русской литер.“, стр. 43: 46—47; 55—58.

нашей Declamatio былъ Мануилъ Базилевичъ [1]), питомецъ Кіевской академіи, ученикъ Лящевскаго и Конисскаго [2]), написавшій ее, будучи профессоромъ піитики въ Смоленской коллеліи, для исполненія ея воспитанниками на сценѣ домашняго коллегіатскаго театра въ дни сырной недѣли, или предъ ея наступленіемъ (что видно изъ самой пьесы).

Declamatio.

Prologus.

Слышателеи, васъ трудить любомудрихъ смѣемъ,
О предложенныхъ вещахъ обявить имѣемъ.
А обявить хощемъ не о чесомъ иномъ,
Но о добродѣтели, кая господиномъ
Есть великимъ всякому всегда человѣку,
Еяже кто держится до своего вѣку,—
Цѣломудріе, еже всѣхъ уразумляетъ,
Сіесть здраваго ума егда кто бываетъ,
Кнейже и чыстота прысовокупленна,
Отъ нечыстоти суще весма обижденна,
И о удивленіи великаго пьянства
Такожъ о киченіи Бахусова панства.
Ваше любомудрствіе, о чемъ утруждаемъ,
О семъ быть внимательнымъ покорно вмоляемъ.
(Выходятъ ангели и поютъ канты) [3]).

Цѣломудріе

обижденное отъ гордости внутрной печалится и ускаржается.

Ахъ, горе мнѣ днесъ бѣдной! весма унываю!
Горе жъ, яко боліе уже жыть не чаю!

---

[1]) Піитика 1752—3 г. не указываетъ его имени, а называетъ его піитика 1754—5 г.

[2]) По всей вѣроятности, Базилевичъ вмѣстѣ съ другими былъ присланъ изъ Кіева въ Смоленскъ, по просьбѣ Смоленскаго епископа Гедеона Вишневскаго, въ 1750 г. (См. Акты Кіево-Братскаго училищнаго монастыря и академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. I, д. № 36.

[3])См. ниже.

Ахъ, горе, какъ въ несносной зостаю печали,
Ибо жалъ серце мое пронзаетъ немалый,
Пронзаетъ убо, аки острою стрѣлою,—
Ахъ! недоумѣваю, что чынитъ съ собою?—
Стрѣлою жъ полною смертоносна яда,
Которы истѣкаетъ з пекелнаго ада.
Что се мнѣ: въ очахъ призракъ? и что за измѣна?
Откуду мнѣ ключися сіа перемѣна?
Не цѣломудралъ была, ничимъ оскверненна?
Нынижъ, аки изгребіе есмь уничтоженна...
Цѣла и непорочна, ничимъ невредима
Была, но, аки слонца липота всезрима
Свѣтла же и прекрасна отъ Бога созданна;
Но днесъ пребываю, якъ скверна тынъ попранна:
Всякихъ скверныхъ мерзостей полна есмъ отвсюду,
Не точію же отвнѣ, но и сквозъ внутръ уду.
Не была лъ въ свѣтоносцѣ, иже близъ чертога
Первымъ бяше отъ Аггелъ Создателя-Бога,
Лики превозхождаше вся во оной славѣ,
Юже по превосходству имѣяше явѣ,
Слава же ему бяше,-слава бысть толика,
Какъ бы хоромъ Аггелскимъ всѣмъ бяше владика.
Коей жъ ему болшъ славы искать было треби,
Какъ имѣти жылище въ Херувимскомъ неби?
Но покусися еще болшой искать славы:
Хотѣлъ имѣтъ первенство Божіей державы.
Аки бы не трезвеннымъ умомъ пребываше,
Что недостойно ему, всегда то желаше.
Возимѣ себѣ злую толъ гордостъ премногу—
Рещы не устыдыся: равенъ буду Богу,
Сожизду престолъ горѣ и сяду въ чертозѣ,
И вся мнѣ власты будутъ корытысъ подъ нозѣ.
Ахъ, се ли не обида Творцу сущей твары
Равнятыся? отъ него жъ имѣлъ тои дары,
Ими же недоволенъ, возвысися горѣ,
Посрамленъ же погряже въ пренсподнимъ морѣ,
И со всѣмъ хоромъ своимъ, тоежде мыслящымъ,
Въ равенствѣ жизнъ з господемъ имѣти хотящымъ,
Аки молнія с небесъ и дымъ исчезоша,

Въ глубину неисходну адскую пріидоша;
За кую гордость будутъ в вѣкъ тамъ пребывати,
По своей отдалившесъ воли благодати.
Ахъ, горе мнѣ! не была лъ въ первомъ человѣцѣ,
Иже бысть владикою поставленъ въ семъ вѣцѣ
Надъ всякимъ жывотнымъ, на земли жывущимъ,
Надъ звѣрми различными и гадомъ ползущымъ?
Въ его же власти были не точію скоты,
Но которіе бяху и вящшей доброты
Высоко парящые небесные птыцы,
Различнаго естества бываютъ колицы.
Бысть же райскому жителъ прекрасному саду,
Въ немъ же имѣлъ паче всѣхъ веливу отраду,
Тамо пребывающе въ веселіи многомъ,
Поставленъ надъ всѣмъ свѣтомъ баше земнымъ богомъ.
Но мя, цѣломудріе, оный отрывувый
Обрытеся ко гниву Бога воздвигнувый,
Зане прелстися онымъ врагомъ гордоливымъ,
Иже предъ создателемъ явися строптивымъ,
Покусися отъ древа краснаго вкусити,
З зависты болшу хотяй славу улучити.
Ахъ, горе! не разсудивсъ и сей такъ съ собою,
Чтобы неявитися гордости злобою!
Не былъ ли Богомъ даннымъ разумомъ доводный,
Весма всѣхъ былъ мудростей и художествъ полный?
Довлѣло ему было знать, что есть преблаго,
А не высокоумить, довѣдуясъ злаго.
Зналъ, что тварь, а ни Творецъ, ни Господъ небесный;
А къ сему его привелъ все хитры змій лестный,
Яко ни мало умомъ размышлялъ благое,
Но пребысть не отмѣненъ знать добро и злы;
Тымже самымъ предъ Богомъ гордостенъ явися,
За что всея радости райскія лишыся.
Ахъ, горе мнѣ, ахъ бѣда! стражду нестерпима,
Что мене обиждаетъ гордостъ возносима,
Аки уже не имамъ гдѣ бы обитати,
Почти не вси начали мене оставляти!
Не родъ ли Божи баше Израилъ реченны,
Но безъ цѣломудріа и сей ослипленъ

Явисъ. Вснидъ пресладчайшу имѣяше манну,
Пречудеснымъ образомъ съ небесе поданну,
Чрезъ море не мокренно преидоша по суху,
Чуднѣе летающихъ отъ птицъ по воздуху;
И не отъ каменя ли жыву воду пиша,
И во всякомъ доволствѣ насыщенны быша?
Но не благодарніи явилисъ и сими,
Господеви своему рабы неключимы,
Уклонившеся въ гордостъ, идолы почтыли;
Какъ бы не чувствовали Божественной силы,
Телца единодушна почтили за Бога,
Иже бысть изліянни отъ злата премнога;
И Богу сотворенны за вражды такія
Отъ зміевъ себѣ, смерти достигнуля злыя.
Ахъ, какъ не горе! суще родъ Божій реченный,
А нынѣ обывателъ бываетъ геенны!
Ахъ, горе мнѣ! никогда утѣшна пребуду,
Не имамъ бо радости никакой отвсюду,
Зане суть человѣцы еще въ то злой воли:
Боговъ мертвыхъ множайшыхъ чтутъ чуждыхъ дотоли;
Отъ гордости вражіей имуть то на мнозѣ,
Яко вовся нерадить о праведномъ Бозѣ!
Не толкожъ сіи правди Господа незнаютъ,
Но и хрыстіяне суще не такъ почытаютъ,
Какъ требѣ; о прочіихъ зказати естъ диво:
Въ православіи суще держатъ вѣру криво:
Называютъ рускую вѣру весма просту,
Что накладено много правилъ, пѣній, посту.
Правда, хочаи предано во оной естъ много,
Но въ душевную ползу поданы суть Богомъ;
А въ рымской-литанія естъ едина толко,
Да еще прыдается и пацѣръ [1]) посколко?
Спрежджъ сего не было: бысть вѣра едина
Съ нами; но ихъ отвела самая гордина
Отторгнутисъ восточной отъ церквѣ Христовой,
И бытъ въ своей ересной злоби неистовой.
Горе жъ мнѣ и отъ своихъ, иже, окруженны

[1]) По рукописи второй: „патеръ“.

Многою гордистію, суть ума лишенны!..
Не отрынувше лъ мене, панство потерали
Греки, что церкви Божой на прагъ вдезжали:
Гдѣ-бъ со страхомъ и ужасомъ должно ириступати,
Но гордостно не якъ въ храмъ, но якъ до простой хати?
И прочіи такожде, егда мя забыша,
Многимъ сребролюбіемъ умомъ заблудище,
Денно нощно думаютъ паче о маммонѣ,
Нежели авраамли почити на лонѣ,
Ибо хочай бѣднаго вовся разорити,
Что злюбилосъ въ оного, толко бы добыти;
И аще бѣдный станетъ за свою обиду,
Но никоего правды неизыщетъ виду,
Зане гордъ богачъ речетъ: вѣмъ, что съ тѣмъ творити,
Кого аще съ житіемъ хощу разорити,
Ибо на пріятелей надежду имѣю;
Со мною спорящаго вовся одолѣю;
И не толко что много пріятелей маю,
Но въ канторѣ судебной и самъ засидаю:
Начнетъ на мя битъ челомъ, буду отрѣшенный;
Будутъ же судить мои единомышленныи,
Не могутъ ли здѣлати ему волокиты,
Не знаютъ ли правъ къ моей части накрутити?
А буди станетъ на мя аппелловать вышше,
И въ вышнемъ судѣ имамъ патроновъ излишше;
Пущай кто толко схощетъ правду защытати,
Денгою доволною могу доказати,
Ослѣплю очы дарми, руцѣ плѣню мздою,
Хотя бъ онъ былъ праведенъ; потягнетъ за мною.
Ахъ, горе! на маммону свою уповаютъ,
А судію истынны Бога отвергаютъ!
Развѣ сіи нечаютъ на судъ страшны стати,
И не чувствуютъ въ себѣ Божей благодати,
Что з гордости ближняго имутъ за ничтоже?
Ихъ же исправи сердца, Ты, едины Боже!

Чистота,

обижденна отъ внѣшной нечистоты, ускаржается цѣломудрію.

Кая здѣ ти, о сестро, вина предстояти
И такъ веліимъ гласомъ горцѣ восклицати?

(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):

Ахъ, какъ не восклицати и не вопить: горе!
Окружаютъ мя врази, какъ всю землю море!..
Была Цѣломудріе отъ Бога избранна,
Нынѣ же, аки мерзостъ кая, есмъ попранна!

(Чистота):

Ахъ, бѣду терпящую тебе созерцая,
Скажу тебѣ и о мнѣ, пребываю кая:
Во всѣхъ внутрностехъ моихъ акибы согнила,
Противъ мя воюющимъ изчезаетъ сила,
Отвергли бо мя мнози, живутъ не въ законѣ,
Еже и всѣмъ явствуетъ въ самомъ Соломонѣ,
Кой премудростъ отринувъ, весма омылися,
Женъ многихъ едною лестію плѣнися;
Пачежъ сего явилисъ мерски содомляне,
Въ нечистотѣ премерской съ ними жъ гоморяне,
Иже волю въ похоти плотской исполняли,
За что сквозь землю въ Адско ежеро упали.
И мнози не избигнутъ тосяжде части,
Неудаляющеся отъ такоя сласти,
Мысляще, что безъ сего не мощно пребити,
Всимъ людемъ по естеству никако прожити!
По мысли исполняется не въ бози жывущымъ,
Праздно житіе свое повсегда ведущымъ,
А паче, иже пьянствомъ всегда окруженны,
Тою нечыстою сіи сутъ плѣнены.
Ахъ, ахъ! не по разуму таковыи ходятъ,
Но по злой своей воли, яко хотятъ, бродятъ!
Ахъ, горе, что не толко себѣ позволяютъ,
Но и многихъ невинныхъ на сіе прелщаютъ;
Поучаютъ за млада какъ чашу испити,
Какъ бы къ оному злому дѣлу пріучити!

Довлѣло бъ врага плоти на мя повставати,—
Но еще имъ естъ къ сему злое пьянство мати,
Еже на безстудіе оныхъ поощраетъ,
Забытъ себе и Бога разумъ помрачаетъ.
Толко какъ угодити плоти своей тщатся,
А о вѣчности потщытысь и думать гордятся!
Се зрыши, о другине, и мя какъ велика
Скорбь всюду окружаетъ, и тебе колика!
Обаче намъ о всѣхъ сихъ не инна надежда,
Токмо милосердіе Божіе одежда.
(Цѣломудріе глаголетъ):
И откуду надежда намъ бут(д)етъ премногa,
Яко отъ Создателя милостива Бога.

Л и ц е

отрады утѣшаетъ цѣломудренно и чысто жывущихъ яко не временну, но вѣчну радость, а высоко умствующіи и не чысто жывущіи пагубу улучать.

(И ангели выходятъ съ вѣнцами).
Почто здѣ стенаете и такъ скорбеливы?
Не бойтесь: увеселитъ Богъ васъ сотворивый!
(Цѣломудріе отвѣтствуетъ):
Ахъ, како намъ всячески не треба стенати,
Яко отвсюду есмы, аки тынъ, попрати!
(Лице отрады):
Не бойтесь, глаголю, ни будте ужасны,
Якъ создалъ Богъ васъ чыстыхъ, вспять будете красны;
Обоихъ бо зритъ дѣла окомъ не дремлющымъ
И гласъ вашъ слышытъ слуг(к)омъ вездѣ Богъ присущій.
Но что просите, вскорѣ не имать вамъ дати;
Дастъ конечно, но требѣ мало почекати:
Праведно опредѣлилъ злымъ воздати злая,
Обаче, аки отецъ чадомъ не желая
Гибели, долготерпитъ даже до кончины,
А ось престанетъ грѣшникъ отъ своихъ безчынній;